Г. ГАРРИСОН

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

14/2

Гарри Гаррисон

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Книги
пятая, шестая, седьмая

Перевод с английского

«ЭЯ»
Кишинев
1993

Г21

Составитель *В. П. КИРЧЕВ*

Гаррисон Гарри
Г21 Крыса из нержавеющей стали. Зарубежная фантастика. [Сб. фант. произведений: Пер. с англ.]/Сост. В.П. Кирчев; Худож. М. Михалев. — К.: «ЭЯ», 1993. — 512 с. (Сер. «Зарубежная фантастика», вып. 14/2).
ISBN 5—86892—148—8

В новую книгу вошли еще три повести известного американского фантаста Гарри Гаррисона о подвигах Джима ди Гриза, прозванного Скользким. Запросто перемещаясь во времени и пространстве, он наводит порядок в разных галактиках и тысячелетиях. Джим улетает в далекое прошлое, чтобы отыскать там пиратов, которые пытаются разрушить будущее. Он спасает человечество от нашествия мыслящих слизняков. И все это делает легко, остроумно, сочетая веселый авантюризм с благородством, которое изначально присуще его натуре.

ISBN 5 — 86892 — 148 — 8

© Издательство «ЭЯ», 1993.
© Оформл. М. Михалев, 1993

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ СПАСАЕТ МИР

— Джеймс Боливар ди Гриз, вы мошенник,— сказал Инскипп. Из его глотки вылетали какие-то животные звуки, он злобно тряс передо мной пачку бумаг. Дело происходило в его кабинете, где я стоял, прислонившись к стеллажам — картина оскорбленной невинности.

— Я не виновен. Все это холодная, расчетливая ложь,— хныкал я. Прямо за мной находилось отделение для сигар, и я одной спиной, без помощи рук нащупывал его замок — на такие штуки я мастер.

— Мошенничество, обман, одно хуже другого — докладные на вас все еще поступают. Вы обманываете свою собственную организацию, наш Специальный Корпус, своих товарищей!..

— Да нет же!— вскричал я, а сам в это время быстренько вскрывал замок.

— Недаром вас прозвали Скользким Джимом!

— Так это же просто детское прозвище! Когда в детстве меня мама купала, я показался ей очень скользким.

В этот момент сигарный ящик открылся, и я втянул носом великолепнейший аромат.

— Да знаете ли вы, сколько вы наворовали?— Лицо его налилось кровью, глаза выпучились. Все это выглядело очень несимпатично.

— Я? Украл? Да я лучше умру!— трогательно провозгласил я, незаметно вытаскивая при этом из ящика пригоршню дьявольски дорогих сигар, предназначенных для Очень Важных Персон. Уж лучше я их выкурю сам — так будет правильнее. Нужно признать, что я уделял го-

раздо больше внимания краже курева, чем нудным упрекам Инскиппа, так что не сразу заметил перемену в его голосе. Вдруг я осознал, что едва слышу его слова. Он даже не шептал — было такое впечатление, будто у него в горле вырубили регулятор громкости.

— Говорите громче, Инскипп,— твердо сказал я.— Или вам стало стыдно за свой поклеп?

Я отошел от шкафа и повернулся к Инскиппу боком, чтобы он ненароком не увидел, как я засовываю в карман кучу редкостных сигар, каждая из которых стоит не меньше сотни кредиток. Он продолжал невнятно бормотать, не обращая на меня внимания и беззвучно тряс бумагами.

— Вы что, нездоровы?

Голос был у меня слегка озабочен, потому что теперь Инскипп выглядел совсем уж худо. Даже когда я переменил место, он не повернул головы и, беззвучно шевеля губами, продолжал смотреть туда, где я стоял раньше. Он был очень бледен. Я зажмурился и вновь посмотрел на него.

А сейчас он уже не был бледным. Он стал прозрачным. Сквозь его голову отчетливо виднелась спинка стула.

— Прекратите!— завопил я, но он, видимо, не услышал.— Что это за штучки? Объемная проекция, чтобы меня одурачить? Не трудитесь! Скользкий Джим не из тех, кого можно надуть, ха-ха!

Быстро пройдя через комнату, я протянул руку и ткнул указательным пальцем ему в лоб. Преодолев слабое сопротивление, палец вошел внутрь, а Инскипп как будто и не заметил этого. Вот когда я отвел руку, раздался слабый хлопок, и Инскипп исчез начисто. Осталась только пачка бумаг, а так как ее никто не держал, она упала на стол.

— Брррrм!— пробормотал я нечто невразумительное. Потом нагнулся и стал искать под стулом скрытый проектор, но в этот момент раздался противный треск, и дверь кабинета слетела с петель.

Ну, в таких-то делах я разбираюсь. Еще стоя на четвереньках, я быстро перевернулся и как раз успел встре-

тить первого вошедшего. Ребро моей ладони врезалось ему в горло, закрытое противогазной маской. Человек хрюкнул и упал. Но вслед за ним ворвалось еще много народу, все в таких же масках и белых халатах, с маленькими черными ранцами за спиной. Одни были без оружия, другие — с импровизированными дубинками. Все это выглядело весьма необычно. Превосходящие силы оттеснили меня в глубь комнаты, однако я успел влепить одному в подбородок, а от второго отделался ударом «поддых». Затем я прижался спиной к стене, а они набросились на меня всем скопом. Я врезал кому-то по загривку, он упал... и растаял, не успев долететь до пола.

Вот это интересно... Число людей в комнате начало быстро уменьшаться, когда некоторые из тех, кого я свалил, стали пропадать. Это было очень здорово и помогло бы уравнять шансы, если бы прямо из воздуха не возникали все новые и новые люди. Я попытался прорваться к двери, однако этот номер не прошел, а потом на мою голову обрушилась дубина и вышибла из нее остатки соображения.

После этого все стало похоже на драку под водой. Я повалил еще нескольких, но делал это уже без души. Меня схватили за руки и потащили из комнаты. Я немного подергался и славно отругал их на полудюжине наречий, но все, конечно, без толку. Меня поволокли из комнаты и дальше по коридору в ожидавший лифт. Кто-то поднял газовый баллон, и, как я ни старался отвернуться, струя газа попала мне прямо в лицо.

Никакого действия я не почувствовал, зато разозлился еще больше, стал лягаться, щелкать зубами и вовсю ругаться. Люди в масках что-то мямлили — ругались, должно быть,— и это совсем уж взбесило меня. К тому времени, когда мы добрались до места назначения, я был готов убивать, что в обычном состоянии для меня довольно необычно, и убивал бы, не будь накрепко привязан к какому-то хитрому электрическому стулу с электродами, прикрепленными к запястьям и лодыжкам.

— Хоть расскажите потом, собаки, что Джим ди Гриз умер как мужчина!— с пеной у рта проорал я. На голову

мне опустили металлический шлем, но перед тем, как он закрыл мне лицо, я ухитрился выкрикнуть: — В задницу ваш Специальный Корпус! В задницу вашу...

Опустилась темнота, и я понял, что дожил до разрушения сознания, а может, и до электрического стула.

Но ничего не произошло. Шлем снова поднялся, и один из нападавших пустил мне в лицо новую струю газа. Я почувствовал, что моя злоба исчезает так же быстро, как и возникла. Тут я маленько поудивлялся и увидел, что мне освобождают руки и ноги. И еще: в это время большинство присутствующих уже сняло маски, и я узнал техников и ученых Корпуса, которые обычно околачивались в этой лаборатории.

— Скажите кто-нибудь, какого черта все это затеяно?

— Дайте мне сначала закончить,— сказал один из присутствующих, седовласый мужчина с кривыми зубами, похожими на старые пожелтевшие надгробные камни, зажатые между губами. Он повесил мне на плечи один из черных ранцев и вытянул из него кусок провода. На его конце был небольшой диск; человек коснулся им моего затылка, и провод прилип.

— Ведь вы — профессор Койпу, верно?

— Да.— Зубы задвигались вверх и вниз, как клавиши пианино.

— Скажите, пожалуйста, уместно ли мне просить объяснений?

— Конечно. В данных обстоятельствах это вполне естественно.

— Так что же?

— Ужасно неприятно, что нам пришлось обойтись с вами так грубо. Это был единственный выход — захватить вас врасплох. Захватить врасплох и как следует разозлить. В ярости рассудок существует только для самого себя и может сам себя поддерживать. Если бы мы попытались вас уговорить, объяснить, что к чему, то провалили бы все дело. Пришлось просто напасть. Дали вам «газ ярости» и сами им надышались. Что делать!.. Черт возьми, пришла

очередь Магистера!.. Это чувствуется все сильнее даже здесь.

Один из белохалатников вдруг задрожал, сделался прозрачным и исчез.

— С Инскиппом вышла такая же история,— заметил я.

— Конечно, с ним — в первую очередь.

— Почему?— спросил я, тепло улыбнувшись и решив, что это, пожалуй, самый идиотский разговор в моей жизни.

— Они борются против Корпуса. Начинают с руководителей.

— Кто?

— Не знаю.

Я услышал, как заскрипели мои зубы, но внешнее спокойствие я ухитрился сохранить.

— Будьте добры объяснить более подробно или найдите кого-нибудь, кто расскажет эту историю лучше, чем вы.

— Виноват. Прошу прощения.

Он промокнул бусинки пота, выступившие на лбу, и алым кончиком языка облизал сухие концы зубов.

— Видите ли, все это началось слишком быстро. Экстренные меры и все такое. Можете называть это темпоральной войной. Кто-то где-то пытается изменить время. Естественно, они должны выбрать своим первым объектом Специальный Корпус, какие бы другие планы они кроме этого ни вынашивали. Так как наш Корпус является самой эффективной и широко разветвленной наднациональной и межпланетной организацией по охране законности за всю историю галактики, то мы, естественно, становимся главным препятствием на их пути. Рано или поздно любой обширный план по изменению времени должен наткнуться на противодействие Специального Корпуса. Вот они и решили расправиться с нами как можно раньше. Если они смогут устранить Инскиппа и других руководителей, вероятность существования Специального Корпуса сильно понизится, и нас всех сдует, как только что сдуло бедного Магистера.

Я быстро моргнул.

— Не могли бы мы выпить чего-нибудь? Мне нужно прочистить мозги.

— Отличная идея. Пожалуй, я и сам выпью.

Диспенсер выдал ему по его выбору какую-то тошнотворную зеленую жидкость, я же заказал изрядную порцию «Пота Сириусской Пантеры» и выпил ее почти одним глотком. Это чудовищное зелье дает такое потрясающее похмелье, что торговля им запрещена в большинстве цивилизованных миров. Однако мне эта штука пошла на пользу. Я прикончил стакан, и из хитросплетений моего подсознания неожиданно выскочило одно воспоминание.

— Остановите, если что не так: кажется, я слышал однажды вашу лекцию о невозможности путешествия во времени.

— Да. Темпоральные исследования — моя специальность. Можете считать то выступление дымовой завесой. Мы освоили путешествия во времени уже много лет назад, но использовать боялись. Изменение темпоральных линий и тому подобное. Именно то, что творится сейчас... Но мы ввели обширную программу изысканий и расследований во времени. Именно благодаря этому, когда все началось, мы смогли понять, что происходит. Тревога была такая неожиданная, что у нас не было времени предупредить кого бы то ни было, хотя, по правде сказать, предупреждения тут и не помогают. Мы выполнили свой долг. Ведь только мы могли что-то предпринять. Сначала соорудили вокруг этой лаборатории фиксатор времени, потом сделали портативные модели, такие, как та, что вы сейчас носите.

— А как она работает?— спросил я, с большим уважением дотрагиваясь до металлического диска у себя на затылке.

— В ней хранится копия вашей памяти, которая записывается обратно в мозг каждые три миллисекунды. Она, таким образом, напоминает вам, кто вы такой, и исправляет все изменения личности, которые могли появиться от искажения темпоральных линий в прошлом. Чисто защитный механизм, но это все, что мы пока можем.

Уголком глаза я заметил, что еще один человек исчез. Голос профессора посуровел.

— Мы должны атаковать, если хотим сохранить Корпус.

— Атаковать? Сейчас?

— Нужно послать кого-нибудь в прошлое, чтобы разоблачить силы, начавшие темпоральную войну, и уничтожить их, пока они сами не расправились с нами. Необходимое оборудование у нас есть.

— Считайте меня добровольцем. Работенка как раз для меня.

— Оттуда нельзя будет вернуться. Это задание — без возврата.

— Тогда я отказываюсь. Мне и здесь хорошо.

Внезапно я весь сжался от воспоминания, восстановленного, без сомнения, всего три миллисекунды назад, и приступ страха начал качать мне в кровь всякие интересные химикалии.

— Ангелина! Моя Ангелина! Мне нужно с ней поговорить!

— Она же не единственная!

— Для меня — единственная, профессор! Отойдите в сторону, а не то я пройду через вас.

Он отступил, нахмурившись, что-то бормоча и постукивая себя по зубам кончиками ногтей, а я торопливо набрал номер на визифоне. Экран дважды звякнул и следующие несколько секунд, пока она не ответила, тянулись для меня бесконечно долго.

— Ты здесь!— выдохнул я.

— А где же мне еще быть?

По ее ясному лицу пробежала тень, и она втянула в себя воздух, как будто хотела через экран уловить запах алкоголя.

— Ты опять пил, да еще спозаранку.

— Только капельку. И звоню я тебе совсем не из-за этого. Как у тебя дела? Ты выглядишь просто отлично, совсем не прозрачная...

— Капельку? Больше похоже на целую бутыль!— голос ее заледенел, и она вновь стала похожа на прежнюю,

непередсланную Ангелину — самую ловкую и бесжалостную мошенницу во всей Галактике, какой она была до тех пор, пока врачи Корпуса не вправили в ее мозги какие-то извилины.— Вешай-ка трубку, прими пилюлю и позвони снова, когда протрезвишься.— Она потянулась к кнопке отбоя.

— Не-е-ет! Я совершенно трезв и жалею об этом. Это тревога 3-А, высший приоритет. Моментально двигай сюда и привози близнецов.

— Идет.— Она молниеносно вскочила на ноги, готовая бежать.— А где ты?

— Координаты этой лаборатории, быстро!— рявкнул я, поворачиваясь к профессору Койпу.

— Уровень 120, комната 30.

— Ты слышала?— спросил я, поворачиваясь к экрану. Но он уже был пуст.

— Ангелина...

Я отсоединился, снова набрал на клавишах ее код. Экран осветился, появилась надпись: «Не отсоединенный номер». Я бросился к двери. Кто-то схватил меня за плечо, но я отшвырнул его в сторону, схватился за дверь и распахнул ее.

Снаружи не было ничего. Только бесформенное, бесцветное ничто, которое, когда я глядел на него, творило странные вещи с моим мозгом. Потом меня оттащили от двери и захлопнули ее. Профессор Койпу прислонился к двери спиной и тяжело дышал. Его лицо было искажено теми же неприятными и непонятными ощущениями, которые испытал и я.

— Исчезли,— хрипло сказал он.— Коридор, вся станция, все здания. Все. Исчезли. Осталась только лаборатория, блокированная нашим фиксатором. Специальный Корпус больше не существует; никто во всей Галактике о нас даже не помнит. А когда выключится фиксатор, исчезнем и мы.

— Где Ангелина, где они все?

— Они даже не родились и никогда не существовали.

— Но я же помню ее, помню их всех!

— На это — весь расчет. Покуда жив хоть один человек, помнящий нас, помнящий Корпус, мы имеем микроскопический шанс в конце концов выжить. Кто-то должен сорвать темпоральную атаку. Если не ради Корпуса, то хотя бы ради цивилизации. Сейчас переписывают историю. Но это не навсегда, если мы сможем противодействовать.

Путешествие в прошлое на всю жизнь, без возврата, в чужой мир, в чужое время... Всякий, кто на это решится, будет самым одиноким из живущих, оказавшись за тысячи лет до рождения своих современников, своих друзей.

— Готовьтесь. Я отправляюсь.

— Сначала мы должны выяснить, куда вам отправляться. И в какое время.

Профессор Койпу, пошатываясь, пересек лабораторию, я последовал за ним, чувствуя себя почти так же скверно. Он забормотал что-то, склонившись над сложенными в гармошку листами компьютерного листинга, которые с шелестом выползали из машины и громоздились на полу.

— Все должно быть точно, очень точно,— заговорил он наконец.— Последнее время мы непрерывно зондировали прошлое, прослеживая источник этих возмущений. И в конце концов нашли искомую планету. Теперь следует установить нужное нам время. Если вы прибудете слишком поздно, может статься, что они уже закончат свое дело, а если слишком рано, то успеете умереть от старости до того, как эти дьяволы родятся на свет.

— Очаровательная перспектива. А что это за планета?

— Странное название, причем даже не одно. Она называется Грязь, или Земля, или что-то в этом роде. Предполагается, что это легендарная родина человечества.

— Еще одна? Никогда о ней не слышал.

— Вполне естественно. Она взлетела на воздух в атомной войне за столетия до нас... Вам придется отправиться в прошлое на тридцать две тысячи пятьсот девяносто восемь лет, и мы не сможем при таком расстоянии обеспечить лучшую точность, чем плюс-минус три месяца.

— Наверное, я и не замечу. А какой это будет год?

— За много лет до начала нашего теперешнего календаря. Полагаю, по древней системе тогдашних дикарей это будет тысяча девятьсот семьдесят пятый год от Р. Х.

— Не такие уж они дикари, если развлекаются со временем.

— По всей вероятности, это вовсе не они. Все сходится на том, что люди, которых мы ищем, просто базируются в этом времени.

— Как же я найду их?

— При помощи вот этого.— Один из ассистентов подал мне маленький черный ящичек с циферблатами, кнопками и прозрачным выступом, в котором свободно плавала иголка. Эта самая иголка дрожала, как охотничья собака, и концом своим указывала в одном и том же направлении, как бы я ни вращал ящичек.

— Это детектор генераторов темпоральной энергии,— сказал Койпу.— Портативный, хотя и менее чувствительный вариант наших больших аппаратов. Сейчас стрелка указывает на нашу темпоральную спираль. Когда вы приедете на эту самую Грязь, используйте прибор, чтобы отыскать нужных вам людей. А вот эта шкала показывает напряженность поля. Она поможет вам оценить расстояние до источника энергии.

Я поглядел на ящик, и у меня зашевелилась идея.

— Если я могу взять это, то, наверное, смогу унести с собой и другое оборудование?

— Точно. Только небольшое по размеру, чтобы укрепить его прямо на теле. Дело в том, что темпоральное поле создает статический заряд, похожий на статическое электричество.

— Тогда я возьму все оружие, какое найдется у вас в лаборатории.

— У нас его совсем немного. Только самые миниатюрные образцы.

— Что ж, возьму свое собственное. Работают тут у вас ружейные техники?

Он посмотрел по сторонам, подумал и сказал:

— Вот старый Ярл. Он работал в отделе вооружений. Но у нас нет времени делать что-нибудь новое.

— Я не это имел в виду. Давайте его сюда.

Старый Ярл омолаживался совсем недавно и потому был похож на пресыщенного девятнадцатилетнего юнца, только взгляд у него, когда он подошел поближе, был стариковский, подозрительный.

— Мне нужен этот ящик,— сказал я, указывая на устройство памяти у него за спиной.

Он вздрогнул, как пришпоренный пони, и отскочил, прижимая ящик к себе.

— Он же мой! Мой, говорю вам! Вы его не получите! Ведь без него я просто исчезну!

В его моложавых глазах появились слезы старческого испуга.

— Не раскисай, Ярл! Я вовсе не хочу, чтобы ты растворился. Мне нужен дубликат. Дубликат этого ящика. Ну-ка, быстро займись этим.

Он заковылял прочь, бормоча что-то про себя, а нас обступили техники.

— Не понимаю, зачем вам это нужно?— сказал Койпу.

— Очень просто. Если я буду охотиться за крупной организацией, мне понадобится мощное оружие. Если так случится, я врублю мозг старого Ярла, чтобы изготовить его.

— Но ведь он станет вами, получит контроль над вашим телом. Этого никогда раньше не пробовали.

— А теперь попробуем. Тяжелые времена требуют отчаянных мер. А это подводит нас к другому важному вопросу. Вы говорите, что путешествие во времени будет без возврата, и я не смогу вернуться?

— Да. Темпоральная спираль забросит вас в прошлое, а там, чтобы вернуть вас, ее уже не будет.

— А если ее можно будет там построить, я смогу вернуться?

— Теоретически, да. Но такого никогда не пробовали. Большую часть оборудования и материалов достать у примитивных туземцев невозможно.

— Если я достану материалы, темпоральная спираль может быть построена? Кто, по-вашему, сможет ее изготовить?

— Только я сам. Я и конструировал, и строил ее.

— Великолепно. Тогда мне понадобится и ваша память. Велите вашим парням надписать ящики, чтобы я не подключился к тому специалисту.

К профессору подскочили техники.

— Фиксатор времени теряет мощность!— завопил один из них полным ужаса голосом.— Когда поле выключится, мы умрем, исчезнем без следа! Только не это...— Он свалился, потому что кто-то из окружающих выпустил ему в лицо заряд парализующего газа.

— Быстрее!— закричал Койпу.— Ведите ди Гриза к темпоральной спирали! Подготовьте его!

Техники схватили меня и потащили в соседнюю комнату, крича друг другу инструкции. Они едва не уронили меня, когда двое из них исчезли одновременно. Слышались истерические нотки. И ничего удивительного — наступал конец света. Самые дальние стены становились уже смутными и туманными.

Меня спасали от паники только тренировка и опыт. В конце концов мне пришлось отшвырнуть техников от аварийного космического скафандра, в который они не слишком удачно пытались меня засунуть, и застегнуться самому. Из всей этой компании спокойным оставался только профессор Койпу.

— Наденьте шлем, но держите забрало поднятым до последней минуты. Отлично. Вот воспоминания, думаю, что коленный карман — наилучшее место для них. Гравитатор у вас за спиной. Полагаю, что вы умеете им пользоваться. Оружие на груди. Вот темпоральный детектор...

Он инструктировал меня до тех пор, пока от тяжести всего навешенного я едва мог стоять. Я не жаловался. Не возьму сейчас — после не будет. Вешай еще!

— Переговорное устройство!— заорал я.— Иначе как я буду говорить с туземцами?

— У нас его нет,— сказал Койпу, засовывая мне под мышку связку газовых контейнеров,— но есть мнемограф.

— У меня от него головная боль.

— ... так что вы сможете выучить местный язык. Вот в этом кармане.

— Но вы ведь еще не объяснили, что мне надлежит делать! Как и где я там окажусь?

— На большой высоте, точнее — в стратосфере. Так меньше шансов столкнуться с чем-нибудь твердым. Туда мы вас и забросим. После этого все будет зависеть от вас.

— С соседней лабораторией все!— закричал кто-то и почти тотчас же растворился сам.

— К темпоральной спирали!— хрипло выкрикнул Койпу, и меня поволокли через дверь.

Тащили меня все медленнее и медленнее, по мере того, как ученые и техники исчезали, словно проколотые воздушные шары. Наконец их осталось только четверо, и я, тяжело нагруженный, позорно пошатываясь, заковылял вперед сам.

— Вот темпоральная спираль,— задыхаясь сказал Койпу.— Это столб, колонна чистой энергии, которая закручена в спираль и держится в напряжении.

Она была зеленого цвета и мерцала, почти заполняя собой комнату: свернутая в кольца полоса искрящегося света толщиной в мою руку. Она мне что-то напоминала.

— Похоже на огромную заведенную пружину.

— Да, возможно. Мы предпочитаем называть ее темпоральной спиралью. Она заведена... поставлена под напряжение. Силы тщательно рассчитаны. Мы поместим вас на ее внешний конец и освободим затвор. Когда вас швырнет в прошлое, спираль забросит себя в будущее, где энергия постепенно рассеется. Теперь вам пора.

Нас осталось уже только трое.

— Помните меня!— выкрикнул низкорослый черноволосый техник.— Помните Чарли Нейта! Пока вы меня помните, я никогда...

Койпу и я остались вдвоем. Стены исчезли, воздух темнел.

— Это конец! Прикоснитесь к спирали!— закричал Койпу.

Я споткнулся и в падении потянулся к сверкающему концу спирали, растопырив пальцы. Коснувшись его, я ничего не почувствовал, но зеленое сияние сразу же окутало меня. Сквозь него было очень плохо видно. Профессор стоял за пультом. Он что-то переключал, а потом потянулся к большому рубильнику.

Дернул его вниз...

Все остановилось.

Профессор Койпу замер за пультом; рука его застыла на включенном рубильнике. Мой взгляд был устремлен прямо вперед, и я видел профессора только потому, что стоял к нему лицом. Застыли не только мои глаза — от ужаса душа ушла в пятки, а мозг забился в стенки своего костяного вместилища, когда я осознал, что перестаю дышать. Насколько я помню, сердце тоже остановилось. Темпоральная спираль все еще была упруго свернута. Неужели что-то не так? Моя паника еще больше увеличилась, когда Койпу сделался прозрачным, а стены за ним — дымчатыми. Все бледнело, исчезало перед моими глазами. Неужели настает мой черед? Как знать...

Примитивная часть моего рассудка, унаследованная от обезьяны, бесновалась, завывала и вертелась волчком. Но в то же время я чувствовал отрешенность и любопытство. Ведь не каждому дается увидеть, как исчезает наш мир, пока сам ты висишь в спиральном силовом поле, которое, возможно, забросит тебя в отдаленное прошлое. Я, правда, с удовольствием уступил бы эту привилегию любому добровольцу. Жаль, никто не вызвался. Вот я и торчал там, застывший, как статуя, с выпученными глазами, а лаборатория вокруг меня постепенно исчезла, оставив меня плавать в межзвездном пространстве. Видимо, даже астероид, на котором была построена База Специального Корпуса, больше не существовал в реальности этой новой вселенной.

Что-то стало подталкивать меня совершенно немыслимым образом, и я никак не мог понять, что это такое.

Темпоральная спираль стала раскручиваться. Возможно, она раскручивалась с самого начала, но изменения времени скрывали это. Стало казаться, что некоторые звезды движутся все быстрее и быстрее, пока не превратились в небольшие размытые штрихи. Пугающее зрелище. Я было пытался закрыть глаза, но паралич все еще не прошел. Мимо проскочила звезда, да так близко, что я видел ее диск; потом она унеслась, оставив на сетчатке моих глаз яркие, постепенно исчезающие полоски. Все вокруг ускорялось вместе с моим временем, и в конце концов космос слился в серое марево: даже звездные события стали слишком быстрыми, чтобы я мог за ними уследить. Либо это марево обладало гипнотическими свойствами, но только мысли мои совершенно перепутались, и я впал в полубессознательное состояние между сном и обмороком. Это длилось очень долго, а может, и коротко — точно не знаю. Прошло мгновение, а может быть и вечность. Наверное, оставался кусочек моего мозга, который сознавал чудовищную протяженность всех этих лет. Мне всегда нравилось жить, и я, как стальная крыса в бетонных коридорах общества, всегда полагался только на свои силы в деле самосохранения. В мире есть значительно больше дорог к провалу, чем к успеху, к сумасшествию, чем к здоровью. И вся моя энергия уходила на поиски верного пути. Поэтому-то я и выжил и сохранил способность худо-бедно соображать даже в этом безумном рейде по времени — выжил и стал ждать, что будет дальше. Через неизмеримый промежуток времени что-то случилось.

Я добрался до места. Конец путешествия был еще драматичнее начала, потому что все произошло моментально.

Я снова начал двигаться. И снова стал видеть — сначала меня слепил свет,— и ко мне вновь вернулись все ощущения, которых я был так долго лишен.

К тому же я падал. В ответ на это мой давно парализованный желудок попробовал взбунтоваться, а потоки адреналина и подобных ему штук, которые мозг старался нагнетать в кровь вот уже 32 598 лет — плюс-минус три месяца — устремились вперед, и сердце застучало радо-

стно и ритмично. Падая, я повернулся. Солнце скрылось из глаз, и я увидел черное небо, а далеко внизу — пушистые белые облака. Неужели, это она, Грязь, таинственная прародина человечества? При всех условиях мне определенно доставило удовольствие очутиться где бы то ни было, лишь бы вокруг все было устойчиво и не исчезало бы внезапно.

Все мое снаряжение было, кажется, на месте. Коснувшись регулятора на запястье, я ощутил тягу заработавшего гравитатора. Отлично. Я выключил его и снова стал свободно падать, пока не почувствовал, что моего скафандра коснулись верхние слои атмосферы.

Достигнув облаков и окунувшись в их мокрые объятия, я, двигаясь вперед ногами, опускался уже мягко, как падающий лист. Падая вслепую, я уменьшил скорость и непрерывно протирал запотевающее забрало шлема. Выбравшись из облаков, я переключил управление на «парение» и неторопливо оглядел новый мир — возможную родину человеческой расы и уж наверняка мою новую родину.

Прямо надо мной, как мягкий и влажный потолок, висели облака. Внизу, в трех тысячах метрах от меня, расстилались леса и поля, несколько искаженные запотевшим забралом шлема. Так или иначе, но здешнюю атмосферу мне рано или поздно придется испробовать, поэтому, теша себя надеждой, что мои далекие предки дышали не метаном, я решительно приоткрыл забрало и быстро вздохнул.

Неплохо. Воздух холодный и слегка разреженный на такой высоте, но свежий и приятный. И главное — он не убил меня. Я широко открыл забрало, сделал глубокий вдох и поглядел вниз. С этой высоты вид был хорош. Волнистые зеленые холмы, покрытые какими-то деревьями, голубые озера, прямые дороги через долины, на горизонте — что-то вроде города, испускающего мерзкие облака смога. От него в первое время надо держаться как можно дальше: сперва надо устроиться, оглядеться...

Наконец до моего сознания дошел звук, похожий на жужжание насекомого. Но на такой высоте не может быть

насекомых. Я подумал бы об этом и раньше, не будь мое внимание прикована к пейзажу внизу. Как раз в этот момент жужжание переросло в рев, я изогнулся и поглядел через плечо.

Челюсть у меня отвисла. За прозрачными стеклами шаровидной летательной машины, поддерживаемой в воздухе допотопным воздушным винтом, сидел человек, на лице которого было написано такое же изумление, как и у меня. Я перебросил регулятор на запястье в положение «вверх» и скользнул назад, под защиту облаков.

Неудачное начало. Пилот успел хорошо рассмотреть меня, хотя оставался шанс, что он просто не поверит своим глазам. Однако он поверил. Должно быть, средства связи были развиты отлично, так же, как боеготовность армии или страх, потому что не прошло и нескольких минут, как я услышал внизу грохот мощных реактивных машин. Они покружились немного, гремя и воя, а одна даже пронеслась через облака. Я успел глянуть на серебристую стреловидную фигуру, а потом она унеслась, оставив за собой кипящие облака. Пора сматываться. Горизонтальное управление гравитатора не слишком совершенно, но я все же двинулся прочь через облака, чтобы уйти как можно дальше от этих аппаратов. Перестав их слышать и выждав некоторое время, я рискнул опуститься чуть ниже границы облачности. Во всех направлениях — ничего. Я захлопнул забрало и вырубил гравитатор.

Свободное падение не могло длиться много времени, но показалось чертовски длинным. Меня успели посетить неприятные видения щелкающих детекторов, жужжащих и переваривающих информацию компьютеров, двигающихся металлических пальцев стволов и могучих машин, с ревом несущихся на меня. В падении я вращался и косил глазами во все стороны в поисках сверкающего металла.

Ничего такого нигде не было. Рядом лениво прохлопали крыльями какие-то большие белые птицы; когда я пролетал мимо, они увернулись и резко закрякали. Увидев внизу голубое зеркало озера, я дал гравитатором толчок в его направлении. Если покажется погоня, я нырну под

воду и скроюсь из поля действий их детекторов. Очутившись ниже уровня окружающих холмов и видя, что вода приближается до отвращения быстро, я врубил тягу. Ремни скафандра глубоко впились в тело, я весь передернулся и застонал. Гравитатор за спиной опасно разогрелся, но вспотел я по другой причине. До воды было уже близко, а при такой скорости она оказалась бы твердой как сталь.

Когда я наконец остановился, ноги мои были уже в воде. В конце концов, неплохое приземление. Я чуть-чуть поднялся над поверхностью воды. Погони по-прежнему не было, и я медленно тронулся к серым скалам, которые отвесно спускались в озеро у дальнего берега.

Когда я снова открыл шлем, воздух был хорош и все вокруг тихо. Ни голосов, ни грохота машин, ни каких-либо признаков человеческого жилья. Подлетев ближе к берегу, я услыхал шум ветра в листве, и только. Прекрасно, как раз такое местечко мне и нужно на первое время. Серые скалы оказались монолитной каменной стеной, высокой и недоступной. Я скользил вдоль ее поверхности, пока не обнаружил карниз, достаточно широкий, чтобы на нем усесться. Там было очень здорово сидеть.

— Давненько мне не удавалось присесть,— сказал я вслух, радуясь своему голосу.

«Да-а,— напомнило подсознание,— позади примерно тридцать три тысячи лет...». Я снова погрустнел — мне захотелось выпить. Однако именно этот важнейший продукт я как раз и забыл прихватить с собой. Ошибка, которую надо исправить в первую очередь.

При выключенном питании скафандр начал нагреваться на солнце, и я скинул его, разложив все снаряжение на скале подальше от края.

А что теперь? Я услышал в боковом кармане треск, сунул туда руку и вытащил пригоршню чудовищно дорогих, но, увы, сломанных сигар. Трагедия! Каким-то чудом одна оказалась целой. Я тут же откусил кончик, зажег ее и глубоко затянулся. Просто чудо! Я немного покурил, болтая ногами над пропастью, и мое самообладание достигло обычного, совершенно несокрушимого уровня. В

озере плеснула рыба, на деревьях щебетали какие-то маленькие птички. Я стал обдумывать свои дальнейшие действия. Мне необходимо укрытие, но чем больше я буду бродить в поисках его, тем больше шансов быть обнаруженным. Почему бы мне не остаться прямо здесь?

Среди различного хлама, который на меня навешали в последнюю минуту, был лабораторный инструмент под названием «массер». В тот момент я было начал возражать, но его повесили мне на шею, не слушая меня. Теперь я его рассмотрел.

Рукоятка, в которой был помещен источник энергии, расширялась в массивный корпус, он вновь утончался в игловидный наконечник. На его острие создавалось поле, обладающее любопытной способностью концентрировать большинство форм материи путем усиления межмолекулярных связей. Это поле втискивало вещество в значительно меньший объем, сохраняя массу неизменной. Некоторые предметы, в зависимости от материала и приложенной энергии, могли сжаться до половины их нормальной величины.

Мой карниз на противоположном конце сужался, пока не исчезал совсем, и я прошел по нему так далеко, как позволил мне здравый смысл. Затем, вытянувшись, я прижал острие к поверхности серого камня и нажал на кнопку. Раздался резкий щелчок, и съежившаяся плитка камня размером с мою руку отвалилась от поверхности скалы и соскользнула на карниз. Когда я взял ее в руку, она показалась мне по весу свинцовой. Швырнув ее в озеро, я включил инструмент и принялся за работу.

Стоило только приспособиться, и работа пошла быстро. Я научился создавать почти сферическое поле, которое сразу отделяло от скалы шар сжатого камня размером с мою голову. После того как я попробовал скатить через край парочку этих гирь и едва сам не улетел вслед за ними, я стал подрезать скалу под углом, а потом резать камень над получившимся склоном. Куски отваливались, катились вниз под уклон и срывались с карниза по короткой дуге, что завершалось шумным всплеском. Каждый

раз я останавливался, чтобы прислушаться и оглядеться. Вокруг по-прежнему никого не было. Солнце опустилось близко к горизонту, когда я закончил наконец сооружение уютной пещерки в скале. Ее как раз хватило, чтобы вместить меня и все мое оборудование. Я с удовольствием залез в эту нору, предварительно спустившись к озеру за водой. Концентраты были безвкусны, но питательны, так что мой желудок был почти удовлетворен этой трапезой. Когда стали появляться первые звезды, я начал планировать следующий шаг в покорении этой Грязи, или как там ее, Земли.

Мое путешествие было, видимо, более утомительным, чем я предполагал, потому что следующее, что я увидел, открыв глаза, было черное небо и огромная оранжевая полная луна, висящая над горами. Зад мой заледенел от холодного камня, и я весь онемел от сна в неудобной скорченной позе.

— Вперед, могучий творец истории,— сказал я и застонал, когда заныли мои мускулы и заскрипели суставы.— Вставай и принимайся за работу.

Именно этим и следует заняться. Под лежачий камень вода не течет. Пока я торчу в этой дыре, все, что бы я ни придумал, может оказаться бесполезным, потому что из-за отсутствия исходных данных я пока не знаю даже, эта ли планета и эпоха мне нужны, не знаю вообще ничего. Необходимо вылезти и заняться чем-нибудь. Впрочем, есть одна вещь, которую я должен был сделать сразу же по прибытии. Проклиная собственную глупость, я порылся в куче привезенного с собой хлама и извлек черный ящичек — детектор темпоральной энергии. Я осветил его маленьким фонариком, и сердце мое ушло в пятки, когда я увидел, что иголка свободно колеблется: нигде на этой планете время не было свернуто.

— Ха, придурок,— сказал я громко, и звук собственного голоса, который я любил больше всего на свете, доставил мне удовольствие.— Машина будет работать много лучше, если ты включишь питание.

Экая оплошность! Глубоко вздохнув, я нажал на выключатель.

По-прежнему ничего. Иголка висела все так же беспомощно, и от этого зрелища мои надежды начали таять. Тем не менее, по-прежнему оставались неплохие шансы, что эти темпоральные бандиты все же где-то здесь и просто выключили на время свои аппараты. Будем надеяться.

Теперь за работу. Я укрепил на себе несколько подручных устройств и отстегнул гравитатор от скафандра. Его батареи были еще наполовину полны. Этого мне хватит, чтобы добираться до верха скалы и возвращаться обратно столько раз, сколько потребуется. Я просунул руки в лямки, шагнул с карниза и прикоснулся к регулятору, превратив падение в движение по пологой дуге, направленной к ближайшей дороге, которую я заметил при спуске. Пролетая низко над деревьями, я все время замечал ориентиры и направление. Громадные, усыпанные циферблатами часы, которые я всегда ношу на левой руке, умели делать много больше, чем только показывать время. Прикосновение к правой кнопке высвечивало стрелку радиокомпаса, показывающего направление на мой новый дом. Я продолжал скользить в тишине.

Наконец лунный свет отразился от гладкой поверхности, рассекавшей лес, и я мягко опустился на землю среди деревьев. Сквозь ветви пробивалось достаточно света, так что, когда я направился к дороге, преодолевая последние метры с предельной осторожностью, фонарь мне не понадобился.

Дорога была пуста в обоих направлениях. Ночь молчала. Я нагнулся и осмотрел поверхность. Она была изготовлена из цельной пластины какого-то твердого белого вещества, но не металла и не пластика. Казалось, что в него вкраплены крошечные песчинки. Ничего интересного. Держась поближе к обочине, я повернул в сторону города, который заметил раньше, и пошел вперед. Пешая ходьба — очень медленный способ передвижения, но зато экономит энергию гравитатора. Случившееся потом можно объяснить только беспечностью, смешанной с усталостью и незнанием этой планеты. Мысли мои блуждали:

Ангелина и дети, мои друзья из Корпуса... Все они существовали теперь только в моей памяти и были не более реальны, чем мои воспоминания о персонажах какого-нибудь романа. Гнетущие мысли, но я, вместо того, чтобы сразу их отбросить, продолжал с ними нянчиться. Поэтому внезапно раздавшийся рев моторов захватил меня врасплох.

В этот момент дорога, по которой я шел, делала поворот и по обе стороны ее были крутые склоны. Мне бы следовало заранее предвидеть возможность попасть в этой щели в ловушку и позаботиться о способе избежать ее. Теперь же, пока я раздумывал, взобраться ли мне по откосам, включить ли гравитатор или проделать еще что-нибудь, впереди из-за поворота засверкал яркий свет, и рев стал громче. В конце концов я прыгнул в придорожную канаву, лег, уткнув лицо в ладони, и постарался казаться по возможности незаметным. Одежда моя была практичного темно-серого цвета и вполне могла слиться с землей.

Потом меня оглушил рев, окатило светом — все это пронеслось совсем рядом. Я сел и поглядел вслед четырем странным машинам, только что проехавшим мимо.

Деталей не было видно, потому что я различил только их силуэты на фоне света фар. Они показались мне очень узкими, похожими на мотоциклы. Позади каждого был маленький красный огонек. Их звук начал стихать и смешался с пронзительным визгом и гоготаньем, похожим на визг животного.

Они остановились,— должно быть, увидели меня.

Щелкающие, лающие звуки отдавались эхом по выемке. Лучи фар сделали круг и направились назад, ко мне.

«Когда не знаешь, что делать — подожди, пока противник ошибется первым»— вот мой любимый девиз. Я мог бы попытаться вырваться, вскарабкавшись по склону или улетев, но у этих людей, кто бы они ни были, могло быть оружие. Из меня могла получиться отличная мишень. К тому же, даже сбежав, я все равно привлек бы внимание. Лучше сперва поглядеть, что они из себя представляют. Повернувшись спиной, чтобы их фары не сле-

пили меня, я терпеливо ждал, пока машины, громыхая, подъезжали и останавливались, образовав вокруг меня полукольцо из трещащих моторов и слепящих фонарей. Я щурился от света и прислушивался к странным звукам, при помощи которых ездоки переговаривались между собой, но не понял ни слова.

Думаю, что разговор шел о моей одежде. Что и говорить, одет я, с их точки зрения, странно. Должно быть, они о чем-то договорились, потому что мотор одного из невидимых экипажей, стукнув, замолчал, и его водитель вышел на свет.

Мы с интересом обменялись взглядами. Ростом он был немного ниже меня, но казался выше из-за похожего на корзину металлического шлема. Шлем этот, усаженный заклепками и увенчанный высоким острым наконечником, был очень непривлекателен, как и остальная одежда. Она вся была выполнена из черного пластика со множеством сверкающих пуговиц и пряжек. Как верх вульгарности, он носил на груди стилизованный череп со скрещенными костями, весь утыканный какими-то поддельными камешками.

— Кризи птэблк?— сказал он весьма оскорбительным тоном, одновременно сильно выпячивая челюсть.

Я улыбнулся, изображая милого, добродушного парня, и дружелюбно ответил:

— Мертвым ты будешь еще отвратительнее живого, типчик, так что не говори со мной больше таким тоном.

Он поглядел озадаченно, и вновь между нами началась непонятная болтовня. К первому водителю присоединился еще один, столь же странно одетый. Он возбужденно показал на мое запястье. Все уставились на мой наручный хронометр, издавая при этом пронзительные крики, которые сменились на злобные, когда я спрятал руку за спину.

— Прубл!— сказал первый тип, выступая вперед с протянутой рукой. Раздался резкий щелчок, и в другом кулаке у него появилось мерцающее лезвие.

Ну что ж, такой язык мне понятен. Я едва не улыбнулся. Это явно непорядочные люди, если только закон

в этих землях не предписывает носить оружие и грабить на дорогах первого встречного. Что ж, зная правила, я могу по ним играть.

— Прубл, прубл?— воскликнул я, отступая и поднимая руки.

— Прубл, прубл!— заорал этот болван, бросаясь на меня.

— Ну, как там насчет «прубла»?— осведомился я, залепив ему ногой в запястье.

Нож улетел в темноту, а он издал крик боли, незамедлительно перешедший в бульканье, когда я ткнул его пальцем в горло.

После этого они во все глаза смотрели на меня, поэтому я выпустил из нарукавного держателя в ладонь световую бомбу и бросил ее перед собой на землю, закрыв глаза как раз перед тем, как она взорвалась. Сквозь сжатые веки я ощутил обжигающе яркий свет, а когда снова открыл глаза, то увидел световых зайчиков. Это было много приятнее того, что испытали нападающие. Их поразила временная слепота — если только их стоны и жалобы что-то значили. Никто не пытался меня остановить, когда я подошел и отвесил каждому носком ботинка по самым интересным местам. Они вопили от боли и бегали, описывая странные кривые до тех пор, пока двое случайно не столкнулись и не начали безжалостно дубасить друг друга. Пока они так развлекались, я осмотрел их экипажи. Странные штуки — только два колеса и никакого намека на гироскоп для стабилизации движения. Каждый имел единственное сидение, на котором водитель при езде сидел верхом. Машины эти выглядели отнюдь не безопасными, и мне что-то не захотелось управлять ими.

Что же делать с этими типами? Мне никогда не доставляло удовольствие убивать людей, так что этот способ заставить их молчать отпадал. Если они преступники — а на то похоже — тогда скорее всего они не доложат властям об этой истории.

Преступники! У них я и узнаю все, что нужно. Одного вполне хватит. Лучше взять того, первого — уж с ним-то

я могу не церемониться. Он уже стонал, приходя в себя, но глоточек усыпляющего газа снова его выключил. У этого парня на талии был широкий, украшенный металлом ремень, который показался мне достаточно прочным. Я прикрепил конец ремня к одной из моих поясных пряжек и дружески подхватил его хозяина под руки. Потом тронул ручку управления гравитатора.

Мы поднялись бесшумно и плавно, оставив маленькую шумную компанию внизу, и устремились к моему озерному убежищу.

Исчезновение их приятеля будет выглядеть весьма таинственно, но даже если они сообщат о нем властям, это все равно ни к чему не приведет. Я собирался затаиться на несколько дней с моим дремлющим пока компаньоном и выучить здешний язык. Лексикон, конечно, будет самым низкопробным, но это поправимо. Вскоре показался вход в мою нору. Я скользнул в нее и грубо сбросил свою бесчувственную ношу прямо на каменный пол.

К тому времени, когда он очухался, я уже разложил нужное оборудование и все приготовил. С молчаливым удовольствием попыхивая извлеченной из карманного контейнера сигарой, я наблюдал, как он мучительно приходит в себя. Он долго облизывал губы, потом открыл наконец глаза, сел, застонал и схватился за голову: у моего газа очень неприятные последствия. Однако память о ноже сделала меня равнодушным к его страданиям. Очумело озираясь, он с испугом оглядел меня и мое снаряжение, а затем глянул на выход из пещеры.

Как будто случайно он подобрал под себя ноги — чтобы в следующее мгновение неожиданно прыгнуть к выходу. И чтобы тотчас же шмякнуться мордой о камень, натянув шнур, державший его за лодыжку.

— Пора кончать с играми и браться за работу,— беззлобно сказал я, садясь спиной к стене и укрепляя на его запястье свое устройство. Пока он спал, я состряпал эту штуку — очень примитивно, зато действенно. В ней были измерители кровяного давления и сопротивления кожи с индикаторами на выносной панели, которую я держал в

руке. Простейшая разновидность детектора лжи. Кроме того, в ней была еще одна электрическая цепь. В обычных условиях я никогда не стал бы пробовать ее на человеке — такие методы обычно используются при обучении подопытных животных,— но в отношении этого типа можно было сделать исключение. Мы играли по его правилам, и эта штука могла сэкономить массу времени. Когда он начал, как я и ожидал, грубо ругаться и срывать с руки мою коробочку, я нажал специальную кнопку. Тут его ударило током, он завопил и задергался. Не то чтобы это было так уж больно: я все испытал на себе и установил такой уровень, который вызывал боль вполне терпимую... правда, терпимую с трудом.

— А теперь начнем,— сказал я.— Только дай мне самому приготовиться.

Молча, широко раскрытыми глазами он смотрел, как я укрепляю у себя на висках металлические пластинки мнемографа и подключаю его.

— Ключевое слово будет...— я поглядел на своего подопечного,— «противный». Теперь начнем.

Рядом со мной лежала груда разных простых предметов. Я поднял один и подержал перед его глазами. Когда он осмотрел его, я громко сказал: «Камень» и замолчал. Он тоже молчал; через некоторое время я снова нажал обучающую кнопку. От внезапной боли он подпрыгнул и завертел головой.

— Камень,— повторил я тихо и терпеливо.

Ему требовалось некоторое время, чтобы постичь идею, но в конце концов он понял. За руганью или за любыми не относящимися к делу выражениями следовал удар током и двойной удар — за попытку соврать: мой детектор всегда сообщал мне об этом. Такая жизнь быстро ему надоела, и он предпочел сразу же выдавать мне нужное слово.

Мы очень быстро исчерпали весь запас предметов и переключились на рисунки и движения. Я принимал на веру его «не знаю», если они не повторялись слишком часто, и мой словарь постепенно рос. Под действием микротоков мнемографа новые слова втискивались в мозг,

но, увы, не безболезненно. Когда голова стала прямо-таки раскалываться, я принял таблетку болеутолителя и приступил к игре в слова; в нашем распоряжении их было уже достаточно, чтобы перейти ко второй части процесса обучения — освоению грамматики.

«Как тебя зовут?»— подумал я и добавил кодовое слово «противный».

— Как... имя?— сказал я вслух. Действительно, противный язык.

— Слэшер.

— Мое имя... Джим.

— Отпусти-и, я тебя не трогал.

— Сначала учиться... уходить потом. Тенерь говори, какой год?

— Что — какой год?

— Какой год сейчас, дурак!

Я повторял этот вопрос по-всякому, пока его значение не просочилось, наконец, в его тупую башку. Я весь вспотел.

— А-а, г о д. Тысяча девятьсот семьдесят пятый. Девятнадцатое июля тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

Прямо в цель! Через все столетия и тысячелетия темпоральная спираль бросила меня с феноменальной точностью. Я мысленно поблагодарил профессора Койпу и других исчезнувших ученых. Поскольку они жили теперь только в моей памяти, это был, пожалуй, единственный способ выразить им свою признательность. Весьма обрадованный, я продолжил занятия языком.

Мнемограф схватывал, упорядочивал и запихивал глубоко в мой измученный мозг все произносимое этим типом. Подавляя стоны, я принял еще одну таблетку болеутолителя. К восходу солнца я почувствовал, что знаю язык достаточно, чтобы совершенствоваться самому, и выключил аппарат.

Мой собеседник заснул сидя и, падая, стукнулся головой о камень, но даже не проснулся. Я оставил его спать и отсоединил нас обоих от электронной аппаратуры. После ночного бдения я и сам устал, но с этим справилась

таблетка стимулятора. В животе урчало от голода, и я принялся за еду.

Слэшер вскоре проснулся и тоже получил свою долю. Правда, полученную плитку он съел только после того, как я отломил от нее уголок и проглотил сам. Я удовлетворенно рыгал, он мне вторил.

Поглазев на меня некоторое время, он перевел взгляд на мое снаряжение, а потом заявил:

— Я знаю, кто ты.

— Так скажи.

— Ты с Марса, вот что.

— Что это — Марс?

— Такая планета.

— Да-а, ты примерно прав. Но это неважно. Сделаешь, что я скажу, поможешь кое в чем?

— Я же тебе говорил, я на поруках. Если меня сцапают, век воли не видать.

— Не дрожи. Держись меня, и тебя пальцем не тронут. Будешь кататься в зелененьких. Кстати, есть у тебя эти зелененькие? Хочу поглядеть, на что они похожи.

— Нет!— сказал он и потянулся к выпуклости, образованной куском ткани на нижнем предмете одежды. К этому времени я уже замечал примитивную ложь этого парня без помощи приборов.

Успокоив его усыпляющим газом, я достал из его одежды нечто вроде кожаного конверта, наполненного хрустящими бумажками. Наверное, это и были те самые зелененькие, которых у него якобы не было.

На вид они — просто смех! Простейшая копировальная машина может выдавать дубликаты этих штук бочками, если только они не наделены какими-то скрытыми признаками. Для проверки я прошелся по ним самыми тонкими приборами и не нашел ни следа каких бы то ни было химических, физических или радиоактивных меток. Изумительно. Бумага, кажется, содержит что-то вроде коротких ниток из другого материала, но дубликатор напечатает на поверхности их изображение, которое вполне сгодится. Если бы у меня был дубликатор. А может, и

есть? В конце концов, на меня навешали все снаряжение, какое только было под руками. Я разворошил кучу, и там действительно нашлась маленькая настольная модель аппарата. Она была заряжена плиткой исключительно твердого материала, который каким-то образом разбухал внутри машины и давал листы гладкого белого пластика; на них и делались копии. Поработав над регулировкой, я ухитрился так понизить качество пластика, что он стал таким же мягким и грубым, как «зелененькие». Теперь, стоило мне коснуться копирующей кнопки, как машина выкидывала «зелененькую», точь-в-точь похожую на оригинал.

Самая крупная бумажка у Слэшера была десятка. С нее я и сделал несколько копий. Конечно же, номер у всех был один и тот же, но мой опыт показывал, что люди никогда не разглядывают номера полученных денег.

Настало время приступать к следующему этапу моего внедрения в общество этой примитивной планеты Земля. Я выяснил, что «Грязь» отнюдь не следует понимать буквально, это название имеет совсем другое значение.

Я надел на себя снаряжение, которое могло мне понадобиться, а все остальное оставил в пещере вместе со скафандром. Когда оно мне потребуется, все будет на месте. Слэшер бормотал и похрапывал, пока я летел с ним через озеро и дальше к дороге низко над деревьями. Теперь, днем, на ней было больше движения: я слышал рев машин и потому снова спустился в лесу. Перед тем как разбудить Слэшера, я закопал гравитатор вместе с радиомаяком, который в случае чего поможет мне найти это место.

— Что-что?— проговорил Слэшер, усаживаясь, как только антидот подействовал, и удивленно поглядел на лес.

— Поднимайся на копыта,— сказал я.— Пора отсюда двигать.

Он заковылял за мной, проснувшись только наполовину, пока я не помахал перед его носом пачкой денег. Тут он сразу же проснулся.

— Как на твой взгляд эти зелененькие?

— Отличные. Только ведь у тебя этого добра вовсе не было?

— Добра у меня всякого достаточно, а вот денег не было. Ну, я и сделал эти. Как они — о'кей?

— О'кей, никогда не видел лучше.— Он исследовал бумажки опытным взглядом профессионала.— Единственно что — у них один и тот же номер. А так — высший класс.

Вернул он мне их очень неохотно. Человек без воображения и предрассудков. Вид этих денег выгнал из парня весь страх передо мной, и он, пока мы брели, вызвался помочь мне делать их в неограниченном количестве.

— Это сбруя, которую ты носишь... Издали она, конечно, о'кей. В машинах никто ничего не заметит. Но тебе нужны другие шмотки. Тут под горой есть что-то вроде универмага. Ты подождешь в сторонке, пока я схожу и куплю все, что нужно. И знаешь, может быть, удастся раздобыть еще и колеса. Так мы быстро устанем. Есть здесь маленькая фабрика со стоянкой, посмотрим, что у них там найдется.

Фабрика оказалась приплюснутым угловатым зданием со множеством труб, выплевывающих дым и отраву. С одной ее стороны стояло несколько десятков автомобилей. Низко нагнувшись, по примеру Слэшера, я быстро подобрался к ближайшему из них. Убедившись, что никто нас не видит, мой компаньон при помощи зубастой металлической штуковины отпер замок на раздутой ярко-красной машине и поднял большую крышку. Я заглянул внутрь и подивился излишне усложненной и удивительно примитивной двигательной установке, оказавшейся там. Вот уж действительно угодил в прошлое! По моей просьбе Слэшер рассказал мне об одной штуке, пока закорачивал провод, который, видимо, управлял зажиганием.

— Мы называем это двигателем внутреннего сгорания. Почти новый, наверно, лошадей триста. Залезай внутрь и погнали, пока никто не видит!

Я отметил про себя, что следует позднее поинтересоваться теорией этого «внутреннего сгорания». Из разговоров я уже знал, что лошадь — большое четвероногое,

так что, может быть, внутреннее сгорание — это миниатюризация животных с целью уместить большое их число в моторе. Но как ни примитивно выглядело это устройство, двигалось оно довольно быстро. Слэшер манипулировал рычагами и крутил большое колесо; мы выехали на дорогу и помчались дальше — видимо, никто нас не заметил. Я с радостью доверил управление своему спутнику и стал разглядывать этот новый для меня мир.

— Где у вас хранятся все деньги? Ну, такое место, где их запирают?

— Ты, верно, говоришь про банки. Дома с толстыми стенами, огромными сейфами и вооруженной охраной. В любом городе есть хотя бы один такой.

— И чем больше город, тем больше банк?

— Верно сечешь.

— Тогда поезжай в ближайший большой город и найди самый большой банк. Мне понадобится масса денег. Мы обчистим его сегодня.

Слэшер глянул на меня с благоговейным ужасом.

— Шутишь! У них там сплошная сигнализация и все такое.

— Плевать я хотел на эти уловки каменного века. Дай мне только город и банк, а потом еще поесть и выпить. К вечеру я сделаю тебя богачом.

По правде говоря, мне никогда не приходилось грабить банк с такой легкостью или взламывать более простые замки. Заведение, которое я выбрал, находилось в центре города с совершенно невероятно звучащим названием «Хартфорд». Это было прочное строение из серого камня, все отверстия в нем были заблокированы толстыми металлическими прутьями. Однако все это сводилось на нет тем, что к банку по обе стороны примыкали другие здания.

Крыса редко входит через парадную дверь. Когда мы отправились на дело, было начало вечера, и Слэшер весь трясся от ужаса, несмотря на громадное количество проглоченного им низкосортного зелья.

— Подождать надо,— ныл он.— На улицах полно народу.

— Вот и хорошо. Кому какое дело до двух человек? А теперь припаркуй эту железку за углом, как договорились, и принеси сумки.

Я нес в маленьком футляре свой инструмент, а Слэшер следовал за мной с двумя большими чемоданами, которые мы успели купить по дороге.

Впереди, в здании слева от банка, было темно. Дверь в здание была, конечно, заперта на замок. Не беда. Этот замок я осмотрел еще днем и решил, что никаких хлопот с ним не будет. Приборчиком в левой руке я обезвредил сигнализацию, а правой в это время орудовал отмычкой. Замок открылся так легко, что Слэшеру даже не пришлось останавливаться: он просто прошел мимо меня со своими чемоданами. Ни одна живая душа на улице не обратила на нас ни малейшего внимания. Коридор привел к новым запертым дверям, которые я преодолел с той же легкостью. Наконец мы добрались до места.

— У этой комнаты должна быть общая стена с банком,— сказал я.— Нужно уточнить.

Тихо насвистывая, я принялся за работу. Будьте спокойны, это было не первое мое ограбление банка, и я вовсе не хотел сделать его последним. Из всех многочисленных форм преступной деятельности ограбление банков наверняка самое полезное дело для личности и общества. Личность, ясное дело, получает кучу денег, это само собой. Обществу же это приносит пользу тем, что снова пускает в обращение массу наличных. Стимулируется экономика, лавочники процветают, народ с огромным интересом читает о преступлении, а полиция получает шанс проявить свои многочисленные таланты. Хорошо всем. Я, правда, слышал, что это вредит банкам. Форменная чушь. Все банки застрахованы, так что не теряют ничего, а страховые суммы ничтожны в общем обороте компаний. Поэтому единственный возможный результат — это микроскопическое уменьшение выплачиваемых в конце года дивидендов. Совсем малая цена за все доброе. Поэтому, прижимая к стене ультразвуковой зонд, я чувствовал себя не вором, а благодетелем человечества.

Итак, все правильно: с другой стороны стены — большое помещение, несомненно, банк.

В стене проходило множество труб и кабелей: это водопровод и энергосеть, я полагаю, а также, безусловно, сигнализация. Я отмечал на стене их положение, пока система не стала кристально ясна. Там была область, свободная от всяких препятствий, и я ее пометил.

— Войдем здесь.

— Как же мы проломим стену?— Слэшер колебался: и денег хочется, и страшно. Было ясно, что он мелкий преступник, и это в его жизни самое большое дело.

— Зачем ломать, дурачок?— сказал я добродушно, поднимая массер.— Мы просто попросим ее открыться.

Он, конечно, и понятия не имел, о чем я говорю, но вид мерцающего аппарата его, кажется, успокоил. Я переключил механизм так, чтобы вместо увеличения притяжения молекул он уменьшал его почти до нуля. Медленно и осторожно я провел массером по намеченной области стены, затем выключил его и убрал.

— Ничего не вышло,— посетовал Слэшер.

— Сейчас выйдет.

Я слегка толкнул стену рукой, и вся обработанная площадь развалилась с легким шипением, превратилась в тонкую пыль и скользнула вниз. Мы заглянули через отверстие в ярко освещенное помещение банка.

Невидимые с улицы, мы вползли внутрь и стали красться вдоль высокого прилавка, за которым днем сидят кассиры. Строители предусмотрительно поместили сейфы в самом низу здания, чтобы их не было видно с улицы. Мы, спустившись по ступенькам, смогли выпрямиться и продолжать работать с несколько большим комфортом. Сначала мы быстро прошли через две запертые двери и решетку из толстых стальных прутьев. Их замки и сигнализационная система были так просты, что не стоят упоминания. Дверь сейфа выглядела более внушительно, однако открыть ее оказалось проще всего.

— Гляди-ка,— обрадованно воскликнул я,— здесь есть часовой механизм, который по утрам автоматически отпирает дверь.

— Знаю... Давай уберемся отсюда, пока сигнализация не сработала.

Он побежал вверх по лестнице. Я свалил его подножкой и уперся ногой ему в грудь, чтобы он, не намылился, пока я объясняю ему элементарные вещи.

— Это же только к лучшему, дурачок. Чтобы открыть дверь, нужно просто перевести часы, как будто утро уже наступило.

— Невозможно! Они спрятаны под двумя дюймами стали!

Конечно, откуда ему знать, что самый обычный стандартный манипулятор «СМ» предназначен для работы через любые стенки. Почувствовав, что поле захватило шестеренки, я повернул его, и стенки закрутились. Глаза у Слэшера выпучились, механизм издал удовлетворенный щелчок, и двери распахнулись.

— Тащи сумки,— приказал я, входя в сейф.

Весело мурлыкая и посвистывая, мы туго набили их крепенькими пачками хрустящих банкнот. Слэшер застегнул свою сумку и начал нетерпеливо подгонять меня.

— Что за спешка?— спросил я, закрывая сумку и собирая инструменты.— Чтобы сделать все как следует, нужно время.

Убирая последние приборы, я заметил, что одна стрелка дернулась и замерла. Любопытно. Я отрегулировал напряжение поля, встал, держа в руках индикатор, и оглянулся. Слэшер торчал у дальней стены и возился с какими-то длинными ящиками.

— Что это ты делаешь?— спросил я вкрадчиво.

— Гляжу, нет ли в этих боксах каких камешков.

— Ах, вот что. Спросил бы сначала меня.

— Я и сам могу,— угрюмо и самоуверенно ответил он.

— Да, но я бы не стал при этом трогать сигнализацию и вызывать полицию, а ты сейчас как раз это и сделал,— сказал я холодно и злобно.

Я получил большое удовольствие, увидев, как побледнел Слэшер. Руки его задрожали, он даже уронил ящик, подпрыгнул и кинулся к сумке с деньгами.

— Дубина!— Я здорово приложился к подставленной заднице.— Забирай вещи, выходи и заводи машину. Я — следом за тобой.

Пошатываясь, Слэшер вскарабкался по лестнице. Я последовал за ним более спокойно, останавливаясь у всех дверей и решеток, запирая их и тем максимально усложняя работу полиции. Они будут знать, что в банк пытались вломиться, но не узнают о грабеже, пока не разбудят кого-нибудь из банковских служащих и не откроют с его помощью сейф. К тому времени мы благополучно смоемся.

Однако, поднявшись по лестнице, я услышал визг покрышек и увидел через окно подъезжавшую полицейскую машину.

Быстро, невероятно быстро для такого древнего и примитивного общества. Хотя, может быть, это как раз и естественно. Наверняка преступления и их раскрытие поглощают большую часть их энергии. Правда, в тот момент я не стал тратить время на философствования, а пополз за кассовой стенкой, толкая перед собой сумку. Пролезая через дыру в другое здание, я услышал громыхание ключей в замке входной двери. Все правильно. Когда они войдут, я как раз выберусь на улицу.

Так оно и получилось. Выглянув наружу, я увидел, что все сидевшие в полицейской машине вошли в банк, а вокруг уже собралась небольшая толпа любопытных. Все стояли спиной ко мне. Я неторопливо вышел и побрел прочь.

Эти первобытные фараоны что-то уж больно легки на ногу. Видать — от большого опыта в ловле моих здешних коллег. Не успел я дойти до угла, как они уже вывалились из той же двери, что и я, до боли в ушах дуя в пронзительные свистки. Они вошли в банк, увидели дырку в стене и пошли по моему пути. Я быстро оглянулся — сплошные оскаленные зубы, синие мундиры, латунные пуговицы да пистолеты — и припустил бегом.

За угол и в машину.

Вот только улица оказалась пуста, машины уже не было. Должно быть, Слэшер решил, что заработал для одного вечера вполне достаточно, и уехал, оставив меня в руках закона.

Я не утверждаю, что изготовлен из более прочного материала, чем большинство людей. Хотя и чувствую, что это большинство, оказавшись в моем положении — тридцать две тысячи лет назад, куча краденных денег на руках и наседающая на пятки полиция — изрядно испугалось бы. Только тренировка и опыт — за свою жизнь я слишком часто попадал в такие ситуации,— заставили меня спокойно продвигаться вперед и обдумывать следующий ход. Через несколько мгновений тяжеловесные прислужники закона вылетят из-за угла... К тому же наверняка кто-то сейчас уже вызывает по радио подкрепление, чтобы перерезать мне дорогу. Думай быстро, Джим!

Сказано — сделано. Раньше, чем я успел пробежать пять шагов, план спасения был намечен, отредактирован, набран, отпечатан, переплетен в маленькую брошюру, открытую перед моим мысленным взором на первой странице.

Во-первых, надо убраться с улицы. Заскочив в ближайший подъезд, я сбросил груз денег и зажал в пальцах мини-гранату из нарукавного держателя. Она прекрасно поместилась в круглой замочной скважине и с внушительным треском разнесла в щепки замок и часть косяка. Мои преследователи еще не появились, поэтому я повременил открывать развороченную дверь до их прихода. Резкие крики и свистки показали, что я замечен. Дверь вела в длинный коридор; я остановился в дальнем конце и поднял руки, демонстрируя готовность сдаться.

— Не стреляйте, копы! Сдаюсь! Я бедный парень, меня привела к преступлению дурная компания.

— Не двигайся, или мы тебя продырявим!— радостно завопили они, осторожно входя внутрь и светя мне в глаза сильными фонариками.

Я стоял, цепляясь пальцами за воздух, пока лучи не скользнули в стороны и не раздался двойной стук падающих тел. Этого и следовало ожидать, потому что воздуха в коридоре было куда меньше, чем сонного газа. Осторожно дыша через фильтры в ноздрях, я содрал мундир с того из моих спящих друзей, на которого больше походил фигурой, и надел его поверх собственной одежды. Ну и измучился же я с этими дурацкими застежками! Потом подобрал его оружие, вложил в кобуру, опять поднял свои сумки и, выйдя, направился по улице назад к банку.

Испуганные обыватели выглядывали из дверей, как звери из нор. На углу я повстречался с другой полицейской машиной. Как и следовало ожидать, здесь их собралось множество.

— Со мной награбленное,— сказал я крепкому человеку за рулем.— Несу обратно в банк. Мы прищучили этих крыс, всю банду — вон та дверь, отправляйтесь туда.

Совет был излишним, потому что машина уже умчалась. Первый полицейский автомобиль все еще стоял на том месте, где я видел его в последний раз. Под робкими взглядами зрителей я бросил свою кладь на переднее сидение и забрался внутрь.

— Давайте расходитесь! Представление окончено!— заорал я, манипулируя незнакомыми устройствами. Их чертова прорва, достаточно, чтобы управлять космическим кораблем, не то что неуклюжей казенной колымагой.

Толпа отхлынула, потом снова придвинулась. Я слегка вспотел: только теперь я заметил, что крошечная замочная скважина на панели пуста, и с запозданием вспомнил, как Слэшер говорил что-то о ключах для запуска этих машин. А вокруг все громче завывали сирены. Я спохватился и стал шарить по странному набору карманов и кармашков своего мундира.

Ключи! Полное кольцо ключей. Ликуя, я стал тыкать их один за другим в замочную скважину, пока не сообразил, что они все велики. Снаружи толпа подходила все ближе, пораженная моими действиями.

— Назад! Назад!— Я выхватил из кобуры оружие, чтобы придать вес моим словам.

Видимо, оно было заряжено и готово к действию, а я неосторожно коснулся не той кнопки. Раздался ужасный грохот, возникло облако дыма, и оружие выскочило из моей руки. Какой-то снаряд пробил металлическую крышу машины, а я почувствовал сильную боль в большом пальце.

Зрители по крайней мере убрались. И притом в спешке. Когда они разбежались по всем направлениям, я увидел, что сзади подъезжает еще одна полицейская машина, и почувствовал, что дела идут совсем не так хорошо, как хотелось бы. Должны же быть другие ключи! Я снова стал шарить, швыряя найденные вещицы на соседнее сиденье. Другая машина остановилась позади моей, дверцы открылись.

Металлический блеск в маленьком кожаном футляре. Ну да, пара ключей. Один мягко вошел в нужное отверстие как раз в тот момент, когда блюстители подошли к моей машине с обеих сторон.

— Что здесь происходит?— спросил ближайший.

Ключ повернулся, послышался стон мотора и металлическое щелканье.

— Неприятности!— сказал я, хватаясь за металлические рычаги.

— Выходи, ты!— бросил коп, вытаскивая оружие.

— Дело жизни и смерти!— закричал я срывающимся голосом, нажимая на одну из педалей, как это делал Слэшер.

Мотор взвыл, колеса завертелись. Машина, проснувшись, рванула с места.

Конечно же, не в ту сторону — назад.

Раздался ужасный грохот и звон, полицейские исчезли. Я снова схватился за рычаги. Впереди появился один из фараонов, он поднял оружие, но тут же отпрянул, как ужаленный, я нашел нужную комбинацию, и автомобиль с ревом рванулся на него. Дорога чиста, и я свободен. Но на пятках висит полиция. Не успел я добраться до угла, как другая машина тронулась и понеслась вперед. На ее

крыше закрутились цветные огни, завыла сирена. Я правил одной рукой, а другой защелкал переключателями, побрызгал водой на ветровое стекло, поглядел, как ее стерли движущиеся руки, послушал громкую музыку, согрел ноги струей теплого воздуха и в конце концов включил воющую сирену и, наверное, вертящиеся огни.

Мы неслись по широкой дороге, пока я не смекнул, что рано или поздно попаду к ним в руки. Полиция знает свой город, свои машины и может по радио вызвать подмогу мне наперехват. Сообразив это, я завертел баранку и свернул на ближайшую улицу. Поскольку я двигался несколько быстрее, чем следовало, шины завизжали, машина въехала на тротуар и перед тем как соскочить снова на дорогу стукнулась боком о дом.

Преследователи приотстали, не желая поворачивать столь же картинно, но вновь сумели пристроиться мне в хвост, когда я прогрохотал за следующий угол. Сделав два правых поворота, я ехал теперь прямо назад и снова приближался к месту преступления.

Это может показаться безумием, но вернуться на прежнее место, казалось мне, безопаснее, чем мчаться по городу. Через несколько секунд моя машина с воющей сиреной и сверкающими огнями оказалась среди стаи таких же воющих и сверкающих бело-голубых машин. Все складывалось очень мило. Автомобили поворачивали, пятились и мешали друг другу, я же со своей стороны делал все, что мог для увеличения беспорядка. Вокруг меня ругались, красноречиво жестикулировали. Я задержался бы, но у меня были другие дела. Когда веселье достигло максимума, я выбрался из свалки и заехал за угол. Погони не было. Выключив сирену и притушив свет, я с более разумной скоростью поехал по улице, ища место, где можно было бы пристать. Ускользнуть в полицейской машине невозможно, да я и не собирался. Мне была необходима крысиная нора, чтобы затаиться.

И норка должна быть роскошной. Нельзя ничего делать наполовину. Чуть дальше я увидел то, что нужно: мерцающий неоновыми огнями великолепный отель экстра-

класса всего в двух шагах от места преступления. Здесь меня точно не станут искать. Я очень на это надеялся, хотя определенный риск есть всегда.

За следующим поворотом я остановил машину, снял мундир, положил в карман пачку денег и, взяв свои сумки, побрел походкой фланера к отелю. Когда машину найдут, то подумают, что я сменил ее на другую — очевидная уловка — и еще более расширят район поиска.

— Эй, вы,— окликнул я одетого в мундир служителя, который гордо стоял у входа.— Внесите багаж.

Тон мой был оскорбителен, манеры грубы, и он, наверное, проигнорировал бы меня, не заговоря я тут же на другом языке и не сунь ему в руку крупную купюру. Быстрый взгляд на нее породил улыбку и фальшивое раболепие. Он подхватил вещи и засеменил вслед за мной в вестибюль.

Сверкающая деревянная обшивка, мягкие ковры, скрытый свет, сильно декольтированные женщины в сопровождении пожилых мужчин с обвисшими животами. Такое место мне и нужно. Пока я шел наискосок к конторке, многие с удивлением поднимали брови, глядя на мою грубую одежду. Тип за конторкой презрительно поглядел на меня поверх своего длинного аристократического носа, и я нутром почувствовал, как в его душе начинает образовываться ледок.

Я расколол его пачкой денег, брошенной на пол.

— Вы имеете удовольствие встретиться с богатым, но эксцентричным миллионером,— сказал я клерку.— Это вам.— Банкноты немедленно исчезли.— Я только что вернулся с веселенькой прогулки и хочу занять самый лучший номер.

— Что-нибудь устроим, но сейчас свободны только Императорские апартаменты, а это стоит...

— Не приставайте ко мне с деньгами. Возьмите это и дайте знать, когда понадобится еще.

— Да, да, что-нибудь устроим. Не будете ли вы так добры вписать сюда свое имя?

— А вас как зовут?

— Меня? Хм... Роско Амбердекстер.

— Какое совпадение! Меня тоже так зовут, но вы можете обращаться ко мне просто «сэр». Должно быть, наше с вами имя очень распространено. Так что заполните все сами, раз мы однофамильцы.

Я поманил его к себе. Он подался вперед, и я хрипло прошептал:

— Я не хочу, чтобы про меня знали. Все охотятся за моими денежками. Если управляющий захочет получить дополнительную информацию, он, конечно, получит... на лапу. Я думаю, этого будет достаточно.

Дальнейшее плаванье, начавшееся на волне зелененьких, проходило гладко. Меня проводили в мои апартаменты, и я щедро одарил двух носильщиков за то, что у них хватило ума не уронить багаж. Они еще открывали и закрывали двери, а также показывали мне все удобства. Один по моей команде позвонил в ресторан и заказал массу еды и выпивки, после чего они удалились с оттопыренными карманами и в наилучшем настроении. Я положил сумку с деньгами в шкаф, открыл другую.

И замер.

Стрелка индикатора на детекторе темпоральной энергии сдвинулась и теперь упорно показывала в направлении окна.

Руки мои попробовали задрожать, но я тут же это пресек, затем вытащил детектор и осторожно положил его на пол. Напряжение поля оказалось 117.56 — я моментально записал эту цифру. Потом сел на пол и поглядел, куда показывала стрелка. Затем я подбежал к окну и пометил точку, на которую она указывала, крестиком. Пока я глазел на стрелку, она вдруг свободно закачалась и указатель вернулся к нулю.

Но я их засек! Кто бы ни были эти типы, они действовали из настоящего. Однажды они уже использовали свою темпоральную аппаратуру и наверняка включатся снова. А я уж буду их ждать.

Впервые с тех пор, как меня занесло на эту грубую варварскую планету, в груди моей затеплилась искорка надежды. До сих пор я действовал инстинктивно, просто охраняя свою жизнь и постигая обычаи этого странного

мира, и старался ни на минуту не задумываться о будущем, которого не будет, если только мне не удастся заново создать его. Вот этим-то я и займусь теперь.

Плотно пообедав и разметав целые водопады банкнотов, я отошел ко сну. Ненадолго, правда: двухчасовая таблетка снотворного погрузила меня в глубочайший из возможных снов с почти непрерывными сновидениями. Я проснулся и почувствовал себя почти по-человечески. В соседнем помещении, в баре была масса интересных бутылок, некоторые с очень даже приятным содержимым, и я уселся с наполненным стаканом перед стеклянным глазом прибора под названием ТВ. Когда я говорил на местном языке, мое произношение оставляло желать лучшего, и я хотел послушать кого-нибудь, говорящего на лучшей его разновидности.

Оказалось, что это не так-то просто. Во-первых, трудно было отличить учебные каналы от развлекательных. Я нашел что-то похожее на нравоучительную пьесу на исторический сюжет, в которой все герои носили широкополые шляпы и ездили на лошадях. Однако весь их словарь содержал менее ста слов, и большинство персонажей погибло от пуль, прежде чем я успел понять, в чем там дело. Вообще ружья играли важную роль в большинстве спектаклей, которые я просмотрел, хотя зрелище разнообразилось садизмом и различного рода членовредительством. Все эти виды насилия и частые гонки в различных экипажах не оставляли людям времени для межполового общения: краткий поцелуй был единственным проявлением привязанности или полового влечения. Многие спектакли были трудны для понимания еще и потому, что без конца прерывались короткими интермедиями и поучительными лекциями о достоинствах различных потребительских товаров.

К утру я понял, что с меня хватит. Язык мой усовершенствовался лишь микроскопически, и потому я вместо комментариев пнул ногой стеклянный экран и отправился мыться в розовую комнату, утыканную экспонатами, кои иллюстрировали историю водопроводного дела.

Утром, как только открылись магазины, я разослал во все стороны посыльных, в изобилии снабдив их деньгами. Вскоре ко мне в номер начали стекаться покупки. Новая одежда под стать моему высокому положению и роскошные чемоданы для нее. Плюс множество карт, тщательно выполненное устройство под названием «магнитный компас» и книга по теории навигации.

Дело оказалось удивительно простым: определить точное направление, которое показывал детектор, перенести его на местную карту и получить вполне точную оценку расстояния до источника темпорального поля в единицах, называемых милями. Длинная черная линия на карте указывала мне направление, черта поперек нее — расстояние: вот и цель. Мои линии пересекались в точке, которая, видимо, принадлежала области большого скопления населения,— самого, пожалуй, большого на всей карте.

Называлась эта область очень странно: Нью-Йорк-сити. Никаких указаний на то, где находится Олд-Йорк-сити, не было. Да это и не имело значения. Теперь я знал, куда мне ехать.

Мой отъезд из отеля больше напоминал отбытие коронованной особы, чем простое расставание с клиентом: в мою честь раздавались приветственные крики и пожелания скорейшего возвращения. Что ж, все может быть.

Наемный автомобиль забросил меня в аэропорт, услужливые руки тотчас отнесли багаж к нужным воротам. Здесь меня поджидала большая неожиданность — ведь я и думать забыл об ограблении банка. А кто-то отлично помнил.

— Открывайте-ка сумки!— сказал мрачного вида блюститель порядка.

— Пожалуйста,— ответил я очень веселым тоном. Я заметил, что все остальные пассажиры подвергаются такому же обыску.— Могу я узнать, что вы ищете?

— Деньги. Ограбили банк,— буркнул он, ковыряясь в моих вещах.

— Я никогда не ношу с собой крупных сумм,— сказал я, крепко прижимая к груди сумку с деньгами.

— С этой все в порядке. Теперь посмотрим ту.

— Если вы не против, не на людях, сэр. Я ответственный правительственный чиновник, и здесь у меня бумаги высочайшей секретности.— Я процитировал это слово в слово из телепередачи.

— В той комнате,— указал он.

Я почти сожалел, что ввернул эту фразу: она звучала как-то по-детски.

В комнате, когда я вместо сумки вскрыл усыпляющую газовую гранату, он был несколько растерян, а затем уснул. У стены стоял большой металлический ящик, наполненный многочисленными бланками и бумагами, столь милыми бюрократическому уму. Я переупорядочил их и ухитрился выкроить место для своего похрапывающего приятеля. Чем дольше его не обнаружат, тем лучше. Если не случится непредвиденных задержек, то до того, как он очнется, я уже буду в Нью-Йорке. Ведь ему придется просыпаться естественным путем. У них здесь нет антидота для моего газа.

Когда я выходил из комнаты, другой служащий в мундире с интересом поглядел на меня. Поэтому я повернулся ко все еще открытой двери и заговорил:

— Благодарю вас за любезное содействие... Ну, что вы, никакого беспокойства.

Я закрыл дверь и, проходя мимо, улыбнулся чиновнику. Он нехотя приложил кончики пальцев к козырьку фуражки и ухватился за багаж какого-то пожилого пассажира. Я прошел дальше со своими сумками и не очень удивился, обнаружив на лбу крохотные капельки пота.

Полет был короткий, шумный, неинтересный и, пожалуй, слишком тряский — в огромном аппарате с неподвижными крыльями, который, по-видимому, приводился в движение реактивными двигателями, сжигающими жидкое топливо. Хотя запах этого топлива был повсюду и я уже успел к нему привыкнуть, мне никак не верилось, что они так просто сжигают невосполнимые запасы углеводородов.

Пришлось пережить несколько неприятных моментов при высадке, но здесь никакой тревоги не было. Переезд

в центр из пригородного аэродрома оказался весьма мучительным: тряска, крики, невероятный шум. Поэтому, пройдя наконец в дверь прохладного гостиничного номера, я почувствовал облегчение. Тем не менее, когда под действием местной дистиллированной отравы, к которой я уже успел пристраститься, ко мне вернулась способность размышлять, я был вполне готов к следующему шагу.

Каким же он будет? разведка или атака? Благоразумие диктовало необходимость осторожного поиска источника темпоральной энергии, чтобы выяснить, против кого я действую.

Решившись было на это, я даже побранил себя за то, что осмелился хотя бы подумать о прямом нападении, и вдруг передумал. Сработала холодная логика. Я повернулся и ткнул пальцем в свое отражение в зеркале.

— Дурак!— Я погрозил себе пальцем.— Как это один таксист обозвал другого: недоносок безмозглый.

Ведь у меня только одно преимущество: именно внезапность. Любая разведка может наделать шуму, и эти темпоральные бандиты поймут, что за ними следят, и, возможно, даже нападут сами. Конечно, начав темпоральную войну, они наверняка готовы к возможному возмездию. Но не могут же они оставаться начеку недели, месяцы, может быть, даже годы? Стоит им узнать, что я поблизости, в этом времени и месте, как они предпримут всевозможные дополнительные меры предосторожности. Чтобы это предотвратить, я должен нанести удар, и удар сильный, хотя и не знаю, по кому.

— Какая разница?— спросил я, открывая футляр с гранатами.— Конечно, было бы интересно узнать, кто и почему нападает на Корпус. Но так ли это важно и нужно? Конечно же, нет.— Я поглядел поверх маленькой термоядерной бомбочки в усталые покрасневшие глаза своего отражения и потряс головой.— Нет, нет и нет! Они должны быть уничтожены и точка. Сейчас. Быстро.

Передо мной не было другого пути, поэтому я спокойно и уверенно укрепил на себе все мощные средства уничтожения, созданные за тысячелетия самыми надежными

человеческими исследователями — военными. В обычных обстоятельствах я не сторонник принципа «убей или убьют тебя»,— дела, как правило, не доходят до такой контрастности. Но только не сейчас, и поэтому я не чувствовал ни малейших угрызений совести по поводу своего решения. Идет необъявленная война против будущего всего человечества — иначе почему именно Специальный Корпус стал первым объектом нападения? Кто-то, какая-то группа желает получить контроль над в с е м пространством и временем. Это, вероятно, самый безумный и эгоистический план в истории, и совершенно безразлично, кто или что его реализует. Смерть им, пока еще не уничтожено все достойное!

Покидая отель, я представлял собой ходячую бомбу, орудие уничтожения. Черный ящичек детектора находился в атташе-кейсе, который я нес в руке. В крышке кейса я проделал отверстие, через которое можно было видеть показания индикатора. Враг где-то рядом, и когда он шевельнется, я буду начеку.

Ждать пришлось недолго, совсем неподалеку, если верить поведению стрелки, высвободилось огромное количество темпоральной энергии — я на верном пути. Определяя направление на ходу и рассчитывая расстояние, я бросился вперед, почти не замечая окружающих меня людей и машин. Потом, едва не попав под мчащийся грузовик, я все-таки замедлил темп и стал более осторожным. Впереди показалось открытое пространство с рощицей посредине. Удручающе однообразные дома, огромные призмы из металла и стекла, маячащие в отравленном воздухе, были неотличимы друг от друга. Какой из них мне нужен? Стрелка вновь качнулась, дрожа от напряжения и стала перемещаться по мере того, как я двигался. Индикатор расстояния полз к краю шкалы.

Здесь. В этом черном с медью здании.

Я вошел, готовый ко всему.

Ко всему, кроме того, что произошло на самом деле.

Они запирали за мной все двери и перекрывали все входы. В э т о м у ч а с т в о в а л и в с е. Посетители,

лифтеры, даже человек в табачном киоске. Они бежали ко мне, теснили, и глаза у всех горели холодным огнем ненависти. Меня обнаружили. Должно быть, засекли мой детектор. Они знают, кто я. Они напали первыми.

Это развивалось, как кошмар наяву. Все мы иной раз бываем подвержены приступам паранойи и чувствуем, что весь мир против нас. Теперь я столкнулся с этим на деле. На мгновение меня охватил инстинктивный страх, но я стряхнул его и начал действовать.

Однако хватило и этого мгновения сомнений. Мне бы следовало стрелять, убивать, уничтожать все вокруг, как и планировалось. Но я вовсе не предполагал, что встречусь с таким множеством людей. Поэтому выиграть я не мог.

Конечно, кое-что я сделал — газом, бомбами, голыми руками,— но недостаточно. Все новые и новые руки цеплялись за мою одежду — и так без конца. И они отнюдь не были ласковы, эти люди, набросившиеся на меня с такой же бешеной ненавистью, какую я питал к ним. Две стороны медали. И каждая видит в другой свое уничтожение. Меня преследовали и догоняли. И когда наступило забытье, оно было почти приятно.

Не то чтобы мне позволили долго в нем пребывать. Боль и резкий запах, обжигающий ноздри, вновь вернули меня к неприятной действительности. Передо мной стоял и глядел на меня какой-то гигант, черты лица которого были смазаны моим расфокусированным зрением. Видимо, меня держало множество рук, которые стискивали и трясли меня. По моему лицу провели чем-то мокрым, счистили то, что мешало моему зрению, и я смог рассмотреть гиганта так же хорошо, как он меня.

Он был в два раза выше обычного человека. Такой громадный, что мне пришлось откинуться назад, чтобы рассмотреть его нависающее надо мной лицо. Кожа, залитая румянцем, темные, какие-то угловатые глаза. Когда он открывал рот, было видно, что многие зубы у него остроконечные.

— Из когда ты?— спросил он грубо рокочущим голосом на языке Корпуса. Видимо, я прореагировал на это, потому что он улыбнулся победоносно и холодно.

— Специальный Корпус, надо думать. Последняя вспышка перед тьмой. Как много вас здесь? Где остальные?

— Они... вас найдут,— ухитрился я выговорить.

Какой маленький успех с моей стороны по сравнению с их победой. Пока они не знают, что я один, у меня есть шанс остаться в живых... до выяснения. Я надежно связан, все мое снаряжение отнято. Я беззащитен. Они быстро проследят за мной назад по времени до отеля и скоро узнают, что бояться больше некого.

— Кто вы,— спросил я. Язык был моим единственным оружием.

Вместо ответа он победоносным жестом поднял вверх кулаки, и ответ пришел ко мне автоматически.

— Вы — безумец!

— Конечно!— заорал он возбужденно, и одновременно задергались и затряслись державшие меня руки.— Так оно и есть, и хотя они однажды убили нас за это, им не удастся снова нас обыграть: на этот раз победа будет за нами, потому что мы истребим наших врагов, прежде чем они родятся, обречем их на несуществование.

Я вспомнил, как Койпу говорил что-то об уничтожении Земли в далеком прошлом. Может быть, это сделали, чтобы остановить безумцев? Неужели сейчас это и происходит? Его выкрики прервали мою мысль.

— Заберите его. Пытайте самым изощренным образом — для моего удовольствия и чтобы ослабить его волю. Потом высосите из его мозга все знания. Нужно многое выяснить.

Когда меня поволокли из комнаты, я понял, что нужно делать. Ждать. Подальше от этого человека, от толпы, среди искусных палачей и в относительном, очень нужном мне уединении. Случай представился, когда в белой лаборатории техники накинулись на тащивших меня людей и вырвали меня из их цепких рук. Они были так же зверски грубы друг с другом, как и со мной. Целая иерархия ненависти. Вероятно, великан был прав — они без-

умцы. Какое извращение человеческой истории вывело на сцену этих людей? Невозможно даже представить.

И снова ожидание. Я хранил спокойствие, зная, что мне может представиться только одна возможность, и я не должен ее упустить.

Дверь закрылась. Меня положили спиной на стол, прикрепили к нему лодыжки. Кроме меня, в комнате было еще пять человек. Двое стояли ко мне спиной, все их внимание было приковано к приборам. Остальные навалились на меня. Я оттопырил челюсть и как можно сильнее нажал на крайний зуб. Это было мое последнее оружие, абсолютное, к которому я еще никогда не прибегал. Как правило, я даже не носил его, считая, что в обычных конфликтах жизни со смертью не стоит платить такую цену за победу. Но тут был другой случай. Когда я надавил, искусственный зуб треснул, и капельки горькой жидкости, содержавшиеся в нем, скатились мне в горло.

Меня пронзила боль, которая тут же исчезла, поглощенная наркотиками, убивающими нервную чувствительность; они помогали перенести действие других ингредиентов. Это было дьявольское зелье, приготовленное медиками Корпуса по моему предложению. До сих пор его испытывали в малых дозах только на подопытных животных. Сюда входили все когда-либо открытые стимуляторы, включая новый класс синергаторов — сложных химических соединений, позволяющих человеческому телу раскрывать феноменальные резервы сверхъестественной силы, о которых знали давно, но которые считали недоступными для использования.

Время ускорилось, и люди, нависшие надо мной, задвигались медленнее. Увидев это, я подождал еще долю секунды, чтобы снадобье полностью подействовало, а потом вытянул руки. Хотя на каждую из них навалился всем весом крепко сложенный мужчина, это не имело значения. Не почувствовав их веса и даже не приложив особого усилия, я оторвал обоих от пола и стукнул лбами, а затем швырнул их в третьего, стоявшего у другого конца

стола. Они столкнулись, упали и покатились. Лица их были искажены от боли и ужаса.

Они еще падали, а я уже сел и, схватив толстые металлические зажимы, приковавшие мои ноги к столу, вырвал их с корнем. Это показалось мне очень простым делом. Кажется, я причинил какой-то вред своим пальцам, но отметил это лишь как мелкий эпизод, не имеющий никакого значения.

В комнате оставалось еще два человека, и они все еще поворачивались ко мне, потому что борьба с первыми тремя отняла всего несколько мгновений. Как по нотам. Они были еще не готовы. Один стоял с наполовину поднятым оружием. Другой был растерян. Я бросился вперед, врезал каждому по челюсти, повалил обоих и швырнул в шевелящуюся кучу коллег. Их было пятеро против меня одного, и я не мог позволить по отношению к ним никакого снисхождения, даже если бы и хотел. Теперь, когда мои руки были не в порядке, я бил их ногами, пока в куче не прекратилось всякое движение, и только тогда дал возможность холодному рассудку пробиться сквозь бешеную ярость.

Что теперь? Бежать. От моей собственной одежды остались одни лохмотья, и я поспешно сорвал их. Мои мучители были одеты в белое, и я потратил некоторое время на то, чтобы расстегнуть все непривычные застежки и одеться в наименее испачканный из их костюмов. На лбу у меня оказалась кровавая рана, которую я аккуратно забинтовал — думаю, после побоища у входа это была не единственная здесь повязка — затем замотал себе кисти. Мне никто не помешал, да и времени это много не отняло.

Закончив, я вышел и заспешил по коридору, повторяя путь, которым меня недавно тащили. Здание жужжало, как растревоженный улей, и все, кого я встречал, казались слишком занятыми, чтобы обращать на меня внимание. Даже в вестибюле, где народ роился вокруг моего снаряжения, разложенного для обозрения на большом столе, никто мной не заинтересовался. Будь подходящее время, я бы посмеялся.

Осторожно, никого не потревожив, я подобрался к столу и активизировал связку газовых гранат, задержав дыхание на время, необходимое для вставки в ноздри фильтров. Газ действует очень быстро, и даже те, кто увидел мои проделки, не успели перед падением никого предупредить. Воздух подернулся дымкой от скопления газа. Я подобрал свой гаусс-пистолет и распахнул огромную дверь в соседнюю комнату.

— Ты!— закричал он.

Его массивное красное тело выпрямилось как раз тогда, когда газ уложил на пол все его окружение. Он качнулся и потянулся ко мне, борясь с действием газа. Газ должен был свалить его мгновенно, но он продержался, пока я не обрушил ему на голову пистолет. И когда я привязывал его к стулу, его глаза, налитые смертельной злобой, не отрывались от меня. Только закрыв за собой дверь, я улучил момент, чтобы снова взглянуть ему в лицо и увидел, что он все еще в сознании.

— Что ты за человек?— сорвались с моего языка непрошенные слова.— Кто ты?

— Я — ОН, который будет править вечно, который никогда не умрет. Освободи меня.

В его словах была такая сила, что я почувствовал, как меня тянет к нему помимо воли; его круглые глаза почти гипнотизировали меня. Я был как в тумане, может быть из-за того, что кончилось действие наркотиков. Я потряс головой и быстро заморгал. Но другая часть моего «я» была по-прежнему начеку и не поддавалась влиянию этой великой силы великого зла.

— Долгое правление, но не очень приятное.— Я улыбнулся.— Разве ты сможешь сделать что-нибудь с этими ужасными солнечными ожогами?

Лучше нельзя было сказать. Это чудовище было начисто лишено юмора и привыкло, надо думать, к рабскому почитанию. Сначала он завыл совсем по-животному, потом разразился речью, бешеным потоком безумия, которое бушевало и клокотало вокруг, пока я делал последние приготовления, чтобы закончить эту темпоральную войну.

Это было безумием, но безумием организованным, которое множится и заражает окружающих. Тело у него было искусственное: я видел теперь шрамы и следы пересадок, да и сам он это говорил. Сфабрикованное тело, трансплантированное, краденое, с искусственным скелетом — тело, красноречиво говорившее о складе ума того, кто предпочел жить в такой страшной оболочке.

Есть еще такие, как он, но он лучший экземпляр, он единственный... Было очень трудно уловить смысл того, что он говорил, но я запоминал, что мог, чтобы разобраться впоследствии. Одновременно я отвинчивал вентиляционную решетку, сыпал в воздушную систему свои порошочки и вообще готовился подбросить песочку в механизм этой сатанинской мельницы.

Он и его сторонники были уже однажды уничтожены в прежней истории. Он сам сказал мне это. Каким-то неведомым путем они получили еще один шанс захватить власть во вселенной, но этот номер вновь не пройдет. Меня, Скользкого Джима ди Гриза, грабителя-одиночку без постоянного адреса, уже не раз призывали для важных дел, и я всегда добивался успеха. Теперь меня попросили спасти мир. Раз нужно, я сделаю.

— Они не могли выбрать лучшего человека, сказал я не без гордости, оглядывая гигантские установки темпоральной лаборатории, аккуратно усыпанной распростертыми телами. Гигантская зеленая закрученная пружина темпоральной спирали как будто улыбалась мне, и я, улыбнувшись, обратился к ней.

— Сначала суну бомбы в механизм, а потом ты меня подвезешь!— воскликнул я удовлетворенно, делая нужные приготовления.— Надо уничтожить аппаратуру и оставить здешних психов местным властям. Хотя красномордым, пожалуй, стоит заняться специально.

Все правильно. Я только удивился, что я медлю. А ждал я, наверное, возможности прикончить его в пылу борьбы — не могу я хладнокровно убить даже самого безжалостного убийцу. Хотя на этот раз придется. Подведя себя к пониманию этого, я переставил переключатель га-

усс-пистолета на разрывные заряды и заглянул в первую комнату.

Удобный случай представился значительно раньше, чем я рассчитывал. Рассыпая удары, на меня обрушилась огромная красная туша. От толчка я покатился к противоположной стене, извиваясь и пытаясь прицелиться.

Быстро двигаясь, он включил рубильник и рванулся к концу темпоральной спирали.

Пули тоже быстро двигаются. Мои со свистом вылетели из гаусс-пистолета и взорвались у его тела. И тут он исчез, брошенный в чужое время — вперед или назад — не знаю, потому что аппаратура начала мерцать и растворяться, пока я бежал к ней. Явится ли он по назначению мертвым? Думаю, да — ведь я пользовался разрывными зарядами.

Действие некоторых наркотиков проходило — пальцы боли и утомления начали стучаться на окраинах моего сознания. Пора уходить. Немедленно забрать снаряжение и сматываться. В отель, затем в больницу. Небольшой отдых, пока меня будут штопать, даст мне время обмозговать, что предпринять дальше. Технология этого века может оказаться достаточно развитой для создания темпоральной спирали, а ведь у меня в том черном ящике по-прежнему заперта память профессора. Денег, вероятно, потребуется очень много, но всегда есть масса способов их раздобыть.

Болезненно пошатываясь, я побрел наружу.

Я нес с собой чемоданчик-дипломат с самыми обыкновенными вещами: гранатами, газовыми бомбами, взрывчаткой, носовыми фильтрами и парой пистолетов — стандартный джентльменский набор. Выпрямившись и развернув плечи — одним словом, весьма воинственно — я зашёл в контору военно-морского казначейства. Держался я так хотя бы для того, чтобы поддержать честь мундира — новехонького, сверкающего золотом, усеянного нашивками мундира командора флота Соединенных Штатов.

— Доброе утро,— сказал я звонко, затворяя за собой дверь и незаметно запирая ее зажатым в руке инструментом.

— Здравия желаю, сэр.

Сидевший за столом хмурый старшина говорил достаточно вежливо, но было ясно, что внимание его всецело занято работой — бумагами, аккуратно сложенными на столе,— и всякие незнакомые офицеры должны дожидаться своей очереди. Подобно тому, как любая армия держится на сержантах, всеми флотами управляют старшины.

Моряки сновали по всевозможным военно-финансовым делам, и в дверном проеме напротив я увидел раскрытую пасть стандартного казенного сейфа. Я положил чемоданчик на стол старшины и распахнул его.

— Я читал в газетах, что военные, когда просят дотации, всегда округляют сумму вверх до следующего миллиона или миллиарда долларов. Это меня восхищает.

— Да, да, сэр,— пробормотал старшина, щелкая клавишами калькулятора и явно не интересуясь ни моей способностью читать, ни комментариями прессы.

— Я думаю, вам будет интересно побеседовать со мной. Так или иначе, но мне в голову пришла мысль: нужно поделить деньги. При такой свободе обращения с ними у вас должна быть целая куча лишних — для меня. Именно поэтому я и собираюсь вас застрелить, старшина.

Что ж, это привлекло его внимание. Я подождал, пока его челюсть совсем не отвисла, а глаза едва не стали вылезать из орбит, и нажал на спуск длинноствольного пистолета. Он издал звук «шуф» и вздрогнул в руке, а старшина хрюкнул и скрылся с глаз под столом.

Это заняло лишь мгновение, и остальные в комнате едва успели заметить, что происходит нечто необычное, когда я повернулся и перестрелял их одного за другим. Перешагнув через нагромождение тел, я сунул голову в заднюю комнату.

— Хо-хо, капитан, вот и я.

Он отвернулся от сейфа, пробормотал какое-то морское проклятие и заполучил в шею иголку. Свалился он так же быстро, как и остальные. Снадобье у меня мощное — усыпляет моментально. Из передней комнаты уже доносился храп.

Жалованье было налицо: пачки хрустящих банкнотов, аккуратно разложенные на множестве подносов. Я раскрыл свой складной чемодан и стал укладывать в него первую связку благословенной зелени. В этот момент оконное стекло разлетелось вдребезги, и в меня полетели пули.

Только я этого не дожидался. Если бы стреляли сквозь стекло, свинцовые пули наверняка изрешетили бы меня; но люди сначала разбили стекло, а уже потом открыли огонь, и это дало моим отлично отлаженным рефлексам долю секунды, необходимую для работы, к которой они всегда готовы. Я перекувырнулся и откатился назад, выхватив из рукава мини-бомбы еще до того, как коснулся пола.

Вспышка и дым. Бомбы грохнули, воздух моментально потерял прозрачность. Вслед за первыми я швырнул еще партию, и стрельба прекратилась. Извиваясь на полу, как змея, оставив между собой и окном громаду сейфа, я начал на ощупь набивать чемодан деньгами. Пусть меня обнаружили, загнали в угол, пусть я в смертельной опасности, но это вовсе не повод бросать награбленное. Уж коли я пошел на все эти хлопоты, они должны быть по крайней мере оплачены.

Волоча за собой ноги, я пополз к первой комнате и уже было миновал дверь, когда снаружи раздался рев громкоговорителя:

— Мы знаем, что ты внутри! Выходи и сдавайся, или мы тебя продырявим. Здание окружено — у тебя нет шансов.

Около двери дым поредел, и я, осторожно поднявшись, увидел сквозь окна, что голос говорил правду. Там стояли грузовики, наполненные безжалостными и хорошо вооруженными полицейскими. И еще джипы с установленными сзади крупнокалиберными пулеметами. Вполне достойный комитет по встрече.

— Вы, крысы, не возьмете меня живьем!— закричал я, как сеятель разбрасывая во все стороны дымовые и световые бомбы; заодно я швырнул и разрывную гранату побольше, которая снесла часть задней стены. Под при-

крытием всей этой суматохи я подполз к спящему старшине и содрал с него китель. Старшина служил уже долго, так что нашивок на его куртке было больше, чем полос у тигра, а рукава лоснились. Я отбросил в сторону свой китель, надел взятый у спящего, затем обменял фуражки. Те люди снаружи расставили мне, по-видимому, хитрую ловушку, а это значило, что они знают обо мне больше, чем хотелось бы. Однако их знание можно было обернуть против них быстрой переменой моего чина. Я швырнул еще несколько бомб, сунул пистолет в карман, и распахнул дверь наружу.

— Не стреляйте!— завопил я хрипло, останавливаясь в дверном проеме наподобие цели в тире.— Не стреляйте! Он держит меня на мушке. Я заложник!

Я старался выглядеть испуганным, что не потребовало особых усилий, когда я увидел перед собой эту маленькую армию.

Затем я шагнул вперед и поглядел через плечо, предоставляя каждому возможность как следует рассмотреть меня. При этом я пытался не обращать внимания на ощущение, что на груди у меня нарисована здоровенная мишень с большой черной точкой прямо на сердце.

Никто не выстрелил.

Я потянул это мгновение еще чуть-чуть, потом нырнул со ступенек и откатился в сторону.

— Огонь! Всыпьте ему! Я в порядке!

Это было в высшей степени зрелищно. Все ружья выстрелили сразу, сорвав дверь с петель и выбив все стекла. Передняя стена здания продырявилась, как дуршлаг.

— Цельтесь выше!— закричал я, отползая под прикрытием ближайшего джипа.— Все наши парни на полу!

Они стали стрелять выше еще энергичнее, так, что начали отделять верх здания от основания. Я остановился у джипа, ко мне подошел офицер и упал, когда я прямо у него под носом раздавил капсулу с сонным газом.

— Лейтенанта ранило!— закричал я, запихивая его и чемоданы на заднее сидение джипа.— Его надо увезти!

Шофер был очень услужлив и сделал то, что ему было сказано, едва дав мне время сесть самому. Мы не проехали и пяти метров, как пулеметчик уже спал рядом с лейтенантом, а как только водитель врубил высшую передачу, задремал и он. Было довольно сложно вытащить его с сидения и забраться туда самому — все это, несясь на приличной скорости. В конце концов я все это проделал и основательно надавил на педаль газа.

Они очень быстро сообразили, в чем дело. Первый джип пустился за мной, еще когда я просовывал шофера к остальным на заднее сидение. Этот барьер из тел оказался хорошей баррикадой, больше никто в меня не стрелял. Однако они висели у меня на хвосте. Я круто повернул вокруг здания и послал врассыпную целый взвод каких-то салаг. Затем быстро оглянулся на преследователей. Вот это да! Двадцать-тридцать машин всех сортов неслись вслед за мной, обгоняя друг друга, в реве клаксонов и сирен: легковые джипы, грузовики, даже один или два мотоцикла. Просто прелесть! Джим ди Гриз, благодетель человечества! Куда бы я ни двинулся, за мной следует счастье.

Я свернул в большой ангар и понесся между рядами припаркованных вертолетов. Механики разбегались, отбрасывая в стороны инструменты, а я круто развернулся среди машин и понесся к раскрытым воротам ангара.

Когда я вылетел с одной стороны, мои преследователи как раз въехали в здание с другой. Совсем неплохо.

Вертолеты... Почему бы и нет? Ведь это Гринфилд, самозванная вертолетная столица мира. Если они могут их чинить, то могут, конечно, на них и летать. Морская база уже наверняка крепко заперта и окружена. Нужно искать другой путь вырваться из города. Вдалеке с одной стороны маячил зеленый стеклянный силуэт диспетчерской башни. Туда я и направился.

Передо мной расстилалась взлетная площадка, на ней стояли плоскобрюхие вертолеты с рокочущими моторами и медленно вращающимися лопастями. Я с визгом остановил джип под открытым настежь люком, но когда встал,

чтобы забросить в него свои чемоданы, чей-то тяжелый башмак попытался ударить меня по голове.

Конечно же, их предупредили по радио, как, впрочем, и всех в радиусе сотни миль. Досадно. Пришлось нырнуть под удар, схватить башмак и бороться с его обладателем, пока орда моих преследователей ревела за спиной.

Хозяин башмака знал слишком много об этом виде спорта, так что мне пришлось изловчиться и закончить матч раньше времени, выстрелив ему в ногу одной из моих иголок. Потом я швырнул в люк деньги, за ними — несколько гранат с сонным газом и наконец забрался сам.

Не желая беспокоить похрапывающего за приборной доской летчика, я уселся в кресло второго пилота и вылупил глаза на циферблаты и ручки. Для такого примитивного аппарата их было больше чем достаточно. Методом проб и ошибок я ухитрился найти все необходимое, но к этому времени вертолет был окружен плотным кольцом машин, и толпа вооруженных дубинками и ружьями военных полицейских состязалась за право первыми войти в вертолет.

Сонный газ валил их, даже тех, кто был в противогазах. Я подождал, пока их набралось достаточное количество, и дал полный газ.

Вероятно, бывают и лучшие взлеты, но, как однажды сказал мне инструктор, все, что поднимает тебя в воздух — совершенно. Я видел, как подо мной разбегались люди в поисках спасения, услышал скрежет колес по крыше одного грузовика. Потом мы повисли в воздухе, медленно развернулись и затарахтели прочь, на юг и к океану.

Только случайность привела меня именно в это военное заведение. Гринфилд расположен в нижней части Калифорнии, с Тихим океаном по одну сторону и Мексикой по другую. Нельзя забраться дальше на юг и на запад, продолжая оставаться в Соединенных Штатах. Как раз в этот момент мне почему-то расхотелось оставаться в этом государстве. Теперь, когда почти все вертолеты флота и морской пехоты в стране пустились за мной в погоню, я сообразил, что к ним подключатся истребители. Однако

Мексика — суверенное государство, другая страна, и я надеялся, что погоня за мной прекратится. У преследователей, наверняка, возникнут проблемы, и, прежде чем их разрешат, я буду далеко.

Подо мной проносились белые пляжи и голубая вода, я же был занят разработкой простого плана спасения. А также знакомился с управлением. После многих проб и ошибок и нескольких тошнотворных нырков я отыскал автопилот. Отличное устройство, которое можно установить на парение или на полет по курсу. Именно то, что нужно! Простой взгляд на него предоставил мне готовый план.

Подо мной мелькнула граница, затем арены корриды и розовые, лиловые, желтые дома мексиканского морского курорта. Все это быстро пронеслось мимо, и сразу же за ними началась мрачная береговая линия. Черные зубы скал, окруженные пеной, песок и отвесные ущелья, спускающиеся к морю, серые кустарники, пыльные кактусы. Редко — дом или лагерь. Прямо впереди в океан вдавался скалистый полуостров. Я пролетел над ним и спустился вниз по другую сторону. Остальные вертолеты отставали от меня только на несколько секунд.

Эти секунды и были мне нужны. Я установил вертолет таким образом, что он повис, и перебрался через спящий экипаж. Океан был примерно в десяти метрах. Огромные вращающиеся лопасти вырывали из него облака брызг. Я швырнул в воду оба чемодана и повернулся, чтобы сделать укол летчику в шею. Он зашевелился и заморгал — антидот, нейтрализующий сонный газ, действует почти мгновенно,— а я установил автопилот на прямой полет и кинулся к открытому люку.

Сделал я это очень вовремя. Вертолет уже двигался на полной скорости. Итак, я оказался в воздухе. Высота была небольшая, но я все же успел сориентироваться так, что ноги первыми вошли в воду.

Я погрузился, глотнул воды, закашлялся, выплыл и стукнулся головой об один из своих нетонущих чемоданов. Вода была много холоднее, чем я рассчитывал. Я начал дрожать, а левую ногу свело судорогой. Чемодан помог

мне держаться на поверхности, так что, брыкаясь, барахтаясь и поднимая пену, я добрался и до второго чемодана. Пока я этим занимался, сверху ударил могучий рев, и рокочущая свора вертолетов пронеслась мимо, подобно ангелам мщения. Я уверен, что никто из участвующих в охоте не глядел вниз, на воду — все глаза были сосредоточены на единственном вертолете, летящем далеко впереди по направлению к югу. Пока я смотрел, та машина начала раскачиваться и отвернула по плавной дуге.

Неожиданно появился реактивный самолет с треугольными крыльями. Он спикировал рядом с вертолетом и закружил вокруг него. Время у меня было, но не слишком много. А на голых скалах полуострова и пустынном песке пляжа спрятаться было негде.

Импровизируй, сказал я себе, гребя к берегу и отфыркиваясь. Тебя ведь недаром зовут Скользким Джимом. Выскользни и из этой переделки. Судороги хватали меня вовсю, и единственное, что мне хотелось сделать,— это уйти под воду. Потом под ногами оказался твердый песок. Я вышел на берег, пошатываясь и задыхаясь.

Следовало укрыться без посторонней помощи. Мимикрия — древняя шуточка матери-природы. Вертолеты по-прежнему роились на горизонте, когда я начал разгребать песок.

— Прекрати,— приказал я себе и остановился.— Используй мозги, а не мускулы — это правило начальной школы.

Ну, конечно! Я взял гранату, активизировал ее и бросил в небольшую ямку, а сам кинулся бежать. Граната вполне удовлетворительно бабахнула и пустила во все стороны фонтаны песка. После взрыва остался аккуратный кратер, который как раз мог вместить мои чемоданы. Я швырнул их туда и стал с бешеной скоростью раздеваться, швыряя одежду туда же. Вертолеты, видимо, переговорив друг с другом, разворачивались, снова направляясь к берегу.

Чисто случайное тщеславие заставило меня надеть утром ярко-красное белье, которое издали легко могло сойти

за купальный костюм. Я разделся до этих псевдошорт и забросал дыру песком, прикрыв все.

К тому времени, когда надо мной пронесся первый вертолет, я уже лежал лицом вниз и загорал, как обыкновенный пляжный купальщик. Они прошли над головой, выстроившись в цепь и прочесывая окрестности. Я сел и поглядел на них, как поступил бы всякий в подобной ситуации. Потом они пролетели над скалистой грядой и унеслись. Шум их моторов постепенно замер в отдалении.

Ненадолго, это ясно. Что же мне делать? Ничего. Сидеть смирно и прикидываться дурачком. Я сам выбрал себе роль, и теперь должен играть ее до конца.

Много времени им не понадобилось. Тот, кто ими командовал, приказал выстроиться в линию и прочесать океан, пляж и холмы. Теперь они двигались медленно, исследуя по пути — наверняка в сильные бинокли — каждый дюйм. Пришло время еще раз искупаться. Я задрожал, едва вода забурлила вокруг моих лодыжек, и уверен, что посинел, когда она поднялась выше. На мою голову обрушилась волна, и я величаво поплыл — по-собачьи.

Вертолеты вернулись, и один повис надо мной, подняв облако брызг. Я погрозил ему кулаком и проорал вполне натуральные проклятия под звук его мотора. Кто-то высунулся из открытого люка и окликнул меня, но я не вслушивался. Помахав еще немного кулаком, я нырнул и поплыл под водой, пытаясь заставить мою пострадавшую от судороги ногу работать за две. Вертолет полетел вслед за остальными, а я вновь проделал свой мучительный путь на берег, чтобы солнце и ветер высушили меня.

Как же я отсюда выберусь?

Как только вертолеты скрылись из виду, я уподобился кроту, раскопал одежду и чемоданы и бегом отнес их наверх, выше приливной линии. Еще одна бомба и еще одна зарытая яма — только на этот раз я предварительно надел брюки, ботинки и убедился, что часть моего снаряжения находится в карманах. Несколько разрезов превратили форменную рубашку с длинными рукавами в спортивную. Когда эта одежда начала подсыхать, всякое

сходство с военной формой было ею утрачено — и к лучшему. Перед уходом я разбросал и разровнял песок, чтобы скрыть следы моих раскопок и тщательно запомнил ориентиры — три больших пика в глубине материка — чтобы потом найти эту точку. Затем я направился к прибрежной дороге, проходившей в нескольких сотнях метров оттуда.

Мне по-прежнему везло. Едва я выбрался на дорогу, ведущую на север, как ко мне подъехала похожая на жука машина на высоких колесах. Я сделал универсальный жест — поднял большой палец. Ответом был скрежет тормозов. Теперь я разглядел, что на заднее сиденье были засунуты моторные серфы, а впереди сидели двое загорелых молодых людей, одежда которых была в большем беспорядке, чем моя. Такая мода, подумал я. Может, они примут меня за своего.

— Мужик, а ты мокрый,— прокомментировал один, пока я лез на заднее сиденье.

— Я перебрал малость и решил поплавать.

— И что, помогло?— спросил водитель.

Машина рванула по дороге.

Не прошло и минуты, как навстречу нам пронеслись в сверкании огней и реве сирен два громоздких черных седана. На их бортах большими буквами значилось POLICE. Для того, чтобы это перевести, лингвистических познаний почти не требовалось.

Мои новые друзья, отказавшись от предложения освежиться, высадили меня в деловой части города Тихуана и быстро уехали. Я остался сидеть за столиком перед кафе с большим стаканом текильи, лимоном и солью. Поразмыслив, я пришел к выводу, что только что спасся из тщательно расставленной ловушки.

А это действительно была ловушка.

Теперь, когда я мог не спешить и хорошенько подумать, это стало очевидно. Все эти джипы и грузовики не могли возникнуть из воздуха. И очень сомнительно, что кому-нибудь удалось собрать такие силы за столь короткий срок — даже если сработала сигнализация. Я шаг за

шпом припомнил свои действия и окончательно убедился, что не мог ее потревожить.

Тогда как же они узнали, что я задумал?

А узнали они потому, что какой-то прыгун через время прочитал обо всем в газетах, рванул назад в прошлое и послал предупреждение. Я почти ожидал такого поворота, хотя это и не значило, что я получил от него удовлетворение.

Я слизнул с руки соль, заглотал текилью и впился зубами в лимон. Эта комбинация, прожигающая себе дорогу вниз по горлу, оказалась просто восхитительной.

ОН остался жив. Я уничтожил ЕГО организацию в этом добром от Рождества Христова 1975 году, но ОН отправился творить большие и худшие подлости в другую эпоху. Темпоральная война снова в разгаре. ОН и ЕГО сумасшедшие хотят контролировать всю историю и все времена, и эта безумная затея вполне может увенчаться успехом, потому что они уже уничтожили Специальный Корпус будущего, единственную организацию, поддерживающую порядок, которая могла их остановить. Точнее, они уничтожили весь Корпус за исключением меня. Я же прыгнул назад, в прошлое, чтобы уничтожить их самих и тем самым воссоздать Корпус на вероятностных путях будущей истории. Большое задание. Я выполнил его на девяносто девять и девять десятых процента. Однако оставалась еще одна десятая процента. И эта малая малость сулила большие хлопоты. Чудовищный ОН ускользнул от меня на конце темпоральной спирали, хотя и был основательно нашпигован разрывными пулями из моего пистолета. Не иначе как у него бронированные кишки! В следующий раз придется использовать что-нибудь посерьезнее. Атомная бомба на подносе с завтраком или что-то в этом роде.

За работу. Прежде я надеялся, что мне удастся построить темпоральную спираль, чтобы она швырнула меня назад в будущее — или вперед в будущее: когда дело доходит до происшествий во времени, грамматика всегда оставляет желать лучшего. Одним словом, вперед-назад. В объятья моей Ангелины и к похвалам коллег. Но не

прямо сейчас, потому что они реально не существуют. Темпоральная война — тонкая штука и иногда может быть весьма запутанной. Время могло быть более последовательным. Я радовался, что мне не требовалось знать теорию для того, чтобы мотаться взад и вперед по времени этаким темпоральным теннисным мячиком, прилагая отчаянные усилия для выполнения своего задания.

Следующее утро не принесло никаких сложностей — нужно было только достать машину и откопать деньги. Правда, при этом пришлось усыпить на работе нескольких переодетых полицейских. Перетащить деньги назад, в Соединенные Штаты, было проще.

Еще до полудня я появился в конторе «Чиззиер Электроникс, Инкорпорейтед» в Сан-Диего. В результате я стал владельцем большой и хорошо оборудованной лаборатории, в которой сидела не слишком любознательная секретарша. Место действия я устроил как мог лучше, и теперь пришла очередь профессора Койпу браться за дело.

— Вы понимаете, проф,— сказал я, обращаясь к маленькому металлическому ящику с его именем на крышке,— все устроено и готово к работе.— Я потряс ящик.— Когда-нибудь вы мне расскажете, как это ваши воспоминания могут существовать в этом аппарате, когда вас самого нет, а может, никогда и не будет в этой галактике, потому что ОН и его психи уничтожили Корпус. А лучше — не говорите ничего. Я вовсе не уверен, что хочу знать.— Я поднял ящик и обвел им вокруг комнаты.— Лучшее оборудование, какое можно достать на краденые деньги. Все современные исследовательские инструменты, до которых я смог добраться. Запасы разнообразнейших деталей, запасы сырья. Каталоги всех электронных, физических и химических фирм. Солидный счет в банке, чтобы покупать все, что понадобится, и куча подписанных чеков, которые только и ждут, чтобы их заполнили. Тщательно записанный лингафонный курс. Отчет о том, что произошло. Передаю все это вам, проф, и обращайтесь хорошо с этим телом. Оно единственное, которое у нас с вами осталось.

Не давая себе возможности передумать, я лег на кушетку, прикрепил контакт ящика воспоминаний к шее сзади и повернул выключатель.

— Что случилось?— спросил Койпу, проскальзывая в мой мозг.

— Много всякого. Вы в моей голове, Койпу, так что не предпринимайте ничего опасного.

— Исключительно интересно. Да, действительно, ваше тело. Дайте-ка мне двинуть рукой, перестаньте вмешиваться! В самом деле, почему бы вам не уйти на время, пока я не осмотрюсь и не увижу, что происходит.

— Я не уверен, что хочу этого.

— Но вы должны. Итак, я начинаю!

— Нет!— закричал я, но без толку. Накатилась бесформенная чернота, и я полетел вниз по спирали в бездонную пустоту, отброшенный усиленными электроникой воспоминаниями Койпу.

Время

тянется

так

медленно...

Моя рука сжимала черный ящик, на котором грубыми большими буквами было написано «Койпу»; пальцы лежали на выключателе, повернутом в положение «выключено».

Память вернулась. Я мелко затрясся и стал искать стул, чтобы присесть. И тут заметил, что и так сижу, и уселся еще плотнее.

Я был в отпуске, и в это время моим телом управлял кто-то другой. Теперь, вновь обретя контроль, я заметил слабые следы того, что было — воспоминания о работе, о долгих днях, возможно, неделях напряженной работы. На пальцах были ожоги и мозоли, на тыльной стороне правой кисти — новый шрам. В это время завертелся

магнитофон — должно быть, в нем был таймер — и со мной заговорил профессор Койпу.

— Первое: не делайте этого снова. Не позволяйте записанной памяти моего мозга обрести контроль над вашим телом. Потому что я все помню. Помню, что больше не существую. Эти мозги в коробочке — вероятно, все, что из меня когда-либо будет. Если я поверну этот выключатель, то перестану быть. Может случиться, что его никогда не включат снова. Вероятно, так оно и будет. Это самоубийство, а я не самоубийца. Невероятно тяжело коснуться тумблера. Думаю, сейчас мне это удастся. Я знаю, какова ставка. Нечто неизмеримо большее, чем псевдожизнь этого законсервированного мозга.Так что я приложу все усилия, чтобы повернуть тумблер. Сомневаюсь, чтобы это удалось во второй раз. Повторяю: не делайте этого больше никогда. Запомнили?

— Помню, помню,— бормотал я, выключая магнитофон.

Мне дико хотелось выпить. Я поискал глазами. Койпу — хороший человек. Бар был оснащен так же, как и при мне. Стакан солодового виски тройной очистки со льдом выгнал из головы часть тумана. Я уселся и снова включил аппарат.

— К делу.

— Как только я осмотрелся, мне стало ясно, почему эти темпоральные бандиты выбрали именно эту эпоху. Общество только что ворвалось в технологическую эру, но психологически люди остались еще в темных веках. Национализм — какая глупость!— загрязнение среды, преступления, всепланетная война, безумие...

— Достаточно лекций, Койпу! Ближе к делу.

— ... но нет никакой необходимости читать лекции по этому поводу. Достаточно сказать, что все материалы для темпоральной спирали здесь есть. А обстановка в обществе такова, что можно успешно скрывать большие предприятия по манипулированию временем. Я построил темпоральную спираль; она взведена и нацелена. Я также построил аппарат для зондирования времени и с его по-

мощью определил временное положение этого создания по имени ОН. По причинам, известным только ЕМУ, ОН действует теперь из эпохи, находящейся в прошлом этой планеты — примерно сто семьдесят лет отсюда. Я могу только предполагать, но мне кажется, , что его теперешние действия — только ловушка, несомненно, для вас. Каким-то способом — я не смог в этом разобраться — ОН возвел темпоральный блок перед 1805 годом, поэтому вы не можете проникнуть в достаточно ранний период, чтобы захватить ЕГО во время проведения его теперешней акции.

Будьте осторожны. ОН, видимо, работает с большими силами. Я установил рычаги так, что вы сможете выбрать любой год из пяти после 1805 года, в течение которых проявляется их активность. Город называется Лондон. Выбор за вами. Желаю удачи.

Я выключил магнитофон и в подавленном состоянии снова пошел за выпивкой. Ничего себе выбор! Выбери год, в котором тебя пришьют. Отправляйся назад, в дикарское общество, и стреляйся с ЕГО подручными. Даже если я выиграю, что тогда? Я буду заперт там на всю жизнь, застряну во времени. Безрадостная перспектива. И тем не менее идти нужно.

По сути, у меня есть лишь иллюзия выбора. ОН выслеживает меня в 1975 году, и очень может быть, что в следующий раз ему удастся стереть меня в порошок. Много лучше самому вступить с ним в бой. Веселее. Я налил себе еще и потянулся за первой книгой, стоявшей на длинной полке.

Койпу не тратил время даром. Кроме изготовления оборудования, он собрал отличную маленькую библиотечку об интересующих меня годах, печальном первом десятилетии девятнадцатого столетия. Моим местом назначения был Лондон, и, коль скоро это стало ясно, величайшее значение приобретало имя одного человека.

Наполеон Буонапарте. Наполеон I, император Франции, большей части Европы, едва не ставший императором всего мира.

Странно, как мало отличалась мания этого человека от амбиций ЕГО. Это не могло быть совпадением. Здесь должна существовать связь, только я еще не знал, какая. Но был гнетуще уверен, что скоро узнаю. А пока что я стал читать подряд все, касающееся этого периода, пока не почувствовал, что разузнал все необходимое. Единственным светлым пятном в этом деле было то, что Англия говорила на разновидности того же языка, что и Америка. Так что мне не придется возвращаться к мучительным для моей головы урокам с мнемографом.

Конечно, оставался вопрос о тамошней одежде, но у меня имелось более чем достаточно иллюстраций того периода, чтобы заказать необходимое.

В итоге театральный костюмер в Голливуде снабдил меня полным гардеробом, начиная с обтягивающих штанов со множеством пуговиц до огромных плащей и шляп. Мода того времени оказалась весьма удобной: я мгновенно оценил ее и одобрил, когда прятал свои многочисленные приборы в обширных складках одежды.

Так как я попаду точно в выбранное время независимо от того, когда покину свое, я решил не спешить и подготовиться как следует. Но в конце концов все благовидные предлоги для отсрочек кончились, время пришло. Мое оружие и инструменты были отрегулированы и подготовлены; здоровье отменное, рефлексы мгновенные, состояние духа — паршивое, но чему быть, того не миновать. Я появился в приемной.

— Мисс Киплер, выпишите для себя чек на четырехнедельное жалование. Вы уволены.

— Вы недовольны моей работой?

— Вы работали как следует, но из-за дурного управления эта фирма обанкротилась. Я уезжаю за границу, спасаясь от кредиторов.

— У-у-у, какая жалость!

— Благодарю за сочувствие. Давайте я подпишу этот чек.

Мы пожали друг другу руки, и я проводил ее до двери.

За помещение было заплачено за месяц вперед. Я не имел ничего против, чтобы владелец получил оставленное мною оборудование, однако у меня сложилось определенное недоверие к аппаратуре темпоральной спирали, которая после моего ухода останется в действии. Со временем и так намухлевали больше чем надо. У меня не было ни малейшего желания вводить в эту игру новых участников.

Втиснуть себя в скафандр вместе со всей допотопной одеждой оказалось тяжким трудом, и в конце концов пришлось снять башмаки и куртку и привязать их снаружи вместе с остальным снаряжением. Тяжело нагруженный, я проковылял к панели управления и собрался с мыслями для окончательного решения. Я знал, куда хочу прибыть и, следуя инструкциям Койпу, уже ввел в машину необходимые координаты. Лондон исключался. Если у них есть какие-нибудь детекторы, они непременно отметят мое прибытие. Я хотел появиться подальше, чтобы меня не обнаружили, но и достаточно близко, чтобы не мучиться от длительного путешествия в примитивном транспорте того времени. Все, что я о нем прочитал, заставляло заранее собраться.

Итак, я остановился на долине Темзы возле Оксфорда. Массив Уилтернских холмов будет между мною и Лондоном, и их крепкие скалы поглотят радарные волны, как и все остальные виды детекторного излучения. Прибыв на место, я смогу отправиться в Лондон по воде — что-то около ста километров — а не по тогдашним отвратительным дорогам.

Туда-то я и отправлюсь. А вот когда — это другое дело. Я внимательно уставился на аккуратно пронумерованные циферблаты, как будто они могли мне ответить. Но они оставались немы. В 1805 году установлен темпоральный барьер, так что раньше я прибыть не могу. Сам 1805 год очень уж казался похожим на ловушку — в это время они будут наготове, бдительно поджидая меня. Значит я должен появиться позднее. Но не намного позже, иначе они успеют совершить все зло, какое у них на уме. Ну, что ж, два года не достаточно для их работы, но

достаточно — по крайней мере, я так надеялся — чтобы застать их врасплох хоть в какой-то мере.

Я глубоко вздохнул,— установил стрелки на 1807 год и нажал активатор. Через две минуты аппаратура разовьет полную мощность. Свинцовыми ногами я добрел до мерцающей зеленой петли темпоральной спирали и коснулся ее выступающего конца.

Как и прежде, не было никаких ощущений, только сияние, окружающее меня, сделало комнату едва видимой. Две минуты показались мне двумя часами, а часы говорили мне, что до прыжка еще больше пятнадцати секунд. На этот раз я зажмурил глаза, вспомнив мерзкие ощущения моего последнего временного скачка. Когда спираль освободилась и швырнула меня назад сквозь время, я был напряжен, взволнован и слеп.

Было весьма неприятно, когда спираль развернулась, меня понесло в прошлое, а ее энергия рассеялась в будущем. Интересное теоретическое положение, но в настоящее время оно совершенно не интересовало меня. По каким-то причинам это путешествие закрутило мне кишки намного сильнее предыдущего, и я был очень занят, убеждая себя, что блевать внутри скафандра — дело неподобающее.

Справившись с этим, я понял, что ощущение падения происходило оттого, что я и в самом деле падал. Так что, открыв глаза, я увидел себя под проливным дождем. Совсем недалеко внизу смутно виднелись стремительно приближающиеся мокрые поля и казавшиеся очень колючими деревья.

После нескольких мгновений панической борьбы с управлением гравитатора я смог включить его на полную мощность. Ремни затрещали и застонали от внезапного торможения. Я тоже затрещал и застонал. Мне стало казаться, что лямки перерезают мое тело до костей и что кости тоже долго не выдержат. Я искренне ожидал увидеть, как мои руки и ноги оторвутся и пролетят мимо, когда вломился в тонкие ветви поджидавшего меня дерева, отскочил от большого сука и шлепнулся на землю. Гравитатор, кажется, продолжал работать на полную мощ-

ность, и как только травянистый склон остановил мое падение, я снова полетел — теперь вверх — и, вновь треснувшись о тот же сук, вылетел сквозь вершину, прихватив с собой множество сучков и веточек. Я снова поиграл с управлением и постарался сделать это на сей раз удачнее. Я спланировал вниз, мимо дерева, и, упав, как мокрое перо, на траву, остался лежать на ней.

— Чудесное приземление, Джим,— простонал я, наконец, ощупывая себя, определяя нет ли сломанных костей.— Тебе можно работать в цирке.

Я сильно ушибся, но был цел — это я понял после того, как таблетка болеутолителя прояснила мне голову и притупила чувствительность. С опозданием я огляделся вокруг, но не увидел ни души и никакого следа человеческого жилья. На соседнем поле паслось несколько коров, их не потревожило мое драматическое появление. Итак, я прибыл.

— За работу!— приказал я себе и стал разгружаться под прикрытием большого дерева. Первая вещь, которую я снял, был сооруженный мною с большой изобретательностью контейнер. Он раскрылся и снова собрался уже в окованный латунью кожаный ящик, характерный для этого периода. Все остальное, включая гравитатор и скафандр, как раз вместилось в него. К тому времени, когда я его загрузил и запер, дождь перестал, и слабенькое солнце стало с трудом пробиваться сквозь облака. Была середина дня, я определил это по высоте солнца. Времени было достаточно, чтобы до темноты найти убежище. Но в каком направлении идти? Разбитая тропа через коровье пастбище должна куда-то вести. Я пошел по ней вниз с холма, перебравшись через наклонную изгородь. Коровы повернули глаза в мою сторону, а вообще-то они не обращали на меня внимания. Это были большие животные, знакомые только по фотографиям, и я попытался вспомнить, не драчливы ли они. Звери эти, ничем не тревожили меня, пока я шел по дорожке с ящиком на плече навстречу этому миру.

Тропа привела меня к лазу, выходившему на проселочную дорогу. Неплохо. Я перебрался и как раз раз-

мышлял, какое направление избрать, когда приближающаяся допотопная повозка заявила о своем присутствии громким скрипом и волной зловония, принесенной ветерком. Вскоре она с громким стуком появилась в поле зрения. Двухколесный деревянный реликт, влекомый необыкновенно костлявой лошадью и доверху наполненный субстанцией, которая, как я узнал позднее, именуется навозом — естественное удобрение, высоко ценимое за его полезность для посевов и за то, что из него добывают одну из важнейших составляющих оружейного пороха. Водитель этой повозки — неопрятно выглядевший крестьянин в бесформенной одежде — ехал на расположенной впереди платформе.

Я шагнул на дорогу и поднял руку. Он дернул за ремни, с помощью которых управлял тягловым животным, и все сооружение со стоном остановилось. Он поглядел на меня сверху, жуя воздух пустыми деснами — воспоминания о давно исчезнувших зубах,— потом вытянулся и коснулся костяшками пальцев лба. Я читал об этом жесте, который означал выражение почтения низших классов к высшим, и я понял, что мой выбор костюма был правильным.

— Любезный, мне нужно в Оксфорд.

— А-а-а?— ответствовал он, подставляя грязную руку к уху.

— Оксфорд!

— Ага, Оксфорд,— радостно кивнул он.— Это туда.— Он указал через плечо.

— Я направляюсь в этот город. Ты довезешь меня?

— Я еду туда,— махнул он рукой вперед.

Я вытащил из кармана золотой соверен, приобретенный у торговца старинными монетами, и показал ему. Очевидно, это было больше того, что он видел единовременно за всю свою жизнь. Глаза его широко раскрылись. Десны резко щелкнули.

— Я еду в Оксфорд.

Чем меньше говорить об этой поездке, тем лучше. Пока безрессорный дерьмовоз мучил седалищную часть моего тела, мой нос подвергся нападению со стороны его груза.

Но, по крайней мере, мы ехали в верном направлении. Мой шофер хихикал и бормотал себе под нос что-то непонятное, совершенно обезумев от жадности при виде моей золотой манны, и вынуждал своего древнего одра ковылять с максимальной для него скоростью.

Когда мы выехали из-под деревьев, выглянуло солнце, и впереди появились серые здания университета, бледные на фоне сланцево-серых облаков. Весьма привлекательное зрелище, по правде сказать. Пока я восхищался им, телега остановилась.

— Оксфорд,— сказал возница, указывая корявым пальцем.— Мост Магдалены.

Я слез и потер свои избитые окорока, глядя на изящную арку моста через речку. Рядом со мной раздался глухой удар, когда мой ящик шлепнулся на землю. Я начал было возмущаться, но мой транспорт уже развернулся и пустился назад по дороге. Я не стал спорить, так как не очень-то хотел въехать в город на этой телеге, так же, видимо, как и мой возница. Однако он мог хотя бы попрощаться со мной. Но по сути дела это не имело значения. Я взвалил ящик на плечо и побрел вперед, прикидываясь, будто не вижу одетого в голубой мундир солдата, стоявшего у хижины в конце моста. Солдат держал какое-то громадное пороховое оружие, заканчивающееся чем-то вроде острого лезвия. Но он-то отлично видел меня и опустил свое приспособление, загородив мне дорогу, а затем приблизил свое чернобородое лицо к моему, бормоча что-то непонятное.

Возможно, это был городской диалект, который я не в состоянии был понять; но ведь деревенщину, который привез меня сюда, я понимал без труда.

— Не будете ли вы любезны повторить?— попросил я дружелюбным тоном.

Он что-то прорычал и занес нижний деревянный конец своего оружия, намереваясь попасть мне по диафрагме.

С его стороны это было не очень любезно. Я продемонстрировал ему свое отвращение, отступив в сторону, чтобы удар пришелся в пустоту, а потом ответил ему той

же монетой, но с большим успехом — засадил коленкой в его диафрагму. Он согнулся пополам, и я рубанул его по шее, как только представился случай. Поскольку он потерял сознание, я подхватил его оружие, чтобы оно при падении не сработало.

Все это произошло исключительно быстро, но я успел обратить внимание на дикие взгляды прохожих Кроме того, я заметил бешеный взгляд другого солдата, стоявшего в дверях обветшалой будки. Солдат поднимал свое ружье, явно метясь в меня.

Безусловно, это нельзя назвать незаметным проникновением в город, но, раз начав, я вынужден был и закончить.

Сказано — сделано. Я нырнул вперед, что позволило мне опустить на землю ящик и одновременно избежать нападения. Раздался взрыв, и язык пламени пронесся у меня над головой. Приклад моего ружья поднялся вверх и угодил моему второму противнику под подбородок. Солдат полетел назад и вниз, а я бросился вслед за ним. Если внутри есть еще люди, лучше будет разобраться с ними в замкнутом пространстве.

И точно, там оказались еще солдаты. И в изрядном количестве, так что я, позаботившись о тех, что были рядом, приемами ближнего боя, активировал гранату с сонным газом, чтобы утихомирить остальных — это пришлось сделать, хотя мне и не хотелось. Не спуская глаз с двери, я быстро измазал одежду и надавал по ребрам людям, свалившимся от газа, чтобы изобразить дело так, будто они пали от какого-то насилия.

Как же я теперь отсюда выберусь? Наилучшим ответом было: «Быстро»— потому что зрители наверняка разнесут тревожную весть повсюду. Однако, в проеме двери, я увидел, что прохожие подошли ближе и стараются рассмотреть, что происходит. Когда я вышел наружу, они заулыбались и радостно зашумели, а один громко выкрикнул:

— Да здравствует его милость! Поглядите, как он разделался с этими французишками!

Раздались радостные крики. Я стоял пораженный. Что-то было не так. Потом я понял, что тревожило меня с

тех пор, как я в первый раз увидел флаг, гордо развевающийся на вершине ближайшей башни. Где же на нем английские кресты?

Это был французский трехцветный стяг.

Пока я пытался сообразить, что бы это значило, через толпу протиснулся человек в простой одежде из коричневой кожи и громко приказал толпе замолчать.

— Ну-ка, расходитесь по домам — сейчас придут лягушатники и поубивают вас всех. И никому об этом ни слова, если не хотите висеть на городских воротах.

Возбуждение сменилось страхом, и народ начал быстро расходиться. Лишь два человека пробрались сквозь редеющую толпу, желая подобрать разбросанное внутри оружие. Сонный газ уже рассеялся, поэтому я не стал им препятствовать. Первый, подойдя ко мне, поднес к шапке два пальца.

— Отлично сработано, сэр, но вам следует поскорее уходить, потому что кто-нибудь мог услышать этот выстрел.

— Куда мне идти? Я в жизни не был в Оксфорде.

Он быстро осмотрел меня с ног до головы тем же взглядом, каким и я его. И принял решение.

— Идемте с нами.

И весьма своевременно. Когда мы, нагруженные ружьями, скользнули в переулок, на мосту уже слышалась тяжелая поступь марширующих сапог. Но мои спутники были местными, они знали, все повороты, все проходные дворы, и, насколько я мог судить, нам ничего не угрожало. Мы бежали и шли в полном молчании почти час, пока не добрались до большого амбара, который, очевидно, и был местом нашего назначения. Я вошел вслед за остальными и поставил свой ящик на пол. Когда я выпрямился, мужчины, тащившие ружья, схватили меня за руки, а человек в кожаной одежде приставил к моему горлу исключительно острый нож.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Браун, Джон Браун. Из Америки. А как ваше имя?

— Бревстер.— И, не меняя тона, добавил:— Как вы считаете, не убить ли нам вас как шпиона?

Я спокойно улыбнулся, чтобы показать ему, насколько глупа эта мысль. Но внутренне я вовсе не был спокоен. Шпион? Почему бы и нет? Что я могу ответить? Думай быстренько, Джим, ведь нож убивает так же верно, как и атомная бомба. Что мне известно? Французские солдаты оккупируют Оксфорд. Это значит, они высадились в Англии и захватили ее целиком или частично. Существует сопротивление этому вторжению, держащие меня люди — тому доказательство. Отталкиваясь от этих соображений, я попытался импровизировать.

— Я выполняю здесь секретное поручение.— Сказать такое всегда полезно. Однако нож по-прежнему прижимался к моему горлу.— Америка, как вы знаете, с вами заодно.

— Америка помогает французишкам. Так сказал ваш Бенджамен Франклин.

— Да, конечно, мистер Франклин несет огромную ответственность. Франция слишком сильна, чтобы бороться с ней сейчас, поэтому мы поддерживаем ее. Внешне. Но есть люди, вроде меня, которые едут вам на помощь.

— Чем вы это докажете?

— Как я могу доказать? Бумаги можно подделать. К тому же, носить их с собой смертельно опасно, и вы бы им не поверили. Но у меня есть вещь, которая говорит сама за себя, и я еду в Лондон, чтобы доставить ее нужным людям.

— Кому?

— Этого я вам не скажу. Но по всей Англии есть люди, подобные вам, желающие сбросить ярмо тиранов. Мы связались с некоторыми из этих групп. И со мной сейчас свидетельство, о котором я говорю.

— Что же это?

— Золото.

Это привело их в замешательство. Я почувствовал, что хватка на моих руках слегка ослабла. И я стал развивать свой успех.

— Вы никогда меня не видели раньше и, вероятно, никогда больше не увидите, но я могу оказать вам помощь для покупки оружия, подкупа солдат, помощи заключенным. Зачем, по-вашему, я напал сегодня на этих солдат, причем у всех на виду?— спросил я, повинуясь внезапному импульсу.

— Скажите.

— Чтобы встретиться с вами.— Я медленно оглядел их удивленные лица.— Во всех частях этой страны есть лояльные англичане, которые ненавидят захватчиков и будут бороться, чтобы вышвырнуть их с этих зеленых берегов. Но как найти их, как им помочь? Я только что показал вам один способ — и снабдил вас этим оружием. Теперь я дам вам золота для продолжения борьбы. Как я доверяю вам, так и вы должны довериться мне. У вас будет достаточно золота, и если бы вы пожелали, то смогли бы удрать отсюда и счастливо прожить жизнь в каком-нибудь более счастливом месте. Но я думаю, вы этого не сделаете. Вы рисковали жизнью из-за этих ружей и вы поступите достойно. Я дам вам золото и уйду. Мы никогда не встретимся впредь. Мы должны доверять друг другу. Я верю вам...— я замолчал, предоставив им возможность закончить фразу.

— По мне, все правильно, Бревстер,— сказал один из мужчин.

— По мне, тоже,— поддержал второй.— Давайте возьмем золото.

— Я возьму золото, если есть, что взять,— сказал Бревстер, опуская нож, однако голос его звучал по-прежнему недоверчиво.— Может, все это ложь.

— Может быть,— быстро сказал я, прежде чем он начал дырявить мою сшитую на живую нитку историю.— Но это не так. К тому же не имеет большого значения. Сегодня ночью вы убедитесь, что я уехал, и мы никогда больше не встретимся.

— Золото,— сказал мой страж.

— Давайте посмотрим на него,— неохотно произнес Бревстер.

Мой блеф удался.

С величайшей осторожностью я открыл ящик; в почки мне по-прежнему упиралось ружье. Золото у меня имелось. Это была единственная правдивая часть моего рассказа. Оно было разложено по множеству маленьких кожаных мешочков и предназначалось для финансирования моих действий. Что сейчас и началось. Я вытащил один мешочек и торжественно передал Бревстеру. Он вытряс на ладонь несколько сверкающих крупинок, и все на них уставились. Я нажимал:

— Как мне добраться до Лондона? По реке?

— На всех шлюзах по Темзе часовые,— ответил Бревстер, все еще глядя на золотой песок у себя на ладони.— Вы не доберетесь дальше Абингдона. Только на лошадях, окольными дорогами.

— Я не знаю окольных дорог. Мне нужны две лошади и провожатый. Как вы знаете, я могу заплатить.

— Вас проводит Люк,— сказал Бревстер, подняв наконец глаза.— Раньше он был ломовым извозчиком. Но доведет он вас только до стен. Там много французишек. Дальше добирайтесь сами.

— Отлично.

Итак, Лондон оккупирован. А как остальная Англия?

Бревстер вышел, чтобы позаботиться о лошадях, а Гай принес немного грубого хлеба, сыра и эль, который оказался вполне приемлемым. Мы поговорили, вернее, говорили они, а я слушал, вставляя иногда слово, но опасаясь задавать какие-либо вопросы из боязни продемонстрировать свое почти полное невежество. И все же картина постепенно начала вырисовываться. Англия была полностью оккупирована и умиротворена — так продолжалось уже несколько лет; точная дата была неясна, борьба в Шотландии еще продолжалась. Были мрачные воспоминания о вторжении, о какой-то гигантской пушке, которая причиняла ужасные разрушения, о единственной битве, в которой была уничтожена эскадра Канала.

За всем этим чувствовалось ЕГО раздвоенное копыто. История переписывалась.

Однако это прошлое не было прошлым того будущего, из которого я прибыл. От размышлений на эту тему голова раскалывалась. Может быть, этот мир существует в петле времени, отдельно от основного потока истории? Или это альтернативный мир? Профессор Койпу разобрался бы, но, думаю, он не хотел бы быть вынутым из черного ящика ради ответа на мои вопросы. Я должен разобраться в этом без его помощи. Думай, Джим, заставь вертеться шестеренки твоей старой черепушки. Ведь ты гордишься тем, что называешь своим разумом, так примени его для разнообразия к чему-нибудь кроме мошенничества. Здесь должна быть какая-то логика.

Утверждение А: в будущем это прошлое не существует;

утверждение В: теперь оно существует.

Но ведь не исключено, что мое присутствие здесь уничтожит это прошлое и саму память о нем. Не представляю, как этого можно достичь, но сама мысль источала такое тепло и уверенность, что я ухватился за нее. Джим ди Гриз, Преобразователь Истории, Потрясатель Мира! Прекрасная картина! Я лелеял ее, дремля на сене, но скоро проснулся: все мое тело чесалось от нашествия многочисленных насекомых, ползавших по моей коже.

Лошадей доставили только после темноты, и мы решили, что лучше всего будет отправиться на рассвете. Я ухитрился достать из своего ящика средство от насекомых, этих моих новых врагов, и потому насладился относительно спокойной ночью перед утренней скачкой.

Ох, и скачка! Мы были в пути три дня, прежде чем достигли Лондона, и на заду у меня поверх старых болячек начали вскакивать новые. Мой простодушный компаньон, по-видимому, получил массу удовольствия от путешествия, рассматривая его как своего рода прогулку. Он непрерывно говорил о местах, по которым мы проезжали, а по вечерам на постоялых дворах напивался до бесчувствия.

Мы пересекли Темзу повыше Хенли и сделали длинный круг на юг, держась подальше от мало-мальски населенных центров. Когда мы снова подъехали к Темзе у Саутверка, то увидели перед собой лондонский мост, а

за ним крыши и шпили Лондона. Рассмотреть их было довольно трудно из-за высокой стены, проходившей вдоль противоположного берега. Стена имела вид новый, с иголочки, и резко отличалась от законченности остального города. Мне в голову пришла неожиданная мысль.

— Ведь это новая стена, верно?

— Да. Закончена два года назад. Многие на строительстве ее поумирали: женщины, дети... Французы согнали всех на эту стройку, как рабов. Стена окружает весь город. Она никому не нужна, это просто поступок сумасшедшего.

Нет. Стена была нужна. Но только не мне. Она была построена из-за меня, чтобы не пустить меня внутрь.

— Нужно найти тихую гостиницу.

— Гостиница «Георг», вон там. Там хороший эль, просто отличный.— Люк громко причмокнул.

— Это подойдет вам, а мне нужно прямо у реки, с видом на этот мост.

— Знаю такое место. «Боров и Дрофа» на Пиклхеринстрит, у самого Вайнлайна. Там тоже отличный эль.

На вкус Люка самое мерзостное пойло было прекрасно, коль скоро содержало алкоголь. Так или иначе, «Боров и Дрофа» вполне соответствовали моим нуждам. Низкопробное заведение с потрескавшейся вывеской, изображавшей изготовившихся к драке невероятного вида свинью и еще более невероятную птицу. Позади была ветхая пристань, позволяющая жаждущим лодочникам высаживаться здесь. Я получил комнату с окнами на реку. Устроив свою лошадь на конюшню и поторговавшись о плате за комнату, я закрыл дверь на засов и распаковал электронный телескоп. С его помощью я получил крупную, ясную, подробную и безрадостную картину города за рекой.

Он был окружен десятиметровой стеной из крепкого кирпича и камня, утыканной, несомненно, всяческой следящей аппаратурой. Если я попытаюсь проникнуть туда под стеной или над ней, меня наверняка заметят. О стене надо забыть. Единственный вход, который был видим с моего наблюдательного пункта — противоположный ко-

нец Лондонского моста, и я внимательно его изучил. Движение на мосту было медленным, потому что всякого, прежде чем пропустить внутрь, тщательно обыскивали. Людей одного за другим вводили в дверь помещения, устроенного внутри стены. Насколько я видел, все они возвращались — но как будет со мной? Что происходит там, внутри? Надо выяснить, и пивная внизу как раз подходящее для этого место.

Все любят щедрых, вот я и стал им. Одноглазый хозяин, бормоча и посмеиваясь про себя, умудрился найти в своем погребе бутылку сносного кларета специально для меня. Местные жители были более чем довольны, поглощая эль кувшин за кувшином. Сосуды эти были сделаны из кожи, пропитанной дегтем, который сообщал букету особую пикантность. Но потребители, видимо, не возражали.

Моим информатором стал заросший щетиной гуртовщик по имени Квин, из тех, кто перегоняет скот с ферм на бойни и помогает мясникам в их кровавых делах. Как можно догадаться, чувствительность его была не из самых высоких, чего нельзя сказать о его способности пить. Чем больше он напивался, тем больше болтал, и я впитывал каждое его слово. Он въезжал в Лондон и выезжал из него каждый день, и я, выделяя из потока сальностей и брани крупицы нужной мне информации, постепенно составил точную — во всяком случае я на это надеялся — картину процедуры въезда в город.

Она включала обыск, это я и сам видел из окна, иногда тщательный, иногда поверхностный. Но один пункт этой процедуры никогда не менялся.

Каждый входящий в город должен был сунуть руку в дырку в стене караульной. Ничего больше. Просто сунуть; ничего там не трогать, поместить ее туда по локоть и снова вынуть.

Потягивая вино и не обращая внимания на взрывы мужских приветствий вокруг, я размышлял. Что они могут при этом обнаружить? Может, отпечатки пальцев? Но я всегда пользовался фальшивыми отпечатками и менял их три раза со времени последней операции. Щелоч-

ность кожи? Пульс или кровяное давление? Могут ли жители этого туманного для меня прошлого отличаться какими-нибудь телесными характеристиками. Вполне можно ожидать, что за тридцать тысяч лет и произошли какие-то изменения. Надо узнать теперешние нормы.

Это легко сделать. Я соорудил детектор, записывающий все эти характеристики, и прикрепил его под одеждой. Приемник был замаскирован под кольцо, которое я носил на правой руке. На следующий вечер я пожал руки всем, кому мог, и, прикончив свой стакан, вернулся к себе в комнату. Записи имели точность до 0,006 процента. И были весьма показательны. Мои собственные данные хорошо вписывались в пределы естественных отклонений.

А не кажется ли тебе, Джим,— спрашивал я свое изображение в волнистом зеркале,— что заставляют они совать руку не просто так. Есть какая-то причина. И эта причина — какой-то детектор. Вопрос в том, что он обнаруживает.— Я отвернулся от своего мрачного отражения.— Давай, давай, не уклоняйся; если не можешь ответить так, поставь все с ног на голову. Что вообще можно обнаружить?

Так пошло лучше. Я вытащил лист бумаги и принялся составлять список всего, что может быть замечено и измерено. Свет, тепло, радиоволны и тому подобное, затем перешел к вибрации и шуму, радарным отражениям, ко всему и вся, не пытаясь применить все эти вещи к человеческому телу. Еще рано. Займусь этим, когда сделаю список максимально подробным. Исписав весь лист, я победоносно пожал сам себе руку и перечитал его. Что же мне стало известно?

Ничего. Я вновь впал в уныние, отшвырнул список, но потом снова принялся за него. И тут вспомнил, что слышал что-то о Земле от профессора Койпу. Что именно? Ну да! Койпу сказал: «Уничтожена атомными бомбами».

Радиоактивность. Атомный век еще в будущем, единственная радиоактивность на этой планете — это природный фон. Проверка не заняла много времени.

Я — создание будущего, обитатель галактики, заполненной жесткой радиацией. Мое тело в два раза радиоактивнее фона, замеренного в комнате, вдвое радиоактивнее распаренных тел моих приятелей в баре — я специально спустился вниз проверить их. Теперь, зная чего мне нужно опасаться, я придумаю способ перехитрить ЕГО.

Вывернув свои старые мозги наизнанку, я быстро разработал план и задолго до рассвета уже был готов к атаке. Все устройства, спрятанные на мне, были из пластика, который не мог быть замечен детектором металла, если они таковой используют Все сделанное из металла было помещено в пластиковую трубку не толще моего пальца и длиной не больше метра, которую я свернул и положил в карман. В самый темный предрассветный час я выскользнул на улицу сырую и грязную и пустился в путь на поиски своей жертвы.

Я обнаружил ее достаточно быстро: французского часового, охранявшего один из входов в ближайшие доки. Короткая драка, немножко газа, бесчувственное тело и темная подворотня. Через две минуты я появился с противоположного конца в его мундире, неся его ружье на плече — на французский манер. В ствол была вложена трубка с моими приборами. Пусть попробуют найти ее своими детекторами.

Время я рассчитал точно, и когда с первыми лучами солнца измученный ночной караул возвращался в Лондон, я маршировал в последнем ряду Я войду в город среди врагов, и никто не заметит меня. Прекрасная возможность оставить их в дураках. Не будут же они осматривать собственных солдат.

Но в дураках оказался я. Когда мы маршировали через ворота на дальнем конце моста, я заметил интересную вещь, которую не мог видеть в телескоп из своего окна.

Каждый солдат, завернув за угол караульной, на мгновение останавливался и под холодным взглядом сержанта засовывал руку в темное отверстие.

— Merde!*— воскликнул я, споткнувшись о неровный настил моста. Не знаю, что означает это слово, но солдаты употребляли его чаще других, и оно, видимо, подходило к случаю. При этом я толкнул соседа, и мой мушкет больно стукнул его по голове. Он завопил от боли и оттолкнул меня. Я отлетел назад, ударился ногами о низкие перила и полетел в реку.

Отлично выполнено. Там было быстрое течение, и я ушел под воду, зажав мушкет между коленями, чтобы не потерять его. После этого я вынырнул всего один раз, колотя руками по воде и пронзительно вопя. Солдаты столпились на мосту, кричали и тыкали пальцами в моем направлении. Убедившись, что произвел требуемый эффект, я позволил моему намокшему платью и тяжелому ружью утащить меня под воду

Кислородная маска была у меня во внутреннем кармане, и мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы достать и натянуть ее. Затем я продул трубку, сильно выдохнув воздух, и наполнил легкие чистым кислородом. После этого нужно было просто медленно и лениво плыть поперек реки. Прилив уходил, так что прежде чем я доберусь до берега, течение отнесет меня вниз на достаточное расстояние.

Итак, я избежал разоблачения, остался жить, чтобы снова собрать силы и бороться, но сейчас был совершенно подавлен провалом своей попытки пробраться за стену. Плывя в мутных сумерках, я пытался придумать новый план, но обстановка мало способствовала размышлениям. Да и вода была не особенно теплая. На протяжении немалого времени меня подталкивали вперед мысли о ревущем огне в моем камине и кружке горячего рома. В конце концов я увидел впереди в воде темный силуэт, который постепенно превратился в корпус маленького корабля, привязанного у дока. Мне были видны сваи. Я остановился под килем, извлек из мушкета трубку с инструментами, вытащил все из карманов куртки и, засунув

---

* Merde *(фр.)* — дерьмо.

ружье в рукав — для веса — спустил ее на дно реки. Сделав несколько глубоких вдохов, я снял и убрал кислородную маску, после чего по возможности тихо всплыл на поверхность рядом с судном.

Всплыл я только для того, чтобы увидеть фалды и залатанные штаны сидящего надо мной на перилах французского солдата. Он трудолюбиво надраивал иссиня-черное дуло пушки необыкновенно зловещего вида, торчавшей над бортом рядом с ним. Она выглядела значительно совершеннее, чем все орудия девятнадцатого столетия, которые я видел; несомненно, потому, что она отнюдь не принадлежала этому периоду.

Руководствуясь отнюдь не праздным любопытством, я в свое время изучил орудия, применявшиеся в только что оставленной мною эпохе, и потому тотчас же узнал в этой штуке семидесятипятимиллиметровую безоткатную пушку. Идеальное оружие для установки на деревянном кораблике: из нее можно стрелять, не опасаясь, что судно развалится на куски. К тому же такое орудие может аккуратно разнести в клочья любой деревянный корабль задолго до того, как противник войдет в радиус поражения его заряжающихся с дула пушек. Не буду говорить, что эти пушки могли натворить в полевых условиях. Всего несколько сот этих орудий, перемещенных в прошлое, могли бы изменить историю. Что они и сделали. Солдат надо мною обернулся и плюнул в реку. Я снова опустился под воду и скрылся между свай.

Ниже по течению, не видимая с французского корабля, была лодочная пристань. Там я и вынырнул. Поблизости никого не было. Мокрый, дрожащий, подавленный, я выбрался из воды и заспешил к темному зеву улицы. Там кто-то стоял; я протрусил мимо, но потом решил остановиться.

Потому что этот человек ткнул мне в бок дуло огромного неуклюжего пистолета.

— Идите вперед,— сказал он.— Я отведу вас в уютное место, где вы сможете переодеться в сухую одежду.

Только он сказал не «одежду», а «одежьдю-ю». У моего пленителя был явно французский акцент.

Мне оставалось только выполнять приказания, подкрепляемые тычками его примитивной пушки. Примитивная или нет, но она с успехом могла проделать во мне отличную дыру. Дальний конец улочки был перегорожен каретой. Ее дверца была гостеприимно распахнута, чем я и воспользовался.

— Залезайте,— сказал пленивший меня,— я вслед за вами. Я видел, как несчастный солдат упал с моста и утонул, однако подумал: а что, если он выплывет на поверхность? Что, если он хороший пловец и переплывет реку? Куда его тогда снесет течение? Хорошая математическая задача. Я ее решил, и — voila, вы вылезаете из воды.

Дверца захлопнулась, и карета тронулась. Мы были одни. Я упал вперед, повернулся, нырнул, пытаясь схватить пистолет — и схватил его... за рукоятку, потому что мой похититель теперь держал его за ствол и протягивал мне.

— Конечно, держите его, мистер Браун, если вам угодно; мне он больше не понадобится.— Он улыбнулся, видя мое удивление, и с ухмылкой навел пистолет на себя.— Это был простейший способ убедить вас поехать со мной в карете. Вот уже несколько дней я наблюдаю за вами и уверен, что вы не любите французских захватчиков.

— Но ведь вы — француз?

— Разумеется. Сторонник покойного короля, а теперь беглец со своей родины. Я выучился ненавидеть это корсиканское ничтожество, пока здешний народ лишь смеялся над ним. Но теперь никто больше не смеется, и мы объединены общей целью... Но, пардон, позвольте представиться: я граф д'Эспон, но вы можете звать меня просто Шарль, поскольку все титулы теперь в прошлом.

— Рад познакомиться, Чарли.— Мы пожали друг другу руки.— Зовите меня просто Джон.

Прежде чем мы смогли продолжить этот интересный разговор, карета с грохотом и стоном остановилась. Мы

находились во внутреннем дворе большого дома, и я — по-прежнему с пистолетом — прошел внутрь вслед за графом. Я все еще был настроен подозрительно, хотя причин для этого было очень мало. Все слуги были чрезвычайно стары, они ковыляли вокруг нас, что-то бормоча по-французски. Один древний слуга, скрипя коленками, наполнил для меня ванну, помог мне раздеться и стал намыливать мне спину, совершенно игнорируя пистолет в моих руках. Мне приготовили нагретую одежду и хорошие башмаки.

Оставшись один, я переложил в новую одежду свой арсенал и инструменты. Когда я спустился вниз, граф поджидал меня в библиотеке, потягивая из хрустального бокала какой-то интересный напиток, которым был наполнен до краев и стоящий рядом сосуд. Я протянул ему пистолет, а он мне — полный бокал. Жидкость скользнула по горлу теплой музыкой, и ноздри мои вдохнули облако изысканного аромата, подобного которому я никогда не встречал.

— Сорок лет выдержки. Из моего поместья, которое, как вы уже догадались, находится в Коньяке.

Я отхлебнул еще и посмотрел на графа. Сильный человек. Высокий и гибкий, седеющие волосы, высокий лоб, тонкие, почти аскетические черты лица.

— Зачем вы привезли меня сюда?— спросил я.

— Чтобы мы объединили наши усилия. Я изучаю натуральную философию и вижу, как много вокруг нас неестественного. Армии Наполеона имеют оружие, какого не делают нигде в Европе. Иные говорят, что оно из далекой страны, но я не верю. Это оружие обслуживается людьми, плохо говорящими по-французски, непонятными и злыми. Ходят разговоры, что в окружении корсиканца находятся еще более странные и зловещие люди, чужеземцы, не англичане, как и вы. Скажите: как может человек переплыть реку под водой?

— При помощи надлежащих устройств.— Молчать не было смысла: граф слишком хорошо знал, о чем спрашивал. Когда у врага такие пушки, какие я видел, нет смысла

скрывать его природу. Глаза графа расширились, когда я это сказал, и он прикончил свой бокал.

— Я так и думал. Полагаю, вы знаете больше об этих странных людях и их оружии. Они — не из того мира, о котором мы понятия не имеем, ведь так? Вы знаете о них, и вы здесь для того, чтобы с ними бороться?

— Они пришли из страны злобы и безумия и принесли сюда свои преступления. Да, я борюсь с ними. Не могу рассказать о них больше, потому что и сам не знаю всю эту историю. Но здесь я для того, чтобы уничтожить их и все ими сделанное.

— Я был в этом уверен! Мы должны объединить наши усилия. Я окажу вам любую возможную помощь.

— Можете начать с обучения меня французскому языку: мне нужно пробраться в Лондон, и язык, похоже, мне понадобится.

— Но... есть ли у нас время?

— Хватит часа или двух — еще одно устройство, еще одна машина.

— Я начинаю понимать, но не уверен, нравятся ли мне все эти машины.

— Их нельзя любить или не любить. Они свободны от эмоций. Мы можем только пользоваться ими для добра или зла, так что проблема машин, как и все остальное — человеческая проблема.

— Склоняюсь перед вашей мудростью. Вы, конечно, правы. Когда мы начнем?

Я вернулся за своими вещами в трактир «Боров и Дрофа» и переехал в комнату в доме графа. Последовал мучительный вечер работы с мнемографом (головная боль — слишком слабое выражение для обозначения побочных эффектов использования этой дьявольской машины), в результате которой я выучился разговорному французскому. Теперь, к удовольствию графа, мы беседовали на этом языке.

— А следующий шаг?— спросил он.

Мы только что пообедали и вернулись к коньяку.

— Мне нужно поближе рассмотреть одного из этих псевдофранцузов, которые, похоже, всем заправляют. По-

являются ли они по эту сторону реки в одиночку или хотя бы маленькими группами?

— Да, но их передвижения бессистемны. Однако...— он позвонил в серебряный колокольчик.— Хотите, вам доставят одного из них оглушенным или мертвым?

— Вы очень любезны,— сказал я, поднимая бокал, чтобы бесшумно появившийся слуга мог его снова наполнить.— Этой частью дела я займусь сам. Вы только укажите мне, а я сделаю остальное.

Граф отдал указание; слуги удалились, а я снова уделил внимание своему бокалу.

— Это не займет много времени,— сказал граф.— Когда вы получите информацию, есть ли у вас план дальнейших действий?

— Только приблизительный. Я должен проникнуть в Лондон. Найти ЕГО — верховного демона этого уголка ада, а потом, полагаю, убить его. А также уничтожить некое оборудование.

— А выскочка-корсиканец? Вы его тоже устраните?

— Только если он будет мешать. Я — не простой убийца, мне вообще трудно убивать, но мои действия неминуемо изменят весь ход дела. Поставки нового оружия прекратятся, а боеприпасы скоро кончатся. Вообще говоря, эти негодяи могут и вовсе исчезнуть.

Граф приподнял бровь, но из вежливости воздержался от комментариев.

— Ситуация очень сложная. По правде сказать, я и сам не вполне понимаю ее. Это связано с природой времени, о которой я сам знаю очень мало. Но, кажется, время, в котором мы живем сейчас, не существует для будущего. Исторические книги будущего сообщают, что Наполеон был разбит, его империя уничтожена, а Британия никогда не была захвачена.

— Если бы так было!

— Это может быть — если я доберусь до НЕГО. Однако, если история снова изменится и вернется к тому, что должно было быть, то весь этот мир, каким мы его знаем, может исчезнуть.

— Во всех опасных предприятиях следует идти на определенный риск.— Граф слегка шевельнул рукой, как бы отпуская кого-то; он оставался таким же спокойным и собранным. Удивительный человек.— Если этот мир исчезнет, то, может быть, возникнет другой, более счастливый?

— Упрощенно говоря, да.

— Тогда мы должны быть более настойчивыми. В том другом, лучшем мире другой я вернется в свое поместье, снова будет жива моя семья, будут цветы весной, будет счастье на Земле. Отдать эту здешнюю теперешнюю жизнь — значит отдать очень мало. Это презренное существование. Однако я предпочел бы, чтобы информация о такой перспективе не вышла за стены этой комнаты. Я не уверен, что все наши помощники согласятся с подобной философской точкой зрения.

— Полностью согласен с вами. Хотел бы, чтобы все было по-другому.

— Не думайте об этом, дорогой друг. Не будем больше касаться этой темы.

И мы перешли на другую. Мы обсуждали живопись и виноделие, и опасности, органически присущие производству дистиллированных напитков. Время бежало быстро — как и люди графа — и мы еще не начали второй графин, как графа позвали, чтобы сообщить требующуюся информацию.

— Великолепно,— сказал он, вернувшись и потирая от удовольствия руки.— Маленькая компания людей, которых мы ищем, прямо сейчас развлекается в публичном доме на Мэрмейд-корт. Конечно, вокруг стража, но, я полагаю, для вас это не препятствие?

— Абсолютно нет,— подтвердил я, вставая.— Будьте добры, предоставьте мне какой-нибудь транспорт и проводника. Я обещаю вернуться в течение часа.

Все было сделано, и я выполнил свое обещание. Придурковатый тип с выбритой головой и обезображенным шрамами лицом отвез меня в карете и указал нужное заведение. Я зашел в соседнее здание — что-то вроде конторы, теперь закрытой и запертой при помощи чудо-

вищного механизма, который было чрезвычайно трудно открыть. Не то чтобы механизмы замков были сложны для меня — отнюдь — но они были так велики, что мои отмычки не доставали до них!

Нож, однако, достал, я вошел, поднялся наверх и перебрался на крышу соседнего здания. Там я прицепил свою паутинку к самой прочной печной трубе — их там хватало. Паутинка представляла тончайшую, почти невидимую и практически неразрываемую нить, сделанную из одной-единственной молекулы. Она медленно разматывалась с катушки, укрепленной лямками у меня на груди, и я опустился к темным окнам. Темным для других, но два пучка ультрафиолета из УФ-прожекторов на моих чувствительных очках делали для меня все, куда бы я ни взглянул, ясным, как день.

Я бесшумно проник в окно, поймал нужного мне индивидуума со спущенными штанами, усыпил его и его подружку дозой газа, и забрался с ним на руках на крышу со скоростью, какую только могла предложить бешено жужжащая катушка паутинки. Спустя несколько минут моя добыча храпела на столе в подвале графского дома, а я раскладывал свое оборудование. Граф с интересом наблюдал.

— Желаете получить информацию от этого образчика свиной породы? В обычных условиях я не признаю пыток, но мне кажется, что это как раз случай для раскаленной кочерги и острого ножа. Какие преступления совершили эти существа! Говорят, что аборигены Нового Света могут полностью содрать с человека кожу, не убив его при этом.

— Звучит неплохо, но нам это не понадобится.— Я проверил индикатором и подключил контакты.— Опять машина. Я буду держать его без сознания и пройду через его мозг в шипастых башмаках. В определенном смысле это еще более тяжелая пытка. Он скажет все, что нам нужно, даже не зная, что говорил. Потом он ваш.

— Нет, нет, спасибо,— граф с отвращением всплеснул руками.— Каждый раз, когда убивают одного из них, граждане страдают от многочисленных убийств и репрессий. Мы поколотим его немножко, отберем одежду и все

остальное, а потом бросим в темном переулке. Это будет походить на грабеж. Грабеж, и ничего больше.

— Это еще лучше. Я начинаю.

Шарить в этом мозгу — все равно что плавать в канализации. Одно дело — безумие, а он был, безусловно, безумным, как и все они, но откровенная порочность непростительна. Проблема заключалась не в получении информации, а в сортировке ее. Он хотел говорить на родном языке, но в конце концов согласился на французский и английский. Я спрашивал и наконец узнал все, что хотел. Затем был призван мой бритоголовый компаньон Жюль. На него была возложена задача отлупить нашего гостя и, содрав с него мундир, подбросить где-нибудь. Тем временем граф и я вернулись к недоконченному кувшину.

— Их штаб-квартира находится, по-видимому, в месте, называемом Сент-Пол. Вы знаете, где это?

— Они не остановились и перед святотатством. Это кафедральный собор, шедевр великого сэра Кристофера Рена. Вот здесь на карте.

— Здесь находится так называемый ОН, а также, видимо, все его машины и инструменты. Но чтобы добраться туда, мне нужно войти в Лондон. Возможно, я проникну за стену в его мундире: его тело так же радиоактивно, как и мое, так что тест который они используют для обнаружения чужих, здесь не сработает. Однако могут существовать пароли — и другие способы идентификации. Нужен отвлекающий маневр. Есть среди ваших последователей знающий артиллерию?

— Безусловно. Рене Дюпон, бывший майор артиллерии. Весьма знающий солдат. И он в Лондоне.

— Как раз нужный человек. Уверен, ему доставит удовольствие управлять этими мощными орудиями. Перед рассветом мы захватим судно с артиллерией. Рано утром, когда откроют ворота, начнется обстрел. Несколько снарядов в ворота и караульную обескуражат охрану. А затем артиллеристам нужно будет бросить корабль и спасаться на суше. Это — дело ваших людей.

— Ими я буду руководить лично. Но где будете вы?

— Я буду маршировать в город с частями, как уже пытался.

— Но это в высшей степени опасно. Если вы появитесь слишком рано, вас могут обнаружить при проверке, не говоря уже о риске погибнуть при обстреле. Если приедете поздно — ворота будут закрыты.

— В таком случае мы должны рассчитать все исключительно точно.

— Я пошлю за самыми лучшими хронометрами.

Майор Дюпон, краснолицый и седовласый человек с внушительным брюхом, знал артиллерию и был сейчас поглощен страстным желанием поработать с невероятным оружием захватчиков.

Прежняя команда пушечного корабля, включая часовых, спала под палубой значительно крепче, чем ей хотелось бы, пока я разобрался с механизмом безоткатного орудия и объяснил его майору. Он моментально все понял и расплылся в улыбке. Умея обращаться с оружием, которое заряжается с дула, где порох вспыхивает не сразу, он моментально понял преимущества новой пушки и был в восторге.

— Заряд, пыж и снаряд в одном корпусе! Чудеса! И этот рычаг открывает затвор?

— Точно. Во время стрельбы держитесь подальше от этих отверстий, потому что газ при взрыве выходит отсюда, компенсируя отдачу. Стреляйте прямой наводкой, расстояние слишком мало. Я полагаю, что на такой дистанции не придется делать поправку на ветер. И навесная стрельба не нужна, скорость вылета здесь много больше, чем вы привыкли.

— Рассказывайте дальше!— сказал он, поглаживая гладкую сталь.

— Следующий шаг. Граф позаботится о том, чтобы корабль передвинули на рассвете выше по течению и поставили на якорь у набережной ниже Лондонского моста. Я прибуду на мост в заранее оговоренное время.

Его морской хронометр был так велик, что походил на кочан капусты; он был стальной и громко тикал. Однако граф заверил меня в его точности, и мы установили

его по моим атомным часам размером не больше ногтя и точным до секунды в год. Это было последним, что требовалось сделать, и когда я поднялся, чтобы уйти, граф протянул мне руку. Я пожал ее.

— Мы всегда будем благодарны вам за помощь,— сказал он.— У моих людей теперь есть новые надежды, и я разделяю их энтузиазм.

— Это я должен благодарить за вашу помощь. В особенности принимая во внимание, чем может обернуться для вас наша победа.

Он отбросил эту мысль как бесполезную — очень храбрый человек.

— Как вы объясняли, мы победим, умирая. Мир без этих свиней — достаточная награда, даже если мы не будем этому свидетелями. Исполняйте ваш долг.

Я его исполнял стараясь не забыть, что от моих действий зависит судьба миров, цивилизации, целых народов. Малейшая ошибка, случайность — и для них все будет кончено. Поэтому случайностей не должно быть. Подобно скалолазу, который не смотрит вниз и не думает о пропасти под ним, я изгнал из головы мысли о неудаче и, чтобы подбодрить себя, старался вспомнить что-нибудь веселое. Сразу на ум ничего не пришло, поэтому я стал думать о том, как разделаюсь с НИМ и его системой. И это действительно вдохновляло. Я поглядел на часы, пора идти. И я пошел быстро, не оглядываясь. Улицы были пусты, все добрые люди пребывали дома в постелях, и мои шаги эхом отдавались в тишине спящих зданий. Небо позади меня посерело — приближался рассвет.

В Лондоне полно темных переулков, дающих идеальное укрытие, ими я и воспользовался, не упуская при этом из вида Лондонский мост. Наконец появились первые солдаты. Некоторые шагали в ногу, другие еле тащились, и все выглядели усталыми. Я и сам чувствовал себя утомленным и потому сосал таблетку стимулятора, не отрывая глаз от часов. В идеале мне следовало появиться на мосту, когда начнется обстрел, достаточно далеко от ворот, чтобы не пострадать, но и достаточно близко, чтобы проникнуть

в них во время суеты, которая возникнет, когда откроют огонь. Со своего наблюдательного пункта я засекал время, которое требовалось разным группам солдат, чтобы пройти мост, пока не получил точную оценку. Цифры на часах бежали. Наконец наступил момент, когда я по-военному расправил плечи и бойко шагнул вперед.

— Лортитор?— выкрикнул чей-то голос, и я понял, что обращаются ко мне. Я был так поглощен расчетом времени, что совершенно позабыл о возможности того, что ЕГО дьяволы тоже пойдут по мосту.

Я махнул рукой, скорчил злобную гримасу и быстро зашагал вперед. Окликнувший меня человек поспешил за мной. По моему мундиру он знал, что я принадлежу к его компании, но мое лицо было для него новым. Он, наверное, хотел узнать у меня, как идут дела в родном сумасшедшем доме, я же не хотел затевать с ним никаких разговоров, потому что не понимал их языка. Вот я и заспешил вперед, с удовольствием чувствуя, что он торопится за мной. Потом я сообразил, что иду слишком быстро и подойду к воротам как раз вовремя, чтобы быть разорванным на куски.

Проклинать свою беспечность не было времени — его толькотолько хватило, чтобы выбрать желательное продолжение этой хлопотной истории. В настоящий момент мне вовсе не хотелось быть разорванным на части. Я уже видел канонерку, вышедшую на позицию, и фигуры на палубе. Нужно остановиться на этой точке. Что я и сделал. Сзади загремели тяжелые шаги, и легшая мне на плечо рука развернула меня.

— Лортилиру?— воскликнул он. Затем выражение его лица изменилось, рот раскрылся.— Бливит! — заорал он.

Наверное, узнал меня по фотографии.

— Ну да, бливит,— сказал я и выстрелил ему в шею наркотической иголкой из пистолета, зажатого в ладони.

Однако тут же прозвучал еще крик «Бливит!», и один из его товарищей протиснулся сквозь ряды солдат. Его тоже пришлось уложить. Это, естественно, заинтересовало всех, находящихся поблизости, зазвучали испуганные

крики, кое-кто поднял оружие. Я прислонился спиной к парапету моста, размышляя, уж не придется ли мне перестрелять всю французскую армию.

Не пришлось. Первый снаряд, не слишком точно выпущенный майором-артиллеристом, ударил в мост в каких-нибудь десяти метрах от меня.

Раздался сильный взрыв, воздух наполнился свистящими обломками кирпича и стали. Я бросился на землю вместе со всеми остальными солдатами. Кое-кто, правда, залег навеки. Лежа, я воспользовался удобным случаем и всадил иголки в ближайших ко мне солдат, которые были свидетелями недавней сцены.

Тем временем Дюпон учился владеть своим оружием, и следующий снаряд ударил в городскую стену. Среди людей на мосту началась паника, я орал и бегал вместе с остальными, с удовольствием наблюдая, как очередной снаряд пробил ворота насквозь и взорвался внутри караульной. Теперь, как и следовало ожидать, все движущееся отшатнулось от ворот.

Я плюхнулся на живот и ужом пополз вперед. Снаряды взрывались теперь в самих воротах и поблизости от них, вызывая вполне приличные разрушения. Я быстро взглянул на часы и отметил, что конец обстрела совсем близок. Сигналом будет снаряд, пущенный в стену в отдалении от моста. После этого будет еще несколько выстрелов, но не по воротам, а по другим удобным целям.

Снаряд ударил в стену в доброй сотне метров вниз по реке и проделал в ней аккуратную дыру. Я вскочил на ноги и побежал.

Какая прекрасная куча обломков. Повсюду хлам и битый кирпич, воздух насыщен пылью и вонью взрывчатки. Если после бомбардировки кто-то и выжил, все давно сбежали. Я перелез через кучу обломков и скользнул за угол. Единственным свидетелем моего не слишком деликатного вторжения была пара, выглядывавшая из какого-то подъезда — англичане, судя по одежде. Увидев меня, они тут же убежали. Итак, несмотря на неприятности на мосту, план сработал отлично.

Пушка на реке вновь открыла огонь.

Это не входило в мой план. Что-то пошло неправильно. Сделав последний выстрел, мои сообщники должны были сойти на берег и удалиться в надежное убежище. Прозвучали еще два выстрела, почти одновременно. Пушка не могла стрелять так быстро.

Это стреляло другое оружие.

Алер-Темз-стрит, улица, на которой я находился, шла параллельно стене. Теперь я был уже достаточно далеко от моста, так, что мое присутствие уже не ассоциировалось с тамошними событиями, и к моим услугам была лестница, ведущая на гребень стены, на наблюдательную площадку, сейчас пустую. Благоразумие настаивало на последовательном выполнении моих планов, но я уже много лет подряд не прислушивался к его голосу и не собирался делать этого и сейчас. Я быстро огляделся — поблизости никого не было — и забрался наверх. С гребня стены открывался прекрасный вид на реку.

Майор по-прежнему управлял своим орудием, стреляя по другой канонерке, которая поднималась на всех парусах вверх по реке. Тот, кто управлял ею, хотя и был поставлен в невыгодное положение преградившей ему путь платформой, был более опытен и точен в обращении с оружием. Снаряд уже пробил огромную дыру в носу судна моего соратника, а пока я смотрел, другой попал в середину палубы. Орудие замолчало, задрав кверху ствол, стрелок исчез. Какая-то фигура промчалась через пристань и скрылась в неопасном теперь судне. Я извлек свой электронный телескоп и направил его на палубу. Я заранее знал, что увижу.

Этот граф пришел на помощь своим людям, но еще до того, как он прыгнул на борт, майор с окровавленным лицом поднялся и снова стал к орудию. Он развернул пушку, целясь в другой корабль, и влепил заряд прямо в него.

Это было отлично сделано, прямо в ватерлинию под вражеским орудием. Пушка замолчала, и корабль стал погружаться. Когда я снова поглядел на майора, то увидел, что он перезарядил свою пушку и выстрелил по мосту,

на котором находились солдаты противника. Граф помогал ему заряжать. Они оба улыбались и казались очень довольными собой. Огонь продолжался с нарастающей скоростью. Я спустился вниз.

Их нельзя было винить. Они знали, чего хотят — наконец-то они стреляли по врагу, которого ненавидели все эти годы, стреляли из превосходного, весьма эффективного оружия. Оба будут продолжать стрелять, пока не погибнут. Наверное, этого они и хотели. И чтобы эта жертва принесла хоть какие-нибудь плоды, я должен продолжать свое собственное дело.

У графа я хорошо изучил карту города. Вперед, по улице Утиной Ноги, потом на Кэннон-стрит и налево. Там были люди: торопливо пробегали испуганные жители, быстрым шагом в противоположном направлении шли солдаты. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

А там, впереди, в конце улицы, возвышались громадные стены и купол — несомненно, собор Святого Павла.

Близится конец еще одной дороги. Мое последнее свидание с НИМ.

Мне было страшно. Человек, утверждающий, что он никогда не испытывал страха — или лжец, или сумасшедший. Я достаточно часто испытывал это чувство, чтобы распознать его запах. Но никогда я не чувствовал такой железной тяжести, как сейчас. В жилах — ледяная вода, сердце молотит в груди, ноги будто пустили в землю корни. Осознанным усилием я ухватил свой мозг за горло — а это не просто — и как следует встряхнул его.

Отвечай, мозг,— скомандовал я.— Что это за заячья дрожь? Наложил в штаны? Тело и душа, вы уже побывали вместе в разных переделках. Бывало и похуже, но мы через все прорывались. И, как правило, с победой. Что же сейчас нового?

Ответ пришел очень быстро. Я — грызун из нержавейки, я всегда действовал под полом общества, всегда по-своему, на свой страх и риск. Обожаю авантюры. Но теперь на кону стояло слишком многое, слишком много жизней зависело от моих действий. Слишком много? Ве-

ликое небо! На кону спасение всей вселенной! Даже не верится!

— Ну, и не верь,— пробормотал я роясь в аптечке.— Если все время думать об этой ставке, не станешь рисковать и вообще не будешь ничего делать.

Я никогда в жизни еще не прибегал к искусственным эмоциям, но всему бывает начало. Я держал при себе «таблетки берсерка» как амулет, чтобы знать, что они здесь, если когда-нибудь понадобятся, а потому никогда ими не пользовался. До сегодняшнего дня. Я открыл футляр и сдул пыль с невинной пилюли.

— Выходи драться, Джим,— сказал я и проглотил ее. Эти таблетки повсюду вне закона. Не только потому, что к ним очень быстро вырабатывается физиологическое и психологическое пристрастие, но и по специальным мотивам. В этой желатиновой капсуле заключена особая форма безумия — состав, который растворяет совесть и мораль цивилизованного человека. Без морали, без совести... и без страха. Ничего, кроме распухшего «я». И твердой уверенности в своей мощи и правоте, божественном соизволении делать все что угодно, не чувствуя при этом ни жалости, ни страха. Политики, нагрузившись берсеркитом, свергали правительства и правили планетами. Спортсмены били все рекорды, часто губя при этом себя и своих соперников. Не слишком приятная штука..

Очень приятная штука. Я испытывал укол совести, потом почувствовал, как химикалии захватывают контроль над моим мозгом, но это прошло так же быстро, как и началось.

— Я пришел за тобой, ТЫ!— сказал я, скалясь от неподдельной ярости.

Это было самое восхитительное из испытанных мною когда-либо ощущений — чувство неограниченной мощи, очистительный ветер, гуляющий по всем пыльным уголкам мозга. Делай что хочешь, Джим, делай что пожелаешь, потому что ты единственная настоящая сила в этом мире.

Как слеп я был все эти годы! Уродливые предрассудки морали, крошечные привязанности, разрушающая любовь

к ближнему. Каким калекой я был! Теперь я люблю себя, потому что я — БОГ. Наконец-то понял значение БОГА, о котором рассказывали древние писания.

Я — это я, единственная сила во всей вселенной. А ОН в том здании впереди думает со тщеславием смертного, что может превзойти меня, остановить и даже убить. Что ж, посмотрим, что случается с теми, кто строит такие идиотские планы.

Я решил обойти строение вокруг. Достаточно прочное здание, без явной охраны, наверняка нашпиговано разными детекторами. Подобраться окольным путем, тайно? Неразумно. Единственное мое преимущество — внезапность и решительность. Я хорошо вооружен — ходячая машина смерти — и никто не может меня остановить. Войти не так уж трудно, люди непрерывно входят и выходят, все в таких же, как у меня мундирах.

Изнутри, как из улья, доносилось деловитое жужжание и гул. Их явно встревожило нападение на ворота. И я должен ударить сейчас, пока они встревожены. Все оружие в порядке и наготове, я завершаю свой ленивый обход здания и направляюсь к белым каменным ступеням центрального входа.

Собор был громаден. Теперь, когда из него вышвырнули скамьи и все религиозное барахло, он казался еще больше. Я зашагал вперед по длинному нефу храма, как будто все вокруг принадлежало мне — да так оно и было. Оружие под руками, наготове. Неф был пуст вся деятельность сосредоточивалась в его дальнем конце, в аспиде, где обычно стоял алтарь. Сейчас его не было. Вместо него был установлен разукрашенный трон.

На троне сидел ОН. Высокомерный от сознания своей власти, он наклонился вперед своим гигантским телом и отдавал распоряжения стоявшим внизу помощникам. В трансепте храма стоял длинный стол, заваленный картами и бумагами и окруженный красочно одетыми офицерами. Они, по-видимому, выслушивали приказы человека в простом синем сюртуке. Он был очень мал ростом, лоб пересекала блестящая черная прядь волос. Судя по описа-

ниям, это был тиран — Наполеон. Как я и думал, он просто передавал своим подчиненным ЕГО инструкции. Улыбаясь, я взялся за оружие. Я обратил внимание на импульсивное сияние в аспиде справа, мне была знакома природа этого света. Улыбка моя сделалась еще шире. Там стояла аппаратура темпоральной спирали, вокруг суетились занятые своими делами техники. Скоро они умрут, как и все здесь. И у меня будет транспорт, чтобы вырваться из этой варварской эпохи. Придется перед уходом оставить здесь небольшую атомную гранату. Конец совсем близок.

Когда я подошел к столу, никто не обратил на меня внимания. Придется сначала использовать сонный газ, потому что он подействует на всех одновременно. Потом, когда я расправлюсь с хозяином, будет сколько угодно времени, чтобы заняться рабами.

Одна ударная граната и две термитных. Я активизировал их большим пальцем и швырнул — раз, два, три — по широкой дуге ЕМУ на колени.

Они еще были в воздухе, а я уже бросал газовые гранаты на стол. Они еще шипели и лопались, а я уже развернулся и пустил в ход игольчатый пистолет — не дай бог повредить аппаратуру!— чтобы разделаться с техниками у темпоральной спирали.

Все было сработано за несколько секунд. Упало последнее бесчувственное тело, и наступила тишина. Прежде чем отвернуться, я швырнул несколько гранат в неф ко входу, чтобы каждый входящий попал в газовое облако. Потом я посмотрел на НЕГО.

Чудненько! Колонна ревущего огня, а в середине — нечто вроде человека. Трон тоже горел, и столб жирного дыма, растекаясь, поднимался вверх, к гигантскому куполу.

— ТЫ разбит! ОН! Повержен!— завопил я, наклоняясь через стол, чтобы лучше разглядеть все, что происходит.

Сейчас он уже не выпутается.

Наполеон посмотрел на меня и сел.

— Идиот!— сказал он.

Не тратя времени зря, я попытался убить его. Но он был наготове и выстрелил из спрятанного в ладони трубкообразного оружия раньше. В лицо мне брызнул огонь, потом онемело все тело, и я потерял сознание, рухнув лицом на стол. Я не почувствовал рук Наполеона, когда он повернул меня на спину.

Он смотрел на меня сверху, победоносно хохоча, и в его смехе была немалая доля безумия. Он глядел мне в лицо, в глаза, которые все видели, и ожидал, что они расширятся, когда я наконец пойму, что происходит.

— Правильно!— закричал он.— ОН — это я. Ты проиграл. Тобой сожжен, уничтожен этот чудесный андроид. Его единственное назначение было обмануть тебя, заставить действовать именно так. Это была ловушка, предназначенная для тебя. Все здесь, даже само существование этого мира, даже эта петля времени — все это ловушка для тебя. Неужели ты забыл, что тело — это просто скорлупа для вечного МЕНЯ? Мой мозг победил смерть и живет вечно. Теперь он — имитация безумного императора. О, он никогда не знал, что такое настоящее безумие. Ты проиграл, а я — победил окончательно!

Это была только временная неудача. Полагаю, что в обычных условиях я чувствовал бы себя разбитым, испуганным, разозленным, раздираемым множеством бесполезных эмоций. Теперь же я просто ждал случая убить его снова. Это стало уже утомительным — после двух попыток он по-прежнему жив. Я решил, что третья должна быть окончательной.

Он наклонился и стал рвать мою одежду, обыскивая меня с грубой тщательностью. Разрывая ее на мелкие клочья, он собирал все снаряжение, укрепленное на мне: нож с лодыжки, пистолет с пояса, крошечные гранаты из волос. Через несколько секунд я лишился всего своего оружия. То немногое, что оставалось, было вне пределов досягаемости. Тщательно обыскав меня, он швырнул мое бессильное тело на стол лицом вверх.

— Я все подготовил для этого момента, все!— Он пускал пузыри, по подбородку текла слюна.

Я услышал звон цепей. Он поднял мои запястья и защелкнул на них тяжелые металлические обручи, соединенные коротким обрезком тяжелой цепи. Когда кандалы замкнулись, сверкнула короткая вспышка света и их концы соединились. Я ничего не почувствовал, но увидел, как под металлом моментально покраснела вся кожа. Я не обратил на это внимания. Когда это было сделано, он приложил к моему запястью иглу.

Обычные ощущения стали возвращаться. Сначала я почувствовал дикую боль в запястьях. Я не думал, что возвращение чувствительности может сопровождаться такой болью. Я старался не обращать на нее внимания, хотя терпеть ее было мучительно. В конце концов я непроизвольно скатился со стола и тяжело упал на пол. ОН тут же нагнулся, подхватил меня и потащил через широкое пространство огромного собора. Даже в этом маленьком теле сила ЕГО была чудовищна.

В то короткое мгновение, что я лежал на полу, мои пальцы успели что-то ухватить. Не зная, что представляет из себя этот крошечный металлический предмет, я крепко сжал его в кулаке.

Примерно в пяти метрах от приборов управления темпоральной спиралью стояла крепкая металлическая колонна, доходившая мне до пояса. Она тоже дожидалась меня.

Он широко развел мои руки и вложил цепь в канавку на вершине колонны. Еще одна вспышка — и цепь сварилась с металлическим монолитом. ОН отпустил меня. Я качнулся, но не упал.

Подойдя к приборам, ОН проделывал какие-то манипуляции. В громадном соборе царила тишина. Если не считать наваленных тел, мы были одни.

— Я победил!— визжал он, пританцовывая и брызжа слюной.— Понимаешь ли ты, что ты теперь в петле времени, которой не существует? Я ее создал, чтобы заманить тебя, и она исчезнет, как только я ее покину!

— Я это подозревал. В наших учебниках Наполеон проиграл.

— Здесь он победил. Я дал ему оружие и помощников, чтобы завоевать мир. Потом, когда было готово мое новое тело, я убил Наполеона. Когда я это сделал, появилась петля во времени. И ее существование воздвигло временной барьер, который исчезнет вместе с ней. Это случится, когда я уйду — но не сразу — это было бы слишком легким концом для тебя. Мне будет приятно думать, что ты торчишь здесь один, понимая, что проиграл, и что твое будущее никогда не будет существовать. В этом здании есть фиксатор времени. Время сохранится здесь, когда Лондон исчезнет со всем остальным миром. Раньше, чем он включится, ты, может быть, сдохнешь от жажды. А может, и не сдохнешь. Я победил!

Последние слова он выкрикнул, снова поворачиваясь к пульту. Я разжал кулак, чтобы посмотреть, какое оружие спрятано в моей ладони, чтобы сокрушить его в этот последний момент.

Это был маленький латунный цилиндр, весивший всего несколько граммов. На одном конце его виднелись маленькие дырочки, и когда я перевернул его, оттуда посыпался мелкий белый песок. Песочница, применявшаяся при письме для высушивания чернил. Можно бы желать и большего, но придется довольствоваться этим.

— Я ухожу,— сказал ОН, включая механизм.

— А как же эти твои люди?— спросил я, выгадывая время на размышления.

— Безумные рабы. Они исчезнут вместе с тобой. Они сослужили свою службу. Меня ожидают армии таких как они, огромный мир. Скоро таких миров будет много. Скоро все будет моим.

К этому мне нечего было добавить. ОН прошел по каменным плитам — чудовище в образе маленького человека,— коснулся рукой сверкающего конца темпоральной спирали и был мгновенно охвачен ее зеленым пламенем.

— Все мое!— провозгласил он, и в глазах его горел такой же зеленый огонь.

— Я так не думаю.

Я несколько раз подбросил на руке песочницу, оценивая ее вес и расстояние до пульта. Попробую добросить.

Регулировка временной шкалы представляла из себя ряды клавиш, очень похожих на клавиши музыкального инструмента. Некоторые из них были зажаты. Если мне удастся нажать еще хотя бы одну, регулировка изменится. ОН прибудет в другое место и время, а может быть, и вовсе никуда не прибудет. Я замахнулся, прикидывая расстояние и траекторию, по которой должен полететь крохотный цилиндрик, чтобы попасть в нужное место.

Вероятно, он увидел, что я собираюсь сделать, потому что завыл от безумной ярости, пытаясь вырваться из временного поля, которое аккуратненько приковывало его к концу спирали. Я хладнокровно прицеливался, пока не убедился, что расчет мой верен.

— Вот так,— сказал я и запустил песочницу к пульту по высокой дуге.

Она полетела вверх, ярко блеснув в столбе солнечного света, врывавшегося сквозь застекленное окно. Затем устремилась вниз и упала на ряды клавиш.

Темпоральная спираль освободилась. ЕГО яростные крики оборвались, и ОН исчез из виду В тот же миг свет изменился, стал сумрачным. За окнами посерело. Я уже видел такое в самом начале, во время темпоральной атаки на лабораторию. Лондон, весь мир снаружи больше не существовали. Не существовали в этой точке пространства и времени. Здесь был только кафедральный собор, кратковременно удерживаемый фиксатором времени.

ОН победил? Я почувствовал первый признак тревоги — должно быть, действие наркотиков проходило. Я внимательно вглядывался, но в полутьме было почти невозможно рассмотреть показания индикаторов. Изменилось ли показание одного из них перед включением спирали? Я не был уверен. Да это и не имело значения, по крайней мере, для меня. Для меня не имеет никакого значения, каким будет будущее — адом или раем. С возвращением эмоций мне стало интересно, будет ли существовать мой мир, появится ли Специальный Корпус и родится ли моя

Ангелина. Мне этого не узнать. Я резко дернул за цепи, но они, конечно, держали крепко.

Это конец. Конец всему. Возвращающиеся ко мне эмоции были отравлены мрачными предчувствиями. Я ничего не мог поделать. Это конец.

Случалось ли вам когда-нибудь оказаться запертым в кафедральном соборе Святого Павла в 1807 году от Рождества Христова, когда весь мир снаружи провалился в небытие — в полном одиночестве, прикованным к стальной колонне в ожидании собственной гибели. Не многие могут ответить на такой вопрос утвердительно. Я могу, но, честно говоря, это необычное отличие не доставляет мне никакого удовольствия.

Могу честно признаться, чувствовал я себя несколько подавленно. На всякий случай я подергал металлические манжеты на запястьях, но проделал это без всякого энтузиазма. Они были слишком прочны и надежны, и я понимал, что именно такие безнадежные попытки вырваться доставили бы ЕМУ самое безумное удовольствие.

Впервые в жизни я испытывал полное и абсолютное поражение. Оно произвело на мой мозг мрачное и отупляющее действие — как будто я уже стоял одной ногой в могиле. Исчезло всякое желание бороться, и я все больше склонялся к мысли, что легче всего просто ждать падения занавеса. Ощущение катастрофы было столь велико, что подавляло всякое беспокойство в связи со столь безвременным концом. Мне бы следовало бороться, обдумывать пути к спасению, но не хотелось даже пытаться делать все это. Такое поведение изумило даже меня самого.

Пока я был погружен в состояние созерцания собственного пупа, возник звук. Едва слышное гудение, такое слабое, что я никогда не услышал бы его, если бы не абсолютная тишина небытия, охватившая мой гроб — собор. Звук рос и рос, надоедливый, как жужжание насекомого, и я в конце концов обратил на него внимание, хотя и помимо воли, потому что в этот момент я ничего не хотел знать, кроме своего чудовищного поражения. Наконец он стал достаточно громким, и стало ясно, что

исходит он откуда-то из-под купола. Несмотря на полное отсутствие интереса к чему-либо, я посмотрел вверх, и как раз в этот момент раздался громкий хлопок расступившегося воздуха.

Вверху в темноте появилась фигура человека в скафандре. Судя по медленному спуску, на нем был гравитатор. Я был так ошарашен, что готов был к чему угодно, когда он открыл темный щиток своего скафандра.

Готов ко всему? Да, кроме того, что это был не он, а она.

— Сбрасывай эти дурацкие цепи,— заявила Ангелина.— Так всегда: стоит оставить тебя одного, как ты обязательно впутываешься в какую-нибудь историю. Отправишься сейчас же со мной, вот и все.

Даже если бы я и не онемел от изумления, говорить, собственно, было нечего. Так что я по-идиотски разинул рот и немножко побрякал цепями, пока она, легкая, как осенний лист, скользила к полу. В конце концов, несомненность ее физического присутствия вывела меня из столбняка, и я приложил все усилия, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Ангелина, радость моя! Ты спустилась с неба спасти меня!

Она шире открыла щиток скафандра и поцеловала меня, а потом сняла с пояса атомный кинжал и занялась моими цепями.

— Теперь объясни мне, что это за загадочная чепуха с путешествиями во времени. И отвечай быстро, у нас только семь минут — по крайней мере, по словам Койпу.

— Что он еще сказал?

Я прикидывал, как много она знает.

— Не забивай мне баки, Скользкий Джим ди Гриз! Хватит с меня Койпу!

Я быстро отпрянул, когда она махнула под моим подбородком атомным кинжалом, а потом сбил огонь с затлевшей одежды. Рассерженная Ангелина бывает весьма опасной.

— Любовь моя,— сказал я страстно, пытаясь обнять ее, но не спуская при этом глаз с кинжала,— я не стану

ничего скрывать от тебя. Я не такой. Просто от всех этих путешествий во времени мозги у меня скорчились, и прежде чем рассказывать по порядку, надо узнать, на чем кончается твоя информация.

— Ты отлично знаешь, что я только что говорила с тобой по телефону. «Срочно, спешно, приезжай скорей!»— крикнул ты и дал отбой. Я приехала в лабораторию Койпу. Все бегали и возились с аппаратурой и были слишком заняты, чтобы что-нибудь мне объяснить, кричали только: «Назад, в прошлое». И этот ужасный Инскипп ничуть не лучше. Он сказал, что ты исчез, исчез прямо из его кабинета, когда он читал тебе обвинительное заключение. Он, наверное, прознал что-то о тех деньгах, которые ты прикарманил на черный день. Еще несли какую-то ахинею, что ты спасаешь мир или Галактику, но я не поняла ни слова. И все это продолжалось о ч е н ь долго, пока они не нашли возможность послать меня сюда. Что ты можешь сказать об этом?

— Ну да,— ответил я скромно,— я спас тебя, спас Службу, вообще все на свете.

— Я была права. Ты пьянствовал.

— Уже давно капли в рот не брал,— буркнул я капризно.— Если хочешь знать, вы все исчезли: пуф — и нет вас. Койпу оставался последним, так что он мог бы тебе рассказать. И Служба, и все вообще даже не родились и существовали только в моей памяти.

— Я ничего этого не знала.

— Может быть. Благодаря моим усилиям ЕГО планы были расстроены.

— Что еще за ОН? Ты совсем поглупел от выпитого.

— Его зовут ОН, и у меня уже несколько часов ни капли во рту не было. Неужели ты не можешь слушать, не прерывая? Это история и так достаточно запутанная.

— Запутанная и наверняка навеянная алкоголем.

Я застонал. Потом поцеловал ее, на этот раз крепче и дольше. Эта задержка нам обоим понравилась и немного смягчила Ангелину. Я поспешил продолжать, прежде чем она вспомнит, что ей следует на меня злиться.

— Против Специального Корпуса была предпринята темпоральная атака, вот профессор Койпу и забросил меня в прошлое, чтобы разрушить этот подлый заговор. Я отлично сработал в 1975 году, но ОН ускользнул оттуда в пёриод, откуда появился, а потом еще дальше в прошлое, и расставил здесь, в 1807 году, хитрую западню для меня. Вот я и попался, но его план до конца не сработал, потому что в последний момент мне удалось изменить настройку темпоральной спирали, и ОН отправился не в то время, куда собирался. Видимо, это помешало его темпоральной войне, иначе ты не пришла бы ко мне на помощь.

— О, дорогой, как здорово! Я всегда говорила, что стоит тебе по-настоящему захотеть — и ты спасешь мир.

Смена настроений, быстрая как ртуть — вот что такое моя Ангелина.

Она поцеловала меня с истинной страстью, и я звеня своими цепями, радостно обнял ее, но она пронзительно ойкнула и врезала мне, да так, что я задохнулся и отлетел.

— Время!— Она поглядела на часы и ахнула.— Из-за тебя я забыла. Осталось меньше минуты. Где эта темпоральная спираль?

— Здесь!— Я указал на аппарат, потирая все еще болевшие ребра.

— А пульт?

— Вот.

— Какой некрасивый. А указатели?

— Вот эти циферблаты.

— Вот настройка, которую мы должны использовать. Койпу сказал — с точностью до тринадцатого знака. Он очень настаивал.

Я заиграл на клавишах, как сумасшедший пианист, так что даже вспотел. Стрелки дернулись, замерли и закрутились как бешеные.

— Тридцать секунд,— ласково сказала Ангелина, чтобы подбодрить меня.

Я вспотел еще сильнее.

— Есть!— выдохнул я, когда она объявила десять секунд. Я врубил таймер и включил главный рубильник.

Темпоральная спираль засверкала зеленью, и мы бросились к ее выступающему концу.

— Стань ближе и прижмись ко мне как можно крепче. У темпорального поля есть поверхностный эффект, и мы должны быть рядом.

Она с удовольствием откликнулась на это предложение.

— Жаль только, что на мне этот дурацкий скафандр,— сказала она, покусывая мое ухо.— Без него было бы замечательно.

— Может, и так, но неудобно прибыть в Спецслужбу в таком виде.

— Об этом не тревожься. Мы пока направляемся не туда.

— Что ты говоришь? А куда же?

— Не имею ни малейшего представления. Койпу сказал только, что прыжок будет на двадцать тысяч лет вперед, как раз перед разрушением этой планеты.

— Снова ОН и его безумная война! Значит, нам опять предстоит попасть во всепланетный сумасшедший дом. Они все там будут против нас!

Все застыло, когда включилась темпоральная спираль, и я с болезненным выражением на лице был брошен во время. Это выражение оставалось на нем двадцать тысяч лет, и это было все, что я чувствовал.

Трах! Это было как падение в исходящую паром ванну, и более подходящего выражения, чем «падение» не найти. Горячие облака испарений поднимались вокруг нас, и невидимая поверхность могла быть как в десяти метрах, так и в десяти милях под нами.

— Включи свой гравитатор!— крикнул я.— Мой остался в несуществующем девятнадцатом веке.

Возможно, мне и не нужно было орать, потому что Ангелина включила гравитатор на полную мощность и выскользнула из моих нежных объятий, как маслянистый угорь. Я поймал ее за ногу и судорожно вцепился обеими руками — где-то поверх ботинка цельного скафандра — и почувствовал, как эта часть скафандра начала довольно быстро сползать с ее ноги.

— Я хотела бы, чтобы ты этого не делал!

— Полностью с тобой согласен,— пробормотал я сквозь сжатые зубы.

Скафандр вытягивался и вытягивался до тех пор, пока нога Ангелины не стала вдвое длиннее нормы и я начал подпрыгивать вверх-вниз, как на резинке. Я быстро взглянул вниз, но там был только сплошной туман. Материал космического скафандра прочен, но не рассчитан на такое растяжение. Что-то надо было делать.

— Прекрати подъем!— крикнул я, и Ангелина немедленно отреагировала.

Мы пребывали теперь в свободном падении. Как только движение замедлилось, ткань скафандра сократилась и швырнула меня вверх, в объятия Ангелины.

— Хм!...— только и сказал я.

Она взглянула вниз и, взвизгнув, вновь включила гравитатор на полную мощность. Я не был готов к этому, и выскользнул из ее объятий. Я стремительно падал к твердому ландшафту, внезапно открывшемуся внизу.

За доли секунды, что были мне отпущены, я сделал то немногое, что мог. Распластавшись в воздухе, широко раскинув руки и ноги, я постарался приземлиться на спину. И почти добился этого.

Все потемнело. Я был уверен, что погиб, мое сознание заполнила темнота, в которой промелькнула последняя мысль. Это было не только сожаление об утраченной жизни, но и о том, что некоторые вещи я мог бы делать намного чаще.

Вряд ли я был без сознания дольше нескольких секунд. Когда я очнулся, рот мой был полон грязи неприятного вкуса. Я выплюнул ее, протер глаза и огляделся. Я плавал в болоте, из которого вырывались и лопались с легким треском большие пузыри. Они источали зловоние. По берегам росли дистрофического вида камыш и другие водные растения.

— Жив!— заорал я.— Я жив!

Шлепнувшись на сиропообразную поверхность, я сумел распределить удар по всей спине. Кое-где пульсировала сильная боль, но, вроде, ничего не было сломано.

— Похоже, там очень гадко,— заметила Ангелина, паря в нескольких футах надо мной.

— Ужасно гадко, и если ты не возражаешь, мне хотелось бы выбраться отсюда. Не могла бы ты спуститься, я схвачусь за твои лодыжки, и ты вытащишь меня. Надеюсь, звук получится не хуже, чем когда вытаскивают из грязи сапог.

Гнилое болото, казалось, вцепилось в меня, намереваясь удержать любой ценой, и только после отчаянного сопротивления отпустило, грустно хлюпнув. Я болтался, уцепившись за лодыжки моей любимой, пока мы дрейфовали над болотом, исчезавшем в тумане во всех направлениях.

— Смотри направо!— закричал я.— Вроде бы канал с проточной водой. Мне кажется, неплохо бы и помыться после такого купания.

— Я уже так измучилась с тобой, что не могу не согласиться.

Течение было слабым, но оно все-таки было, насколько я мог судить по проплывавшему мимо стволу дерева. Посредине ленивого потока золотился песчаный островок, как будто специально для нас приготовленный. Я спрыгнул, как только Ангелина спустилась; она не успела еще приземлиться, как я уже разделся и, стоя в воде, соскребывал с себя всякую мерзость. Когда я, отплевываясь, вынырнул, то увидел, что она сняла свой лунный комбинезон и расчесывает свои длинные локоны, которые в данный момент оказались белокурыми. Это было прелестно. На меня нахлынули романтические мысли, но тут мою задницу пронзил яростный огонь, и я катапультировался из воды, визжа, как собака, прищемившая хвост.

Привлекательная и женственная Ангелина оставалась Ангелиной: расческа мгновенно уступила место пистолету, и в этот самый момент, когда я коснулся песка, прогремел единственный, но точный выстрел.

Пока она прилаживала повязку на двойной ряд отметин от зубов, украсивший мою ягодицу, я смотрел на рыбину, изувеченную выстрелом, которая немного ошиб-

лась в выборе обеда. В ее широко разинутой пасти было больше зубов, чем на складе зубопротезного кабинета, а в быстро затягивающихся поволокой глазах горел дьявольский огонек.

Ухватив ее за хвост, чтобы избежать все еще сокращающихся челюстей, я бросил ее далеко в воду. И вдруг поверхность воды закипела. Я понял, что был атакован одним из самых небольших экземпляров.

— Двадцать тысяч лет не избавили эту планету от хищников,— констатировал я.

— Ополоснись как следует и выходи, пока я покараулю. Пора перекусить.

Практична, как всегда.

Пока я чистился, она отстреливала неуемных хищников, среди которых была одна большая рыба, с жирными боками и рудиментарными конечностями; она вразвалку вышла из воды, чтобы пообедать мною. Но мы сами ею полакомились: из ее боков были извлечены прекрасные толстые куски филе, которые отлично прожарились под лучом теплового прожектора. Англина предусмотрительно захватила с собой флягу моего любимого вина, что сделало нашу трапезу незабываемой. После обеда я вздохнул, рыгнул и удовлетворенно вытер губы.

— Ты не раз спасала мне жизнь за последние двадцать тысяч лет. Поэтому я больше не сержусь на тебя за то, что был так внезапно унесен в эту парилку вместо возвращения в Корпус. Но ты можешь по крайней мере объяснить мне, что произошло и что сказал тебе Койпу?

— Он стремился наговорить как можно больше, но я ухватила суть. Он работал на своей машине времени, или как они там ее называют, и сопровождал твои прыжки через тысячелетия так же, как и тот, кого ты считаешь врагом и называешь ОН. Враг сделал что-то со временем и создал вероятностную петлю, которая длилась пять лет, а затем подошла к пределу. Тогда ОН покинул коллапсирующую петлю, а ты — нет. Вот почему Койпу послал меня в прошлое за несколько минут до того, как с петлей было покончено, чтобы вытащить тебя. Он дал мне данные

для настройки спирали времени, которые позволят нам сопровождать ЕГО в это время. Я спросила, что предположительно мы должны делать здесь, но он все бормотал: «Парадокс, парадокс», и не ответил мне. У тебя есть какие-нибудь идеи насчет того, что должно произойти?

— Все довольно просто. Надо найти ЕГО и убить. Игра стоит свеч. Я два раза пытался это сделать: первый раз стрелял в него, второй раз пустил в ход кумулятивные гранаты, но оба раза меня постигла неудача. Может быть, в третий раз повезет.

— Может быть, стоит предоставить заботу о нем мне?

— Прекрасная идея. Мы уничтожим его вместе. Это преследование во времени мне порядком надоело.

— Как мы найдем его?

— Проще простого, если у тебя есть энергетический детектор времени.

Благодаря предусмотрительности Койпу, он у нее был. Ангелина протянула его мне. Банальный щелчок выключателя — и стрелка покажет нам, в каком направлении находится враг.

Выключатель щелкнул, но лишь освободил немного сконденсировавшейся влаги, которая вытекла мне на ладонь.

— Кажется он не работает,— сказала Ангелина и ласково улыбнулась.

— Либо так, либо они в данный момент не пользуются темпоральной спиралью.

Я покопался в своем снаряжении. Мне пришлось оставить скафандр и некоторые другие вещи в 1807 году, но Скользкий Джим никогда не расстается со своим искателем. Я гордился приспособлением, которое изобрел сам, и это была одна из вещей, которые ОН не отобрал у меня. Стойкий в любой среде, прибор не мог находиться только в расплавленном металле. Компактный, не более чем с ладонь величиной, он мог определить слабейшие проблески излучений в огромном диапазоне частот. Я включил его и провел обычный контроль.

— Очень интересно.— Я попробовал радиочастоты.

— Если ты сейчас же не просветишь меня, я больше не буду тебя спасать.

— Будешь, потому что ты влюбилась в меня навеки. Я нашел два источника: один очень слабый и далекий, а другой, вероятно, близко и прослушивается в огромном диапазоне частот, включая атомное и тепловое излучение, а также радиоволны. И еще что-то очень настойчивое. Достань крем от солнечных ожогов — ультрафиолетовое излучение на максимуме. Держу пари, мы хорошо поджаримся.

Мы смазались кремом и, хотя было очень жарко, надели одежду, чтобы защититься от невидимого излучения, льющегося с затянутого тучами неба.

— Странные события происходят на Земле,— сказал я.— Излучение, влажный климат, дикая жизнь в реке. Боюсь...

— А я — нет. После выполнения задания можешь проводить палеонтологические исследования, но сначала давай убьем ЕГО.

— Сказано решительно. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я настрою аппаратуру так, чтобы мы оба могли в равной степени оценить преимущества гравитатора.

— Звучит забавно.— Она освободила стропы.

Легкое как воздух сдвоенное приспособление — этакая мечта сиамских близнецов — подняло нас невысоко над морем грязи и понесло в направлении замеченной активности. Грязь и топь тянулись довольно долго, и я начал ворочаться в стропах, жалея о силовых приспособлениях, когда наконец появилась суша. Сначала это были камни, высовывающиеся из воды, затем каменистое плато. Потребовалось еще немного энергии, чтобы поднять нас на его край, и тут индикаторная стрелка контроля мощности быстро поползла вниз.

— Скоро придется идти пешком,— сказал я.— Это все-таки лучше, чем плавать.

— Если только животные на суше не такие агрессивные, как в воде.

Моя Ангелина всегда оптимистична. И пока я думал, что ей на это сказать, гряда камней впереди озарилась

вспышкой света, за которой последовала резкая боль в ноге.

— Я ранен!— закричал я больше от удивления, чем от боли; потянувшись к тумблерам гравитатора, я увидел, что Ангелина уже убрала мощность.

Мы медленно спустились на большую гряду камней и в последний момент остановились. Я перевалился на одной ноге под прикрытие большого валуна и только успел подумать, что нужно достать мою индивидуальную аптечку, как Ангелина уже рвала одежду на ноге, посыпала рану антисептиком, ввела обезболивающее и прозондировала отверстие. Она во всем и всегда опережала меня, но никогда не подчеркивала свое преимущество.

— Небольшое проникающее ранение,— объявила она, обрабатывая мою ногу аэрозолем.— Заживет быстро, нет сомнения. Не наваливайся на ногу, а я пока убью этого, кем бы он ни был.

Я ослаб от лекарств и не успел ответить, а она уже исчезла среди камней. Нет никого в мире, похожего на Ангелину: любящая и нежная жена и в то же время хладнокровный убийца. Хотя брюки носил я, пистолеты мы носили оба.

Вскоре после ее ухода послышались звуки разрядов, шум катящихся камней, а еще некоторое время спустя — ужасные крики, которые тут же сменились гробовой тишиной. Надо отдать дань осторожности Ангелины, я ни на секунду не усомнился в ее безопасности. Я тут же задремал от циркулирующих в крови лекарств и проснулся, когда почувствовал, что меня дергают за стропы гравитатора. Я вскрикнул и, не моргая, уставился на Ангелину, которая распласталась рядом.

— Говори скорее, что произошло?

Она нахмурилась.

– Там был только один человек Других я не нашла. Это что-то вроде фермы — какой-то цех и поле злаков. Я, кажется, поскользнулась, сбила его и еле удержалась, чтобы не убить, пока он лежал без сознания. Но все же не убила.

Я поцеловал ее.

— Твое великодушие — врожденное качество. Когда-нибудь мы все станем цивилизованными.

Она вздохнула, кивнула и быстро чмокнула меня в щеку.

— Возможно ты и прав. Но как интересно было бы разорвать его на кусочки!

Мы были теперь над осыпью и над господствующим здесь утесом. Здесь, на вершине, находилась небольшая площадка, на ней стояло приземистое строение из сцементированных камней. Дверь была открыта, и я протиснулся в нее, опираясь на плечо Ангелины. Внутри в слабом свете, падавшем из маленьких окошек, я разглядел большую комнату с двумя кроватями около дальней стены. На одной лежал связанный человек, который ворочался и бормотал. В рот его был вставлен кляп.

— Отдохни на второй скамье,— сказала Ангелина,— а я пока посмотрю, нельзя ли добиться чего-нибудь человеческого от этого ужасного существа.

Я уже было направился, куда меня послали, как вдруг в моих путаных мыслях мелькнуло нечто определенное, и я остановился как вкопанный.

— Постели-то две! Вторая для кого-то предназначена.

Ответ застыл на губах Ангелины, так как в дверях с грохотом появился человек, паля из еще более шумного оружия.

Он шумел главным образом из-за того, что оружие было выбито из его рук сразу же после того, как он нажал на спуск, а немного позже он и сам был вытолкнут за дверь. Я увидел все это, когда с разбегу бросился на пол и покатился, вытаскивая пистолет. В этот момент Ангелина уже отводила свой в сторону.

— Ну, с этого явно достаточно,— сказала она, обращаясь к безмолвной паре ботинок в дверном проеме.— Пусть для цивилизованного человека это пережиток, но я считаю, что стрельба — лучшее средство самообороны. Я увидела этого типа среди камней, когда мы подлетали — он крался к дому, но тогда я не попала в него. Сейчас он будет потише. Я приготовлю капельку отличного горячего супа, а потом ты немного подремлешь...

— Нет.— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь говорил «нет» более твердо. Пуча глаза и пожирая ее ими, я продолжал свой монолог в том же тоне:— Есть, конечно, определенное удовольствие, когда за тобой ухаживают и наставляют, как глупого ребенка, но с меня хватит. Я еще раньше напал на ЕГО след и выгнал из двух берлог, а потому хочу покончить с ним сам. Я знаю методы. Я — глава экспедиции, поэтому ты будешь следовать за мной, а не вести меня, оставляя мне только подчиняться приказам.

— Есть, сэр.— Она опустила ресницы и склонила голову. Не думаю, что сделала она это только для того, чтобы скрыть улыбку. Она подчинилась, как бы там ни было, а я все-таки глава.

— Я — глава!— произнес я твердо.

— Есть, босс.

Она хихикнула. Человек на скамье ворочался и сопел, а ботинки в дверях оставались неподвижными.

Мы приступили к работе. Пленник шумно ругался на неизвестном языке, когда я вытащил кляп, и пытался укусить меня за палец, когда я его переворачивал.

На полке стоял грубый приемник, передававший новости на том же не знакомом нам языке. Поиски Ангелины оказались намного продуктивнее моих — она подкатила к двери ужасное транспортное средство, выглядевшее как наспех собранная пурпурная пластиковая ванна, закрепленная на четырех осях с колесами. Оно бормотало и шипело на меня, когда я забрался наверх, чтобы изучить его.

— Эта штука очень проста в обращении,— сказала Ангелина, демонстрируя свою техническую осведомленность.— Здесь есть выключатель, который ее заводит, и две рукоятки для поворота колес в сторону. А этот рычаг подается вперед для увеличения скорости и назад — для остановки.

— И центральная часть.— Я тоже хотел продемонстрировать как свою осведомленность, так и мужское превосходство.

— А этот покрытый свинцом чурбан посередине должен быть ядерным реактором. Незакрытый желоб с радиоактивным материалом, нагреватель жидкости для привода электрогенератора, двигатели на каждом колесе; ужасно примитивно, но практично. Куда мы в нем поедем? Там — она показала — кажется, дорога или что-то вроде тропы через обработанное поле. И насколько я помню — это в том направлении, откуда идут сигналы.

Я понял, что она и на этот раз хочет командовать, но сделал вид, будто не заметил этого. К тому же, она оказалась права, что подтвердил и искатель.

— Тогда выезжаем,— объявил я командирским тоном.

— Пленника убьем?— спросила она с надеждой.

— Нет. Но я возьму его одежду, поскольку моя превратилась в тряпки. Если мы сломаем радио, наше пребывание здесь останется в секрете до нашего появления. А этот тип за пару часов перегрызет свой кляп и веревки, так что обязанности по похоронам его напарника можно возложить на него. А мы оседлаем «коня» и отправимся в путь.

Через несколько минут мы уже тряслись по хорошо наезженному тракту, петлявшему по плато.

В этом месте было меньше тумана, но смотреть было не на что. Малопривлекательный ландшафт пересекался оврагами, которые уносили воду от частых ливней, а также перемещали тот тонкий пахотный слой, который еще оставался. Худосочные растения прижимались к камням в надежде на защиту от непогоды. Вскоре мы пересекли ответвляющуюся колею, но указатель направления на искателе не давал нам сбиться с курса. Твердые сиденья были в высшей степени неудобны, и я обрадовался приближающимся сумеркам, потому что мы свернули на заросший и покрытый большими камнями холм, где решили остановиться на ночлег.

Утром я был еще слаб, но чувствовал себя лучше. Живительные лекарства вызвали бешеное размножение моих клеток, что наполовину залечило всевозможные раны и разбудило дьявольский аппетит. Мы поели. Завтрак со-

стоял из выпивки, доставленной Ангелиной, в сочетании с черствым хлебом и сушеным мясом, изъятыми у воинственных фермеров.

Ангелина взяла управление в свои руки, а я держал пистолет и отнюдь не восторгался меняющимся ландшафтом. Колея теперь петляла вниз по склону плато между вертикальными каменными откосами слева и справа. Затем появилось несколько топей и отвратительные на вид джунгли, в которые углублялась дорога. Ползучие растения росли достаточно низко, чтобы причесывать нам головы, сырые кроны сплетались наверху. Воздух, которым и так невозможно было дышать, стал еще более влажным и горячим.

— Не нравится мне это место,— сказала Ангелина, объезжая болотистую поляну, расползшуюся на дорогу.

— А мне еще меньше,— отозвался я, держа в одной руке пистолет, а в другой взрывпакет.— Если дикая жизнь здесь похожа на речную, у нас будет достаточно развлечений.

Находясь все время начеку, я смотрел вперед, назад, направо и налево и сожалел, что глаза у меня не на стебельках. Среди деревьев мелькали многочисленные подозрительные тени, изредка слышались тяжелые удары, но ничего угрожающего не появлялось. Оглядывая окрестности, я не мог следить за дорогой, а именно там нас подстерегала опасность.

— Поперек дороги лежит упавшее дерево. Мы переедем через него...

— Я бы не стал!— вскричал я, но немного опоздал, потому что передние колеса нашей машины уже перевалили через зеленый ствол, что лежал на нашем пути и терялся в джунглях по обе стороны.

Центральные колеса были как раз на нем, когда он вздрогнул и изогнулся в большую петлю. Повозка перевернулась, и мы с Ангелиной были выброшены резко и не совсем аккуратно. Ударившись о землю, я втянул голову, откатился и тут же вскочил с пистолетом наготове. И правильно сделал: псевдоствол извивался, пока из придорожных зарослей не появилась его передняя часть.

Это была змея. С большой, как бочонок, головой, с разинутой пастью, из которой высовывался длинный подвижный язык, с глазами-бусинами, шипящая, как паровой котел. Справа от пасти сидела Ангелина, тряся головой и совершенно не понимая, что происходит. Времени оставалось только на один выстрел, и я меньше всего хотел промахнуться. Как только ужасная голова начала опускаться, я, подперев пистолет левой рукой, выпустил заряд прямо в пасть этой гадине. Голова с глухим стуком упала в облаке дыма.

Но это не было концом. Судорога скрутила длинное мускулистое тело. Прежде чем я успел скрыться, извивающаяся петля ударила меня, обвилась вокруг и швырнула меня на деревья. После этого я с хрустом пролетел сквозь ветви, и снова получил, на этот раз по затылку. Все это закончилось изумительным, слепящим взрывом боли.

Не знаю, сколько прошло времени. Меня привела в сознание боль в голове плюс новая и более острая боль в ноге. Я открыл один глаз и увидел нечто маленькое и коричневое со множеством когтей и зубов; тварь эта пыталась разодрать одежду на моей ноге в надежде перекусить. Первый же голодный укус привел меня в чувство, и я, не дожидаясь второго, ударил животное ботинком. Оно в ответ заворчало и показало мне все свои зубы, но после моей слабой попытки нанести еще удар, все же скрылось в зарослях. Я чувствовал себя невероятно слабым. Еще немного времени ушло на то, чтобы не просто лежать, а собраться и вспомнить, что произошло. Дорога, змея, удар..

Ангелина!— Я попытался встать на ноги, не обращая внимания на боль, которая переливалась во мне.— Ангелина!

Ответа не было. Я продрался через колючий кустарник, наблюдая ужасное зрелище: длинный ряд коричневых животных, родственных тому что напало на меня, работал над телом змеи и уже освободил от плоти большие участки скелета, походившие теперь на отполированные прутья клетки. Мой пистолет исчез. Я вернулся назад и исследовал то место, где упал, но его и там не было.

Что-то было не так. Совсем не так. И неприятный шепоток паники стал закрадываться в душу.

Пока я стоял в отдалении, жующие твари игнорировали меня. Я решил не искушать судьбу и сделал большой крюк вокруг дороги. Машины не было. Ангелины тоже.

Вот этого понять я уже не мог, а боль от ран не способствовала ясности мышления. И что-то надо было делать с насекомыми, которые жужжали вокруг раны на голове. Моя аптечка все еще была в кармане, ею я в первую очередь и воспользовался. Через несколько минут я уже не чувствовал боли, был простимулирован и готов к действию. Но к какому? Я попытался сосредоточить свои сумбурные мысли и разобраться — где машина. Ее следы были достаточно ясно видны на грязном грунте, и он же ясно раскрывал тайну исчезновения Ангелины.

По крайней мере два отпечатка больших мускулистых ног было в том месте, где лежала перевернувшаяся машина. И еще виднелся след от другой машины. Либо за нами ехали, либо это были случайные туристы, появившиеся на сцене после того, как я потерял сознание. Комья грязи и примятая трава свидетельствовали, что обе машины уехали в том же направлении, в котором мы ехали до встречи со змеей. Я крупной рысью припустил следом, стараясь не думать, что могло произойти с Ангелиной.

Мой бег аллюром продолжался недолго. Из-за жары и усталости пришлось перейти на быстрый шаг. Нет, так не пойдет! Стимулятор освободил от возникших проблем. Следы были достаточно заметны, и я без труда бежал по ним.

Меньше чем через час дорога выбралась из джунглей навстречу сухим скалам. Выйдя за поворот, я увидел стоявшую впереди машину и быстро вернулся назад. Нужно было все обдумать. Мой пистолет исчез, поэтому вопрос,— а не перестрелять ли похитителей, даже не вставал. Несколько оставшихся от моей экипировки приспособлений не могли служить оружием, но у меня была еще пригоршня гранат, которые мне дала Ангелина. Это было решением. Горстка слезоточивых гранат выведет похитителей из строя, прежде чем они успеют выстрелить в меня.

И, может быть, придется использовать еще пару порций взрывчатки, но это в том случае, если враг далеко от Ангелины.

С таким вооружением я крался от камня к камню, затем глубоко вздохнул и прыгнул на открытое место, где стояли обе машины.

И тут же получил деревянной дубинкой по затылку. Дубинку эту держал часовой, тихо ожидавший всякого, на ком можно было испробовать это простое, но эффективное средство.

Я пробыл без сознания всего доли секунды, но и этого оказалось достаточно, чтобы мне связали руки и ноги, а затем отобрали все вооружение, какое смогли на мне найти. За эту оплошность я мог винить только себя и свою бесшабашность. Усталость и стимуляторы в больших дозах сделали свое дело. Меня протащили по траве и бросили рядом с Ангелиной.

— У тебя все в порядке?— прохрипел я.

— Конечно. И намного лучше, чем у тебя.

Это было правдой. Тем не менее, ее одежда была порвана, и кое-где виднелись синяки — следы от ушибов. Кое-кто заплатит за это, причем сполна. Я услышал, как скрипят мои зубы. Ангелина была тоже связана.

— Они решили, что ты мертв. И я тоже.— Ее слова были полны таким невысказанным чувством, что я попытался улыбнуться, но улыбка получилась неискренняя.— Не знаю, сколько времени мы пролежали там — я тоже была без сознания. Когда очнулась, я была уже связана, а они забрали наши пистолеты и весь груз из машины. Потом мы поехали. Я никак не могла остановить их. Все они разговаривают на этом ужасном языке.

Они выглядели так же неряшливо, как их язык,— все в неопрятной одежде, подпоясанные засаленными кожаными ремнями, с копнами грязных волос и нечесаными бородами. Я имел неосторожность излишне пристально взглянуть на одного из них. Он тут же подошел ко мне и стал вертеть мою голову из стороны в сторону, сравнивая

мою потрепанную внешность с фотографией моей персоны, которая у него была.

Я лязгнул зубами в сторону его пальцев, но он вовремя их отдернул. Это, как видно, был из ЕГО людей: иначе зачем фотография, хотя я не знаю, откуда ОН раздобыл ее. Нет сомнения, что она была сделана во время наших встреч и до сих пор хранилась в ЕГО кармане. В этот момент я заметил, что этот тип, самый безобразный и вонючий из всех, смотрит на Ангелину. Я немедленно вцепился в его ногу, но был отброшен, как футбольный мяч.

Надо отдать должное Ангелине, она всегда была целеустремленной. Она всегда получала что хотела, независимо от способа. Сейчас она увидела единственный путь, который мог вывести нас из этой кутерьмы, и использовала его. Женские чары. Без тени колебания она начала расточать знаки внимания этому ужасному животному. Она не могла говорить на их языке, но язык, на котором изъяснялась она, был стар, как мир. Отвернувшись от меня, она улыбнулась волосатому скоту и кивком головы подозвала его.

Это, конечно, сработало. Среди скотов возникла небольшая, но оживленная дискуссия, но волосатый сбил одного из оппонентов с ног, тем самым прекратив дебаты. Все ревниво смотрели, как он шествовал к ней. Она улыбнулась ему с максимально возможной теплотой и протянула ему соблазнительные связанные руки.

Какой мужчина мог бы сопротивляться этому бессловесному приглашению? Может кто-нибудь и мог бы, только не эта неуклюжая куча дерьма. Он разрезал путы на ее руках и отложил нож, она показала на связанные ноги. Когда он потянул ее за ступню, Ангелина нетерпеливо поднялась. Он склонил к ней свою харю и заключил в медвежьи объятия.

Я мог бы сказать ему, что он находился бы в куда большей безопасности, если бы попытался поцеловать саблезубого тигра, но не стал этого делать. То, что произошло потом, видел только я, поскольку ревнивые наблюдатели были заслонены его громадным телом.

Кто бы мог представить, что эти нежные женские пальцы могут быть так сильны, и тонкая рука способна так глубоко проникнуть в брюхо этого животного? Он продолжал наваливаться на нее, лишь легонько вздрогнув. Еще мгновение она удерживала его, затем с криком отступила, и он упал на землю. Прекрасная картина женской невиновности. Руки у горла, широко раскрытые глаза, пронзительный крик. Огромный мужчина корчился у ее ног. Конечно, двое других подбежали, но лица их в основном выражали холодное удовлетворение. У одного из них был мой пистолет.

Ангелина занялась ими. Как только первый подбежал достаточно близко, она бросила в него нож, который она вытащила у того животного, прежде чем уложить его. Я не видел, куда попал нож, потому что третий побежал ко мне, и я согнул ноги в надежде, что он окажется рядом. Так и произошло. Я выбросил ноги вперед и попав ему по коленям, сбил его с ног. Как только он грохнулся, я перекатился вперед и, не дав ему встать, ударил обоими ботинками в висок. Потом повторил процедуру, потому что чувствовал себя гадко.

На этом все кончилось. Ангелина вытащила нож из своей неподвижной жертвы, вытерла лезвие об его одежду, после чего подошла освободить меня.

— Ты убьешь тех, кто еще дергается?— спросила она с притворной сдержанностью.

— Надо бы, но хладнокровное убийство не для меня. Думаю, что с них достаточно. Хватит того, что мы возьмем их запасы и сломаем машину. Ты была великолепна.

— Ясное дело. Потому ты и женился на мне.

Она быстро поцеловала меня, потому что ей неожиданно пришлось повернуться и приложиться ко лбу лохматого, который начал шевелиться. Он снова уснул. Мы собрались и поехали.

Мы были уже недалеко от цели. Через несколько часов стало ощущаться движение воздуха; оно делалось все сильнее по мере того, как мы продвигались по дороге среди

скал. Внезапный поворот вывел нас к началу аллеи, круто уходившей вниз.

Я бросил машину в вираж и, развернувшись, укрылся за поворотом.

— Ты видела?

— Конечно.

Во время этого диалога мы действовали на этот раз куда более осторожно, чем наткнувшись на змею. Поползли на животах. А потом глянули за поворот.

Ветер здесь был сильнее, он кропил широкую аллею брызгами из невидимого водоема, расположенного где-то внизу. Воздух здесь был прохладнее, и хотя сверху нависали вездесущие облака, в аллее не было тумана, который мог бы закрыть перспективу.

Напротив нас высилась гора, переходившая в монолитный утес, на котором стоял колоссальный черный камень. Эрозия превратила его в фантастическое сплетение башен и башенок, а люди продолжили работу природы, создав замок, занимающий вершину горы.

Там были окна и двери, флаги и вымпелы, лестницы и колонны. Флаги были ярко-красные, исчерченные едва заметными черными изображениями. Некоторые башни были раскрашены, и это в совокупности со всем ужасом конструкции могло означать только одно.

— Я знаю, это не имеет никакого значения,— сказала Ангелина,— но меня бросает в дрожь от этого местечка. Нелепое строение. Оно здесь совершенно ни к чему.

— Абсолютно верно. Это означает, что если в определенном пространстве и времени есть такое место, оно должно быть ЕГО пристанищем.

— Как мы доберемся до него?

— Очень хороший вопрос,— сказал я, заменяя этими словами ответ по существу.

Как забраться в этот чертов замок? Я почесал затылок и потер лоб, но на сей раз эти проверенные рецепты не сработали. Уголком глаза я заметил какое-то движение. Искоса глянув в ту сторону, я потянулся было за пистолетом, но на полпути остановил руку.

— Не делай резких движений и не хватайся за пистолет,— спокойно сказал я Ангелине.— Оберпись неторопливо.

Мы оба повернулись, стараясь не делать ничего, что могло бы вызвать сокращение мышц в пальцах на спусковых крючках дюжины или около того людей, которые бесшумно появились позади нас и теперь стояли, направив на нас ружья.

— Будь готова упасть вперед вслед за мной,— сказал я и вернулся в прежнюю позицию, чтобы увидеть еще четверых, так же бесшумно появившихся на аллее прямо перед нами.— Отменяю последний приказ, улыбайся нежно и непринужденно.

Последнее было скорее моральным стимулятором, нежели руководством к действию. Эти люди были намного спокойнее и тверже тех, с дикими взглядами, у кого мы отобрали наш многоколесный драндулет. Они были одеты в одинаковые пластиковые комбинезоны, которые наверху переходили в закрывающие голову шлемы. Вооружены они были какими-то длинными штуками, похожими на ружья, с раструбами на концах и выглядевшими весьма внушительно. Один из этих людей стал махать рукой в нашем направлении, и мы послушно затрусили вперед. Другой из членов этого сужающегося круга выступил вперед и осмотрел нас, но близко не подошел, дабы остальные в случае необходимости могли применить оружие.

— Вероли гот бист вурт?— спросил он. А поскольку мы молчали, добавил:— Вурт хосто бист пордни?

Не получив ответа на эти неприличные вопросы, он повернулся к громадному человеку с красной бородой, который, видимо, был главарем.

— Кто вы?— спросил тот на эсперанто с резким акцентом.

— Ну, это уже лучше,— ответил я на том же языке.— Могу ли я спросить вас, джентльмены, почему вы находите нужным направлять оружие на обычных путешественников?

— Кто вы?— повторил Красная Борода, выходя вперед.

— Могу ли я задать вам тот же вопрос?

— В моих руках оружие,— ответил он холодно.

— Преклоняюсь перед вашей логикой. Мы туристы, прибывшие из страны, расположенной по ту сторону моря...

Он прервал меня коротко и резко:

— Этого не может быть. Мы знаем, что на этой планете всего один материк. А теперь отвечайте правду.

Единственный континент? Что же случилось с матерью Землей за эти двадцать тысяч лет? Ложь не прошла, но, может быть, сработает правда? Такое иногда бывает.

— Поверите ли вы мне, если я скажу, что мы путешественники во времени?

Это достигло цели. Он выглядел озадаченным, в то время как среди людей, стоявших ближе и слышавших, что я сказал, началось движение. Красная борода строго взглянул на них.

— Какое отношение вы имеете к НЕМУ и к тем существам наверху, в городе?

От моего ответа зависело многое. Правда неоднократно делала свое дело, должна сработать и на этот раз. К тому же, он сказал «существам», и в этом мог быть ключ к разгадке. Нельзя поверить, что эта молчаливая и дисциплинированная сила была на стороне врага.

— Я должен убить ЕГО и сорвать их планы.

Это произвело должный эффект; кое-кто даже опустил ружья, которые прежде составляли единую линию. Красная Борода отдал команду, и один из его людей куда-то отправился. Мы стояли молча, пока он не вернулся с зеленым металлическим кубом размером с его голову и протянул его командиру. Куб, вероятно, был полым, потому что он нес его без труда. Красная Борода поднял куб.

— У нас их более сотни. Они спускались с неба весь месяц и во всем идентичны. Испускаемый ими мощный радиосигнал приводит нас к ним, но мы не смогли ни разрезать, ни разрушить металл. На пяти внешних гранях куба текст на разных языках. Те, которые мы поняли, сообщают одно и то же: «Передайте это путешественникам

во времени». На днище куба есть две надписи, которые мы не смогли прочитать. Может быть, вы сможете?

Он осторожно передал мне куб, и я взял его с еще большей осторожностью, поскольку все ружья были направлены на меня с ювелирной точностью.

Металл по прочности явно превосходил сплав, применяемый для атомных космических лайнеров. И он излучал в диапазоне радиоволн. Я осторожно перевернул куб и без затруднений прочел две строки.

— Я могу это прочесть,— сказал я и заметил, что все они удивлены переменой в моем голосе.— Первая строка гласит, что ОН и его люди покинут этот временной интервал точно через два и тридцать семь сотых дня после моего прибытия сюда.

Послышалось бормотанье — они обсуждали новость. Ангелина опередила Красную Бороду вопросом:

— А что во второй строке?

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— Вторая... в ней говорится, что, как только они уйдут, планета будет разрушена ядерными взрывами.

Тент был сделан из того же серого материала, что и одежда наших новых знакомых; он неплохо защищал от парной атмосферы снаружи. В углу урчал небольшой агрегат, стерилизуя и охлаждая воздух. Присутствовали даже прохладительные напитки.

Я мучился, ища выхода из создавшегося положения, пока не зашел в тупик. Хотя оружие все еще было на виду, я чувствовал, что нам уже доверяют. Красная Борода решил официально закрепить это доверие.

— Я выпью с вами. Я Диян.

Это походило на ритуал, поэтому я повторил формулу и представился. То же сделала Ангелина. После этого оружие исчезло.

Я сел там, где мог вовсю наслаждаться ветерком от кондиционера и рискнул задать несколько вопросов.

— Есть ли у ваших людей что-то более существенное, чем эти ружья?

— Нет. То немногое, что мы привезли сюда, было выведено из строя во время сражения с ЕГО силами.

— Этот континент слишком велик для переброски снаряжения из вашей страны?

— Размеры континента не играют роли. Наши космические корабли не достаточно велики, а доставлять все приходится с нашей родной планеты.

Я заморгал, чувствуя себя слегка не в своей тарелке.

— Так вы не с Земли?

— Наши предки отсюда, но сами мы — уроженцы Марса.

— Вы не могли бы сообщить мне немного больше фактов?— В моем вопросе звучала неуверенность.

— Простите, я думал, вы знаете. Позвольте наполнить ваш бокал. История эта началась много тысяч лет назад, когда внезапное изменение солнечной активности увеличило температуру на Земле. Под словом «внезапное» я, конечно, подразумеваю многие годы, столетия. С изменением климата и таянием ледяных шапок существование жизни на планете было поставлено под угрозу. Изменялись береговые линии, океан затоплял низины, были стерты с лица Земли многие большие города. С этим еще можно было бороться, но сейсмическая деятельность привела к смещению масс на поверхности Земли. Полюса, освобожденные от ледяного покрытия, поднялись. Землю сотрясали чудовищные землетрясения, недра извергали потоки лавы. Огромные участки суши опускались, а в других местах возникали новые горы. Все это было ужасно, мы видели в наших школах видеозаписи.

Интернациональными усилиями была отправлена экспедиция для освоения Марса — его нужно было сделать пригодным для обитания людей. Это требовало изменения атмосферы с увеличением диоксида углерода, чтобы смягчить солнечную радиацию и создать парниковый эффект, транспортировки льда с колец Сатурна и многого другого. Все это было начато с большими амбициями в расчете на скорый успех, но нации Земли потерпели банкротство, отдав все силы и ресурсы этой нечеловеческой попытке. Наступил упадок, последовали войны, слабые правитель-

ства пали, жестокие правители боролись за больший кусок жизненного пространства в новом мире. А вода все поднималась, и первым поселенцам на Марсе, чтобы сохранить порядок, пришлось сражаться против жадных завоевателей с Земли, этого вымирающего мира. В истории эти годы известны как Годы Смерти — цифры умерших тогда людей превосходят всякое воображение. Но в конце концов мы все же сумели выжить, и Марс теперь — зеленый и гостеприимный мир.

Земля несчастна и по сей день. Контакт между планетами прервался, и те, кто выжил, бились здесь в смертельной схватке за жизнь. У нас нет видеозаписей этого периода, длившегося тысячелетия, но результаты налицо. Этот континент — единственный, оставшийся над водой; есть еще несколько островов, но там в основном горные хребты и дикие ущелья.

А ужасные законы землян! Когда появлялась возможность, мы перестраивали старые космические корабли и помогали чем могли. Однако наша помощь не была оценена. Выжившие убивали чужаков для своего удовольствия. Люди друг другу чужие. Солнечная радиация вызвала здесь мутации всех живых существ — людей, растений, животных. Многие мутанты погибли, но некоторые выжили.

Итак, мы старались помочь, но нашу помощь не оценили, и реально мы сделали очень мало. Люди служили постоянной опасностью друг для друга, но Марсу они не были опасны. До тех пор, пока ОН не объединил их несколько сот лет назад.

— ОН так и жил все это время?

— Похоже на то. ЕГО разум такой же вывернутый, как и у всех остальных, но ОН обладает способностью привлекать и организовывать их. Они идут за НИМ. И они в самом деле вместе работают, строят город, который вы видели, и подобие общества. ОН — настоящий гений, хотя и извращенный; у них есть работающие фабрики и элементарная технология.

Первое, что они сделали — это запросили большую помощь с Марса и не поверили нам, когда мы ответили,

что они и так получают по максимуму. Их безумные требования не тревожили бы нас, если бы у них не было межпланетных ракет с атомными зарядами, направленных на нашу планету.

Как только здесь появились такие установки, была организована эта экспедиция. На Марсе мы выжили благодаря взаимопомощи, у нас не было иного пути, поэтому мы не воинственный народ. Но нам пришлось создать оружие и применить его, чтобы обеспечить свое существование. ОН — причина всех бед, поэтому мы должны захва́тить его или убить. Если придется ради этого уничтожить других, мы пойдем на это.

— Наши цели совпадают,— сказал я.— ОН провел темпоральную атаку на наших людей с теми же опасными результатами. Наши планы отлично складываются.

— Как мы реализуем их?

— Не знаю,— хмуро ответил я.

— У нас остается на операцию десять стандартных часов,— вступила в разговор Ангелина. Как все женщины, она была настоящим прагматиком. Пока мы теряли время, жалуясь на прошлое, она пришла к выводу, что решение проблемы принадлежит будущему.

Я хотел высказать свое недовольство ею, но отложил это до более подходящего времени, так как со временем сейчас действительно было туго.

— Всеобщая атака,— сказал я.— У нас есть оружие, которое мы присоединим к вашему. Атака по всему фронту. Найдем слабое место, сконцентрируем силы и прорвемся к победе. У вас осталось тяжелое вооружение?

— Нет.

— Ну, тогда придется обойтись без него. Как вы смотрите на прорыв обороны крепости одним их ваших кораблей для создания второго фронта?

— Корабли уничтожены диверсантами. Другие прибудут с Марса слишком поздно. Мы не сильны в военной науке и умении убивать, а они пользуются этим всю жизнь.

— Не оставляйте надежды!— бодро обнадежил я, но это вышло как-то некстати.

Сумерки были такими плотными, что их, казалось, можно резать на куски.

— Гравитатор,— сказала Ангелина тихо, чтобы ее услышал только я.

— Мы используем гравитатор,— сказал я громко, чтобы услышали все.

Настоящий генерал хорош только при оперативной работе штаба.

Весь план теперь был ясен и горел огненными буквами перед моими глазами.

— Это будет обходная операция. Ангелина вместе со мной оторвет ремни от нашего ненужного снаряжения, чтобы гравитатор справился с максимальным грузом, который мы прикрепим к нему этими ремнями. Я все подсчитаю позднее, а сейчас скажу предположительно, что он сможет поднять и перенести через стены внутрь пять или шесть человек, прежде чем сгорит. Нас с Ангелиной двое, остальные — ваши лучшие люди...

— Нет, эта работа не для женщины,— запротестовал Диян.

— Она хоть и нежная и хрупкая, но стоит любых десятерых мужчин из этой палатки. А нам потребуется каждый человек, поскольку войска снаружи будут вести вполне реальную атаку, которая может закончиться прорывом. Вначале на главном направлении, а затем на флангах. Когда сражение будет в наивысшей точке, мой отряд перелетит за противоположную стену и пробьет ее. Теперь займемся организацией.

И мы занялись делами. В основном мы с Ангелиной, потому что эти мирные марсианские парни ничего не смыслили в военной науке и были счастливы, переложив ответственность на нас.

Когда все было на мази, я лег передохнуть — я был на ногах что-то около двух полных дней и двадцать тысяч лет, а потому невообразимо устал. Тех трех часов, что я урвал, было, естественно, недостаточно. Я проснулся, ворча и моргая, и поспешил принять стимулятор, чтобы не-

много прийти в себя. Снаружи было темно, но все так же жарко.

— Готовы ли мы к отправке?

— В любую минуту,— ответила Ангелина, свежая, сосредоточенная, без следов забот, выпавших на ее долю: наверняка тоже принимала стимуляторы.— У нас еще около четырех часов, но большая часть этого времени уйдет на то, чтобы занять нужные позиции. Атака начнется на рассвете.

— Проводники знают дорогу?

— Они воюют здесь уже почти год, так что должны знать.

Этот бой должен быть последним. Люди знали это. Это чувствовалось в их решительных лицах и осанке. Сегодня победителем мог быть только тот, кто силен духом. Возможно, они не родились бойцами, но быстро учились.

Подошел Диян с тремя мужчинами из его отряда, которые несли металлическое сооружение с пристегнутыми к нему ремнями, в центре был вмонтирован гравитатор.

— Мы готовы,— сказал Диян.

— Каждый знает, что должен делать?

— Так точно. Мы уже попрощались, и отряды первого удара выступили.

— Тогда идем и мы.

Диян шел впереди. Я до сих пор не понял, как он находил дорогу в этой темной парилке. Мы плелись за ним, сгибаясь под тяжестью ноши. Рассвет застал нас у цели — возле самой высокой и крепкой стены.

Когда стена появилась из сумерек перед нами, черная и угрюмая, она вовсе не показалась нам привлекательной. Я сжал руку Ангелины, чтобы подбодрить ее и показать, что мне не страшно. Она сжала в ответ мою, показывая мне, будто знает, что я боюсь, как и все остальные.

— Мы сделаем это, Джим. Ты ведь уверен.

— О, все будет в порядке, это доказывает предсказатель будущего. Но он не может показать, сколько людей погибнет сегодня... или кто из нас окажется в живых в ближайшем будущем.

— Мы бессмертны,— сказала она с такой уверенностью, что я рассмеялся, и мой моральный уровень поднялся до обычной нормы. Я громко чмокнул Ангелину.

Внезапно вдали раздались взрывы. Звуки долетали до нас, как перекатывающиеся раскаты грома. Атака началась. Теперь все измерялось временем. Я помог всем влезть в стропы и взглянул на часы. Когда подошел назначенный час, я тоже надел ремни и проверил настройку гравитатора.

— Пристегнитесь,— скомандовал я, наблюдая, как бегут сскунды,— и будьте готовы разрезать ремни, когда мы приземлимся с той стороны.

— Я нажал кнопку, и мой маленький отряд из шести человек под металлический звон оборудования поднялся в воздух, чтобы начать атаку.

Мы поднимались рядом с черной поверхностью камня, как медленный лифт — отличная мишень для всякого с оружием и метким глазом. Мне приходилось наращивать скорость постепенно, чтобы наша конструкция не развалилась, но я постарался задать возможное ускорение и выдерживал этот режим, пока мы не достигли максимальной скорости подъема. Гравитатор стал ощутимо излучать тепло, так как ему приходилось работать на полную мощность. Было бы чертовски неприятно, если бы он сейчас отказал.

Мимо проносились глубокие бойницы, к счастью, никем не охраняемые; черный камень сменился серой стеной, и наверху показалась зубчатая вершина парапета. Я направил наше сооружение прямо к ней и убрал мощность, как только мы достигли края. Ускорение подняло нас вверх к высокой арке, после чего события потекли с нарастающей быстротой.

На стене было двое часовых. Удивленные и явно рассерженные, они готовились открыть огонь, но мы с Ангелиной выстрелили первыми — из игольных пистолетов, чтобы остаться необнаруженными возможно дольше. Часовые рухнули в полной тишине — их лица и шеи напоминали подушечки для булавок. Я переключил двигатель для приземления.

Посадка! Внизу не было ни дворика, ни надежной крыши. Мы приземлились на куполообразную кровлю большого цеха, сделанную в виде навеса из стеклянных панелей, закрепленных на металлических балках. Приближаясь, мы со страхом смотрели на нее, и я включил гравитатор на полную мощность, чтобы остановиться.

Нас основательно тряхнуло; наша хилая летательная конструкция хрустнула, изогнулась и начала разваливаться. Купол был слишком близко, и остановиться мы не смогли. Шесть пар ботинок ударили одновременно, и около шести тысяч квадратных метров стекла полетело вниз.

Это было великолепно. Бесшумная внезапная атака и серые привидения, проникшие в крепость,— так это было задумано.

Основная рама звякнула и наклонилась, некоторые балки заскользили по ней. У меня мелькнула мысль, что сейчас и мы последуем за всем тем стеклом, которое теперь со звоном билось внизу, где все звуки сливались в одну громкую какофонию. Затем гравитатор заискрил, сделал последний рывок и загорелся.

— Обрезайте крепления!— закричал я, обрывая стропы, крепившие гравитатор к нашей конструкции. Они сопротивлялись, резали руки, но наконец поддались. Гравитатор упал вниз, в зал, где вопили находящиеся там люди, и взорвался. Я со вздохом бросил туда несколько дымовых и зажигательных гранат, чтобы усилить панику.

— Теперь о нашем присутствии все знают.— Я отскочил в безопасное место.— Нужно поскорее выбраться из этого ада и приступить к делу.

Мы осторожно двинулись вперед, сбрасывая стекло, которое скользило вместе с балками по наклонной раме, и наконец добрались до безопасного парапета.

— Включи рацию,— сказал я Дияну.— Прикажи своим ребятам свернуть атаку, если они нигде не прорвались, но стрельбу пусть не прекращают.

— Они были отбиты со всех сторон.

— Тогда прикажи им поберечь себя. Мы сделаем все изнутри.

Мы двинулись. Ангелина и я шли впереди — отсюда мы могли подавить всякое сопротивление, которое могло возникнуть,— в то время как остальные прикрывали фланги и тыл. Двигались быстро. Нам нужно было торопиться, сея беспорядок по мере продвижения, если мы хотели найти ЕГО. Первая дверь пропустила нас на огромную винтовую лестницу, уходившую вниз в бесконечность. Мне не понравился ее вид, поэтому я швырнул вниз несколько гранат, и мы прижались к стене.

— Куда?— спросила Ангелина.

— Расположение зданий наверху более плотное, чем во всем этом районе...— начал я, но тут что-то взорвалось, и Ангелина сбила снайпера с окна наверху точным выстрелом навскидку.

Мы совершили небольшую пробежку, а затем прижались к стене над прямым спуском в нижнюю аллею, пока я выбивал закрытую дверь.

Это место было придумано сумасшедшим. Надо было знать ЕГО, чтобы оценить все это. Коридоры и лестницы, стены, пересекающиеся под острым углом... В одном месте нам пришлось ползти на четвереньках под низким потолком. Именно здесь произошло первое несчастье. Пятеро из нас уже выбрались из этой комнаты, когда потолок бесшумно и быстро опустился на нашего замыкающего, прежде чем тот успел издать хотя бы звук. Нас прошиб холодный пот.

Враги, которых мы встречали, были в основном безоружны. Либо они разбегались, либо мы уничтожали их иглами наших пистолетов. Теперь мы двигались в полном молчании и так быстро, как могли, между бессмысленно декорированными стенами и старались не смотреть на ужасные рисунки, которые покрывали, казалось, каждый метр свободной поверхности.

— Минутку!— тяжело дыша, проговорила Ангелина, когда мы вышли через широкую арку к лестнице, скрывающейся от глаз далеко внизу, причем ступеньки ее были разной высоты.— Ты знаешь, куда мы идем?

— Не точно,— пропыхтел я в ответ.— Просто мы пресекаем всякое сопротивление, удаляясь от места внедрения, и распространяем панику.

— Я думала, у нас более важные задачи. Например, найти ЕГО.

— У тебя есть какие-то предложения?

Признаться, я поторопился это выпалить. Ангелина незамедлительно ответила с притворной улыбкой:

— А как же. Попробуй включить детектор темпорального поля, который висит у тебя на шее. Надеюсь, мы не зря принесли его сюда.

— Именно это я и собирался сделать.

Я солгал, пытаясь скрыть, что начисто забыл о нем в пылу атаки.

Стрелка поколебалась и указала точно на пол под нашими ногами.

— Вниз, и только вниз,— приказал я.— Там, где работает машина времени, должен быть и ОН, тот, из кого я сделаю котлету.

Для меня это значило слишком много, поскольку это была третья и последняя попытка. Я подготовил специальную бомбу, на которой написал ЕГО имя. Это была адская смесь концентратора, гарантирующего коагуляцию протонов в радиусе пяти метров, с порцией отравленной шрапнели и термитным зарядом, который должен сжечь ЕГО сгущенное, отравленное тело.

После короткой паузы сражение возобновилось с новой силой. Струя пламени и дыма из огнемета преградила путь вниз по лестнице. Опаленные, закопченные, мы проскользнули через дыру, которую я прожег бластером, в комнату, напоминающую лабораторию. Ряды реторт и колб тянулись во всех направлениях, теряясь среди хрустальных шаров. Темные жидкости, испаряясь, насыщали воздух тяжелым запахом. Рабочие не были вооружены и падали на пол перед нами. Теперь мы продвигались медленнее и даже позволили себе остановиться и отдохнуть.

— Уф!— сказала Ангелина, переводя дух.— Ты видел, что в этих сосудах?

— Нет. И не хочу. Пошли.

Если что и могло вывести из себя всегда спокойную Ангелину, так это мое нежелание видеть вещи, на которые указывала она. И я был рад, когда мы пересекли последнюю комнату и оказались перед другой лестницей.

Мы подходили все ближе к цели. Сопротивление росло, и нам приходилось буквально прорубать себе дорогу. Только то, что защищающиеся были вооружены кое-как, позволило нам пробиться. К счастью, большая часть оружия была пущена в ход на стенах, а потому эти люди выходили на нас с ножами, прутьями, металлическими полосами и тому подобной дребеденью. Даже с голыми руками. Вопя и толкаясь, они задерживали нас только своим численным превосходством. Здесь нас постигло еще одно несчастье. Человек со шпагой вынырнул из боковой ниши и проткнул марсианина, прежде чем я успел выстрелить. Они умерли одновременно, и нам осталось только покинуть их и продолжать пробиваться. И тут я, посмотрев на часы, остолбенел: мы опаздывали.

— Подождите!— крикнул Диян.— Стрелка никуда больше не показывает!

Я дал сигнал остановиться в широком проходе, и они развернулись, прикрывая фланги. Я посмотрел на детектор темпоральной энергии, который нес Диян.

— Куда он показывал, когда ты в последний раз смотрел на него?

— Прямо вперед, по этому коридору. И стрелка не наклонялась, как будто машина, на которую она указывала, находится на этом уровне.

— Прибор работает только тогда, когда темпоральная спираль заряжена. Видимо, она уже отключилась.

— Мог ОН уйти?— спросила Ангелина, высказывая вслух то, что я пытался выкинуть из головы.

— Вряд ли,— сказал я с деланной уверенностью.— В любом случае, нужно пробиваться, если возможно. Итак, последняя попытка. Вперед!

Мы прорвались. И столкнулись еще с одной бедой, когда пытались пройти аллеей деревьев со свисающими вет-

вями, сплошь покрытыми иглами. Иглы были смазаны ядом. В конце концов я сжег их последней термитной гранатой. Рано или поздно все кончается. Затем произошла мимолетная перестрелка в конце коридора, опустошившая мой игольный пистолет. Я отшвырнул его в сторону и ударил в тяжелую дверь, перекрывающую проход. Ее нужно бы взорвать, а гранаты кончились. Я повернулся к Ангелине как раз в тот момент, когда плита, соединенная с дверью скользнула вверх.

— Ты проиграл в последний раз,— сказал ОН, гнусно ухмыляясь с экрана.

— Я всегда ждал этого разговора,— ответил я и обратился к Ангелине на языке, которого ОН не понимал:— Гранаты еще остались?

— Я говорю, а вы слушайте,— сказал ОН.

— Одна,— ответила Ангелина.

— Я весь внимание,— сказал я ЕМУ и шепнул Ангелине:— Взорви эту дверь!

— Я разместил всех нужных мне людей в надежном месте в прошлом, где нас не найдут. Переправил туда все нужные машины, все необходимое для создания темпоральной спирали. Я ухожу последним: когда я уйду, спираль саморазрушится.

Граната взорвалась, но дверь осталась в раме. Ангелина расколола ее разрывными пулями. ОН продолжал говорить, как будто ничего не произошло.

— Я знаю, кто ты, маленький человек из будущего, знаю, откуда ты. И вот я уничтожу тебя до того, как ты родишься. Я уничтожу тебя, мой личный враг, а потом прошлое и будущее, и вся вечность будет моя. Все века мои, мои!

Он орал и размахивал руками, а дверь тем временем упала, и я первым ворвался внутрь. Мои пули крушили тонкую механику спирали. Бомба с надписью «ОН» сверкнула в воздухе. Но ОН уже использовал темпоральную спираль — ее зеленый свет угасал. ОН ушел, а спираль осталась, никому не нужная. Моя бомба взорвалась и причинила больше вреда нам, чем ЕМУ — тому, кто только

что исчез, тому, кому она предназначалась. Мы попадали на пол, когда смерть засвистела над нами. Когда мы подняли головы, спираль рассыпалась и дымила.

ОН заговорил снова, в то время как ствол моего пистолета смотрел на него.

— Я сделал эту запись на тот случай, если мне придется вас покинуть, за что прошу меня извинить.— ОН захихикал над собственной плоской шуткой.— Теперь я ушел — ты не сможешь последовать за мной, но я смогу преследовать тебя сквозь время. И уничтожить. С тобой другие мои враги, и я хочу, чтобы они тоже увидели мое величие. Они умрут, вы все умрете! Я контролирую вселенную, вечность, я уничтожаю мир! Я уничтожу Землю. Я оставлю вам время подумать и помучиться. Вы не сможете избежать этого... Через час все ядерное оружие на этой планете будет взорвано!.. Земля будет уничтожена...

Надо было найти удовлетворение хоть в чем-то, и я сделал один выстрел, которым взорвал этот проигрыватель, откуда звучал ЕГО ненавистный голос. Аппарат разлетелся облаком осколков пластика и элементов электроники. Страшный смех прервался на середине.

Ангелина пожала мне руку.

— Ты поступил очень правильно.

— Но не совсем хорошо. Мне очень жаль, что я втянул тебя в это.

— Я бы не хотела, чтобы это случилось по-иному. Что бы ни произошло, мы будем вместе.

— Звучит так, словно с вашим народом может произойти что-то ужасное,— сказал Диян.— Мне очень жаль...

— Не о чем горевать, мы все в одинаковом положении.

— В каком-то смысле, да. Нам всем осталось жить около часа. Но Марс спасен, и тот, кто умрет здесь, утешится хотя бы этим. Наш народ и наши семьи будут жить.

— Если бы я мог сказать то же самое...— Произнеся это с глубокой грустью, я поднял пистолет и застрелил двух врагов, которые пытались ворваться через взорван-

ную дверь.— Затерянные здесь, мы исчезли из своего времени. Мы, еще живые сейчас, скоро сгорим, как свечи.

— Разве мы не можем ничего сделать?— спросила Ангелина.

Я пожал плечами.

— Ничего не могу придумать. Мы не можем обезвредить водородные бомбы. Оборудование темпоральной спирали уничтожено, так что здесь тоже нет выхода. Нам нужна новая темпоральная спираль, но ее негде взять, если только она не упадет к нам с неба...

Эхом моих слов явился внезапный треск разрывающегося над нами пространства. Я откатился в ожидании новой атаки. Но э т о оказалось большой зеленой металлической коробкой, которая повисла в воздухе. Ангелина смотрела, широко раскрыв глаза.

— Если это темпоральная спираль, то ты хоть объясни, как ты это сделал.

Впервые в жизни я промолчал, а затем и вовсе лишился дара речи, поскольку коробка начала приземляться перед нами, и прежде чем она окончательно опустилась, я прочел надпись на ее боковой стороне: «Темпоральная спираль. Открывать осторожно». К верхней стороне коробки были прикреплены два гравитатора и временное устройство, управлявшее ими при спуске; к коробке был также пристроен маленький радиопередатчик, на корпусе которого было криво написано «Включить».

Я застыл и только растерянно моргал, а Ангелина, практичная, как всегда, шагнула вперед и нажала кнопку включения. До нас донесся звучный голос профессора Койпу:

— Я советую вам пошевеливаться. Как вы знаете, бомбы скоро сработают. Меня просили передать тебе, Джим, что аппарат, который приведет бомбы в действие, находится в этом кабинете, у дальней стены за консервными банками. Он выглядит как портативный радиопередатчик, да по сути таковым и является. Если его выключить, то взрывное устройство отключится. Ты должен набрать три цифры: шесть, шесть, шесть, которые являются кодом.

Набирай их справа налево. Когда наберешь, нажми кнопку «Выключение». А теперь отключи меня, пока не сделаешь этого. И двигайся побыстрее.

— Ладно, ладно,— сказал я раздраженно и отключил его. Как он смеет разговаривать командным тоном с индивидуумом, без содействия которого он не сможет родиться через десять тысяч лет или около того? Но откуда он столько знает?

Выразив таким образом свое недовольство, я пошел выполнять задание. Коробки с консервами полетели на пол. Это были длинные желто-зеленые цилиндрические громадины с сублиматом. Передатчик был там. Я не стал его передвигать, а только набрал код, как было приказано, и нажал кнопку. Ничего не произошло.

— Ничего не произошло.

— Произошло именно то, чего мы все желали,— сказала Ангелина, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать меня в щеку.— Ты спас мир.

Очень гордый собой, я вернулся к аппарату Койпу и включил его.

— Не думай, что ты спас мир,— сказал Койпу.— Вот ведь олух! Ты лишь отсрочил взрыв приблизительно на двадцать восемь дней. Однажды включенные, бомбы затаились на этот период, а затем они самоуничтожатся. Но марсиане смогут от них спастись. Я верю, что их ремонтные корабли в пути, они их заберут.

— Будут здесь через пятнадцать дней,— сказал Диян.

— Пятнадцати дней более чем достаточно.— Казалось, Койпу слышал его.— Земля будет уничтожена, но когда на ней восстановятся прежние условия, для вас это будет более победой, чем поражением.

Настало время вскрыть коробку. Наверху, над панелью управления есть атомный резак. Если его окошко направить на внешнюю стену под углом пятнадцать градусов, он прорежет туннель наружу. Марсиане могут выйти по нему. Я предлагаю сделать это как можно быстрее. Теперь нажми кнопку «А» и запусти спираль. Джеймс, Ангелина,

пристегните гравитаторы как можно быстрее и сразу же отправляйтесь, когда загорится сигнал готовности.

Еще не веря во все это, я сделал, как было сказано. Темпоральная спираль щелкнула, зашипела и завыла, как раненое животное. Диян шагнул вперед с протянутой рукой.

— Мы никогда не забудем тебя и того, что ты сделал для мира. Еще не рожденные поколения узнают о тебе и твоих подвигах из книг.

— И ты уверен, что вы поступите правильно?

— Ты смущаешься, потому что ты великий и гуманный человек.— Впервые меня уверили в этом.— Будет сооружена статуя с надписью: «Джеймс ди Гриз, Спаситель Мира».

Марсиане по очереди пожали мне руку. Это было весьма впечатляющее зрелище.

Зажегся сигнал готовности, и после нескольких прощальных слов мы надели гравитаторы и — чего я так желал последнее время — окунулись в холодный огонь силы времени. Я хотел что-то сказать, но фраза запоздалая, застыла у меня на губах, а вокруг все завертелось.

Обычный скачок во времени, ни лучше, ни хуже. Это был тот вид транспортировки, к которому я никак не мог привыкнуть. Звезды проносились как пули, вокруг вращались спиральные Галактики, движение не было движением, время не было временем, все было необычно. Единственное, что было во время прыжка, это его конец. Мы обнаружили себя в гимнастическом зале Специального Корпуса, в самом большом открытом павильоне. Мы парили в воздухе, я и моя Ангелина, глупо улыбаясь друг другу и атлетам внизу. Мы пожали друг другу руки, счастливые, что будущее все же маячило впереди.

— Добро пожаловать домой,— сказала Ангелина, и именно это я хотел услышать больше всего.

Мы полетели вниз. Пожимая руки друзей, мы пока воздерживались от ответов на их вопросы: сначала следовало сделать доклад Койпу и Дежурному по Времени. Я подумал об этом, и в моей душе шевельнулось чувство

неудовлетворенности: все-таки ОН и на этот раз ушел от меня.

Койпу поднял глаза и удивился:

— Что вы здесь делаете? Кажется, вы устранили ЕГО. Разве вы не получили моего послания?

— Послание?— я быстро заморгал.

— Ну да. Мы сделали десять тысяч металлических кубиков и отослали их на Землю. Я был уверен, что вы получили хотя бы один из них.

— А, это странное послание... Получили и действовали в соответствии с ним, но вы немного опоздали... А что делает здесь вот эта штука?— Боюсь, что мой голос изменился до неузнаваемости, когда я показал дрожащим пальцем на машину в другом конце комнаты.

— Эта? Наша новая спираль номер Один, более компактный вариант. На что она тебе? Мы только что ее закончили.

— И никогда ею не пользовались?

— Никогда.

— Так. Все ясно. Сейчас вы прикрепите к ней пару гравитаторов — вот, можно эти,— передатчик, атомный резак и отправите ее в прошлое, чтобы спасти Ангелину и меня.

— У меня есть карманный передатчик, но зачем...— Он вынул из кармана знакомую мне машинку.

— Сначала сделайте, объяснения потом. Если вы этого не сделаете, мы с Ангелиной просто взорвемся.

Я принес краски, написал «Включить» на передатчике, затем «Темпоральная спираль. Открывать осторожно» на машине. Через несколько минут после отбытия ЕГО с Земли, которое было отмечено на временной развертке, мы запустили груз с большой темпоральной спирали. Перед этим Койпу наговорил запись под мою диктовку, и только после того, как весь этот груз ушел в прошлое, я глубоко и удовлетворенно вздохнул.

— Мы спасены. А сейчас стаканчик того, что вы мне обещали.

— Я не обещал...

— Это не имеет значения.

Койпу что-то бормотал себе под нос и чесал в затылке, пока я готовил напитки себе и Ангелине. Мы чокнулись, смочили пересохшие глотки и теперь улыбались с довольным видом.

— Как хорошо,— сказал я.— Сколько веков прошло с тех пор, как я в последний раз выпивал.

— Итак, в конце концов все проясняется,— сказал Койпу, удовлетворенно выпячивая в улыбке челюсть.

— Для нас, например, ничего не ясно, кроме того, что мы здорово устали за эту пару сотен тысяч лет.

— Да, пожалуй.

— Позвольте, я опишу ход событий. ОН предпринял временную атаку на Корпус и очень удачную. Остались вы и я.

— Все правильно. Хотя, как только я отправил вас в 1975 год, я увидел, что все осталось по-прежнему. Удивительно! Всего мгновение я был один, затем лаборатория заполнилась людьми, которые и не знали, что их тут не было. Мы провели большую работу по управлению техникой трассировки времени. На достижение нужного результата ушло почти четыре года.

— Вы сказали — четыре года?

— Почти пять, если быть точным. Трассы очень удалены и трудноуправляемы, многие к тому же переплетены.

— Ангелина!— воскликнул я, внезапно осознав то, что он мне сказал.— Ты никогда не говорила мне, что была здесь одна пять лет.

— Не думаю, чтобы тебе так уж нравились женщины старше тебя.

— Я обожаю их, если они — ты. Ты была одинока?

— Ужасно. Вот почему я добровольно отправилась за тобой. У Инскиппа был доброволец, но... он сломал ногу.

— Дорогая... держу пари, что знаю, как это произошло!

Ангелина не умеет краснеть, но глаза она тем не менее опустила.

— Давайте проследим дальнейший ход событий,— сказал Койпу.— Произошло вот что: мы следили за вами

при переходе из 1975 в 1807 год, а также за НИМ и его шпионами. Там была петля времени, аномалия некоторого рода, которая в конце концов замкнулась в кольцо. Можно сказать, что она готова была взорваться вместе с вами, заключенными внутри, но в последний момент удалось дать спирали дополнительную мощность, чтобы предотвратить запечатывание петли, прежде чем она исчезла. Именно тогда появилась Ангелина с координатами для вашего следующего прыжка в двадцать тысячелетий. Вы должны были последовать за НИМ, потому что ваш прыжок можно было контролировать. Ход истории к тому времени был известен, и мы знали, чем все кончится.

— Вы знали?— спросил я, чувствуя, что где-то что-то упустил.

— Конечно. Природа атаки была известна, хотя вы должны были сыграть свою роль до конца.

— Вы можете объяснить еще раз? И помедленнее.

— Конечно. Вы пытались сорвать ЕГО операции дважды в глубоком прошлом и в конечном итоге, переключив ЕГО машину, послали ЕГО в мрачные для Земли дни. ОН потратил много времени, почти две сотни лет, продвигаясь к власти и объединяя ресурсы планеты. ОН был гений, хотя и сумасшедший, и смог это сделать. ОН помнил вас, Джим, и, несмотря на двухсотлетний срок, не забыл, что вы ЕГО враг. И вот ОН начал темпоральную войну, чтобы уничтожить вас раньше, чем вы сможете устранить ЕГО. С этой целью ОН устроил вам ловушку на планете, готовой к уничтожению атомными взрывами. Оттуда он вернулся в 1975 год, чтобы атаковать Корпус. Вы отправились к НЕМУ, а ОН ушел в 1807 год, заманил туда же вас и оставил в петле времени. Не знаю, куда ОН планировал отправиться оттуда, но вы изменили ЕГО планы, и ОН отправился на двадцать тысяч лет вперед.

— Да, я сделал это, изменив настройку его спирали как раз перед его уходом.

— На этом все кончилось. Теперь можно расслабиться, и я хочу выпить вместе с вами.

— Расслабиться!— Слово это вырвалось из моего горла с весьма неприятным хрипом.— Из того, что вы сказали, можно заключить, что это я начал атаку на Корпус, изменив настройку ЕГО темпоральной спирали, которая послала его в мир, где ОН начал операцию по уничтожению Корпуса!

— Это, по-моему, единственное объяснение.

— А нет ли другого? По-моему, ОН просто вращается в кольце времени. Убегает от меня, догоняет меня, убегает от меня... Уфф! Когда Он родился, откуда ОН?

— То, что вы говорите, Джим, бессмысленно для такого рода темпоральных отношений. ОН состоятелен только в рамках этой петли вре́мени, да и такое суждение не совсем точно. Точнее будет сказать, что ОН никогда не родился. Ситуация лежит за пределами нашего нормального понимания времени. Так же как и то, что вы вернулись сюда с информацией, которую нужно было послать вам, чтобы вы могли выключить атомные бомбы. Откуда изначально исходила эта информация? От вас. Поэтому вы послали ее себе, чтобы предупредить об атомных бомбах, чтобы...

— Хватит!— взревел я, хватаясь дрожащей рукой за бутылку.— Просто отметьте, что миссия выполнена, и выписывайте премию.

— Я наполнил бокалы снова и, обернувшись, заметил, что Ангелины нет. Она выскользнула в то время, когда я пытался постичь ход временной войны, и я уже начал волноваться, куда она делась, как она вернулась.

— Они прелестны,— сказала она.

— Кто?— спросил я, не сообразив, но увидел сужающиеся глаза Ангелины и понял, какую непростительную ошибку совершил.— Действительно, кто? Прости мне небольшую шутку. Ну, конечно же! Говоришь — прелестны? Ясно, что это наши двойняшки! Разумеется, наши гукающие детки прелестны!

— Они здесь.

— Так вкати же коляску.

— Малютки,— сказала она, когда они вошли, и я ощутил, с какой иронией она это сказала.

Им шел шестой год. Я как-то упустил из виду этот маленький факт. Крепкие пареньки шагали в ногу. Хорошо сложенные, с отцовской твердой выправкой и — я счастлив был это видеть — с характерной для матери сдержанностью.

— Тебя очень долго не было, папа. Я — Джеймс, а это Боливар. Добро пожаловать домой.

Поцеловать ли их и вообще как мне держаться? Они протянули мне свои ручонки, и я совершенно серьезно пожал их. Нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к этой семейной традиции. Ангелина сидела, гордо откинувшись, и по ее взгляду я понял, что полностью прощен.

— Ангелина, я думаю, ты больше не сердишься на меня. Прелести семейной жизни, кажется, наилучшая награда для того, кто решил покончить с беззаботной жизнью негодяя, работающего без контракта.

— Очень правильное слово!— выкрикнул ужасно знакомый голос.— И еще бесчестный обманщик, мошенник и так далее.— В дверях стоял Инскипп, помахивая пачкой бумаг.— Пять лет я ждал вас, ди Гриз, и на этот раз вы не смоетесь. Никаких объяснений типа темпоральной войны. Вы украли, вы стащили у собственных малышей... Уфф!

Он сказал «Уфф», потому что Ангелина поднесла к его носу флакончик снотворного. Он начал клониться вниз. Мальчики с завидной реакцией выступили вперед и осторожно опустили его на пол. Пока Инскиппа укладывали, Ангелина освободила его от пачки бумаг.

— После пяти лет разлуки ты нужен мне больше, чем этому назойливому старику. Давай сожжем эти бумажки и стащим корабль, пока он тут не пришел в себя. Пройдут месяцы, прежде чем он найдет нас, а если за это время что-нибудь случится и потребует нашего безотлагательного присутствия, ему придется снова принять нас на работу. А мы тем временем проведем прекрасный второй медовый месяц.

— Звучит чудесно, но как быть с мальчиками? В такое путешествие не берут детей.

— Вы же не отправитесь без нас,— сказал Боливар. Где я видел это непоколебимое выражение лица? Наверное, в зеркале.— Куда вы, туда и мы. Если у вас проблема с деньгами, мы можем заплатить сами. Смотрите.

Как только он начал вытаскивать огромную пачку кредиток, я все понял: на эту сумму они смогут объехать всю Галактику. И я успел также разглядеть знакомый золотой штамп.

— Деньги Инскиппа! Вы ограбили старика, делая вид, что помогаете ему!— Я посмотрел на Джеймса.— Надеюсь, ты умеешь узнавать время по ручным часам, которые вдруг появились на твоей руке?

— Идут по стопам отца,— гордо сказала Ангелина.— Конечно же, они отправятся с нами. И не волнуйтесь насчет денег, мальчики: папа всегда сумеет наворовать столько, сколько нужно нам всем.

Это было уже слишком.

— А почему бы и нет!— Я засмеялся.— За преступников!— Я поднял бокал.

— За время!— сказал Койпу, вникнув в суть дела.

— За преступников во времени!— крикнули мы все вместе, осушили бокалы и разбили их о стену.

Койпу по-отцовски улыбался нам вслед, когда мы схватили детей в охапку и ушли, перешагнув через спящего Инскиппа.

Перед нами простирался яркий и славный мир, каждым уголком которого мы собирались насладиться.

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ ИЩЕТ ТЕБЯ

1

Блоджетт — ужасно мирная и спокойная планета. Здесь оранжевое солнце, прохладный ветерок гуляет среди скал. Изредка тишину нарушает шум моторов космических кораблей, доносящийся из космопорта. Эта планета действует чрезвычайно расслабляюще, а такому человеку, как я, нужно постоянно бдеть. Но сейчас я абсолютно забыл об этом и, ни о чем не думая, лежу в ванне, ленивый, как кот, и горячие струи воды падают мне на лицо. Пронзительно зазвонил звонок у входной двери.

— Я открою,— кричит Ангелина, кричит, чтобы мне был слышен ее голос сквозь шум льющейся воды.

Пробулькав что-то невразумительное в ответ, я нехотя вышел из ванной. Сушилка обдала меня теплым воздухом, попутно смазав нос косметическим кремом. Я смотрю на себя в зеркало — гол, как в день появления на свет. Но даже, когда я нагой, на мне висят предметы, с которыми не расстаюсь ни днем ни ночью. Мое отражение вполне меня устраивало: я строен и мускулист, лицо мое достаточно сурово. Посеребренные виски придают некоторый изыск. Мне не о чем беспокоиться. Да и в прошлом жизнь дарила мне радость.

И вдруг недоброе предчувствие пронзило меня холодом до самых костей. Я не знал, было ли это из области психограммирования, но очень хорошо почувствовал, как стучат убегающие секунды. Ангелина задерживалась у дверей. Я выскочил в холл, пробежал через комнаты. Дом был пуст. Выпрыгнул за двери, миновал все ступеньки, прыгая как газель, на ходу пытаясь достать из кобуры пистолет,

висящий у меня на лодыжке. Я увидел, как мою Ангелину заталкивают в машину два здоровенных бугая и сразу рвут с места. Мне удалось выстрелить только один раз, потому что дорога была запружена.

Ангелина! В гневе и отчаянии я стиснул зубы и несколько раз выстрелил в воздух, чтобы отвести душу и отпугнуть любопытных, уставившихся на мою наготу. Они рассыпались, как горох, в разные стороны. Я взял себя в руки и постарался вспомнить номер машины. Вернувшись в дом, я чуть было не вызвал полицию, как поступил бы на моем месте любой добропорядочный гражданин. Но поскольку я таковым не являлся, то и не стал делать этого. Я был уверен, что сила Скользкого Джима ди Гриза, то есть моя,— в гневе и месть должна стать делом его рук.

Я повернулся к компьютерному терминалу, нажал большим пальцем на идентификационный диск, ввел свой личный шифр и, назвав номер машины, дал команду установить, кому она принадлежит. Довольно простенькое задание для планетарного компьютера, и ответ возник сразу, как только я нажал «Принт». Увидев, что появилось на мониторе, я без сил опустился в кресло. ОНИ все-таки схватили ее. Все было гораздо хуже, чем я мог себе представить. Только не думайте, что я трус. Как раз наоборот. Перед вами — человек, прошедший огонь, воду и медные трубы, который вступил в Специальный Корпус, отборную всегалактическую организацию, использующую мошенников против мошенников. И то, что я так долго сумел продержаться в этой жизни, говорило о моей ловкости, если не об уме.

Сейчас настал момент, когда мне необходимо было мобилизовать весь свой жизненный опыт и вызволить любимую жену из ужасной переделки, поэтому нужно было все тщательно обдумать, прежде чем приступать к действиям. Несмотря на то, что день только начинался, я открыл бутылку 140-градусного Выдержанного Катализатора мыслей и налил себе количество, достаточное для смазки синапсов. После первого глотка меня осенило, что

мои мальчики уже достаточно взрослые и можно попробовать их в настоящем деле. Мы с Ангелиной, как примерные родители, всячески оберегали их от жестокой действительности, но, кажется, это время миновало. Они через несколько дней должны стать выпускниками школы, и я считал, что это дело можно ускорить.

Мне было странно думать, что наши дети уже не подростки. Как незаметно промелькнули годы. Их мама — моя похищенная драгоценность Ангелина — была все такой же красивой. Что касается меня, то я, конечно же, стал старше, но отнюдь не мудрее. Седина моих волос не коснулась сердца. Размышляя о быстротечности нашей жизни, я быстро оделся, натянул ботинки, обвешал себя всеми мыслимыми и немыслимыми приспособлениями и выскочил в гараж, застегиваясь на ходу. Мой ярко-красный «Фаебом 8000» немедленно включился и, как только захлопнулась дверца, с оглушительным грохотом понесся по дороге, разгоняя смурных жителей мирной планеты Блоджетт. Единственной причиной, по которой мы поселились здесь, было наше желание находиться рядом с сыновьями, пока они учились в школе. Я уже созрел, чтобы покинуть Блоджетт, и на прощание, наверное, даже не оглянулся бы. Не только потому, что это была унылая и скучная аграрная планета, но еще и потому, что ее опутали щупальца бюрократии. Чиновники и Лига администраторов внедрились и создали вторичную экономику правительственных учреждений, хотя планета находилась в центре звездной системы и очень гордилась своим целебным климатом. Мне все это не нравилось. Я предпочитал фермерский труд.

Поля ферм сменились деревьями, пока я мчал по дороге, потом стали попадаться каменные глыбы. На этой широте в воздухе уже ощущался холодок, исходящий от мрачных скал. Утро медленно превращалось в день, моя машина сделала последний поворот и затормозила перед нависшей скалой. Не в первый раз я увидел металлические буквы, выдолбленные в плите перед входом: ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ЗАКРЫТОГО ТИПА ДОРСКОГО. И здесь были заточены мои ненаглядные

мальчики! Как отец я беспокоился за них, а как гражданин — радовался, что они здесь в надежных руках. Мне хотелось, чтобы у моих ребят была добрая душа, хотя весь мир отвернулся от них. До этой школы их исключали из всех учебных заведений. Три из них после этого сгорели самым таинственным образом, все остальные взорвались. Я бы никогда не поверил, что возможны массовые самоубийства, но злые языки болтали, будто мастера этих школ, не знавшие, как управиться с моими шалунами, просто сбесились после того, как выгнали их. То кто-то застрелится, то кто-то выпрыгнет с пятого этажа. Сейчас мои сыновья встретили достойного воспитателя в лице старого полковника Дорского. После насильственной отставки из армии он не захотел отойти от дел и открыл школу, в которую постарался вложить весь опыт своей службы, связанной с постоянной жестокостью. Мои мальчики очень неохотно учились, но полностью отбыли срок исправления и через несколько дней должны были присутствовать на церемонии досрочного выпуска. Но сегодня неожиданно дела приняли такой оборот, что все необходимо было несколько ускорить.

Я с большим нежеланием сдал оружие, меня прощупали рентгеновскими лучами и, пропустив через множество автоматических дверей, ввели, наконец, во внутренний двор. Унылые ученики, измученные школьной системой, шаркали ногами вокруг меня. Среди них выделялись двое, которые никогда не склонят головы перед ударами судьбы. Я пронзительно засвистел, и они, отбросив книги, опрометью бросились ко мне. После бурного приветствия я медленно поднялся с пола и, отряхнув пыль, показал им, что старый конь борозды не портит. Они дружно рассмеялись и поднялись, потирая ушибленные места. Ребята были ненамного ниже меня, внешне походили на мать, но мускулы у них были железные, и они были прекрасны, как боги. Да, отцам многих девушек придется запасаться ружьями, когда они выйдут из школы.

— Па, что это за удар кистью и локтем?— спросил Джеймс.

— Повременим с объяснениями. Я приехал, чтобы ускорить ваш выпуск, потому что с мамой случилась беда.

Парни перестали улыбаться, ловя с тревогой каждое слово, пока я им рассказывал о том, что произошло.

— Понятно,— сказал Боливар.— Пощекочем нервишки старому Дорскому...

— И покончим с нашим пребыванием здесь,— закончил Джеймс. У них часто так бывало — они мыслили одинаково.

Мы быстро прошли через большой зал мимо скелетов, закованных в цепи, и поднялись вверх по лестнице, с которой постоянно стекала вода.

— Вам туда нельзя,— сказал секретарь и одновременно телохранитель директора, вскакивая со стула,— этакая глыба натренированных мышц весом в 200 кг.

Мы немного замедлили ход, чтобы перешагнуть через бесчувственную гору мяса. Дорский, нахмурившись, смотрел на нас, держа пистолет наготове.

— Уберите,— сказал я ему.— У нас очень срочное дело, я прибыл, чтобы забрать сыновей. Будьте так любезны и выдайте им аттестаты и документы об окончании срока службы.

— Идите к черту! Никаких исключений! Убирайтесь вон,— неистовствовал директор.

Я улыбнулся, пристально глядя на него, и решил, что лучше все объяснить, чем выбивать согласие насильственным способом.

— Дело очень срочное. Моя жена и мать этих мальчиков арестована сегодня утром и увезена в неизвестном направлении.

— Это должно было когда-нибудь случиться. Вы ведете очень беспорядочный образ жизни. Это все, что я хотел вам сказать, а теперь — убирайтесь отсюда.

— Послушайте, вы — размазня, тупоголовая скотина, военный динозавр! Я здесь не для того, чтобы выслушивать ваши нотации. Если бы это был обычный арест, то арестовывавшие валялись бы без сознания как только появились в моем доме. Никто, ни детективы, ни копы, ни

военная полиция, ни агенты не смогли бы противостоять моей бесценной Анжелине.

— Ну, а кто же тогда это был?— несколько удивленно спросил он, но пистолета не отвел.

— Она отправилась с ними, чтобы дать мне время, а не ввязываться в драку сразу, чтобы я смог подготовиться и проверить, кому принадлежит машина, и убедиться, что похитителями были агенты...— я тяжело вздохнул,— агенты Межзвездного департамента внешних и внутренних государственных сборов.

— Налоговые инспекторы,— засопел Дорский, и его глаза засветились красным светом. Пистолет исчез неизвестно куда.— Джеймс ди Гриз, Боливар ди Гриз, шаг вперед. Несмотря на ваше явное нежелание учиться, вы получаете свидетельства об окончании школы. С этой минуты вы являетесь выпускниками Военной исправительной школы закрытого типа Дорского. Я тешу себя надеждой, что вы, подобно всем нашим выпускникам, будете вспоминать нас незлым тихим словом, отходя ко сну..Я пожму ваши руки, только не устраивайте состязаний в пожатиях, потому что кости мои хрупки. Идите с вашим отцом и помогите ему в борьбе со злом.

Этим все и закончилось. Минуту спустя мы вышли на солнечный свет и сели в машину. Ребятам предстояло расстаться со своими детскими забавами и войти во взрослый мир.

— Они не ранят Мам?— спросил Джеймс.

— Пусть только попробуют. Если это случится, жить им осталось немного,— произнес Боливар, и я услышал, как скрипнули его зубы.

— Нет, разумеется, нет. Мы очень легко освободим ее, если достанем записи вовремя.

— Какие записи?— спросил Боливар.— И отчего мерзкий Дорский так легко пошел на уступки? Это на него не похоже.

— Ошибаешься, сын. Это очень похоже на него, потому что под внешностью тупого, грубого и жестокого садиста скрывается обычный человек. А обычный чело-

век воспринимает налоговых инспекторов, как личных врагов.

— Не понимаю,— сказал Джеймс.

— К несчастью, тебе придется понять,— ответил я.— Ваши жизни до этого момента были под защитой, вы просто проводили время, но не зарабатывали себе на жизнь. Скоро вам необходимо будет заняться этим, как и всем остальным. И как только появится первый кредит, первый пот на лице и мозоли на ладонях, немедленно появится и налоговый инспектор. Он будет кружить возле вас, назойливо жужжа, пока не усядется на шею и не станет «высасывать» большую часть заработанных денег.

— Ты привел прекрасный пример, Па.

— Все это правда,— буркнул я, сворачивая на скоростную трассу.— Большое правительство плодит большую бюрократию, а это означает, что нужны большие налоги. И нет возможности избежать их. Попав однажды в систему, вы оказываетесь в цепком капкане, и кончится все это тем, что вам придется платить все больше и больше денег. Мы с вашей матерью отложили кое-что для вас на будущее. Мы заработали эти гроши еще до вашего появления на свет.

— Они были украдены до нашего рождения,— сказал Боливар.— Они были добыты в иных мирах во время нелегальных операций.

— Ты не можешь утверждать это!

— Нет, могу, Па,— сказал Джеймс.— Мы проникли в картотеку и знаем, откуда эти деньги.

— Это было так давно! И больше не повторится.

— Надеемся, что повторится,— дружно ответили братцы.— Что же станет с Галактикой без нескольких крыс из нержавеющей стали, которые вносят оживление, будоражат всех. Мы помним твои ночные лекции о том, как ограбление банков способствует развитию экономики. Это дает возможность заскучавшей полиции заняться делом, газетам печатать, обывателям читать, страхователям выплачивать. Это помогает экономике и держит деньги в обороте. Это филантропическая работа.

— Нет! Я не хочу, чтоб мои мальчики сделались мошенниками!

— Правда?

— Ладно, может и хочу, но хочу, чтоб они стали ловкими мошенниками. Чтобы брали только у того, у кого есть излишки. Хочу, чтобы они были добрыми, вежливыми, дружелюбными и почтительными. Если уж ты жулик, то будь предприимчивым и войди в состав Специального Корпуса, в рядах которого можно служить человечеству, выслеживая настоящих мошенников и плутов.

— А сейчас мы выслеживаем настоящих мошенников?

— Инспекторов подоходного налога! Пока мы с вашей мамой крали и тратили денежки, не было никаких проблем. Но как только мы стали получать жалованье в Специальном Корпусе и вкладывать его, нас, как стервятники, окружили инспекторы. Мы сделали несколько незначительных ошибок в бухгалтерии...

— Забыли сообщить, то есть скрыли часть доходов?— с невинным видом поинтересовался Джеймс.

— Да, нечто в этом роде. Такая непредусмотрительность и стала непростительной глупостью. Нам следовало вернуться к ограблениям банков. А вместо этого мы запутались в их сетях, стали играть в их игры, связанные с аудитами, адвокатами, пенями, тюрьмами и всей прочей чепухой. Есть только одно окончательное решение, один ответ. Поэтому ваша мать спокойно удалилась вместе с финансовыми вампирами. Чтобы развязать мне руки и выпутаться из этой передряги.

— Что же мы будем делать?— спросили мальчики одновременно.

— Уничтожим все налоговые записи в их картотеке, вот что. Останемся ни с чем, но свободными и счастливыми.

2

Мы сидели в машине, выключив свет, и я нервно грыз ногти.

— Господи, как все плохо,— в конце концов произнес я.— Меня терзает чувство вины перед вами. Я не могу вовлекать двух невинных овечек в преступную жизнь.

Раздалось сильное сопение на заднем сиденье, выдававшее волнение юных сердец. Потом дверцы машины распахнулись рывком и почти сразу громко захлопнулись. Я с удивлением смотрел, как две фигуры удаляются в ночь. Чем я их мог обидеть? Предложил попробовать сделать самим всю работу несмотря на то, что они могли испортить ее? Какие беды и несчастья ждали нас впереди? Я вертел ручку дверцы и старался привести в порядок мысли, как вдруг услышал приближающиеся шаги. Выйдя из машины, увидел своих сыновей. Лица их были болес чем серьезны.

— Меня зовут Джеймс,— сказал Джеймс,— а это мой брат Боливар. Мы достигли совершеннолетия по закону, потому что нам исполнилось по 18 лет. Мы можем пить в открытую, курить, ругаться и ухаживать за девушками. Мы также можем, если захотим, нарушать законы любой планеты, прекрасно сознавая, что если нас поймают, то нам придется отвечать за содеянное. До нас дошел слух о том, что Скользкий Джим собирается нарушить закон, и мы хотим наняться к нему на работу. Что ты скажешь на это, Пап?

Что я мог ему ответить? Я почувствовал комок в горле старой крысы, и глаза грызуна наполнились слезами. Я надеялся быстро взять себя в руки: преступление и эмоции несовместимы.

— Отлично,— сказал я и по-сержантски хлопнул парней.— Вы приняты. Следуйте инструкциям, задавайте вопросы только тогда, когда инструкции неясны, в остальном поступайте, как я, и делайте то, что я буду говорить. Согласны?

— Согласны!— завопили они радостно.

— Тогда разложите это по карманам. Я думаю, оно вскоре нам понадобится. Вы надели перчатки с отпечатками пальцев?— В ответ они подняли руки.— Хорошо. Вам будет интересно узнать, что вы оставите отпечатки пальцев мэра города, а также начальника полиции. Это

добавит пикантности и немножко запутает ситуацию. Ладно, вы знаете, куда мы сейчас направляемся? Конечно же, нет. На углу есть большое здание, которое отсюда не видно. Это территория штаба Межзвездного департамента внешних и внутренних сборов. Там, внутри, находятся все их записи о скрытии доходов и нечестных прибылей.

— Ты имеешь в виду твоих, Па?

— Воровских с точки зрения обывателей, мой сын. Они скептически смотрят на мою деятельность, а я, в свою очередь, смотрю на их жалкие потуги с отвращением. Сегодня вечером мы предпримем попытку сравнять счет. Мы не подойдем прямо к зданию, потому что оно здорово оснащено неприятными приспособлениями. Мы войдем в департамент с того угла, который далеко не случайно был выбран мной. Он примыкает с тыла к канцелярии, которая нам нужна.

Мы шли, я продолжал говорить и видел, что мальчики мои отвыкли от жизни в большом городе. Сирены жутко верещали, мчались чиновничьи машины, прожектора бороздили небо яркими лучами. Я внутренне улыбался, глядя на своих совсем уже взрослых детей, и слегка подталкивал их в спину, чтобы они ускорили шаг.

— Ну что, разве это не замечательная идея? Кому может прийти в голову, что кто-то попытается проникнуть в департамент из соседнего здания, в котором располагается театр, во время премьеры новой оперы «Кохонейцы в огне»?

— Но ведь нам нужны билеты...

— Я их купил сегодня у спекулянта по баснословной цене. Вот, кстати, мы и пришли.

Около театра было много народа. Мы протиснулись через толпу, отдали билеты и постарались как можно быстрее покинуть зал. Не хватало еще слушать эти завывания. Мы прошли в бар, я выпил бокал пива и был приятно удивлен тем, что мои парни заказали безалкогольные напитки. Меня тревожило то, что мы собирались делать. Я пристально наблюдал за своими мальчиками. Наклонившись к Боливару, я легонько сжал ему указательный палец, и из разжавшейся ладони выпал какой-то предмет.

— Ты нехороший мальчишка,— сказал я ему, когда алмазный браслет, который он уронил, покатился по ковру. Я слегка коснулся плеча очень полной женщины, стоявшей рядом с нами.

— Простите, мадам. Это ваш браслет?

— Да!

— О, позвольте мне. Нет, что вы, это такое удовольствие для меня.

— Спасибо, да благословит вас Господь.

После этого я повернулся и строго посмотрел на Джеймса. Он поднял руки в знак примирения.

— Я все понял, Па. Пардон. Просто попрактиковался. Я успел положить бумажник обратно в карман джентльмену, как только увидел, что Боливар растирает онемевшую руку.

— Вот и прекрасно. Больше не делайте этого. Нам предстоит серьезная работа, не хватало только погореть на мелочи. Допивайте и пошли.

— Это не наш клозет?

— Разумеется, нет. Вон там туалет для джентльменов.

Мы заняли кабинки, встав на унитазы, чтобы не были видны наши ноги и принялись ждать, пока стих шум шагов. Наконец до нас донеслись звуки увертюры. Шум льющейся из бачка воды показался нам более музыкальным, чем то, что было слышно со сцены.

— Все, пора,— сказал я, и мы пошли.

«За нами следил влажный глаз, свисающий с длинного мокрого усика. Усик высовывался из мусорной корзинки. Он был прикреплен к телу, разместившемуся в мусорной корзине. И тело было отвратительным: шишковатым, трясущимся, мерзким, с клешнями. Жуткое зрелище».

— Ты ведешь себя так, будто уже был здесь и знаешь дорогу,— сказал мне Боливар, когда мы открыли дверь с табличкой «Личные апартаменты», а потом пошли по длинному темному коридору.

— Купив билеты, я немедленно отправился сюда на разведку и для рекогносцировки. Вот мы и пришли.

Я позволил ребятам самим отключить сигнализацию и подумал, что это будет неплохой практикой для них.

Мальчики прекрасно обходились без моих инструкций. Они вывернули несколько шурупов, и окно беззвучно отворилось. Мы выскользнули в темноту — в пяти метрах от нас возвышалось здание, в которое нам необходимо было проникнуть.

— Это оно?— спросил Боливар.

— А как мы попадем в него?— поинтересовался Джеймс.

— Мы — у цели. Терпение, джентльмены,— я достал из внутреннего кармана предмет, похожий на пушку, и потянул его вверх за петлю и массивную рукоятку.— У него нет названия, потому что придумал и сделал его я сам. Как только нажимаешь на спусковой крючок, этот маленький приятель водопроводчика несется вперед с бешеной скоростью и тащит за собой тонкую нить из нервущегося волокна. Вам, наверное, очень любопытно, что же происходит потом? Объясняю. Запал многозарядной батареи при зажигании приводит в действие снаряд, который в течение 15 секунд излучает энергию, создавая магнитное поле такой мощности, что оно способно удерживать тысячекилограммовый груз. Просто, не так ли?

— Ты уверен в своем изобретении, Па?— спросил обеспокоенный Боливар.— Как кусочек стали попадет в цель в такой кромешной тьме?

— Уверен, притом дважды, мой сомневающийся сын. Сегодня днем я убедился, что на каждом этаже этого здания стальные карнизы, их прикрепляли к стальным рамам. Магнитное поле моего устройства настолько мощное, что позволяет стрелку находиться достаточно далеко от своей цели. Пуля сама находит нужное ей гнездо. Джеймс, ты захватил веревку? Отлично. Пристегни один конец к этой трубе и закрепи хорошо. Теперь отдай мне свободный конец веревки. Не забыли надеть перчатки? Прекрасно. Придется вам потренировать мускулы, чтобы перебраться через эту расщелину. Я подстрахую вас с помощью веревки и когда три раза дерну, вы начнете перелезать. Ну, с богом.— Я взялся за рукоятку приспособления.

— Удачи тебе,— сказали мои ребята одновременно.

— Спасибо. Я рад, что мы понимаем друг друга. Крысы из нержавеющей стали, ограниченные бетонными панелями общества, должны сами позаботиться о своей удаче.

Вдохновленный собственной философией, я нажал спусковой крючок. Снаряд дзинькнул и нашел себе место в нащельной планке. Я нажал кнопку, приводящую в действие моноволокно, и стремительно кинулся в открытое окно. 15 секунд — это не так уж много. Поддерживаемый магнитным полем, я устремился к зданию департамента, но прыгая из окна, обо что-то больно ушиб ногу. Этого я заранее не предусмотрел. Дома, во время тренировок, все шло как по маслу. Отпущенные мне 15 секунд на исходе. Стряхнув оцепенение, превозмогая боль, я нащупал здоровой ногой подоконник. Отталкиваясь от него, я надавил на стекло всем своим весом. Естественно, ничего не произошло, потому что оконное стекло было закаленным. Пытаясь удержаться на подоконнике, стоя на одной ноге, я отчаянно цеплялся за форточку. В тот момент, когда прекратилось действие магнитного поля, я уже закрепился на подоконнике, хотя положение мое было весьма неустойчивым. Я держался тремя пальцами и стоял на цыпочках на одной ноге, вторая беспомощно болталась, как сосиска. Внизу простиралась черная бездна, где меня поджидала неминуемая смерть, если бы я не удержался.

— Па, все нормально?— шепотом спросил кто-то из мальчиков сзади.

Должен отметить, что мне пришлось собрать всю свою волю и удержать рвущиеся с губ ругательства, мальчикам не стоило слушать такие выражения от отца. Сделав над собой усилие, отчаянно пытаясь удержать равновесие, я сказал:

— Все о'кэй.

Пока я держался, хотя мои пальцы онемели, затекли и устали. Со всеми предосторожностями я обвязывался новым приспособлением вокруг талии и, наконец, смог достать из кармана стеклорез. Обычно я вставлял присоску, аккуратно вырезал маленький кусочек стекла, осторожно вынимал его, потом, не торопясь, открывал замок.

Но сейчас времени на это не было совсем. Одним резким движением руки я вырезал неровный круг и кулаком вытолкнул его. Он упал внутрь комнаты, за ним я бросил стеклорез и схватился за раму. Ударил по стеклу, которое разбилось с оглушительным звоном. В этот момент, сорвавшись с подоконника, я повис на одной руке и схватился за острые края стекла, впившиеся в руку. Невероятным усилием мне удалось подтянуться и прочно схватиться пальцами за раму. Все остальное было не сложнее, чем съесть кусок пирога. Правда, меня слегка мутило от вида крови. Я встал на подоконник, открыл окно, предварительно отключив сигнализацию, и почти рухнул на пол.

— Мне кажется, ты уже староват для подобных трюков,— мрачно пробурчал я, обращаясь к самому себе, как только мне удалось восстановить дыхание. Стояла звенящая тишина. Похоже, звон разбитого стекла, такой оглушительный для меня, остался неуслышанным в пустом здании. Итак, за работу! Мальчики притихли, совсем как настоящие профессионалы, но я чувствовал, что они волнуются. Осветив комнату фонариком, я нашел место под подоконником, и закрепил веревку так, чтобы мальчики могли по ней подняться наверх.

— Ты заставил нас волноваться,— сказал Боливар.

— Я сам волновался! Итак, за работу! Один из вас берет фонарь и медицинский пакет. Нужно посмотреть, что у меня с ногой. Кровь — это улика, как вам известно.

Рана была несерьезной, и меня быстро перебинтовали. Моя ушибленная нога еще болела, но похоже, что перелома не было. Я повертел ею в разные стороны, нога повиновалась.

— Вот так-то,— наконец сказал я.— Переходим к самой серьезной части нашей операции.

Я прошел из темной комнаты в не менее темный коридор, стараясь идти как можно быстрей, чтобы вернуть чувствительность ноге. Мальчики замешкались, так что я опережал их, когда поворачивал за угол. Им удалось остаться незамеченными, когда раздался громкий возглас:

— Стоять на месте, ди Гриз. Вы арестованы.

3

Жизнь всегда полна неожиданностей. Моя в этом отношении — не исключение. Неожиданности могут выбивать из седла, тревожить, особенно если вы к ним не готовы. К счастью, я, учитывая весь свой богатый опыт, был готов ко всему. Граната с ослепляющим газом мгновенно появилась в руке и полетела в ту сторону, откуда доносился голос. Черный дым моментально обволок всю комнату, в которой, как я понял, было много народа. Чтобы добавить им перца, я подкинул саморазрывные холостые патроны. Получилось очень здорово, прямо как маленькое сражение. Я добавил немного веселящего газа, выпустив его во все стороны, и это, как я понял, привело моих противников в смятение. После того, что произошло, я вернулся к сыновьям, которые стояли, как замороженные, широко раскрыв глаза. Я приложил палец к губам и взмахом руки дал им понять, чтобы они ушли подальше от выстрелов. Мы, с трудом преодолев лабиринт коридоров, добрались до нужной двери.

— Вот то, что мы ищем,— сказал я,— компьютерные программные шифры.

Боливар автоматически взял их у меня и потряс головой, будто старался прогнать из нее туман.

— Па, может, ты нам расскажешь, что здесь произошло.

— Разумеется. Когда я разбил окно, я знал, что шум услышан, сигнализация сработала и объявлена тревога. Посему я решил действовать не совсем так, как планировал вначале. Я ничего не сказал вам лишь потому, что вы могли отказаться или попытались бы отговорить меня. Новый план состоял в том, что я буду заниматься моей диверсией, а вы — компьютером. Как сотруднику Специального Корпуса, мне удалось узнать все подробности проникновения в память налоговых записей и уничтожения их. Простейшая программа, введенная в безмозглый компьютер, заодно сотрет дела многих, у кого фамилия начинается на букву Д. Вам следует стереть досье на букву Ю и П, чтобы полиция не усмотрела никакой связи между

присутствием и исчезновением записей. Выбор этих букв далеко не случаен...

— ДЮП — это самое скверное ругательство на блоджеттском жаргоне.

— Ты прав, Джеймс, твоя голова неплохо работает. Когда справитесь со своим делом, постарайтесь незаметно выбраться отсюда через окно первого этажа, смешаться с толпой и исчезнуть. Ну как, вам нравится мой план?

— Все хорошо. За исключением того, что тебя могут арестовать,— задумано просто гениально,— отметил Боливар. — Мы не оставим тебя, Па.

— Вам не удастся отговорить меня, но вашу преданность я оценил. Будьте благоразумны, ребята. Кровь очень легко идентифицируется, гораздо легче, чем отпечатки пальцев, а у них есть достаточно моей крови. Так что если я сбегу, они сделают анализ и все равно узнают, кто здесь побывал. Кроме того, они видели меня. В любом случае, ваша мама в тюрьме, а я в самом деле соскучился по ней и очень хочу, чтобы она была вместе с нами. Если вы уничтожите досье, они смогут обвинить меня только в незаконном проникновении в здание департамента, и я сумею выйти под залог. А затем мы навсегда покинем эту планету.

— Они могут не разрешить тебе выйти под залог,— забеспокоился Джеймс.

— В таком случае твоим родителям придется сбежать из местной тюрьмы. Это совсем не сложно. Так что не беспокойтесь. Идите и постарайтесь выполнить свою задачу, а я займусь своим делом. Возвращайтесь домой и отдыхайте. Я найду вас. Вперед!

И ребята ушли. Я вернулся туда, где оставил своих противников, предварительно нацепив очки и носовые фильтры. У меня с собой было множество разнообразных гранат: дымовых, ослепляющих, слезоточивых, рвотных. Эти налоговые инспекторы здорово мне поднасолили и теперь я хотел расквитаться с ними сполна, что, кажется, уже и сделал. Какой-то чудак начал палить из винтовки, совершенно не думая о том, что может попасть скорей в

своих людей, чем в меня. Я пробрался через дымовую завесу, нашел его и ударил по голове. Затем отнял у него винтовку. Магазин был полный и, разрядив его в потолок, я крикнул в темноту:

— Вам никогда не удастся поймать Скользкого Джима!

Я тянул время, прикидывая в уме, сколько понадобится минут моим ребятам, чтобы пройти через это огромное здание. Я играл с ними в прятки еще четверть часа для пущей предосторожности, потом грациозно опустился на кушетку директорского кабинета, закурил одну из его сигар и расслабился.

— Сдаюсь, сдаюсь,— дважды прокричал я моим стонущим и рычащим преследователям.— Вы слишком сильны и не по зубам мне. Только пообещайте, что не будете применять пыток.

Они осторожно стали подползать, смешавшись с местными полицейскими и солдатами в полном боевом обмундировании, пришедшими взглянуть на веселое представление.

— И это все из-за одного меня?— спросил я, выпустив в их сторону кольцо дыма,— я польщен. Хочу сделать заявление прессе о том, что я был похищен, принесен сюда в бессознательном состоянии, запуган, затравлен. Требую адвоката.

К сожалению, у них совершенно отсутствовало чувство юмора, поэтому весело было только мне. Мы прошли сквозь толпу, настроенную не очень благожелательно по отношению ко мне. В глаза бросилось то, что абсолютно все жевали жвачку. Сирены завыли, заревели моторы и меня, закованного в наручники, повезли, но, как оказалось, не в тюрьму. Вернее, мы остановились у самых ее ворот, там собралось очень много людей, и все они что-то кричали, размахивая руками. Видя такую картину, меня снова затолкали в машину, и наш кортеж вернулся в городскую башню, где, к моему великому удивлению, с меня сняли наручники и провели внутрь. Я чувствовал, что происходит что-то непонятное. Меня втолкнули пинком

в спину в кабинет, на дверях которого не было таблички. Я отряхнул запачканную одежду, повернулся и от удивления мои брови, помимо воли, поползли вверх, потому что хозяина кабинета я давно знал.

— Какой приятный сюрприз,— сказал я.— А вы хорошо сохранились...

— Мне следовало тебя расстрелять, ди Гриз,— прорычал Инскипп.

А это был именно он, мой босс, глава Специального Корпуса, возможно, самый могущественный в Галактике человек. Специальный Корпус был усилен Лигой для поддержания межзвездного мира. Этим и занимался мой шеф. Во всяком случае об этой стороне деятельности были информированы широкие круги общественности. От них скрывалось, что высокие инстанции решили доверить ловить жуликов самим жуликам. Кто будет делать это лучше? До Специального Корпуса Инскипп был величайшим мошенником в двояковыпуклой Галактике, своего рода нашим вдохновителем. Как можно было догадаться, я тоже вел далеко не образцовую жизнь до того, как меня заставили вступить в ряды Специального Корпуса. Как вы могли заметить, произошла дефективная конверсия, так сказать конверсия на добрые дела. Но мне даже нравилась моя новая работа, однако сегодняшняя встреча застала меня врасплох. Я вынул незаряженный пистолет, приготовленный как раз для таких случаев, и поднес его к виску.

— Если вы хотите застрелить меня, великий Инскипп, то я могу вам помочь. Прощай, жестокий мир...

Я нажал спусковой крючок и услышал приятный щелчок.

— Перестаньте паясничать, ди Гриз. Все гораздо серьезнее.

— С вами всегда так. Но я верю, что некоторая доля легкомыслия улучшает пищеварение. Позвольте мне снять ниточку с вашего пиджака.

Я сделал это и попутно вытащил пачку сигарет из его кармана. Инскипп, разумеется, не замечал этого до тех

пор, пока я не закурил и не предложил ему его же сигарету. Щеф фыркнул и забрал пачку.

— Мне нужна ваша помощь.

— Естественно. Иначе бы меня не привезли сюда. Где моя ненаглядная Ангелина?

— На пути домой. Она ждет не дождется, когда сможет приласкать и приголубить ваших отпрысков. Тупицам этой планеты невдомек, что случилось с досье, но я-то знаю. Однако сейчас забудем об этом, хотя бы потому, что вы — самый лучший агент Корпуса. И вас ждет корабль, чтобы доставить на Какалак-два.

— Дрянная планетенка, болтающаяся вокруг мрачной звезды. И что я могу найти в этом малообещающем месте?

— Вы там ничего не найдете. Базовый спутник был местом проведения двухгодичной встречи всех планетных шефов военно-морской лиги...

— Вы сказали «был» с таким ударением. Я должен проверить?..

— Придется. Они бесследно исчезли. Так же, как и спутник. Мы не представляем себе, что могло с ними произойти.

— Может, они промахнулись?

— Поберегите ваш юмор, ди Гриз. Если только пресса пронюхает о случившемся, представьте, какими могут быть политические последствия. Не говоря о том, как это дезорганизует нашу систему обороны.

— Не стоит так волноваться. Я не вижу никаких причин для межгалактических войн в ближайшем будущем. Но в любом случае, с вашего разрешения, я позвоню домой, узнаю, все ли там так хорошо, как вы мне рассказали, а после этого могу отправляться в дорогу.

«За воздухозаборником на стене висело поддерживаемое щупальцами с присосками существо. Его большие зеленые глаза моргали в темноте. Существо издавало чавкающие звуки, слышался скрежет острых, как иглы, красных зубов по костянистому небу. И оно воняло».

— В этом всем есть нечто подозрительное, и мне это не нравится, Скользкий Джим,— сказала моя Ангелина, сверкая глазами с экрана. Как я любил эти глаза!

— Да, нет, что ты, моя ненаглядная!— солгал я.— Очередное назначение, только и всего. Работы на несколько дней. Я сразу вернусь, как закончу. Ты же постарайся просмотреть все рекламные брошюры и отыщи местечко, где мы сможем провести отпуск, когда я вернусь. Кстати, и мальчики закончили школу.

— Я рада, что ты упомянул о мальчиках. Они вернулись несколько минут назад грязные, оборванные и такие усталые, что не могли мне сказать ничего вразумительного о том, что произошло.

— Ничего, они расскажут. Передай им, что Па доволен ими. Все операции прошли успешно. Они расскажут тебе о наших захватывающих вечерних приключениях. Увидимся, моя любимая!— я послал ей воздушный поцелуй и выключил монитор до того, как она смогла запротестовать.

К тому времени, когда Ангелина выслушает ребят, я буду уже далеко и, наверное, выполню это необычное задание. Не то, чтобы меня очень беспокоила судьба нескольких сотен адмиралов, но заинтересовал сам механизм их исчезновения. Все это казалось очень любопытным. Я прочитал досье, пока мы приближались к Какалаку-два, наполнил большой стакан «Потом Сирианской Пантеры», гарантированным стимулятором сосудов, и сел в кресло, чтобы прочитать еще раз. В первый раз я проделал это медленно, во второй — побыстрее, а в третий — отметил основные места. Когда я опустил папку на колени, то увидел, что сидящий против меня Инскипп уставился в одну точку, жуя свои губы и барабаня пальцами по столу.

— Нервничаете?— спросил я. — Попробуйте.— Я протянул стакан со стимулятором.

— Лучше скажи, что ты придумал и что обнаружил.

— Я обнаружил, что мы летим не в том направлении. Смените курс и давайте отправимся на Главную станцию

Специального Корпуса, мне нужно потолковать с моим старым приятелем, профессором Койпу.

— Но расследование?..

— Это никак не скажется на нем.— Я постучал пальцем по досье.— Мы с вами поставлены перед уже свершившимся фактом. На поиски пропавших привлечены все военные, есть радиосигналы, которые представляют из себя разрозненные крики и таинственные вопли. Кто-то истошным голосом орет «Зубы!» Вот, пожалуй, и все. Ваша высококвалифицированная команда следователей побывала там и не нашла ничего, кроме космической пустоты, никаких следов спутника. Думаю, что нас ожидает то же самое. Итак, вы везете меня к Койпу?

— Зачем?

— Затем, что Койпу — мастер временной спирали. Для того чтобы узнать, что же все-таки произошло, я отправляюсь в прошлое и стану свидетелем этого печального происшествия.

— Я как-то об этом не подумал,— сказал Инскипп.

— Не удивительно. Вы — глава Корпуса, а я лучший его агент. Придется мне взять одну вашу сигару в награду за мои выдающиеся способности, так часто дискредитируемые.

Профессор Койпу не заинтересовался нашим делом. Он покусывал желтыми зубами нижнюю губу, и так выразительно качал головой, отрицая все, что его седые волосы, вернее, их жалкие остатки, метались во все стороны. Руками Койпу как бы отталкивался от нас.

— Вы хотите сказать, что вам не нравится наша идея?— спросил я.

— Это нелепо! Временной спиралью нельзя пользоваться сколько угодно. Мы только прибегали к ее помощи, чтобы установить темпоральную связь в статистически синергических витках.

— Пожалуйста, профессор Койпу,— попросил я,— не усложняйте обстановку, обучите нас работе со спиралью. Разъясните нам все так, будто мы профаны.

— А вы таковыми и являетесь. Я был вынужден применить временную спираль, когда нужно было спасти вас от растворения, потом потребовалось использовать ее для того, чтобы вернуть вас из прошлого. Достаточно. Больше вам не удастся заставить меня включить ее.

Мой шеф был настроен очень решительно. Он подошел к Койпу, и они уставились друг другу в глаза. Картина была впечатляющей. Инскипп произнес:

— Если я, как ваш работодатель, говорю вам — идите, вы должны идти. Без малейших колебаний. Если вы сейчас ослушаетесь меня, вас не убьют, мы не настолько жестоки, но вас отправят обучать физике тупоголовых студентов первого курса на забытую богом планету, в такую дыру, где все думают, что машина времени создана только для того, чтобы наблюдать, как люди жили в прошлом и живут в будущем. Ну что, я убедил вас?

— Вы не имеете права угрожать мне!— разбушевался Койпу.

— Я только предупредил вас. Вам осталась на размышление одна минута. Охрана!

По обе стороны профессора появились два человекоподобных скота, одетых в форму. Они схватили его за руки и подняли в воздух.

— 30 секунд,— прошипел Инскипп с доброжелательностью кобры, готовой к прыжку.

— Мне всегда хотелось провести отборочные опыты на витке времени,— быстро проговорил Койпу, понимая, чем закончится его упорство.

— Чудесно,— смягчился Инскипп.— Поставьте его на пол. Вот так. Все очень просто. Вы должны отправить нашего друга на неделю назад с таким расчетом, чтобы он вернулся, когда его миссия будет закончена. Мы дадим вам координаты и время, когда он должен будет вернуться. Вы готовы, ди Гриз?

— Всегда готов, и даже больше того.— Я посмотрел на скафандр и на множество приборов, которые мне нужно было взять с собой.— Надеваю костюм и вперед. Мне так же, как и вам, любопытно, что там произошло, и больше

того, я заинтересован в том, чтобы благополучно вернуться, потому что я уже путешествовал во времени и знаю, как плохо это сказывается на организме.

На приборах зажглись зеленые лампочки. Я вздохнул и стал готовиться к путешествию. В этот момент я подумал, что мне было бы приятнее встретиться с налоговым инспектором.

4

То, что это было не первое мое путешествие во времени, ничего не меняло. Каждый раз процесс перемещения происходил очень тяжело. Я вновь ощутил закручивание сразу в нескольких направлениях, опять увидел, как звезды со свистом, подобно ракете, рассекают воздух. Перегрузки были достаточно большими даже для моего тренированного организма. Потом неприятные ощущения исчезли так же быстро, как и появились, серый сумрак летящего мимо пространства сменился густой чернотой Вселенной, усеянной звездами. Я плавал в невесомости, медленно поворачивался, наблюдая за полетом спутниковой станции, которая была в этот момент прямо передо мной. Я коротко просигналил радаром, висящим у меня на груди, и понял, что до нее километров десять. Спутник был большой и красивый. На нем четко просматривались антенные решетки и мигающие сигнальные башни, в окнах горел свет. Наблюдая за станцией, я думал о том, что именно сейчас адмиралы пьют вино, а в перерыве между застольями разрабатывают военные операции. Бедняги, они даже не подозревали, какая судьба им уготована. Настроив свой радар на их таймер, обнаружил, что прибыл на час позже нужного времени. Наверное, Койпу удивится, узнав об этом. Но у меня оставалось еще целых пять часов до решающего события.

К сожалению, сигару в скафандре закурить было невозможно, зато можно было выпить. Чтобы жидкость не попала внутрь комбинезона, я предпринял соответствую-

щие меры и только после этого приготовил себе прелестную смесь бурбона с водой. Примерно 32 000 лет назад, находясь на планете Земля, я впервые попробовал его. И хотя давным-давно эта планета была уничтожена, я сохранил формулу и после нескольких неудачных экспериментов научился изготавливать нечто, напоминающее по вкусу этот напиток. Я обхватил нагубник поилки и сделал несколько глотков. Получился неплохой напиток. Я любовался звездами и спутником, читал стихи, и время пролетело совсем незаметно. За пять минут до происшествия, из-за которого я и отправился в эту экспедицию, меня вывело из задумчивости нечто движущееся неподалеку. Боковым зрением я заметил фигуру в скафандре, медленно перемещающуюся в вакууме. Человек сидел на 2-метровом предмете, по форме напоминающем ракету. Я мгновенно выхватил пистолет и, не подозревая, с кем мне придется столкнуться, крикнул пришельцу:

— Руки в стороны, стоять. Пистолет заряжен разрывными пулями.

— Убери его, придурок,— сказал неизвестный, повернувшись ко мне спиной и склонившись над панелью управления ракеты.— Если ты меня не узнал, это хорошо. Значит, другие тем более не узнают.

И вдруг до меня дошло.

— Это же я!— воскликнул я, стараясь быть сдержанным.

— Нет, я. Я — это ты, или что-то в этом роде. Логика здесь бессильна. Спрячь пистолет, болван!

Стараясь скрыть волнение, я убрал оружие в кобуру.

— Может, ты мне объяснишь, в чем дело?

— У меня, равно как и у тебя, не хватит ума понять, зачем нужно было предпринимать второе путешествие. Наверное, чтобы привезти с собой эту пиявку искривленного пространства.— Он глянул на свои часы, а может быть, это я посмотрел на часы, или кто-то еще, потом он (или я?) ткнул пальцем в сторону:

— Раскрой глаза пошире — сейчас начнется нечто любопытное.

Так оно и было. Пространство за спутником несколько мгновений было пустым, затем картина резко изменилась. Что-то очень большое появилось и пошло на сближение со спутником. Я видел темное, покрытое шишками продолговатое тело, которое вдруг раскололось. Образовавшееся отверстие было огромным и напоминало собой пасть неведомого мне существа с зубами в несколько рядов.

— Зубы!— громко вскрикнуло мое радио, которое принимало сигнал, посланный с исчезающего в этой пасти спутника. Зубы сомкнулись, и станция перестала существовать. Яркая вспышка на мгновение ослепила меня — это белая пиявка искривленного пространства бросилась вперед. Поле вокруг гигантского тела внезапно замерцало и все исчезло.

— Что это было?— задохнулся я.

— Откуда мне знать?— ответил мой двойник,— но даже если бы я знал, то ни за что бы тебе не сказал. Теперь давай возвращайся, чтобы и я мог вернуться. То есть я имею в виду — ты. Надеюсь, ты меня понял? Фу, я совсем запутался, пропади все пропадом. Ну, давай, двигай отсюда.

— Не задирайся,— ответил я.

Мне не нравился разговор с самим собой в подобном тоне. Я повернул тумблер на временной спирали. И моментально оказался в кабинете шефа.

— Что ты там обнаружил?— спросил меня Инскипп, как только я снял шлем.

— В основном то, что мне придется вернуться туда во второй раз. Я встретил там себя будущего. Приведите в порядок пиявку искривленного пространства, и я вам все объясню.— Я решил, что надо предотвратить надвигающиеся неприятности, поэтому, перво-наперво, опираясь о стену, я выпил умиротворяющего бурбона. Инскипп недовольно проворчал:

— Ты что, пьешь на работе?

— Так мне легче переносить перегрузки. Теперь будьте добры заткнуться и выслушать меня. Итак, что-то невероятно большое появилось вне искривленного пространства, почти рядом со спутником. Мне казалось, что такая точная навигация невозможна, но, к сожалению, все было

именно так. Эта мерзость открыла свою сверкающую пасть, утыканную рядами острейших зубов, и проглотила космическую станцию вместе с адмиралами, находящимися на ней.

— Думаю, что это ваши фантазии, подогретые коктейлями, которые вы употребляете в рабочее время.

— Нет, я могу подтвердить свое донесение: моя камера была включена все время. После того, как чудовище съело наш спутник, оно ушло в искривленное пространство и исчезло из вида.

— Мы должны направить по его следу пиявку искривленного пространства,— сказал Инскипп.

— То же самое я говорил своему двойнику, который появился вместе с упомянутым объектом, и отправил его в нужном направлении.

Мне казалось, что я это удачно ввернул.

— Итак, надо действовать. Давай, Койпу, отправляй меня снова в ситуацию, которая была за пять минут до трагедии, и я смогу выбраться из этого скафандра. Между прочим, вы неправильно рассчитали время. Я прибыл туда на час позже. Надеюсь, сейчас вы постараетесь рассчитать старт до секунды.

Койпу ворчал, вводя новые данные в компьютер, а я, взгромоздившись на длинную белую фигуру пиявки, отправился в путь. План был таким же, как и в первый раз, только более продуманным.

Возвратившись из второй экспедиции, я почувствовал голод, меня мучила жажда. Неплохо бы выпить немного вина, а потом принять душ и лечь в мягкую постель. И у меня была возможность получить все это и даже больше того — мне дали неделю отдыха, пока не поступит донесение от пиявки искривленного пространства.

Я был у Инскиппа, когда прибыло сообщение. Он с выпученными глазами перелистывал страницы, просматривая их заново, будто от повторного чтения могло измениться содержание написанного.

— Это невозможно,— в конце концов сказал он.

— Мне очень нравится ваш оптимизм, шеф.

Я вынул сообщение из его онемевших пальцев, прочел и сравнил полученные координаты с картой, висящей позади стола. Инскипп был абсолютно прав.

Пиявка прекрасно справилась со своей задачей. Я отправил ее вовремя и на нужное место — прямо к адмиралам на спутник. Пиявка присосалась к спутнику. Они вместе ушли в искривленное пространство, где пиявка просто летела рядом до выхода в нормальный космос. Даже тогда, когда спутник совершал запрограммированные многократные прыжки, пиявка находилась поблизости. Рядом она была и пока определялась атмосфера, масса планеты, изучалась спутниковая станция. Когда же необходимость в ней отпала, она отлепилась и улетела, а поскольку это была неметаллическая пиявка, то и запеленговать ее не могли. Она применила химические ракеты для поисков маяка Лиги. И как только был обнаружен ближайший из них, рванула туда сквозь искаженное пространство и объявила о своем прибытии. Излишне напоминать о том, что где бы пиявка ни находилась, она делала фотографии. Компьютер по расположению звезд определил, в какой части космоса сделаны снимки. И все же результат, который он выдал, был абсолютно непонятным.

— Это просто невероятно,— сказал я, постукивая по карте.— Но если место определено верно, то я уверен, что мы попали в большую беду.

— Ты не думаешь, что похищение адмиралов — это простая случайность?

— Ха-ха.

— Я так и думал, что ты в это не поверишь.

Чтобы понять проблему, вам следует знать физическую природу нашей Галактики, представить ее себе. Разумеется, я понимаю, что все это может быть сложно для рядового читателя, и лучше оставить эту информацию для астрофизиков и других придурковатых гомиков, которым нравятся подобные вещи. Но мне кажется, что пояснения просто необходимы.

Итак, представьте себе Галактику в форме рыбы. Это, конечно, не так на самом деле, но вполне подходит, чтобы

упростить понимание. Ноги и туловище созвездия Рыбы — это группы звезд. Между ногами расположены точно такие же звезды, и плывут они в пространстве, заполненном космическим газом. Надеюсь, что вы представляете себе и понимаете все, о чем я говорю, хотя у меня есть уникальная способность все запутывать. Но продолжим наши рассуждения. Все звезды Лиги расположены по правую сторону, ближе к «голове» Рыбы. В районе «живота» находятся несколько солнц. Есть они и в «руках» созвездия. Вам понятно? Вот и отлично. А наш зубастый приятель прибыл из района нижней левой ноги. Ну и что, скажете вы, прибыл и прибыл. Однако эта часть Галактики нами почти не исследовалась, мы никогда и ни с кем не вступали там в контакт. Насколько нам было известно, в этой части космоса не было никаких планет, населенных разумными существами. Вот так-то. Тысячелетиями человечество крутится вокруг Галактики, но именно здесь не встречало признаков разума. Правда, когда-то находили следы цивилизаций, исчезнувших миллионы лет назад. В период колониальной экспансии Звездная Империя, Феодал и прочие организации посылали свои корабли по всем направлениям. И корабли возвращались, если возвращались вообще, поврежденными, а члены экипажей болели и через некоторое время умирали. Исследования прервались на тысячи лет. Теперь мы постепенно выходим из этого состояния. Вступаем в контакты с планетами на всех уровнях цивилизации. Ищем ее там, где, кажется, ее и быть не может. Но мы не завоеватели. Может, станем ими когда-нибудь, но в данный момент Лига занята тем, что ищет следы, оставленные первой экспедицией. Однако настал такой момент, когда, похоже, начинается новая игра.

— Что ты собираешься предпринять?— спросил Инскипп.

— Я? Ничего. Мне любопытно наблюдать, как вы отдаете приказания разобраться в этой истории, не вмешиваясь в нее.

— Прекрасно. Вот тебе-то и придется исполнить первый приказ. Ты, ди Гриз, отправишься на расследование и розыски станции.

— Нет, я устал, и пусть это сделает кто-то другой. У вас в подчинении тысячи планетных ресурсов, навигационные системы, флот, который, правда, остался без адмиралов, тысячи агентов. Задействуйте кого-нибудь из них для разнообразия.

— Ну уж нет! Посылать обычный патрульный корабль в такую экспедицию, это все равно, что просить его экипаж погреться у атомного костра.

— Я догадываюсь, к чему вы клоните.

— Надеюсь. Я знаю тебя, ди Гриз, как прекрасного агента. У тебя хорошо развит инстинкт выживания, поэтому ты практически неуязвим. Я ставлю на это, и еще на твой изворотливый ум, который помогает тебе выбраться из любых ситуаций. Поэтому побыстрее отправляйся и посмотри, что за дьявол там нас разыгрывает. Жду тебя с донесением.

— Мне и адмиралов надо будет возвратить назад?

— Только если захочешь. Этого добра у нас более чем достаточно.

— Вы жестокий и бессердечный человек, Инскипп, к тому же еще и мошенник покрупнее, чем я мог предположить.

— Разумеется. Иначе я не занимал бы этот пост. Когда ты отправляешься, и что тебе может понадобиться в экспедиции?

Я должен был подумать еще кое о чем. Во-первых, необходимо было поставить в известность Ангелину. Я не сомневался, что если она только заподозрит, насколько это опасно, то непременно захочет присоединиться ко мне. Я очень хорошо знал деловые качества моей жены и с большим удовольствием отправился бы в эту экспедицию с ней, нежели с кем-либо другим из нашего Корпуса. Но что будет с мальчиками? Ответ на этот вопрос был однозначным. С природными данными и унаследованными характерами они были созданы для преступной деятельности или для работы в Корпусе по борьбе с преступниками. Так что им придется участвовать в серьезных переделках, а предстоящая операция, похоже, была именно

тем случаем, с которого следовало начать. Итак, все было решено. Придя в себя, я понял, что разговариваю сам с собой уже несколько минут и что Инскипп все это время наблюдает за мной и тянется к кнопке, расположенной на его столе. Мне пришлось напрячь память, чтобы вспомнить, какой вопрос шефа заставил меня погрузиться в свои мысли.

— Ах, да! Я согласен отправиться в эту командировку и сам подберу экипаж. Для полета мне нужен полностью автоматизированный крейсер класса «гриндер» с комплектом боеприпасов, ну и так далее.

— Считайте, что он уже готов. Понадобится 20 часов, чтобы доставить корабль сюда. Вам остается только подготовиться к полету и написать новое завещание.

— Вы самый лучший шеф. Мне нужно будет сделать один пси-звонок.

В коммуникационном центре я сел рядом с оператором и через несколько секунд разговаривал с Ангелиной.

— Привет, моя любимая,— сказал я.— Догадываешься, куда мы отправляемся в наш отпуск?

5

— Это прекрасный корабль, Па,— сказал Боливар, окинув взглядом панель управления «Гнэшера».

— Надеюсь, что так. Эти крейсеры класса «гриндер» считаются самыми лучшими во всем флоте.

— Центральный контроль огня в порядке,— сказал Джеймс и нажал на кнопку, прежде чем я сумел его остановить.

— Тебе не следовало расстреливать этот выступ на скале, он не представлял для нас никакой опасности,— сделал замечание я, выключая управление орудиями и переводя его под свой контроль, пока мой сын чего-нибудь не натворил.

— Мальчики всегда остаются мальчиками,— подвела итог Ангелина, глядя на них с гордостью.

— Я согласен с тобой, но они уже достаточно взрослые и должны отвечать за свои поступки. Ты знаешь, сколько стоит каждый такой выстрел?

— Нет, и меня это нисколько не волнует.— Она подняла брови.— Скользкий Джим, а тебя мучила совесть, когда ты запускал руку в общественный карман?

Я пробурчал что-то невнятное и повернулся к приборам. Безусловно, я волновался. Может, это была обычная тревога родителей за своих детей? Но ведь кроме того, что я отец, я еще и капитан корабля, а это значит, что экипаж должен подчиняться мне.

— Значит, нам всем стоять по стойке смирно?— спросила Ангелина недовольным тоном.

Чтобы не возник конфликт, я обратился к своей семье с предложением:

— А давайте закажем бутылку шампанского и шоколадный торт и слегка расслабимся, прежде чем приступать к работе.

— Замечательная идея, папа,— откликнулся Джеймс.

— А ты не можешь заказать клубничный торт?

— Как вам угодно. Кстати, мы можем совместить приятное с полезным и за бутылкой шампанского прикинуть, как нам себя вести, когда мы прибудем на место назначения.

— Я уверена, когда будет нужно, ты нам все скажешь, дорогой. А не рано ли мы собираемся пить шампанское?— спросила Ангелина.

Я внимательно изучал клавиатуру, с помощью которой можно было получить те или иные продукты. Делая это, я вот о чем подумал — все хотят командовать и никто не собирается подчиняться. Ну и семейка. Нужно быть непреклонным.

— Теперь послушайте вот что. Считайте все это распорядком дня. Мы отправимся через 15 минут в место, определенное пиявкой. Выйдем из искривленного пространства на 5 секунд, этого будет достаточно, чтобы изучить показания приборов об объеме космоса. Автоматически вернемся на исходные позиции и проанализируем

полученные данные. В дальнейшем будем действовать согласно им. Понятно?

— Ты такой решительный,— проговорила Ангелина, пригубив шампанское.

Я не мог понять, что она имела в виду, поэтому оставил ее реплику без ответа.

— Итак, вперед! Боливар, я просмотрел твои школьные характеристики и знаю, что у тебя отличные отметки по навигации...

— Я не мог учиться иначе. Нас приковывали цепями к партам и не кормили до тех пор, пока мы не пройдем испытание.

— Слава богу, все уже позади. Настрой наш курс на цель и дай мне посмотреть, прежде чем запустить двигатель. Джеймс, а ты запрограммируй компьютер на считывание, это нам понадобится по прибытии на место и при возвращении. Нам нужно будет 1,5 секунды.

— А что буду делать я, мой любимый?— спросила Ангелина.

— Откроешь еще одну бутылку, и мы с тобой с удовольствием и гордостью будем наблюдать за тем, как наши мальчики работают.

Мы начали готовить корабль к старту. Со всеми операциями наши парни справлялись успешно — без жалоб и суеты. Задача стояла более чем серьезная, и мы должны были не только решить ее, но и выжить, потому что впереди была полная неизвестность. Я тщательным образом проконтролировал работу сыновей и не обнаружил ни одной ошибки.

— Вам, мальчики, по золотой звезде. Возьмите добавку торта,— сказал я.

— Это портит зубы, Па. Нам бы больше подошло шампанское.

— Разумеется. Тогда мы поднимаем бокалы..Итак, за успех.

Мы чокнулись и выпили. Я нажал стартовую кнопку, и мы отправились в полет. Как всегда во время таких путешествий, нам ничего не нужно было делать: за нас

все выполнял запрограммированный компьютер. Близнецы бродили по кораблю, вооружившись учебниками,— школа, к сожалению, давала недостаточно глубокие знания. Мы с Ангелиной нашли для себя более интересное занятие и потихоньку уединились в спальне жилого отсека. Вся эта идиллия длилась до тех пор, пока не прозвучал сигнал тревоги, а это значило, что нам предстояло войти в искривленное пространство. Мы собрались еще раз в рубке.

— Па, а ты знаешь, что у нас за бортом две патрульные лодки?— спросил Боливар.

— Да, я в курсе, это — прекрасные суда. Подготовьтесь к быстрому осмотру, как мы и планировали. Но сначала все должны надеть боевые комбинезоны.

— Зачем?— спросил Джеймс.

— Затем, что вам приказано сделать это,— сказала Ангелина не терпящим возражений голосом.— Немного подумай, и это избавит тебя от ненужных вопросов.

С ее поддержкой, решил я, укрепится мой авторитет, и ничего не стал добавлять. Мы спокойно надели комбинезоны, а поверх — увешанные оружием скафандры. Я надеялся, что эти меры предосторожности помогут сохранить нам жизни в случае непредвиденной опасности. Но все прошло нормально. Мы прибыли в искривленное пространство. Все приспособления и инструменты звенели на нас. Вернулись мы в исходную точку на расстоянии в сотню световых лет. Я не приказал снимать оружие, так как опасался, что нас будут преследовать. Но этого не произошло. Спустя полчаса мы освободились от скафандров и комбинезонов и стали просматривать подготовленные для нас компьютерами результаты расследования.

— Ничего не понимаю,— сказала Ангелина, изучая полученные данные.— Просматривается звездная система на расстоянии двух световых лет.

— Сейчас не это главное,— заметил я.— Действовать будем таким образом. Останемся здесь, на приличном расстоянии от того места, где может произойти всякое. Но пошлем «шпионский глаз» на разведку планеты. Он нам

перешлет донесение через спутник, запрограммированный на мгновенное возвращение, если что-нибудь произойдет со «шпионским глазом». Идет?

— Можно я запрограммирую «шпионский глаз»?— спросил Боливар, всего на мгновение опередив своего брата.

— Молодцы!

У меня потеплело на сердце, и я дал им задание подготовить спутник вдвоем. Через минуту машина была готова и отправлена, а мы тем временем сели обедать. И когда наш обед подходил к концу, спутник возвестил о своем возвращении.

— Что-то уж очень быстро,— отметила Ангелина.

— Да, пожалуй. Видимо, у них отличная система обнаружения. Давайте посмотрим, что наш «глаз» увидел.

Я ускорил воспроизведение до нужного нам места. Звезда в центре экрана стремительно приблизилась и через мгновение превратилась в пылающее солнце. На втором экране было видно, что система состоит из четырех планет, на которых просматривались промышленные объекты и антенны связи. «Шпионский глаз» подлетел к ближайшей из них и стал снижаться.

— Ай-ай-ай!— прошептала Ангелина. Я молча смотрел на экран.

Вся планета напоминала одну сплошную крепость. Жерла пушек торчали из-за толстенных стен, ряды космических кораблей казались бесконечными. «Шпионский глаз» пролетел над несчетным количеством военных машин, занимающих все видимое пространство. Ни кусочка естественной поверхности планеты, сплошные ряды военной техники.

— Посмотри,— сказал я.— Вон та штука похожа на космического кита, проглотившего адмиралов вместе с их спутником. И этот похож, и тот.

— Не кажется ли тебе, что обитатели этой планеты готовятся к космической войне,— встревоженно произнесла Ангелина.

У мальчиков глаза были широко раскрыты от удивления, они молча смотрели на экран. Вскоре все кончилось

— появились четыре отметки на радаре, вращающемся с безумной скоростью, и экран погас.

— Серьезная планета,— сказал я и налил себе воды дрожащей от волнения рукой.— Запишите все, что видели на экране, и отправьте донесение на базу. А сейчас мне хотелось бы услышать ваши соображения по поводу того, как нам поступать дальше. Мы передадим рапорт, в котором изложим, что увидели, и нам придется все начинать сначала, потому что мы не узнали пока что ничего особенного.

— А если нам драпануть туда?— спросил Боливар.

— Тебя поймают, сынок,— ответила Ангелина.

— Великолепная идея, Боливар,— сказал Джеймс.— Будем летать сами по себе, без всяких приказов, а главное — без начальства.

Я не совсем понял, серьезно он это говорил или шутил, но мне понравилась его мысль.

— У кого-то есть предложения?— спросил я.— Если нет, то у меня кажется, появилась идея.

— Ты же капитан, мой дорогой,— сказала Ангелина, и я еще раз понял, какая ответственность за всех нас лежит на мне.

— Верно. Не знаю, заметил ли кто-нибудь из вас, что звездная система заполнена пространственными осколками. Я предлагаю выбрать один из них, чтобы он был подходящих размеров, и спрятать внутри него лодку. Если мы замаскируемся таким образом, то ничем не будем отличаться от других обломков, плавающих вокруг. Попробуем вывести его на орбиту и облететь все эти планеты, попутно посмотреть, есть ли еще спутники, на которые мы можем настроиться, чтобы получить больше информации для разработки плана нападения. Наверняка на какой-нибудь из планет найдется местечко, еще свободное от военных ракет, где мы и сможем незаметно приземлиться. Ну как, согласны?

После продолжительных споров, во время которых никто не смог предложить ничего лучшего, мое предложение было принято. Мы вышли в открытый космос с включенным радаром и через несколько часов обнаружили скоп-

ление летающих скал и камней, метеоритного железа и интерстеллярных гор. Я снизил скорость до скорости массы и мы пристали к понравившемуся обломку.

— Вот,— сказал я,— прекрасная форма, приличные размеры, почти чистое железо, так что мы сумеем замаскировать наш корабль внутри. Ангелина, надевай шлем и давай подлетим к нему поближе. Боливар, мы с тобой наденем комбинезоны и скафандры и войдем в лодку. С помощью ее орудий пробурим нужные нам отверстия в стенках обломка. Джеймс, будешь осуществлять связь с нами. Как только мы закрепимся, сразу же вышли необходимое нам оборудование. Это будет совсем нетрудно сделать.

Поначалу все так и было. Носовая пушка лодки с минимальным выходом точно пробурила железо, распыляя во все стороны облака металлической пыли. Когда отверстие увеличилось до достаточных размеров, я надел скафандр и вышел наружу, чтобы проверить, смогу ли пролезть в отверстие.

— Снаружи это выглядит неплохо,— заключил я, когда вышел в космос.— Боливар, ты сможешь аккуратно провести лодку носом вперед, чтобы не повредить ее?

Мой сын прекрасно справился с этой задачей. Я находился в стороне от патрульной шлюпки и видел, как Боливар осторожно и бережно «пришвартовал» ее. Нам оставалось перенести инструменты, чтобы вырезать кусок астероида, привести в порядок связь...

Я прекрасно видел «Гнэшер», хотя он и находился в двух километрах на краю пространственного поля, заполненного астероидами. Его огни ярко сияли в межзвездной темноте, и я представлял себе, как мы вернемся на него после трудового дня. И тут появилось нечто черное, закрывшее звезды. Это чудовище подлетело с открытой пастью к нашему кораблю. Открытой для того, чтобы проглотить «Гнэшер», закрыть ее и исчезнуть. Я наблюдал за происходящим совершенно не в силах что-либо предпринять. Отчаяние охватило меня. Все пропало! Корабль, Ангелина, Джеймс! Все!

6

В течение моей бурной жизни я много раз оказывался в серьезных переделках. Но сейчас в беду попали самые близкие, самые дорогие мне люди. Я с ужасом смотрел на то место, где только что был корабль. До сих пор я рисковал только своей жизнью. Постоянная опасность мобилизует, заставляет сосредоточиться и наполняет сосуды адреналином, таким необходимым для выживания. Но сейчас лично мне никто не угрожал, я был вне опасности, но — мои Ангелина и Джеймс! Как им помочь! Наверное, от отчаяния и бессилия я кричал, потому что в мои наушники ворвался голос Боливара:

— Па? Что происходит? Что-то не так?

Выйдя из состояния оцепенения, я направился к лодке и, войдя в шлюзовую камеру, рассказал сыну о случившемся. Боливар побледнел, но старался держать себя в руках.

— Что же нам делать?— спросил он упавшим голосом.

— Я и сам не знаю. Конечно, необходимо отправиться за ними, но куда? Нужно хорошо все взвесить.

Внезапно тишину нарушил пронзительный звук. Я вздрогнул от неожиданности.

— Что это?— спросил Боливар.

— Общая пси-тревога. Я читал о ней в инструкциях, но никогда не слышал, поэтому был уверен, что ее давно не применяют. Как тебе известно, радиоволны движутся со скоростью света. Так что сообщение, посланное с расстояния 100 световых лет, достигнет нашей планеты только через 100 лет. Как ты понимаешь, это не самая быстрая форма связи. Поэтому сообщение везут в космических кораблях от места к месту. Такая связь свободна от воздействия законов Эйнштейна и на сегодняшний день является самой быстрой. Психограммисты могут разговаривать между собой, устанавливая связь непосредственно мозг в мозг, без всякой потери во времени. Самые лучшие из них работают на Лигу, а большинство — на Специальный Корпус. Существуют также электронные приспособления, с помощью которых можно определить пси-связь, но толь-

ко на полной мощности и на основе «включено-выключено». Каждый корабль Лиги оснащен таким детектором, как и наш, хотя их использовали до сих пор только во время экспериментов. Он позволяет включаться любому психограмму в одно и то же время и передавать один сигнал — SOS! Как только получают такую пси-тревогу, немедленно все корабли отправляются к ближайшей станции, чтобы проверить, что случилось. Мы сейчас сделаем то же самое.

— А Мам и Джеймс...

— Вряд ли мы сможем им сейчас помочь. Поиски мамы и Джеймса займут много времени. И потом, мне кажется, эта пси-тревога связана с делом, которым занимаемся мы.

Как вскоре выяснилось, я оказался прав. Мы остановились возле следующего радиомаяка и записали передаваемый сигнал.

— ... вернитесь на базу. Всем кораблям для исполнения. Планеты 17 Лиги были атакованы неизвестными силами в течение часа. Предполагается, что начата космическая война. Приказ для немедленного исполнения. Всем кораблям вернуться на базу...

Я установил курс прежде, чем снова повторили сообщение, и мы направились на главную базу Корпуса. Больше лететь было некуда. Сопротивление неприятелю должен был организовать Инскипп, к нему же должна была стекаться и вся информация. Не хочу говорить о том, как мы летели, как долго тянулось время, и мы с Боливаром утешали себя мыслью, что если бы эти неведомые силы захотели нас уничтожить, то давно бы сделали это. Похоже, что им нужны были живые люди. Во всяком случае, нам очень хотелось верить в то, что наши близкие живы и нам остается только найти их, чтобы освободить. Я вел корабль интуитивно, как только мы выбрались из искривленного пространства неподалеку от базы. Затормозив при максимальной силе ускорения, я дал задний ход в последний момент, потом снова включил максимальную заднюю реактивную тягу и выключил управление, как только магнитные грейферы «подхватили» наш

корабль и завели его в порт. Боливар все время находился рядом со мной. Мы прошли через коридоры и вошли в кабинет Инскиппа. Шеф храпел, опустив голову на стол. Наши шаги разбудили Инскиппа, он с трудом открыл красные от усталости глаза, затем возмущенно заговорил.

— Я должен был это предвидеть. Впервые за четыре дня сомкнул глаза — естественно, ты должен был появиться в этот момент. Разве ты мне когда-нибудь дашь отдохнуть. Что тебе известно?

— Мне известно, что один из этих космических китов проглотил мой крейсер вместе с Ангелиной и Джеймсом и нам пришлось добираться сюда в патрульной шлюпке.

Он встал, потягиваясь.

— Прости, я не знал, мы были очень заняты.— Он подошел к бару и налил из бутылки себе в стакан темной жидкости, которую, не спеша, выпил. Я понюхал содержимое бутылки и налил себе тоже точно такое же количество.

— Ты можешь объяснить,— попросил я,— что здесь происходит?

— Вторжение чужаков. И должен тебе сказать, что действуют они очень неплохо. Эти космические киты вооружены тяжелой артиллерией. Нам пока не удалось захватить ни одного из них: у нас нет такой техники, которая позволила бы с ними справиться. Единственное, что нам остается,— это отступить. Мы имеем достаточно мощное оружие, чтобы противостоять противнику. Он это понимает, поэтому на планеты пока не садится и бомбардирует нас из космоса. Одному богу известно, сколько это может продлиться.

— Значит, мы проигрываем войну?

— Пока что на все сто процентов.

— Довольно оптимистично. Вы не можете рассказать мне, с кем же мы воюем?

— Да с ними, вот с этими!

Инскипп легонько стукнул по экрану, утопил кнопки, и перед нами появились уродливые видения, окрашенные в яркие цвета, снабженные щупальцами, илисто-зеленого цвета с клешнями и множеством глаз, направленных во

все стороны, и с большим количеством разных отростков, которые описать очень трудно.

— Брр,— произнес Боливар с отвращением.

— Ну что ж, если вам это не нравится,— проговорил Инскипп,— могу вам предложить нечто другое.

На экране возникли изображения щелкающих слизней. Отвратительные существа сменяли друг друга. Я даже не представлял, что может существовать такая мерзость.

— Достаточно,— закричал я.— Это нужно показывать желающим похудеть. Я, пожалуй, теперь не смогу есть целую неделю. Который из них наш враг?

— Они все — наши враги. Послушай, что говорит профессор Койпу.

На экране появилось изображение ученого и уже это было приятно после пресмыкающихся, от одного вида которых мурашки пробегали по телу. Несмотря на его отвратительные зубы и манеры прирожденного лектора, я готов был обнять его.

— Мы исследовали отловленные виды, провели вскрытие умерших и вакуумное извлечение мозга у живых. И то, что нами было обнаружено, очень расстроило. Здесь собраны многие формы жизни с различных планетных систем. Все они задействованы в священном крестовом походе, как они нам объяснили, и у нас нет оснований не верить им. Единственной целью этих малосимпатичных существ является полное уничтожение человечества в Галактике.

— Зачем им это надо?— удивленно спросил я.

— Вы спрашиваете зачем,— проговорил Койпу с экрана.— Совершенно резонный вопрос. На мой взгляд, напрашивается такой ответ: они не могут выносить нашего вида. Эти существа считают нас чрезвычайно отвратительными, слишком сухими, им не нравится, что наши глаза не торчат на щупальцах, мы не выделяем такой замечательной, на их взгляд, слизи, у нас нет органов для бульканья, что для них очень важно. Они считают нас слишком мерзкими и не хотят, чтобы мы жили рядом с ними.

— Они могут говорить?— спросил Боливар.

— Дай послушать профессора,— остановил я сына.

— Это вторжение было тщательно подготовлено,— продолжал Койпу, просматривая записи и постукивая ногтями по торчащим зубам.— После нападения мы обнаружили множество жизненных форм, притаившихся в мусорных ящиках, кондиционерах, люках, смывных бачках туалетов — везде, везде. Они долгое время наблюдали за нами и отсылали свои донесения. Похищение адмиралов стало первым ударом, попыткой подорвать наши военные силы, лишив нас командования. Но мы не растерялись, потому что у нас достаточно подготовлены младшие офицеры командного состава. Однако у нас отсутствуют четкие разведданные относительно базы и структур врага, несмотря на то, что нами были задержаны их мелкие корабли. Я надеюсь, что с минуты на минуту поступят новые донесения, и мы...

— О, благодарю вас,— сердито произнес Инскипп, прерывая Койпу на середине предложения.— Я сам бы никогда не додумался до этого.

— Я могу это сделать за вас,— сказал я своему шефу и сделал вид, что не заметил его гневного взгляда, брошенного в мою сторону.

— Ты? Нет уж, уволь. Ты будешь действовать поспешно, потому что вся твоя команда взята в плен.

— Именно так. Отбросив ложную скромность, скажу вам, что я буду тем самым секретным оружием, которое выиграет войну.

— Каким образом?

— Вначале позвольте мне поговорить с Койпу. Я задам ему несколько вопросов, а потом расскажу вам о том, что я задумал.

— Мы отправимся за Мам и Джеймсом?— спросил Боливар.

— Совершенно верно, мой мальчик. Конечно же, вначале мы постараемся спасти их, ну, а если получится, то и всю цивилизацию Галактики от уничтожения.

— Зачем вы отрываете меня от дел?— недовольно проговорил Койпу с экрана интеркома, брызгая слюной и зло сверкая глазами, такими же красными, как и у Инскиппа.

— Успокойтесь, профессор,— принялся я уговаривать его.— Я же хочу попытаться решить все ваши проблемы за вас, так же, как я делал это в прошлом. Но на этот раз мне понадобится ваша помощь. Сколько видов пришельцев вы обнаружили?

— 320. Но зачем это вам?

— Сейчас я объясню. Только сначала скажите честно, это действительно чудовища всех размеров, форм и цветов?

— Какой мне смысл вас обманывать? Такое не приснится и в ночном кошмаре.

— Понятно. Вы узнали, на каком языке они общаются между собой. Он не слишком сложный?

— Вы знаете его. Это — эсперанто.

— Да бросьте вы, Койпу!

— Не кричите на меня и не разговаривайте со мной в подобном тоне!— не сдержался профессор, потом все же взял себя в руки и пожал плечами:— А почему бы и нет? Они наблюдали за нами долгое время, тщательно изучали нас, прежде чем напасть. Эти дряни прослушали множество наших языков и остановились на эсперанто, как на более простом, легком и эффективном способе общения.

— Вы меня убедили. Благодарю вас, профессор. Немного отдохните, я скоро приеду к вам. Вы поможете мне пробраться в штаб пришельцев. Там я узнаю о их планах, спасу свою семью и, может быть, адмиралов, если получится.

— Что это взбрело вам в голову?— сердито проговорили Инскипп и Койпу одновременно.

— У меня возникла идея. Сейчас я вас с ней познакомлю. Профессор Койпу должен изготовить костюм пришельца с вмонтированным ослизнителем. Я надену его на себя и появлюсь в их логове. Думаю, мне удастся сделать так, чтобы они приняли меня за своего. Я явлюсь к ним представителем чудовищ с далекой планеты, которые прослышали об их крестовом походе и хотят присоединиться, влиться в их ряды. Они полюбят меня, Койпу. Я сделаю все для этого, профессор.

Дизайнеры-модельеры и ученые очень быстро справились с поставленной перед ними задачей. Они ввели в

компьютер такие отвратительные детали пришельцев, как щупальца, клешни, глаза на ножках, усики, короче все, что было у плененных слизняков, потом запрограммировали костюм на возможные вариации. Даже Боливар был потрясен. Мы соединили две наиболее удачные модели, немножко поколдовали над деталями и в результате получился отличный костюм.

— И это мой Папа!— воскликнул Боливар, обходя меня со всех сторон и внимательно разглядывая.

Эта штука выглядела как тиранозавр рекса в миниатюре, покрытый чешуйчатой кожей и полинявшей шерстью. Зверюга была, естественно, двуногой, потому что создавалась для меня. Тяжелый хвост, раздваивающийся на отростки с присосками, уравновешивал тяжелое сооружение и имел отсек для батареек и необходимого оборудования. Голову украшала челюсть невероятных размеров с воинственно торчащими из нее желтыми и зелеными зубами, немного похожими на зубы профессора. Уши, как у летучей мыши, усы, как у крысы, глаза, как у кота, жабры, как у кильки,— это и в самом деле было препеприятнейшее зрелище. Передняя панель открылась, и я осторожно забрался вовнутрь костюма.

— Формы предплечий полностью скопированы с ваших,— сказал Койпу.— Ноги снабжены вспомогательным мотором, потому как очень тяжелые и приспособлены к вашим ногам. Будьте внимательны — эти клешни могут запросто продырявить стальную стену.

— Обязательно попробую их. А как насчет хвоста?

— В него встроен автоматический балансировщик и он при ходьбе будет покачиваться. Когда вы будете стоять, то сможете бить им в разные стороны, и это будет выглядеть очень натурально. Этот выключатель автоматически будет подергивать хвостом, когда вы будете вынуждены долго стоять или сидеть. Держите под контролем этот выключатель — он управляет отдачей 75-калиберной пушки, установленной в голове, прямо между глаз. Прицел на носу.

— Великолепно. А где гранаты?

— Гранатомет установлен, разумеется, под хвостом. Гранаты по форме напоминают... вы сами догадываетесь что.

— Прелестно. Я вижу, что у вас светлая голова и очень изобретательный ум. Теперь помогите мне застегнуть молнию и если вы расступитесь, я попытаюсь походить.

Мне понадобилось совсем немного времени для практики, и скоро я вполне естественно двигался в этой неуклюжей и громоздкой штуке. Через несколько минут я приобрел нужную сноровку и гордо шествовал по лаборатории, оставляя слизистый шлейф за собой. Затем я выгрыз клешнями дырку в стальной стене, помахал хвостом, сметая все вокруг, пострелял из пушки на голове. После этих испытаний у меня разболелась голова, то ли из-за отдачи, то ли отчего-то еще, но я решил в будущем применять пушку только в самых крайних случаях. По дороге в лабораторию мне встретился мелкий педальный робот, который нечаянно наступил мне на хвост.

— Эй ты, медведь,— заорал я, потому что БОЛЬ В ХВОСТЕ выписалась на моем экране. Я попытался стукнуть наглеца, но он легко увернулся. Потом остановился передо мной, и башенка с оптическими линзами распахнулась. Я уставился в улыбающееся лицо Боливара.

— Не расскажешь ли родному отцу, какого черта ты делаешь в этой штуке?— спросило чудище, в которое был одет я.

— Конечно, скажу, Па. Я отправляюсь с тобой. Робот-слуга будет нести твои вещи и снаряжение.

— Нет, этого не будет.

Я приготовил множество аргументов, чтобы доказать, что не могу рисковать сыном. У него был только один аргумент — он не мог отпустить отца одного. Я уступил, хотя очень волновался за него. Конечно, я буду чувствовать себя увереннее, зная, что кто-то прикрывает мой тыл. Придется нам идти вместе.

— Куда?— спросил Инскипп, глядя с нескрываемым отвращением на мою оболочку.

— На планету, вооруженную до зубов, куда они спрятали похищенных адмиралов. Надеюсь, что там же Ангелина и Джеймс. Даю голову на отсечение, что это их штаб или главная база, а если не так, то скоро я выясню, где он находится.

— Ты не расскажешь, как думаешь туда добраться?

— С удовольствием. В этой же самой патрульной шлюпке, в которой мы прилетели сюда. Но прежде чем мы отправимся, я хочу, чтобы лодка была приведена в порядок: нужно поломать второстепенное оборудование, разрушить кое-что, разбить вдребезги, разбрызгать кровь убитых животных по шлюпке. Мне, конечно же, не хочется предлагать это, но все должно быть выдержано в духе сурового реализма — есть у вас убитые люди?

— Сколько угодно,— угрюмо ответил он.— И тебе нужны два в униформе?

— Они спасут нам жизнь. Я собираюсь появиться перед врагом со включенными огнями, трубящим радио, предлагающим помощь моей планеты пресмыкающихся в священном деле уничтожения человечества.

— О котором ты узнал, когда захватил эту лодку?

— Вы удивительно догадливы для своего возраста. Сделайте все это, Инскипп, потому что я должен был отправиться в путь пять минут назад.

Наша с Боливаром миссия была единственным лучиком надежды в сплошном мраке проигрываемой войны, и поэтому нас очень быстро обслужили. Вооруженная шлюпка была погружена на борт крейсера, и ее сразу отправили в путь, как только мы поднялись на борт. Нас привезли в безопасное место рядом с вражеской территорией. Я направил лодку к массивному облаку из пыли, прошел по краю одной или двух черных дыр, чтобы замести следы, и скользнул в галактический рукав, заполненный нашими врагами.

— Сынок, ты готов?— спросил я, просунув голову в муляж пришельца.

— Готов, так же, как и ты, Скользкий Джим,— отвечал мне робот, а его башенка щелкнула и встала на место.

Я упаковался полностью в свою оболочку и клешней пожал щупальце робота. Мы приступили к работе. Корпус нашей лодки был освещен сигналами тревоги, и я еще понавключал много огней, так что мы напоминали рождественскую елку. Потом я включил гимн моей воображаемой родной планеты и стал передавать его на полную мощность на волне 137. Во всеоружии мы приближались к осиному гнезду, сопровождаемые бравурной музыкой.

Мы скользкие, склизкие булькалки,
Трещим, скрипим и хрустим.
Зато мы самые крутые
Среди самых крутых чужестранцев.

7

— Киви ви естас?— спросил скрежещущий голос и одновременно вспыхнул экран, на котором возникла особо мерзкая физиономия пришельца.

— Киу ми естас? Кьюй конас мин, се ми не конас вин, белуло...

Я предпочел бы разговаривать с ними другим языком, но ничего не поделаешь — надо быть хитрым, хотя назвать кеканье этого червяка «прекрасным голосом» стоило мне некоторых усилий. Но моя лесть возымела действие, чудовище пригладило свои усики мокрыми щупальцами и продолжало дружественным тоном:

— Давай, давай, милашка. Дома ты пользуешься уважением, но сейчас ты далеко от родины. А здесь идет война, так что мы должны соблюдать все правила безопасности.

— О, да, разумеется, конечно. Я и сам полон энтузиазма. Вы деретесь не на жизнь, а на смерть с этими сухокожими-розовыми-вялыми-отвратительными чужаками?

— Мы стараемся, незнакомец.

— Отлично, считайте и нас своими! Мы захватили этот корабль, он летел на нашу планету. У нас нет кораблей, но есть прекрасные ракеты средней дальности, которыми мы и расстреляли эту рухлядь. Потом высосали

мозги у оставшихся в живых, выучили их язык и обнаружили, что самая привлекательная раса в Галактике объединилась в войне против них. Мы хотим вступить в ваши вооруженные силы, и я — посланец, прибывший за инструкциями и с заданием сообщить вам, что мы полностью в вашем распоряжении!

— Потрясающее, замечательное желание,— распустило слюни существо.— Мы пришлем вам корабль для сопровождения, а комитет по встречам организует вам шикарный прием. У меня есть еще один вопрос, конфетка вы наша.

— Спрашивайте, красавец из красавцев.

— Вы, наверное, особь женского пола, потому что у вас такие глаза, я прав?

— В следующем году, точно в это же время я непременно стану женщиной. А сейчас я в нейтральном положении, на полпути между самкой и самцом.

— Тогда я начинаю считать дни до нашей встречи. Увидимся на будущий год.

— Я запишу в своем дневнике прямо сейчас,— заворковал я и потянулся за бутылкой. Но робот Боливар опередил меня и наполнил мне большой стакан, который я опустошил через соломинку.

— Или я ошибаюсь, Па,— сказал он,— или этот завсегдатай сточных канав испытывает к тебе горячие чувства?

— К несчастью, мой мальчик, ты прав. Похоже, мы перестарались и наградили мою оболочку необыкновенной привлекательностью и женственностью. Надо было придумать образ поуродливей!

— Но тогда это могло получиться еще более сексуальным.

— Видимо, ты прав,— я с чувством потянул напиток через соломинку.— Что ж, постараюсь направить их амурные стремления в нужное русло и извлечь из этого выгоду.

Несколько минут спустя появился корабль для сопровождения, и я настроил автопилот на его фарватер и скорость. Мы проскочили через невидимое минное поле и защитные экраны, а затем приземлились внутри громадной крепости. Я очень надеялся, что это площадка для высокопоставленных лиц, а не въезд в тюрьму.

— Тебе понадобится шлем, Па,— сказал Боливар своим металлическим голосом робота, тем самым вернув из моря мрачных мыслей, обуревающих меня, на берег надежды.

— Ты прав, о прекрасный и благородный робот,— я надел стальной шлем, украшенный золотыми пластинами и матовым алмазом в центре, внимательно рассмотрел себя в зеркало и остался доволен своим видом. Великолепно.— Ты все-таки больше не зови меня Па. Это может вызвать ненужные вопросы из области биологии.

В нашу честь был организован великолепный парад скользких, скачущих и ползающих существ. При нашем появлении вся эта гвардия разом остановилась, чтобы несколько раз отвесить низкий поклон. Боливар-робот нес тщательно упакованный багаж пришельца. Существо, украшенное золотым шнурком, выступило вперед и помахало множеством клешней в мою сторону.

— Добро пожаловать, звездный посланец,— произнесло оно.— Я — Гар-Бадж, Председатель военного совета.

— Как я рад. Я — Скользкий Джим из Гештункена.

— Скользкий, это ваше первое имя или титул?

— На языке моей расы означает Тот, Который Ходит По Спинам Крестьян Острыми Клешнями, и переводится как дворянин.

— Какой замечательно лаконичный язык. Скользкий, вы должны будете рассказать мне о себе подробнее в частном порядке,— сказал он и 6 глаз из его 18 медленно подмигнули.

Я понял, что моя сексуальная привлекательность действует, я для него неотразим.

— Я встречусь с вами, Гар, в свой следующий период зрелости. Но сейчас — война! Расскажите мне, как идут дела и как мы, гештункены, можем с пользой участвовать в этом священном деле.

— Непременно будете участвовать. Позвольте мне сопроводить вас в отведенные вам апартаменты и объяснить все по дороге.

Он разогнал соглядатаев мановением одной руки, а другой указал мне, куда следовать за ним. Что я и сделал,

сопровождаемый чудесным роботом, катящимся вслед за мной.

— Война идет так, как было запланировано,— сказал он.— Разумеется, вы не можете знать об этом, но мы вели долгие годы наблюдения и разрабатывали подготовительную стадию. Наши разведчики проникли во все человеческие миры, узнали, в чем их сила и слабость. Теперь нас невозможно остановить. Мы держим в руках абсолютно весь космос и сейчас готовимся ко второй стадии.

— Которая?..

— Которая начнется вторжением на планеты. После уничтожения их флота мы покорим все планеты, одну за другой. Они падут нам в клешни, как спелые церизожи.

— Вот это дело для нас!— заорал я и на радостях выдолбил приличные отверстия в полу своими клешнями.— Мы, гештункены, боремся фанатично, готовы идти к цели, желая погибнуть за такое правое дело.

— Как давно я хотел услышать подобные слова от кого-нибудь, похожего на вас, с такими клешнями, зубами и прочим. Сюда, пожалуйста. У нас море транспортных кораблей, но, увы, приходится использовать совершенно необученных вояк.

— Мы — воины, стоящие насмерть!

— Это замечательно. Вы обязательно должны посетить следующий митинг военного совета и принять участие в планировании множественных кооперации. Но сейчас, поскольку вы устали, вам непременно нужно отдохнуть.

— Никогда!— я громко клацнул челюстями и оседлал соседнюю кушетку.— Я не хочу никакого отдыха, пока последний враг не будет уничтожен.

— Благородные стремления, но мы должны иногда и отдыхать.

— Это не для гештункенов. Вот поесть я согласен. Не найдется у вас парочки пленников, которых я мог бы выпотрошить для пропагандистского фильма?

— У нас полно адмиралов, но они нам нужны для того, чтобы высосать их мозги — это поможет нам при наступлении.

— Скверно. Я обрываю ноги и руки у адмиралов с такой же легкостью, как пестики у цветов. Может, у ва найдется какая-нибудь самка или детеныш? Они так замечательно визжат.

Это был вопрос, стоимостью в 64 тысячи кредиток, спрятанный среди всякой муры, и мой хвост ходил из стороны в сторону, пока я ждал ответа. Робот в ожидании даже перестал жужжать.

— Забавно, что вы спросили об этом. Мы действительно захватили вражеский шпионский корабль с экипажем, состоящим из женщины и детеныша мужского пола.

— Это мне подходит!— завопил я, и мое восхищение было совершенно неподдельным.— Их необходимо допросить, а у меня заготовлено несколько вопросов. Это по мне. Проведите меня к ним!

— Я был бы только рад. Но сейчас это невозможно.

— Они мертвы?..— задал я вопрос, стараясь скрыть печаль и превратить ее в недоумение.

— Нет. Но я бы предпочел, чтобы это было так. Мы так до сих пор и не поняли, что произошло. Пять наших лучших бойцов оставались в комнате с этими двумя малорослыми созданиями. Все пять бойцов погибли, мы не понимаем, почему. Враг бежал.

— Скверно,— сказал я, симулируя глубокое разочарование, помахивая хвостом и держа его золотушный кончик в клешне.— Вы, несомненно, уже поймали их.

— Нет. И это самое непонятное. Все случилось несколько дней назад. Но не стоит вас волновать разными пустяками. Отдыхайте, а когда настанет время, за вами пришлют, и вы отправитесь на митинг. Смерть трескунам!

— Смерть! Увидимся на митинге.

Дверь закрылась и Боливар-робот заговорил:

— Куда вы хотите определить багаж, могущественный Скользец?

— Куда угодно, металлический болван.— Я постарался ударить его, но он увернулся.— Не волнуй меня разными пустяками.

Я обошел комнату, распевая во все горло национальный гимн Гештункена пронзительным голосом, стараясь заполнить им всю комнату. И мне это удалось. В конце концов я шлепнулся вниз и расстегнул молнию на шее.

— Можешь вылезать и размяться, если хочешь,— сказал я.— Эти мокрицы уважают нас, видишь какие апартаменты они нам отвели. Кроме того, мы пользуемся доверием: я не вижу подслушивающих клопов и тараканов.

Боливар немедленно выскользнул из робота и сделал несколько быстрых приседаний, суставы его хрустели.

— Ситуация несколько осложняется. Что будем делать дальше? Как мы найдем Мам и Джеймса?

— Прекрасный вопрос, на который нелегко ответить. Но в конце концов мы знаем, что они живы, и с ними, судя по всему, все в порядке, они еще умудрятся доставить неприятелю немало хлопот. Я в этом уверен.

— Может, они оставили для нас письмо или след, по которому их можно найти.

— Поглядим, но я так не думаю. Придется пока присмотреться к этим уродцам. Открой бутылку Старого Катализатора мыслей и поищи стакан. Я буду думать.

И я действительно долго и серьезно думал, но без малейших результатов. Может быть, мешала общая атмосфера, которая была удручающей. Драпировка стен — грязно-зеленого цвета, а сами стены окрашены в красный цвет. Полкомнаты занимал плавательный бассейн, из которого выплескивалась бурлящая серая жидкость, на поверхности плавали огромные пузыри, время от времени лопающиеся с оглушительным треском. Боливар был на грани нервного срыва, но, умывшись, он несколько успокоился. Однако стоило ему взглянуть на так называемую пищу и он делался нежно-зеленого цвета, такого же, какой была моя оболочка. Отвлекся он только сидя перед телевизором и играя переключателями каналов. Большинство программ было недоступно нашему пониманию, но очень мерзким с нашей точки зрения, а то, что понимали, приводило нас в уныние. Мы просмотрели последние известия с полей сражений. Поначалу мы не знали, что

телевизор является одновременно и средством связи, и очень удивились, когда прозвенел звоночек и изображение опустошенной несчастной планеты сменилось отталкивающими чертами лица Гар-Баджа. К счастью, рефлексы ди Гриза все еще работали. Боливар немедленно выскочил из поля зрения, а я тем временем, повернувшись спиной, быстренько застегнул молнию.

— Мне не хотелось мешать вам, Джим, но военный совет собрался и желает вас увидеть. Посыльный укажет вам путь. Смерть трескунам!

— Да, да,— приглушенно бормотал я, наблюдая, как вянет его изображение и пытаясь поставить голову на нужное место в пластиковую плоть. Со стороны дверей донесся скребущий звук.

— Робот, передай, что я сейчас буду,— сказал я.— Они прервали мои упражнения.

Когда мы наконец вышли, у чудища, присланного нам в сопровождающие, глаза вылезли из орбит. Потрясение было настолько великим, что вся его дюжина глаз выдвинулась вперед на целый метр.

— Показывай дорогу, спагеттная голова,— приказал я.

Он пошел вперед, а я за ним, сопровождаемый, в свою очередь, роботом, который нес шарф, спадающий с моих плеч. Эта привлекательная деталь моего туалета имела добрых три метра сверкающего пурпура, украшенного золотыми и серебряными звездами, и оканчивалась ядовито-розовым галуном. Ой-ей-ей! К счастью, я не видел эту штуку, но мне было жаль бедного Боливара, который тащил ее и еще был вынужден на нее смотреть. Мне казалось, что местным жителям она должна была прийтись по вкусу. Мне абсолютно не нужна была эта мантия, но это был простейший путь держать Боливара рядом с собой. Совет был потрясен, если только почавкиванье, хрюканье и мычание означало одобрение, и я прошелся несколько раз по комнате, демонстрируя свое великолепие, прежде чем занял указанное место.

— Добро пожаловать, восхитительный Скользец Джим, на наш военный совет,— распустил слюни Гар-

Бадж.— Редко эта комната удостаивалась такой чести. Если все гештункены похожи на вас и такие же великолепные бойцы, как вы, а я просто уверен в этом, то эта война будет выиграна только благодаря силе духа.

— Пропаганда,— забулькал кто-то черный, влажный и очень отвратительный из дальнего угла комнаты.— Давайте лучше увидим, что он умеет на поле брани. Давайте подумаем, как поднимется воинственный дух от его появления на передовых позициях.

— Грандиозная идея! Восхитительно!

Раздались крики и шумные аплодисменты, сопровождаемые лихорадочным размахиванием щупальцами, присосками, глазоножками, антеннами, клешнями и другими весьма отвратительными штуками, чтобы говорить о них лишний раз. Я совершенно лишился аппетита на долгие годы, но улыбался сквозь стиснутые зубы, показывая, как мне все это нравится. Не знаю, как долго длилась эта чепуха, но тут существо-секретарь громко постучал по большому колокольчику металлическим молотком.

— У нас срочное дело, господамы. Может, мы продолжим?

Гневные крики «Не портите нам удовольствие!» и почти ругательства понеслись со всех сторон. Секретарь отступил. Это было отвратительное создание, наподобие раздавленной лягушки с пушистым хвостом и присоской, как у пиявки, на том месте, где должна быть голова. Оно хлопнуло передними руками, извиняясь, но тем не менее было вынуждено вернуться к работе, когда выкрики стихли.

— Это 413-й митинг военного совета. Мы должны прийти к соглашению. В вашем распоряжении остались считанные минуты. Необходимо разработать следующие вопросы: логистический план вторжения, порядок ведения войны, резерв для бомбардировок и межвидовое снабжение продовольствием,— секретарь подождал, пока громкие выкрики стихли, и продолжил:— Но до того, как мы начнем, мы попросим нашего нового члена произнести коротенький спич, чтобы записать его и передать вместе с вечерними новостями. Мы записываем, Скользец Джим. Сделайте нам одолжение и произнесите речь...

Со всех сторон понеслись звуки, напоминающие хлопки множества щупалец, и я понял, что мне вроде бы аплодируют. Я наклонился прямо к камере, обмотался в мантию и начал:

— Дорогие мои мокрецы, скользуны, мои влажные друзья по галактическому роду-племени,— и застыл со скромно опущенными глазами, пока не стихли аплодисменты.— Я не могу передать вам, с какой радостью бьются все мои четыре сердца оттого, что я сегодня здесь, среди вас. С того момента, как мы, гештункены, осознали, что есть жизнь, подобная нашей, мы сразу решили присоединиться к вам. Счастливый случай помог мне в этом, и я нахожусь среди вас и хочу сказать вам, что мы ваши, мы объединяемся с вами в великом крестовом походе для того, чтобы убрать с лица Галактики этих бледных, немощных трубкостебельчатых. Мы известны благодаря нашим бойцовским качествам...— Я вместе с этими словами пробил дыру в аналое и в ответ услышал всеобщее ликование.— И мы хотим принести в ваши ряды наше мастерство и умение, исполняя священный долг. Говоря словами нашей королевы Энгелы Рденрундт, никому не удастся поставить Гештункен на колени, так что не нужно и пытаться!

Я сел под одобрительные выкрики и скрестил на груди клешни, надеясь, что моя маленькая уловка удалась. Похоже, никто ничего не заметил. Это был выстрел с дальним прицелом, и он должен был сработать. Где бы ни была моя Ангелина, оставался шанс, что она услышит новости и, конечно же, узнает свое имя, которым она называла себя, когда я встретил ее в первый раз. Выстрел со слишком дальним прицелом, но это было лучше, чем ничего. Новые приятели-чудища не очень-то желали работать, но секретарь призывал их к этому. Я поднатужился и вспомнил, как обычно обсуждаются военные планы, но поскольку был новеньким, то не вносил никаких предложений. Когда меня спросили, сколько военных подразделений может поставить Гештункен, я назвал такую цифру, что они опять обрадовались. Так продолжалось довольно долго и, когда секретарь объявил о закрытии митинга, я

был не единственным, кто с вдохновением воспринял это известие. Гар-Бадж скрючился и почти прилег на мне, обнимая щупальцами мой хвост.

— Почему бы нам не пройти ко мне, милашка? Мы сможем раздавить кувшинчик перебродившего джина с сахарэм и мускатным орехом и закусить пайеккой. Тебе нравится моя идея?

— Восхитительно, Гар-Бадж, но Скользец скользит в сон и должен отдохнуть. После чего мы встретимся. Не звони мне, я сам тебе позвоню.

Я утек, прежде чем он собрался ответить, робот поспешил за мной, неся конец моей мантии. Мы спустились по заржавленным лестницам к двери наших апартаментов, торопясь вырваться из любовных объятий моего ненавистного Лотарио. Но дверь открылась до того, как я к ней прикоснулся, и пол впереди меня вспучился от выстрела. Я замер и услышал скрипучий голос, говоривший мне прямо в ухо:

— Если двинешься, то следующий выстрел будет тебе прямо в твои гнилые мозги.

8

— Я не вооружен,— закричал я хриплым голосом, таким же, как у моего невидимого нападающего.— Не стреляйте!

Голос казался мне знакомым. Может, рискнуть и посмотреть, кто это мне угрожает? Я попытался высунуться из чучела, но за меня это уже сделал Боливар. Он открыл башенку робота и высунул голову.

— Хи, Джеймс,— радостно завопил он.— Что с твоим горлом? И не вздумай стрелять в этого мерзкого чужака, потому что внутри спрятан твой родной папочка.

Я наконец рискнул взглянуть и увидел Джеймса, притаившегося за шкафом, с отвисшей челюстью и беспомощно повисшим бластером в руке. Ангелина, со вкусом одетая в бикини, выходила из другой комнаты, неся в руках свой пистолет.

— Кончайте,— приказала она, и я быстренько выбрался из пластиковых объятий, чтобы попасть в ее такие родные руки.

— Ююм,— юмкнула она после долгого и страстного поцелуя, прекратившегося только из-за недостатка кислорода.— Кажется, я не видела тебя целую вечность.

— Столько же и я. Вижу, что ты получила мое послание.

— Когда это существо упомянуло мое имя, я поняла, что ты как-то связан с ним. Но я даже и представить себе не могла, что ты находишься внутри, поэтому мы пришли с оружием.

— Ладно, самое главное, что ты рядом со мной, это единственная радость и мне страшно нравится твой наряд,— я посмотрел на меховые шорты Джеймса,— и наряд Джеймса также. Похоже, что вы шили у одного портного.

— Они забрали всю нашу одежду,— сказал Джеймс каким-то грубым голосом. Я внимательно посмотрел на него.

— Этот шрам на горле имеет какое-то отношение к тому, как ты говоришь?— спросил я.

— Да, имеет. Это случилось, когда мы бежали. У чужака, который ударил меня, мы и забрали эту одежду.

— Ничего, мой мальчик. До свадьбы заживет. Боливар, достань бутылку шампанского, пожалуйста. Мы отметим наше воссоединение, а мама расскажет нам, что случилось.

— Все было очень просто,— сказала она, деликатно сморщив носик из-за шибающих в ноздри пузырьков.— Нас проглотил один из военных кораблей — я уверена, что ты видел, как все произошло.

— Это был самый отвратительный момент в моей жизни!— простонал я.

— Бедняжка. Можешь себе представить, как мы себя чувствовали. Мы начали стрелять изо всех орудий, но их глушили, и это было бесполезно. Мы открыли огонь по пришедшим за нами чужакам, но из этого тоже ничего хорошего не получилось. Они стали спускать потолок, раздавивший наш корабль, и нам пришлось выйти. Только тогда они смогли нас обезоружить. То есть они так думали. Я вспомнила твое маленькое дельце на Бураде с отрав-

ленными ногтями, и нам удалось здесь проделать то же самое. У нас остались только наши ногти, особенно после того, как они забрали даже ботинки, и этим нам здорово помогли. Итак, мы сражались, пока не кончились боеприпасы, тогда нас схватили и затолкали в тюрьму или пыточную камеру. Мы там находились недолго. Как ты догадываешься, пришлось немного погладить наших охранников, после чего сбежать.

— Замечательно! Но это было так давно. Что вы делали все это время до нашей сегодняшней встречи?

— О, мы прекрасно провели время. Спасибо, нам помог Цилл Эйрн и его люди. Кстати, они здесь.

Она махнула рукой, и пять мужчин выпрыгнули из другой комнаты и направили на меня свое оружие. Я стоял несколько смущенный, но непоколебимый, потому что Ангелина не двинулась при их появлении. Они все были бледнокожие с длинными черными волосами. Их одежда, если ее можно было так назвать, была сделана из кусочков кожи пришельцев, связанных кусками проводов. Их топоры и мечи выглядели очень внушительно, и было ясно, что ими часто пользуются.

— Естас грандо плезиро ренконти вин,— сказал я, но они будто не слышали.— Если они не говорят на эсперанто, то на каком же языке они говорят?— спросил я Ангелину.

— На своем собственном, я выучила всего несколько фраз. Ду дхеобхэер гэн диемэд тэиск гач сеоид,— произнесла она. Они кивнули в знак согласия, забряцали оружием и испустили доводящие до дрожи боевые кличи.

— У тебя странное взаимопонимание с ними,— сказал я.

— Я объяснила им, что ты мой муж, вождь нашего племени, и ты прибыл сюда для того, чтобы уничтожить врага и повести их к победе.

— Это правда, правда,— произнес я, тряся соединенными над головой ладонями, вызвав новую волну радостных воплей.— Боливар, достань дешевую выпивку для наших союзничков, а твоя мама пока мне поведает, что здесь происходит.

Ангелина сделала глоток шампанского и деликатно нахмурилась.

— Я не совсем разобралась в деталях,— сказала она.— Языковый барьер и все такое прочее. Но, кажется, Цилл Эйрн является аборигеном этой планеты или поселенцем. Они в достаточной степени люди, несомненно, остатки колонии, отрезанной от внешнего мира во время Развала. Как и когда они попали сюда, так далеко от других миров, мы, скорее всего, не узнаем. Так или иначе, но они жили здесь, пока не появились пришельцы. При первом же столкновении возникла непримиримая ненависть. Пришельцы вторгались, они сопротивлялись и сопротивляются до сих пор. Пришельцы сделали все возможное и невозможное, чтобы выселить их отсюда, сносили все с лица земли, покрывали поверхность металлом. Это не помогало. Человеческие существа проникали в здания пришельцев, жили там, притаившись в стенах и фундаментах.

— Крысы из нержавеющей стали!— вскричал я.— Мои симпатии на их стороне.

— Я где-то так и предполагала. Итак, когда мы с Джеймсом бежали вниз по коридору, мы совершенно не представляли, куда бежим, и вдруг открылась маленькая дверь в полу, они выскочили и затащили нас внутрь. Нас настиг один из стражников пришельцев, но Джеймс расправился с ним. Цилл Эйрн по-своему оценил это и оставил его нам, содрав предварительно кожу. Может, мы и не могли говорить на их языке, но то, что нас преследовали, помогло больше всяких слов. Мы прятались под обшивкой стен и разрабатывали план действий. Начать решили с освобождения адмиралов.

— Ты знаешь, где они?

— Разумеется. Не так далеко отсюда.

— Значит, нужно действовать. Но предварительно хорошо отдохнуть. Почему бы не поспать этой ночью, а битву начать утром?

— Ни в коем случае. Во-первых, абсолютно нет времени, во-вторых, я знаю, на что ты намекаешь. Сейчас не до этого. Немедленно на войну!

Я вздохнул.

— Согласен. Что с тобой поделаешь.

Только мы приняли решение, как дверь апартаментов распахнулась, и вплыл мой любовник Гар-Бадж. Наверное, в голове у него ничего не было, кроме любовных мыслей, потому что явился он в розовой ночнушке и без всякой охраны.

— Джим, моя конфетка, отчего ты такой неподвижный и шея твоя неприкрыта? Урррк!

Он только произнес это, как ему в ляжку воткнулся палаш. Схватка была короткой, и он ее довольно быстро проиграл, но не достаточно быстро. Он не полностью вошел в комнату, когда битва началась, и ему отрезали хвост, который, вероятно, был связан с его мозгом, потому что хвост быстренько проковылял по коридору и пропал за углом.

— Нам нужно рвать когти,— сказал я.

— К туннелю,— прокричала Ангелина.

— А я в своем новом обличии пролезу там?— спросил я.

— Нет.

— Тогда возьми на себя всю деятельность, пока я подумаю,— сказал я и стал думать. На этот раз думалось быстро.— Придумал. Ангелина, ты знаешь, как выбраться из этого лабиринта чудищ?

— Знаю.

— Замечательно. Боливар, у тебя появился шанс прогуляться. Вылазь из робота и пусть твоя мама займет это место. Научи ее управлять им и отправляйся с ними. Встретимся в условленном месте, где ты будешь нас ждать.

— Какой ты заботливый,— посмотрела на меня с сияющей улыбкой Ангелина.— Мои ноги очень устали. Джеймс, покажи брату путь, мы позже догоним вас. А сейчас я приготовлю отбивные из существа, которое вы сейчас прихлопнули, и сделаю их как можно больше — к нам на обед придет много народу.

— Что ты имеешь в виду?— спросил я.

— Адмиралов. Мы запросто сумеем освободить их с помощью привезенного тобой арсенала, и я проведу их подземными путями в безопасное место.

По поводу этого пункта плана споров у нас не возникло. В семействе ди Гризов люди мыслили одинаково, этому же научился Цилл Эйрн в борьбе с врагом. Литые пластины пола были отодвинуты в сторону и под ними обнаружилась дверь в подземелье. Я начинал думать, что эти пришельцы отнюдь не блистали умом, если позволяли таким вещам твориться у них под самым носом. Что-то не ладилось у них с обонятельными щупальцами. Боливар и Джеймс скользнули в отверстие сопровождаемые нашими союзниками, большинство из которых вопило «Скадан, Скадан!»

— А здесь действительно уютно,— сказала Ангелина, скрывшись внутри робота.— Рация есть?

— Да. Цепь 13, выключатель у тебя под правой рукой.

— Найду,— сказала она, и вдруг ее голос заговорил мне прямо в ухо.— Давай, иди вперед, а я тебя буду направлять.

— Малейшее твое желание, и я ринусь вперед.

Я осторожно высунулся в коридор, за мной следовал робот. Пострадавший конец хвоста, как я уже сказал, исчез. Я начал колотить и резать металлическую обшивку двери, пока не превратил ее в обрезки, чтобы ввести в заблуждение погоню, и удовлетворенный отправился вниз по коридору. Это был долгий и в самом деле утомительный путь по металлическому городу. Пришельцы оказались плохими строителями. Целую минуту мы шли по ржавому коридору с провисающим потолком и вдруг вышли прямо под открытое небо. Иногда под ногами хлюпала вода, а кое-где я мог бы и поплыть, используя свой вращающийся хвост в качестве руля. Робот был слишком тяжел, чтобы плавать, и поэтому шел по дну. Мы миновали какие-то склады, потом заводы. Затем проходили через общежития, спальни и еще миновали множество мест, трудно поддающихся описанию. Повсюду нас встречали уродцы, приветствующие меня на эсперанто и с энтузиазмом машущие руками. Прекрасно. Я махал им в ответ и бормотал ругательства.

— Я немножечко подустал от всего этого,— доверительно сообщил я Ангелине по нашей внутренней связи, показав ей, что к славе отношусь равнодушно.

— Еще немного, мой храбрец, и мы почти прибыли. Еще несколько километров.

Неожиданно ворота перед нами оказались запертыми. Они охранялись существами, державшими копья наперевес и при моем появлении стали громко трещать трещотками, прикрепленными к зубам. Они побросали копья на пол, орали и стучали зубами так сильно, что от них во все стороны разлетались куски зубов и трещоток.

— Джим, Джим,— кричали они.— Да здравствует Гештункен! Добро пожаловать к нам!— Они были явными фанатами вечерних новостей и все слушали мою речь. Я поднял клешни и дождался, пока шум стих.

— Спасибо вам, спасибо,— прокричал я.— Я испытываю безграничное удовольствие лицезреть тошнотворных существ, подобных вам. Отродий отвратительного мира из разлагающихся звезд.— Они поклонились, почти легли ничком в знак признательности и завопили еще больше.— За то время, что я пребываю здесь, я видел много рептилий, пресмыкающихся, личинок и ползунов, но я должен сказать, что вы самые пресмыкающиеся, рептилистые, личинистые и ползучие, каких только я встречал.— Я немного послушал хриплые вопли отвратительной радости и потом перешел к делу.— Мы, гештункены, видели только один корабль с этими бледными трескунами, который мы автоматически уничтожили. Я знаю, что у вас целый спутник, заполненный этими бледными созданиями. Это так?

— Естественно, Джим Скользец,— забрызгал один из них. Я только сейчас рассмотрел, что его голову украшают две золотые кометы, несомненно указывающие на высокий сан. Я адресовал ему свой вопрос.

— Это отличная новость. Они все внутри?

— Конечно.

— Вы мне разрешите немножко поиграть с ними. Распотрошить их, попробовать, каковы они на вкус?

— К сожалению, нет. Они нам нужны для информационных целей. И кроме того, уже готовы списки добровольных потрошителей: согласно иерархии, первыми будут высшие военные чины.

— Ладно, что делать. Может, предоставите мне один шансик бросить на них украдкой взгляд? Чтобы знать, как выглядят наши враги.

— Только с этого места. Никому не разрешается приближаться ближе чем на один шаг. Прищурьте один или два глаза, смотрите вон туда и вы все увидите.

Один из моих фальшивых глаз на стебельке имел камеру ТВ и, включив ее, я повернул увеличитель. Они были там. Покрытые пылью. Они шаркали ногами, выписывали круги или лежали на палубе, с отросшими седыми бородами, исхудавшие. Некогда парадная форма клочьями свисала с их тощих тел. Хоть они и являлись адмиралами, мне было искренне жаль их. Даже адмиралы бывают иногда людьми. Их следовало освободить!

— Спасибо,— сказал я, втягивая глаза.— Вы были так добры, и я постараюсь запомнить это, когда буду докладывать военному совету.

Я поднял клешню, и мы пошли, они махали нам вслед извивающимися щупальцами, со стороны это выглядело, будто разгневанные осьминоги угрожают противнику.

— Я в ужасе,— конфиденциально сообщил я роботу-жене, когда мы свернули за очередной угол.— Не вижу способа спасти их. Как туда попасть?

— Не падай духом,— ответила она.— Давай с черного хода. Снизу спутника должен быть еще один люк.

— Ты мой гений,— сказал я и любовно похлопал клешнями по ее металлическим плечам.— Так и сделаем. Но как мы определим, что находимся под этим самым люком?

— Мы определим, потому что я установила инфразвуковой импульсный приемопередатчик, пока ты толкал политический спич этим слизнякам.

— Ну конечно! Ты все время обдумываешь ходы, которые впереди. Если бы на твоем месте был кто-нибудь другой, я бы позеленел от зависти. Но перед твоей гени-

альностью я снимаю шляпу. Все-таки у великой нации даже женщины кое на что способны.

— Ладно, если тебе так хочется, то снимай; но без этих шовинистических поросячьих восторгов. Женщины любого народа так же хороши, как и мужчины, и даже еще лучше.

— Я стою по стойке смирно, о мой робот. Показывай дорогу, и я покорно последую за тобой.

Мы загремели вниз по покрытым слизью ступенькам в полную темноту. То, что мы передвигались в потемках — было даже лучше. Но вот Ангелина включила фонарь, и мы увидели массивную железную дверь, на которой висел огромный замок.

— Может взорвать его?— спросила она, вытаскивая голову и глотнув свежего воздуха.

— Нет. Все это весьма подозрительно. Постарайся исследовать детекторами, есть ли там электронная линия.

— Их там огромное количество,— ответила она, тщательно осмотрев двери.— По крайней мере около дюжины. Может, нейтрализовать их?

— Не стоит пытаться. Сканируй эту стену. Если она чистая, то попробуем обойти дверь.

Мы так и сделали. Эти припельцы были в самом деле простаками. Провал в стене вывел нас в пакгауз, задняя стена которого примыкала к поврежденной двери, которая должна была охраняться. Ее легко было открыть даже любителю-взломщику. Мое мнение о неприятеле поменялось.

— Это место охраняется ими с особой тщательностью,— сказала Ангелина, освещая вокруг фонарем.

— Городская казна, сокровищница,— присвистнул я.— Мы должны вернуться сюда, когда освободимся, и немножко покопаться тут, если будет возможность.

Во все стороны простирались груды денег, награбленные во всех мирах. Золотые и платиновые слитки, алмазные россыпи, монеты и бумажные дензнаки разного достоинства. Их было так много, что можно было купить банк, хотя, наверное, их не хватило бы, чтобы построить новый. Я был обуреваем своими воровскими инстинктами и принялся развязывать огромные мешки с золотыми слит-

ками, буквально раздирая их клешнями, и путался в ожерельях из раковин.

— Я так и знала, что это успокоит тебя,— снисходительно сказала Ангелина.— Мы что, останемся здесь и забудем об операции по спасению?

— Нет, конечно нет. Веди меня. Я в самом деле отдохнул.

Она посигналила субинфракрасным бипером и пошла в указанном направлении, которое вывело нас из сокровищницы. Мы прошли через двери, стены и пришли туда, куда стремились.

— Мы прямо под импульсным приемопередатчиком,— сказала Ангелина.

— Хорошо,— я осторожно прицелился.— Значит, проход тут, а пленники — там.— Я тщательно измерил расстояние шагами.— Вот тут стояли стулья и валялись обломки. Ага, если мы появимся в этом месте, то сможем замаскироваться. Так, дрель готова?

— Но она ужасно жужжит.

— Ничего. Бури здесь. Начинай.

Рука с дрелью вгрызлась в ржавый потолок. Когда тональность жужжания изменилась, Ангелина выключила свет и продолжала медленно бурить в темноте. Как только она опустила дрель, сквозь дыру пробился луч света. Мы притаились, но не услышали никаких сигналов тревоги.

— Давай я просуну в дыру мой глаз,— предложил я.

Балансируя на цыпочках и кончике хвоста, я подтянулся вверх и продел, как нитку в игольное ушко, глаз на стебельке в просверленное отверстие. Описав круг, я быстро вытащил его.

— Здорово. Вокруг разбросан хлам, никто из адмиралов не смотрит в нашу сторону. Дай-ка мне молекулярный разделитель и отойди подальше.

Я выбрался из оболочки пришельца и встал на его плечи, теперь я смог дотянуться до потолка. Молекулярный разделитель — это маленькое орудие, снижающее связующую энергию молекул так, что то, на что оно направлено, превращается в молекулярный порошок и исчезает. Я очертил большой круг, стараясь не чихать из-за

иросыпавшейся на меня пыли, потом вынул металлический диск и передал его Ангелине. Затем я осторожно просунул голову в отверстие и осмотрелся. Все было неплохо. Рядом сидел адмирал со вставной челюстью и стеклянным глазом в очень подавленном настроении. Я решил немного поднять его дух.

— Тсс, адмирал,— зашипел я и он повернулся ко мне. Его здоровый глаз выпучился, а выдающаяся вперед челюсть отвисла самым непривлекательным образом, когда он увидел мою автономную голову.— Не говорите громко, я прибыл сюда, чтобы спасти вас. Вы поняли? Только кивните.

Как было глупо довериться адмиралу. Он не только кивнул головой, он даже вскочил и заорал своим высоким голосом:

— Стража! Помогите! Нас спасают!

Хоть я и не ждал изъявлений горячей признательности, особенно от офицера, но это выходило за рамки. Пролететь тысячи световых лет космического пространства, минуя опасности, слишком многочисленные, чтобы перечислять их здесь и сейчас, страдать от горячих любвеобильных объятий Гар-Баджа, пройти все это для того, чтобы спасти побитых молью адмиралов, один из которых тут же попытался отдать меня в руки охраны. Это было слишком. Это не значит, что я ожидал другого приема. Невозможно быть усатой крысой из нержавеющей стали и не предвидеть всякое. Мое игольчатое оружие было наготове, потому что я ждал неприятностей не только от стражи, но и от пленников. Я перевел выключатель из положения «яд» в положение «сон», что стоило мне немалых усилий, доложу я вам, и отправил стальную иголочку прямо в шейку адмирала. Он замечательным образом повалился, простирая в мою сторону руки, будто хотел в последний момент схватиться за своего спасителя. Я, неподвижный, замер, когда глянул на его запястья.

— Что случилось?— снизу шепнула Ангелина.

— Ничего хорошего,— прошипел я.— Тихо!

Стараясь производить как можно меньше шума, я помаленьку убирал голову, пока мои глаза не остановились на уровне отверстия. Я был надежно укрыт валяющимися обломками стульев, пустых коробок и другим хламом. Меня волновало, слышала ли охрана шум? Разумеется, остальные пленники слышали. Два 80-летних офицера грустно смотрели на своего товарища по несчастью.

— Что случилось? Припадок?— спросил один из них.— Ты слышал, что он кричал?

— Я не совсем понял. Что-то вроде Фтража Мгите Мас Пасают.

— Чепуха какая-то. Может, это что-то значит на его родном языке?

— Нет. Старый Шимсах родом из Дешника, но то, что он кричал, совсем не похоже на дешникский.

— Переверни его и посмотри, дышит ли он.

Они так и сделали, и я внимательно наблюдал за ними. Я с одобрением кивнул, как только увидел, что иголка отпала от шеи старого Шимсаха. Пройдет пара-другая часов, прежде чем он придет в себя и сможет рассказать им, что случилось. Это мне и нужно было. В моей голове уже обрисовывался план. Соскочив вниз, я взял диск и приклеил его на место. Теперь и пол и потолок выглядели цельными как раньше, потому что клей-лепак здорово берет и ничем не пахнет. Я вскарабкался внутрь чудища и тяжко вздохнул.

— Ангелина, будь так добра, включи свет и достань бутылку моего лучшего виски.

Зажегся свет, появился стакан, и Ангелина терпеливо ждала, пока я не опустошил половину его, и только после этого заговорила:

— Ты, наконец, просветишь жену, что произошло там?

— Пардон, свет души моей, там произошла неувязочка.— Я осушил стакан и выдавил из себя улыбку.— Я шепнул адмиралу, который сидел поближе, что пришел спасти его. Он посмотрел на меня и стал звать стражу. Так что мне пришлось выстрелить в него.

— Одним дураком меньше,— с удовлетворением произнесла она.

— Не совсем так. Я применил усыпляющую иглу. Никто не расслышал, что он говорил, поэтому я благополучно ускользнул и запечатал отверстие, но не это меня теперь тревожит.

— А что же тебя беспокоит?

— Прости. Это касается адмирала. Когда он упал, я увидел его запястья. На них красные отметины, похожие на шрамы.

— И что?— спросила она в явном замешательстве, потом ее лицо внезапно побледнело.— Нет, разве это возможно?

Я медленно кивнул, но улыбаться уже не мог.

— Серые люди. Я узнаю их почерк повсюду.

Серые люди. Одни только мысли о них холодят мою спину, я подчеркиваю спину, которую остудить не так-то просто. Пока я в форме, мне не трудно противостоять физическому воздействию. Но невозможно противостоять насилию, когда грубая сила влияет на твое серое вещество. У мозга практически нет защиты. Обманув его, обманывают и тело. Парочка электродов, вживленных в центр удовольствия мозга, заставляют подопытное животное без конца нажимать кнопку, вызывающую раздражение, пока оно не умрет от голода и жажды. Но умрет оно счастливым. Несколько лет назад, меня вовлекли в дело, связанное с межпланетным вторжением. Мне тогда пришлось сыграть роль подопытного животного. Меня схватили и лишили возможности сопротивляться. Я видел собственными глазами, как мне отрубили обе ладони у самых запястий. Потом я потерял сознание, а когда пришел в себя, обнаружил, что ладони пришиты на место. На руках были такие же шрамы, как у адмирала. На самом деле мои руки никто не отрезал. Всю сцену просто впечатали в мой мозг. Конечно, для меня все это происходило на самом деле вместе со всеми другими отвратительными вещами, о которых лучше забыть.

— Серые люди должны быть тут, поблизости,— сказал я.— Скорее всего, они работают с пришельцами, на их сто-

роне. Неудивительно, что адмиралы были собраны в кучу. Они очень жесткие в мире команд и обязанностей и потому являются отличным материалом для работы с их мозгами.

— Должно быть, ты прав, но как это возможно? Пришельцы ненавидят все человечество и никак не могут работать с серыми людьми. Какими бы они ни были отвратительными, они все-таки остаются людьми.

Как только она это сказала, у меня сразу возник четкий ответ. Я улыбнулся и обнял ее, потом поцеловал, чему мы оба обрадовались. Затем я стал носить ее на руках, хотя это вносило некоторый разброд в мои мысли.

— Теперь послушай, моя дорогая. Я, кажется, нашел, как нам выпутаться из всей этой кутерьмы. Пока детали неясны, но я знаю, что ты должна делать. Ты приведешь мальчиков, а заодно и толпу Циллы Эйрна сюда. Потом через пол мы проникнем туда, расстреляем охрану, усыпим адмиралов и унесем их в безопасное место.

— Неплохо придумал, только я думаю, что существует определенный риск. Как мы очистим их?

— Об этом я позабочусь позже. Думаю, если организовать на этой планете беспорядки, такие, что никто не сможет сказать, что произойдет дальше, они все растеряются и не будут знать, кому подчиняться. Нам в таких условиях будет работать полегче.

— Естественно, это упростит дело. Но как ты организуешь беспорядки?

— Если я расскажу тебе все, то ты обязательно возразишь, что это опасно и запретишь мне. Позволь только заметить тебе, что все будет сделано, как надо, и я единственный, кто сможет воплотить свой собственный план. Я в безопасности благодаря оболочке пришельца, а у тебя остается два часа на то, чтобы привести войска. Если дело примет дурной оборот — смывайся. Веди всех в безопасное место, желательно поближе к космодрому. Я же вернусь в свои апартаменты, как только смогу. Оставь там для меня сопровождающего. Пускай он ждет меня. Но не более часа. Я к тому времени закончу все, что наметил, и вернусь. Думаю, проблем не будет. Но если все провалится,

и я через час не появлюсь, он должен пойти к тебе и доложить. Я о себе позабочусь сам, ты же знаешь. Нельзя все ставить под удар из-за одного человека. Как только сопровождающий вернется, со мной или без меня, сразу уходи. Хватай в суматохе любой корабль, и мотайте с этой планеты так, чтобы только пятки сверкали.

— Я надеюсь, что ты все-таки вернешься,— она поцеловала меня, но счастливой при этом не выглядела.— Не хочешь все-таки рассказать мне, что ты собираешься делать?

— Нет. Если я начну тебе рассказывать, то мне нужно будет выслушать после этого тебя. А у нас и так нет времени. Скажу только, что мой план состоит из трех вещей. Первое — отыскать серых людей. Второе — сделать их нашими союзниками. Третье — драпать отсюда.

— Ладно, сделай, как считаешь нужным. Только ничего не пропусти, особенно последнюю стадию.

Мы взгромоздились в наши оболочки и быстренько растались, чтобы не передумать сделать это. Ангелина поцокала в нужном ей направлении, а я пошел в противоположном. Я считал, что знаю дорогу, но, вероятно, ошибся на каком-то повороте и чуть было не провалился, наступив на проржавевшую плиту то ли в подземное озеро, то ли в бак с водой. В общем, я барахтался в темноте несколько минут, мой путь освещали только сверкающие глаза и я наконец нашел выход. То есть выхода, как такового, не было, и мне пришлось доставать гранату из клоаки и отфутболивать ее хвостом в стену. Она самым чудесным образом взорвалась и я сквозь дым выбрался на божий свет. Там я тут же столкнулся с патрульным офицером, подошедшим посмотреть, что случилось.

— Помогите, пожалуйста, помогите,— стонал я, застряв в отверстии и обхватив голову клешнями. Слава богу, офицер был поклонником вечерних новостей.

— Дорогой Скользец, что вас обеспокоило?— громко и эмоционально прокричал он, показав мне тысячу гниющих клыков и два метра влажной пурпурной глотки.

— Предательство! В наших рядах предательство!— пожаловался я.— Немедленно сообщите командному со-

ставу о чрезвычайном сборе военного совета и доставьте меня туда.

Все мгновенно было исполнено, они, обхватив меня тысячью своих щупалец с присосками, выдернули из заточения и поставили на ноги. Это сберегло энергию моих батареек, я отдохнул и расслабился, пока они несли меня в зал совещаний.

— Вы все очень противные и я вас никогда не забуду,— поблагодарил я их. Они радостно завопили и захлопали своими присосками по полу, издавая влажные, причмокивающие звуки, а я галопом поскакал в зал.

— Измена, предательство!— орал я.

— Займите место и сделайте заявление по надлежащей форме после того, как сбор начнется,— сказал мне секретарь. Да, он напоминал мне пурпурного кита с геморроем в конечной стадии, только еще мерзопакостнее.

— ГоспоДжим, вы выглядите очень расстроенным. Мы слышали гимн из ваших апартаментов, нашли огрызок хвоста благородного Гар-Баджа, который не сумел нам вразумительно все объяснить. Вы можете дать разъяснения?

— Я могу и сделаю это, если секретарь мне позволит.

— Да, да. Пожалуйста, начинайте,— проворчал секретарь очень неохотно. Он напоминал мне раздавленную черную лягушку.— Объявляю собрание открытым, слово предоставляется Скользецу Джиму.

— Дело было так,— я стал объяснять внимающему мне военному совету.— У нас, у гештункенов, есть очень редкие способности, вдобавок к неординарной сексуальной привлекательности.— Они приветствовали мои слова постукиванием по столам и причмокивающими звуками.— Спасибо всем, я испытываю к вам такие же чувства. Мое обоняние в восторге от ваших запахов. Спокойно, ребята, присядьте, я еще не закончил. Как я уже говорил, у нас очень острое обоняние, которое унюхало людей на этой планете.

Сквозь выкрики ярости и ужаса я услыхал: «Цилл Эйрн!»— и подтвердил кивком головы.

— Нет, не Цилл Эйрн, не коренное население планеты. Их следы я обнаружил сразу, они похожи на мышей.

Нет, я имел в виду людей в наших рядах! Среди нас находятся люди!

Я позволил им наораться вдоволь, а сам потирал клешни. Потом я поднял их, призвав к тишине, которая мгновенно установилась. Все глаза, мелкие, огромные, выпуклые, на стебельках, зеленые, красные, в слезах, уставились на меня. Я медленно прошел вперед.

— Да. Они среди нас. Люди. Они вершат свое черное дело по саботированию нашей войны по уничтожению. И я хочу показать вам одного их них, прямо сейчас!

Моторы моих ног загудели, аккумуляторы нагрелись и я прыгнул, пролетев по воздуху очень красиво почти 20 метров или около того. Это было весьма грациозно. Приземлился я с оглушительным треском так, что мои амортизаторы зарычали. Приземлился прямо на стол секретаря, который замечательнейшим образом затрещал. Клешнями я схватил влажную руку секретаря, он орал и дрыгал ногами, а я держал его в воздухе.

— Вы сошли с ума. Отпустите меня! Я такой же человек, как и вы!

Серые люди должны были находиться тут, их следовало раскрыть, а кроме меня и секретаря четырехногих здесь не было. Я все просчитал. Но ситуация не прояснялась, пока он не заговорил. Рыча от восторга победы, я запустил когти в его горло. Темная жидкость оросила меня, а он захрипел. Я заколебался. Неужели я ошибся? Неужели я убил секретаря военного совета на глазах у потрясенной публики? У меня было предчувствие, что они воспримут это не очень хорошо. Но нет! Я колебался только одну микросекунду, потом с силой рванул его черную кожу. Я не мог ошибаться и аккуратненько разрезал его глотку, затем оторвал голову. В зале наступила гробовая тишина, как только я бросил голову на пол. Со всех сторон пронесся вздох. Под первой головой находилась другая. Маленькая, бледная, скукоженная голова человека. Секретарь оказался серым человеком. Пока высокое собрание находилось в шоке, серый человек приступил к действию. Он достал винтовку из жаберной щели

и направил ее на меня. Чего я, разумеется, ждал и быстро отбросил ее в сторону. Но я был не настолько ловким, когда он выхватил микрофон из другой жаберной щели и начал орать что-то на странном языке. Я не был таким быстрым, потому что позволить ему поговорить — это входило в мои планы. Я дал ему слишком много времени, и он успел высказаться, после чего я вырвал микрофон из его рук и выкинул его. Тогда он ударил меня в живот, и я согнулся, задыхаясь, а он исчез в потайную дверь на полу. Быстро придя в себя, я махнул рукой офицерам.

— Не беспокойтесь обо мне,— прокряхтел я,— это смертельный удар. Бросайте меня! Разошлите приказ об аресте черных шлепалок, похожих на секретаря. Не дайте никому убежать! Идите!

Они ушли, а мне пришлось откатиться в сторону, чтобы меня в спешке не растоптали. Я задергался и стал умирать, на тот случай, если за мной кто-нибудь наблюдает. Приоткрыв один глаз, я смотрел, пока они все не ушли. Потом я открыл потайную дверь и отправился за серым человеком. Вы вправе меня спросить — как я знал, куда он подевался. Счастлив буду объяснить вам, что пока мы боролись, я вживил в его искусственную кожу нейтринный генератор, вот и все. Нейтринный поток проходит сквозь любые преграды, не отклоняясь от своего курса. Может пройти даже через всю массу планеты. Металлические конструкции городов этой планеты не смогут повлиять на его курс. Стоит ли мне добавлять, что у меня с собой был нейтринный детектор, встроенный в мой нос. Я никогда не отправляюсь на дело без простейших предварительных приготовлений. Игла со светящимся кончиком показывала мне путь. Я пошел по нему и спустился на первую лестничную клетку, потому что мне ужасно хотелось выяснить, что делают серые люди на этой планете. Мой приятель секретарь должен привести меня в их логово. Он сделал даже больше — он привел меня к их кораблю.

Увидев впереди огни, я замедлил шаг и стал вглядываться из темноты туннеля в большую куполообразную пещеру. В центре стоял огромный космический корабль.

Со всех сторон к нему стекались серые люди. Некоторые бежали в своем истинном обличьи, другие еще носили оболочку пришельцев. Крысы, покидающие тонущий корабль. Все с моей подачи. Суматоха и паника по всей планете должны сыграть нам на руку и дело освобождения адмиралов станет очень легким. Все шло по плану. Хотя по плану я даже и не думал находить их корабль. Глядя, как они поспешно ретируются, я подумал о предоставившейся мне возможности, которую не стоило упускать. Как же узнать, куда они улетят? Существуют такие машинки, пристроив которые к кораблю, можно проследить их путь. К несчастью, у меня такой не было. Я не предвидел, что она пригодится. Да и тащить ее с собой было не просто. Особенно, если учесть, что вес этой машинки около 90 килограммов. Итак, что же мне было делать? Я размышлял, а на меня сверху набросили металлическую сеть и подняли в воздух. Я боролся, как мог, но тут мне на голову опустилось что-то тяжелое, я не смог предотвратить столкновение, голова оболочки хрустнула. Моя, к сожалению, тоже, только мгновение спустя.

10

Я пришел в себя, вдохнул воздух и почувствовал, что оглушен, скован и ничего не вижу. Боль буквально разрывала мою голову. Я не мог понять, где я, что случилось, у меня не было ни малейшего представления, сколько я здесь нахожусь. Я задергался и заметался, но совершенно бесполезно. У меня еще больше заболела голова. И я замер. Нужно было избавляться от паники, прийти в себя и вспомнить, что предшествовало моему столь плачевному положению. Я не задыхался, но чувствовал, что мое лицо обволок какой-то мягкий материал. Мне удалось повернуться. Итак, что же произошло?

Между приступами накатывающейся боли ко мне вернулась память. Серые люди! Они поймали меня в сеть и били по голове, пока я не перестал двигаться. После я

потерял сознание. А что потом? Куда они меня притащили? Я крался на цыпочках по узкой дорожке памяти и понял, где нахожусь. Я был схвачен в своей оболочке пришельца. Руки мои были чем-то зажаты, но осторожно ими пошевелив, я освободил свою правую руку. Дальше мне удалось снять с лица куски пластика, и я понял, что моя голова влезла в шею оболочки. Извиваясь и выдергивая ее, я смог опуститься ниже к оптическому устройству и уставился на металлический пол. Очень обнадеживающе. Я попытался подвигать и другой рукой, а заодно и ногами, но тщетно, они только подергивались и все. Все это окончательно расстроило меня, к тому же я испытывал жажду, а это томит так же, как и головная боль, которая оставалась со мной. Необъяснимое чувство предвидения вынудило меня в свое время поместить маленький резервуар с водой рядом с основным. Я нащупал кран и напился, потом языком переключил рубильник, и вместо воды в меня полились струи живительного виски 110 градусов. Это меня здорово взбодрило. Молотки еще работали в моей голове, но я уже не так четко слышал их удары. Ситуация несколько улучшилась: если я не мог двигаться, то мог манипулировать глазами. С некоторым трудом мне удалось дотянуться до одного из стебельковых глаз, который к тому же еще и работал. Я развернул его. Это было интересно. Я сразу понял, почему я не мог двигаться — тяжелые цепи жестко приковали меня к полу. Они были вмонтированы в пол, так что шансов на побег не оставалось. Комната, в которой я находился, была маленькой и одноцветной, за исключением ржавчины, покрывающей металл. Потолок в ней был искривленный и вогнутый. Это мне о чем-то напоминало, и еще один глоток виски помог мне стать догадливым. Космический корабль. Я находился внутри корабля. Того корабля, который я видел, прежде чем погас свет. Корабль серых людей. И несомненно, он летит куда-то.

У меня появилась идея, но мне не хотелось сейчас разрабатывать ее. Оставался один неразрешенный вопрос, на который следовало найти в первую очередь ответ. По-

чему они связали меня вместе с оболочкой? «Потому, дубина, что они не знают о том, что это не оболочка»,— заорал я. И сразу же пожалел об этом, потому что в моей голове застучали барабанные палочки. Но это, должно быть, была правда. Это значило, что оболочка прошла экзамен. Они наскочили на меня и избили, не подозревая, что я не тот, за кого себя выдаю, считая меня одним из многих уродцев. И они, вероятно, очень спешили, потому как сварной шов, которым была приварена цепь, был сделан кое-как. Им нужно было покинуть негостеприимную планету до того, как миллионы чудовищ-слизняков бросятся и съедят их.

Подняли меня на борт в спешке, наскоро приварили к палубе, рассчитывая заняться мною позже.

— Ну, погодите же!— шепотом заорал я и принялся выбираться из своей оболочки. Сделать это было непросто, но я в конце концов выбрался, подобно новорожденной бабочке, вылезающей из кокона. Ссадины и царапины ничуть не ухудшили моего настроения. Наоборот, я повеселел, когда понял, что мое игольчатое оружие при мне. Стоя на металлической палубе, я ощущал легкую вибрацию. Мы были в открытом космосе, но куда направлялись, мне было неизвестно. Освободившись от цепей, обладая оружием, я мог спокойно оценить обстановку, изменить которую до сих пор было невозможно. Мог выставить десять бутылок виски против одной, что наш путь лежит домой, на планету серых людей. Это были не очень радужные перспективы, и нужно было что-то немедленно предпринимать. Именно сейчас, пока мы не приземлились, и кто-нибудь не поинтересовался, чем я тут занимаюсь. Они все утомились от поспешного бегства и наверняка не выставили охрану. То, что я собрался сделать, стоило начать как можно скорей. Я переключил оружие со «взрыва» на «яд», потом на «сон». Но сначала нужно было убедиться, что серые люди — это убийцы, и только после этого проливать чью-либо кровь. Если я сумею захватить корабль, то запру всех их, связав цепью. Если я

проиграю, не думаю, что мне можно будет рассчитывать на их благородство.

— Скользкий Джим ди Гриз, спаситель человечества,— с пафосом произнес я, чтобы вдохновиться.

Оптимизм покинул меня, как только я обнаружил, что ручка маленькой двери надежно заперта.

— Конечно! Как можно было забыть про термит!— спохватился я и вернулся в оболочку. Диспенсер все еще работал, гранаты легли, где нужно было. Остальное делалось просто: в замок были выпущены активизированные молекулы, металл тут же загорелся, наполняя комнату плотным красновато-коричневым дымом, который заставил бы меня закашляться, если бы я не перестал дышать. Задыхаясь и синея от удушья, я выбил раскаленную дверь, она выпала вместе со мной. Я схватил ружье и насторожился. Поблизости не было никого. Пустой коридор, туманный свет. Я позволил себе откашляться, отчего мне сразу же полегчало. Потом поднял дверь и с помощью приклада поставил на место. Снаружи была видна только маленькая вмятина возле замка. Нужно было определить, куда идти?

Я посмотрел на множество дверей с непонятными мне надписями и думал, что если это обычный космический корабль, то на нижней палубе должны находиться нос и рубка. Я пошел в том направлении и только успел остановиться перед дверью в переборке, как она открылась, и на пороге появился человек. Серый человек. Он посмотрел на меня, и от испуга глаза его вылезли из орбит, рот широко открылся, и он начал кричать. Моя игла вонзилась в его горло, и он мягко сполз по стене. Я притаился, готовый к любой неожиданности, но коридор был пуст. Пока все шло нормально. Я вытащил тело и закрыл дверь. Куда мне его деть? Я тихонечко приоткрыл соседнюю дверь и вошел в спальню, освещенную неярким светом. Ага, вот чем они тут занимаются: добрая дюжина серых мужчин храпела, как извозчики. Они захрапели еще громче после того, как я выстрелил в них. Из коридора я

притащил еще одного «спящего» и уложил его рядом с остальными.

— Спите спокойно,— пожелал я им, захлопывая дверь.— Вы славно потрудились, у вас был очень длинный день, который станет еще длиннее, прежде чем я закончу опыт с усыплением серых людей.

Наверное, я совсем недолго находился без сознания. Сброшенные черные шкуры и храпящие мужчины указывали на то, что мы в космосе всего несколько часов. Но должен был бодрствовать экипаж, управляющий кораблем, пока остальные давят подушки. Я подумал, что не стоит мне пытаться найти их и отправлять в царство сна. Слишком опасно, хотя бы потому, что неизвестно, сколько их на борту и что они сделают со мной, когда зазвучит сигнал тревоги. Лучше всего захватить рубку, как только представится возможность. Отгородить ее от остальной части корабля, отправиться к ближайшей станции Лиги и попросить о помощи. Если бы я мог дать им знать, где нахожусь, то наверняка сумел бы продержаться, пока прибудет подкрепление. Мне ничего не оставалось, как попытаться воплотить эту идею.

С оружием наперевес я прошел по коридору в носовую часть корабля к рубке. Передо мной была дверь с надписью «связь», я открыл ее и сказал «доброй ночи» человеку, сидящему за пультом управления. Он дернулся и заснул. Оставалась последняя дверь. Я поглубже вздохнул. Тылы мне были обеспечены. Впереди находилась цель, к которой я стремился. Я затаил дыхание, медленно открыл дверь и вошел вовнутрь. В кабине было четыре радиостанции. На всех работали радисты. Две шеи были четко видны, и я отправил в них по иголке, отчего ребята сразу расслабились. Я осторожно пошел дальше. Человек за пультом управления оглянулся и тоже получил иглу. Оставался один. Командир. Мне не хотелось стрелять, не поговорив с ним. Перекинув ружье через плечо, я на цыпочках стал подкрадываться к нему и подошел сзади вплотную. Он повернулся в самый последний момент, будто кем-то предупрежденный, но было уже поздно. Я креп-

ко схватил его за шею своими цепкими пальцами. Глаза человека вылезли из орбит, он забился в моих руках, а потом затих.

— Счет 16:1 в пользу хороших парней!— с радостью заметил я, и исполнил маленький танец войны, хотя это было и непросто сделать в тесной комнате.— Но делу время, потехе час,— сказал я себе и был прав, потому что обычно я даю себе хорошие советы.

В выдвижном ящике стола лежал толстый моток провода, которым я крепко завязал запястья и лодыжки командира, чтобы не дать ему возможности воспользоваться пультом. Остальных троих я положил в ряд сзади, затем отпечатал несколько вопросов на компьютере. Это был замечательный компьютер. Он сначала изложил мне наш курс и направление, которые я запомнил, и на всякий случай записал на манжете. Если направление было правильным, то мы летели на родную планету этих чудовищ. Специальному Корпусу было бы очень интересно узнать, где она находится. У нашей службы накопилось много вопросов, и я смотрел во все глаза, чтобы в будущем ответить на некоторые из них. Потом меня заинтересовали базы Лиги, обнаружив ближайшую, я проложил курс, и только после этого расслабился.

— Два часа, два коротких часа, Джим. Потом искривленное пространство кончается, и мы будем на расстоянии радиоволны от базы. Одно короткое послание, и придет конец серым людям, а вместе с ним радость победы и ликованье!

Вдруг я почувствовал на себе чей-то взгляд. Я резко повернулся и увидел, что на меня смотрит командир.

— Вы слышали все?— спросил я.— Или мне повторить?

— Я слышал,— сказал он упавшим голосом, не выражающим никаких эмоций.

— Вот и славно. Меня зовут Джим ди Гриз.— Он хранил молчание.— Будьте любезны, назовите ваше имя. Или мне посмотреть в ваши документы?

— Я Коум. Ваше имя известно нам. Вы мешали нам и раньше. Мы убьем вас.

— Как приятно узнать, что слава моя опережает меня. Но вам не кажется, что ваши угрозы не состоятельны?

— Каким образом вы нас обнаружили?— спросил он, не отвечая на мой вопрос.

— Если в самом деле хотите знать, то догадайтесь сами. Ваши люди не очень башковиты, но у вас-то должно быть хоть немного сообразительности. Разрез запястья остается вашим любимым приемом. Я видел отметки на руках адмирала. Об остальном нетрудно было догадаться.

— Вы работаете один?

— Интересно, кто кого допрашивает? Однако я буду вежливым, учитывая разницу в наших положениях. Вы должны знать, что я всегда работаю один. Но через несколько часов сюда прибудет Лига. А еще — операцией занимались четверо наших, и я надеюсь, что они уже освободили адмиралов, с которыми вы так дурно обошлись. Комитету Лиги будет доложено о том, что произошло, и вас там достойно встретят. Вы и ваши люди вели себя, скажем так, не совсем красиво.

— Вы говорите мне правду?

Потеряв всякую выдержку, я сказал ему пару теплых слов, которых он раньше, возможно, и не слышал. Я надеюсь.

— Коум, мой друг, не выводите меня из себя. У меня нет причины вам лгать, потому что у меня в руках все козыри. Теперь, если вы угомонитесь и перестанете задавать мне дурацкие вопросы, я спрошу вас о том, что меня интересует. Готовы?

— Думаю, что нет.

Я посмотрел на него пораженный, потому что Коум в первый раз повысил на меня голос. Нет, он еще не кричал, в его тоне не было гнева или недовольства. Он просто громко, по-командирски заговорил.

— Довольно, этому фарсу пришел конец. Мы узнали все, что нам нужно. Все могут войти.

Дальнейшее очень напоминало кошмар, превратившийся в действительность. Дверь открылась, и серые люди, шаркая ногами, стали заполнять комнату. Я стрелял

в них, но они продолжали идти, как ни в чем не бывало. Три офицера, которых я уложил на пол, тоже встали и подошли ко мне. Я опустошил магазин, бросил ружье в них и попытался бежать. И тут они схватили меня.

11

Хотя равных мне в рукопашном бою и нет, но был предел моим силам, тем более, что не было предела числу врагов. Их основным боевым приемом было хватание за рубашку. Однако столько рук схватило меня, что я был не в силах что-нибудь предпринять. Я поколотил первых двух, уложил следующих, шмякнул еще парочку, а они продолжали идти на меня. И, если признаться, то я начал уставать. В конце они просто навалились на меня, уложили на пол, надели наручники на запястья и лодыжки и оставили на полу в рубке. Сигнал заставил офицеров занять свои места у пульта управления. Они изменили курс, который я скорректировал, на первоначальный,— отметил я про себя с мрачным чувством. После этого Коум повернулся на стуле и уставился на меня.

— Вы меня перехитрили,— я был в замешательстве, но нужно было с чего-то начать разговор.

— Разумеется.

Игра, в которую играли серые люди, называлась «лаконичность». Они никогда не используют слов больше, чем нужно. Я был почти на грани истерики, потому что знал, что попал в капкан и крепко застрял.

— Объясните, зачем вы разыгрывали эту комедию, если у вас есть время, конечно?

— Я полагал, что вам и так все ясно. Мы, конечно, могли применить к вам наши обычные приемы контроля мозга, кстати, вначале мы так и планировали. Но нам нужны были ответы на важные вопросы, и мы хотели получить их сразу. Мы работали среди пришельцев годами, и они ничего об этом не подозревали. Нам нужно было знать, как вы раскрыли наше присутствие. У нас,

конечно, есть методики психоконтроля для всех рас. Мы уже готовы были к вторжению в ваш мозг, когда обнаружили ваше настоящее лицо. Лицо очень напоминало личность, которую мы давно разыскиваем. Тогда я предложил разыграть эту маленькую интермедию. Если вы тот человек, кого мы ищем, то ваше «эго» не позволит вам думать, что вас дурачат.

— Лучше бы ваша мать никогда не встретила вашего отца,— сказал я. Это лучшее, что я сумел придумать в этот момент. Потому что понимал, как он прав. Меня провели, вот и все.

— Кроме того, я знал, что нам потребуется много времени, чтобы получить от вас необходимые ответы. Но мы очень спешили, поэтому организовали сцену; а вы очень неплохо сыграли на ней. Ваше оружие было заряжено стерильными иглами. Все, задействованные в этом спектакле, справились со своими ролями. Но вы — лучше всех!

— Держу пари, что вы себя считаете очень умным!— вот и все, что я смог сказать в тот момент. Отвратительнее состояния у меня не было никогда.

— Я знаю о себе все. В течение многих лет именно я организовывал наши полевые операции, которые всего два раза проваливались. И оба раза из-за вас. Теперь, когда вы пойманы, ваше вмешательство закончилось.— Он подал знак двум мужчинам, и они подняли меня.— Заприте его до приземления. Мне больше не о чем говорить с ним.

Надо мной издевались. Никогда никем я не был еще так унижен. В состоянии депрессии, опустошенный и бессильный, я погрузился в размышления. Окажись на моем месте кто другой, он стал бы помышлять о самоубийстве. Кто другой — только не я. Там, где жизнь, там — надежда. Но сейчас! После этих печальных событий даже я пал духом, потому что понимал, что у меня нет никаких шансов. Эти люди были чересчур жестокими. Они подвесили меня за запястья к стене на крюке, сняли с меня одежду, ботинки. И это меня окончательно убило. Они вычистили

меня, действуя, как вакуумная очистительная клизма. Гранаты, а также острые и режущие предметы были отобраны в первую очередь. Потом они прошлись по мне еще раз флюороскопами и детекторами металла, снимая с меня другие приспособления, которые были очень хорошо спрятаны. Они даже просветили мою челюсть рентгеновскими лучами и вырвали несколько зубов, которые до этого ни у кого не вызывали подозрения. Когда закончились издевательства, я весил на фунт меньше, был гол и беспомощен, как новорожденный. Большего унижения мне не приходилось переживать никогда. Особенно, когда они сняли с меня все и оставили лежать голым на холодной палубе, которая, как я со временем обнаружил, становилась все холодней. Когда влага стала конденсироваться на ней, я посинел и затрясся от холода. Я начал кричать и стучать ногами об пол. Это немного меня согрело. На шум пришел один серый человек.

— Я замерзну до смерти!— сказал я, стуча зубами.— Вы специально охлаждаете воздух, чтоб мучить меня.

— Нет,— ответил он вежливо.— Это не пытка. На корабле было слишком жарко, когда форточки были закрыты, а сейчас возвращается обычная температура. Просто вы слабый человек.

— Я замерз до смерти. Может, вы такие холоднокровные и можете жить в такой стуже, но я-то не могу. Поэтому или отдайте одежду, или уж лучше убейте.

Я едва соображал, что говорю. Казалось, что мне осталось жить чуть-чуть. Серый человек немного подумал и вышел. Но довольно быстро вернулся с четырьмя помощниками, неся комбинезон, подбитый мехом. Они сняли с меня наручники и принялись одевать. Я не протестовал, потому что у одного из них был заряженный тупоносый пистолет, дуло которого он засунул мне прямо в рот. Его палец, угрожающе согнутый, лежал на спусковом крючке, наполовину утопленном. Я знал, что это не шутка, поэтому не двигался и не произнес ни слова, пока меня одевали и топтали тяжелыми ботинками мои босые ноги. Дуло оставалось у меня во рту, пока замки

входной двери не щелкнули, и дверь не закрылась. Прошло немало времени прежде, чем корабль добрался до места назначения. Мои противники были со мной не очень любезны: они не реагировали даже на мои витиеватые ругательства. Еда была невкусной, но я уверен, что очень питательной. Из напитков мне предложили только воду. Свои естественные надобности я справлял в портативный горшок. Мне было смертельно скучно. Думая только о побеге, я строил бесстрашные планы. Безоружный, я никогда бы не смог захватить корабль, даже если бы смог выбраться из этой комнаты. Но и этого я тоже не мог. Было очень скучно. Наконец, мы приземлились.

— Где мы находимся?— спросил я охранников, которые пришли за мной.— Расскажите, не бойтесь, вас же не расстреляют, если вы мне назовете планету? Вы думаете, я кому-нибудь смогу рассказать?

Они думали над моими словами целую минуту, пока один из них не выдавил из себя:

— Кекконшики.— После этого он высморкался в кулак.

— Я понял — Кекконшики, только не вытирайте нос рукой. Ха-ха.— Я сам смеялся над своими остротами. К сожалению, они были понятны только мне.

Нелепая ситуация. Я — носитель информации, которая может положить конец серым людям навсегда. Мне известно название их мира и его местонахождение. И я не могу передать это своим. Если бы у меня были способности психограммирования, то через минуту здесь были бы войска. Но у меня их не было. Я проходил тестирование на пси-способности несколько раз, но это ничего не дало. Моя бездеятельность, как это ни странно, помогла мне выйти из депрессии, которая угнетала меня многие дни. Ничего не могу и черт с ним — что будет, то будет. Я начал снова думать о побеге, хотя в моем положении это было безумием. Мы уже приземлились и, судя по всему, должны были вскоре покинуть корабль. Серые люди, наверное, приведут меня в такое место, где пленника ожидает не самый гостеприимный прием. Я не знал, что со мной может произойти, но жизнь моя была в постоянной

опасности. С выгрузкой не спешили, и я подумал о том, что остановка, возможно, не окончательная. Скорее всего, мы здесь сели на короткое время и были проездом. То, что я совершенно не представлял, что меня ожидает снаружи, очень мне не нравилось. Я должен был что-то предпринять. Поведение серых людей отнюдь не облегчило мою задачу. Я старался держаться спокойно, когда они снимали с меня цепи и надевали на шею металлический ошейник, несмотря на то, что кровь у меня в жилах кипела. Я носил этот ошейник и раньше. Тонкий провод соединял его с маленькой коробкой, которую держал в руках один из моих мучителей.

— Демонстраций не надо,— сказал я, стараясь говорить самым равнодушным тоном, но это у меня получилось не очень убедительно.

— Я уже носил эту штуку раньше, и ваш друг Крайдж, вы, конечно, помните Крайджа, демонстрировал мне ее работу несколько раз.

— Я могу повторить,— сказал надсмотрщик, нажимая пальцем одну из многочисленных кнопок.

— Не надо,— закричал я, отскакивая.— Я знаю, что ваши методы не изменились. Вы нажимаете кнопку и...

Меня бросили в костер. Я ослеп, стал задыхаться, тело горело огнем, глаза выскочили из глазниц. Мой каждый нерв болезненно реагировал на нейтронные потоки, испускаемые коробкой. Никакое усилие воли не давало возможности превозмочь боль, которая была очень сильной, не прекращающейся ни на минуту. Когда все закончилось, и я очнулся, то увидел себя, лежащим на полу, скрюченным, обессиленным и беспомощным. Двое из серых людей подняли меня и встряхнули. Я не держался на ногах, и они потащили меня по коридору. Мой хозяин с коробкой шествовал сзади. Время от времени он дергал за проволоку, чтобы я не забывался. Силы оставили меня, и по коридору я едва тащился, ковыляя и спотыкаясь. Но они крепко держали меня за руки и это облегчало мои страдания. Я даже старался улыбаться. Мои противники были уверены, что я не смогу убежать.

— На улице холодно?— спросил я, как только мы вошли в шлюзовую камеру. Никто из них не потрудился мне ответить. Зато я увидел, как они натянули перчатки и меховые шапки, а это что-то да значило.— Как насчет перчаток для меня?— поинтересовался я, но меня продолжали игнорировать.

Когда люк открылся, я понял, зачем нужны были такие приготовления. Снаружи снежный буран закручивал вихри арктического воздуха, который пробирал до костей, доводил до оцепенения. Определенно на улице было не лето, и меня потащили в снежную бурю или в что-то очень похожее на нее. Слепящие порывы крутили снежные хлопья вокруг нас. И вдруг все в считанные минуты закончилось. Снег заблестел на солнце. Он лежал до самого горизонта. Что-то черное показалось впереди. Перед нами возникла каменная стена или здание. Видимо, мы шли туда. Значит, пройти надо еще метров двести. Я старался не думать о стуже, но руки мои сильно зябли, а нос покраснел и покрылся инеем. Мы прошли почти половину пути, когда нас настиг новый буран, но он был гораздо слабее первого. За секунду до этого я поскользнулся и упал, потянув за собой конвой. Носитель коробки не издал ни единого звука, но даже в этой ситуации он оставался самим собой: нажал на кнопку, и резкая боль пронзила меня. Это было предупреждением, чтобы я смотрел под ноги. Все происходило без слов. Я тоже молчал, потому что был занят: я обдумывал, как перерезать провод и, когда я упал, мне удалось зажать его в зубах. Оставалось только прокусить застывшее железо. И я сделал это. Под коронками моих передних зубов были острые концы силиконового карбида. Их нельзя обнаружить рентгеновскими лучами, потому что у них такая же плотность, как у моих зубов, но они твердые, как алмаз. Я почувствовал металлический вкус во рту и осторожно жевал, стараясь, чтобы никто не заметил, какой завтрак я себе устроил на прогулке. Снежные вихри скрыли меня от глаз врагов на несколько мгновений.

Мускулы челюстей человека могут противостоять давлению в 35 кг на каждую сторону, и я напрягался изо всех сил, откусывая по кусочку. Кабель распался. Сразу же я откатился в сторону и заехал коленом в пах моему мучителю. Он громко закричал и отпустил мою руку. За этим последовал короткий удар в горло следующему. Руки мои были свободны. Человек с коробкой, ничего не понимая, нажимал изо всех сил на кнопки, но у него ничего не получилось. Я расправлялся с его партнерами. А он ничего не предпринимал. Только тупо давил на кнопку коробки и продолжал нажимать, когда я вмазал ему в солнечное сплетение. Он упал на меня. Не обращая внимания на его крики, я взвалил его на плечи и пошел вперед, пошатываясь под грузом. Снежная стена поглотила меня. Все это можно было принять за сумасшествие. Но не большим ли сумасшествием было покорно идти на убой прямо в руки этих существ? Я уже там был однажды и в доказательство могу показать шрамы. Конечно, я мог просто замерзнуть. Но это все равно было лучше, чем отдавать себя в их руки. Так все-таки у меня был шанс остаться в живых. И, следовательно, попортить им кровь. Я метался, притворяясь вконец обессиленным, таким образом хотел усыпить бдительность моих стражей. Но сейчас я действительно продрог и сильно ослабел.

Мой враг был очень тяжелым, что значительно замедляло мой ход. Но я продолжал идти, пока не споткнулся и не упал головой в снег. Мое лицо и руки настолько онемели, что я ничего не чувствовал. Со всех сторон слышались крики людей, но ничего не было видно, потому что повалил снег огромными хлопьями. Мои пальцы были как толстые дубинки, когда я снял со своего мучителя шапку и с трудом надел ее на голову. Мне представилось практически невозможным открыть замок на его комбинезоне, но в конце концов он поддался. Я засунул поглубже руки и через некоторое время стал испытывать невероятную боль, но зато вернулось ощущение пальцев. Мой мучитель был без сознания, но пронизывающий холод привел его в чувство. Как только он открыл глаза,

мне пришлось ткнуть кулаком ему в челюсть, и враг мой опять отключился, а я притаился рядом с ним, наполовину укрытый снегом, и ждал, пока не утихнет боль. Кто-то прошел рядом с нами, но ничего не заметил. Я не испытывал ни малейших угрызений совести, снимая с мучителя перчатки. Он, бедняга, заволновался, когда мы из одного снежного вихря вошли в другой. Я попытался бежать, что было довольно трудно, потом пошел. Мне уже было не холодно, и это вернуло силы. Когда снег утих, я уперся спиной о сугроб, который закрыл меня. Вдалеке слышались выкрики, но они становились все слабее и звучали откуда-то со стороны. Я лежал в сугробе, пока дыхание не успокоилось, и вдруг почувствовал, как пот на моем лице превращается в льдинки. Только тогда я осторожно, проделав отверстие в снегу, высунул голову. Никого вокруг не было. Подождав, пока снегопад начнется снова, я побежал, наклонившись, вперед и вскоре наткнулся на ограду из металлических цепей. Она тоже была засыпана снегом с обеих сторон, поэтому я ее и не заметил. Если ограда подсоединена к системе сигнализации, то я уже зацепил ее, и она сработала, так что бояться нечего. Я перелез через ограду и свалился в сугроб. Если прозвучала тревога, то они, конечно, явятся сюда. Но я не собирался облегчить им работу и изо всех сил понесся вдоль ограды. Бегство мое продолжалось минут десять. Никого не повстречав на своем пути, я снова перебрался через забор и устремился в белую крутящуюся мглу. Бежал я, пока силы не оставили меня. Я упал на снег и лежал, утонув в нем. Потом ветер подул мне в спину. Я осторожно огляделся по сторонам, но кругом виден был один снег, ни кустов, ни деревьев, ни скал — никаких признаков жизни. Белоснежная равнина простиралась так далеко, как только я мог видеть. Вихрь снежинок на горизонте указывал на границу между небом и землей. Внимательно приглядевшись, я увидел что-то темное, похожее на здание, до которого мы не дошли, слава богу. Я повернулся в противоположную от дома сторону и пошел в надвигающийся буран.

12

— Ты свободен, Джим, свободен! Свободен, как птичка на твоей родной планете.

Я разговаривал сам с собой, стараясь поднять дух, и это действительно немного помогло. Но вокруг не было никаких птичек, свободных как я. Ни души на диком морозе, кроме меня, прокладывающего одинокие следы на белоснежном поле. Что говорил Крайдж об этой планете много лет назад? Размышления на эту тему должны были отвлечь меня на некоторое время. Следовало применить известные мне приемы. Я сделал верный ассоциативный выбор, и память включилась. Прекрасно. «Там всегда холодно»,— так говорил он. Это верно, потому что я не заметил никакой зелени, ничего растущего. Может, это у них такая середина лета, откуда я мог знать. «Там есть рыба,— сказал Крайдж,— и вообще вся жизнь сосредоточена в море». Ничто и никто не может жить в снегу. Кроме меня, конечно. Продолжительность моей жизни зависела от того, как долго я смогу двигаться. Одежда, которую я носил, была неплохой, обувка тоже грела, если не стоять на месте. Но так долго продолжаться не могло. Если я видел здание, когда мы приземлились, то должны же быть и постройки. Есть же здесь что-нибудь еще кроме бесконечного снега?! Так я шел, размышляя, и вдруг почувствовал, как почва уходит у меня из-под ног. Рефлекторно я откинулся назад, и упал в снег. Покрытый снегом кусок льда отломился, и я заглянул в темную воду. Полынья ширилась, и я понял, что шел не по земле, а по льду замерзшего водоема. Не хватало только искупаться при такой температуре! Чуть оступись — и все, ты труп. Замерзший. Я старался даже не думать об этом. Не вставая, стараясь равномерно распределить свой вес, я стал отползать назад. Только отодвинувшись на приличное расстояние, я попытался подняться и неуклюже поплелся, ступая в свои же собственные следы.

— И что теперь делать, Джим? Быстро думай! Там вода, по которой ты не пройдешь.

Я остановился и огляделся. Снегопад прекратился, но резкие порывы ветра вздымали снежную пыль. Теперь я знал, куда мне идти. В редкие моменты снежная дымка исчезала, и я видел темную линию океана. Она простиралась направо и налево, как раз пересекая мою невидимую тропу.

«Значит, туда ты идти не можешь,— я повернулся.— Судя по твоим запорошенным следам, ты, вроде бы, пришел оттуда. Значит, смысла туда идти тоже нет. Ясно! Они, наверное, уже точат ножи. Так что — думай».

И я думал. Если эти земли были такими бесплодными, как говорил о них Крайдж, значит, их поселения должны располагаться не так далеко от океана. Значит, мне нужно держаться поближе к берегу, только стараться не попадать в воду. Я пошел по кромке льда, надеясь, что космопорт был не единственным зданием на этой планете. Я шел вперед, не думая о том, что солнце медленно и неуклонно садится. А между тем, как только наступит ночь, мое положение будет совсем безвыходным. Я не имел ни малейшего представления о том, сколько длятся день и ночь на этой Кекконшики, но у меня было нехорошее предчувствие. Я понимал — сколько бы они ни длились, я, скорей всего, рассвета не увижу. Нужно было найти пристанище. Возвращаться? Ни за что. Возможно, это безумие, ну и пусть. Солнце таяло, то же происходило и с моими надеждами. Снег потемнел, но оставался таким же бесцветным. Пробираясь по нему, я ослаб до изнеможения. Меня толкала вперед мысль о том, что, если я остановлюсь, то наверняка замерзну. И только поэтому я переставлял ноги, с трудом отрывая их от земли. Хотя трофейную шапку натянул я так, что только нос из-под нее выглядывал, щеки мои потеряли чувствительность. Я шел и шел, пока не почувствовал, что падаю, и вынужден был остановиться. Я стоял на коленях и локтях, задыхаясь и храпя.

— Чего ты тут застрял, Джим?— спросил я себя.— Это, конечно, легче, чем идти, тем более, что замерзание

происходит безболезненно.— На крайний случай это меня успокоило.— Ты замерзаешь, идиот. Вставай и иди.

Я так и сделал, с трудом передвигая обессилевшие ноги. Идти было все труднее. Передвижение настолько поглощало все мои силы, что я только через некоторое время обратил внимание на темные пятна у горизонта. Самое первое, что я сделал — это остановился и внимательно присмотрелся, одновременно пытаясь собрать воедино обрывки мыслей. Мне удалось разглядеть человеческие фигуры, приближающиеся ко мне. Я упал плашмя в снег, залег, наблюдая, как мимо проходят трое на лыжах, примерно в ста метрах от меня. Я пролежал до тех пор, пока они не скрылись за горизонтом. Только тогда я встал на ноги и почувствовал, сколько мне это стоит усилий. Но зато у меня опять появилась надежда. Снегопад полностью прекратился, да и ветер утих. Лыжные следы были хорошо видны. Куда-то они вели, и люди туда собирались попасть до наступления темноты. Я последовал за ними. Казалось, у меня открылось второе дыхание. Хотя силы убывали достаточно быстро, я все-таки продолжал идти. Несмотря на надвигающуюся ночь, во мне светилась надежда. Лыжники шли быстрей меня, но не намного. Они должны достичь цели до наступления ночи, я — тоже. Однако одно дело сказать себе — я должен, а другое — выполнять этот долг. Солнце все еще оставалось над горизонтом, но ухудшалась видимость. Все трудней и трудней становилось различать следы. А мне нужно было отдохнуть. И я решил устроить себе привал, сел, осмотрелся и увидел черное пятно на горизонте. Мне было так холодно, казалось, что даже мозг мой находился в замороженном состоянии, и понадобилось добрых десять секунд, чтобы понять, что это передо мной.

— Как здорово, что я увидел черное пятно на фоне этой белоснежной пустыни!— голос мой стал хриплым и почти пропал.— Это то, что мне нужно.

Походка моя стала еще более неустойчивой, я балансировал руками и прикладывал невероятные усилия, чтобы держать голову прямо. Я пытался свистеть, но губы

мои замерзли, и ничего у меня не получилось. И вдруг что-то вокруг изменилось: ветер стих перед заходом солнца, и установилась мертвая тишина. Темное пятно постепенно приобрело очертания здания, даже группу зданий. Ближе и ближе. Темный камень. Маленькие окна. Покатые крыши, чтобы снег не собирался. Крепкие и уродливые. Я услышал писк и треск, и они становились все громче. Я старался идти тихо, чтобы не обнаружить себя. Но кто-то уже шел по утоптанному снегу и приближался ко мне. Может, вернуться? Нет, поздно. Я заметался в поисках укрытия, но тут шаги затихли. Я затаился, чтобы меня не заметили,— это было бы большой удачей. Неожиданно снова послышался нарастающий звук шагов, причем не одного человека. Проскрипели и затихли. Я рискнул бросить осторожный взгляд и увидел спины уходящих коротышек. Их было примерно двадцать человек. Они свернули за угол, и теперь я их не видел и не слышал. Мои попытки встать на ноги закончились неудачей, и я, где ползком, где на четвереньках, следовал за ними. Повернув за угол, я увидел хвост колонны, заходящей в здание, за которой тяжелая массивная дверь со скрипом захлопнулась. Это было мне на руку. Я больше падал, чем бежал, используя последние резервы энергии, о которых и не подозревал. Силы мои иссякли прямо перед серой металлической дверью, на которую я навалился, дергая изо всех сил ручку. Она не двигалась.

В жизни есть такие моменты, которые лучше забыть и стереть из памяти. Позже, возможно, это покажется мне забавным, и люди посмеются надо мной, когда я опишу им все это после обеда, потягивая приятное вино, сидя возле жаркого камина. Но сейчас это не было забавой. Это казалось мне концом. Я дергал ручку изо всех сил, однако она все равно не поворачивалась. Сколько я ни крутил ее онемевшими пальцами — безрезультатно. В конце концов я просто упал на нее в изнеможении. И дверь открылась. Я не пытался узнать, что там, за дверью. Я просто вошел и тут же упал. Дверь за мной захлопнулась. Тепло, великолепное тепло окатило меня, и я оперся

о стену, прижался к ней, расслабился, тупо глядя вдоль темного, плохо освещенного коридора, сделанного из грубо отесанного камня. В коридоре было множество дверей, и в любой момент кто-то мог внезапно выйти. Я, конечно, не в силах был что-то с этим поделать: если бы меня оторвали от стены, я бы безропотно упал. Так я стоял, как замороженная статуя, капли растаявшего снега падали на плитки пола, я чувствовал, как жизнь возвращается в меня вместе с теплом. Соседняя дверь, расположенная примерно в двух метрах от меня, открылась, и оттуда вышел человек. Все, что ему оставалось сделать, это только повернуть голову и увидеть меня. Я очень ясно разглядел его, несмотря на туманное освещение. Его серую одежду, длинные сальные волосы и даже белые крошки перхоти на плечах. Он закрыл дверь, все еще не видя меня, вставил ключ и повернул его. Потом пошел по коридору в противоположную сторону от меня и пропал.

— Самое время не подпирать стену, а подумать, что делать, ты, заржавевшая крыса из нержавеющей стали,— так воодушевлял я себя хриплым шепотом.— Не испытывай судьбу. Убирайся из коридора. Войди в эту дверь. Он запер ее на ключ. Понимаешь это? Там никого нет.

Хорошие мысли, Джим. Только что делать с замком? Попробуй открыть, вот что. Я снял перчатки и засунул их в пиджак вместе с меховой шапкой. Хотя в здании было и не очень жарко, по сравнению с улицей, это был рай. Жизнь возвращалась в меня, начиная с посиневших пальцев. Я взялся за конец кабеля, свисающий с моего ошейника, пожевал провода и засунул их в замок, конструкция которого была очень простой. Замочная скважина зияла огромной дырой. У меня, между прочим, неплохая выучка взломщика. Ладно, попробуем. Мне повезло. Я крутил, стучал, толкал, тянул — делал все, что мог, с замком, пока дверь не распахнулась. Я проскочил вовнутрь и захлопнул ее за собой со вздохом облегчения. Впервые после провала я ощутил, что у меня есть шанс. Со счастливым вздохом я повалился на пол и заснул. И во сне мне не

давала покоя мысль, что сейчас не время для сна. Спящего человека взять легче всего. Отдаться им в руки сейчас, когда я глотнул воздух свободы, было бы нелепо.

— За работу,— сказал я себе еще во сне и укусил свой язык.

Было больно, но зато я проснулся, хотя понял это не сразу, так как вокруг было темно. На ощупь я определил, что это, наверное, тоже коридор, стены были рядом. Я встал и выпрямился. Впереди маячил неяркий свет. Я двинулся к нему, соблюдая все меры предосторожности. Свет шел от окна. Маленький мальчик стоял по другую сторону окна и смотрел прямо на меня. Прятаться было слишком поздно. Я попытался улыбнуться ему, потом нахмурился, но он никак не реагировал. Затем он поднял руку и пальцами пробежался по волосам, собирая их в пучок. Вдали зазвенел колокольчик, он оглянулся на него, потом ушел. Ага. С его стороны зеркало; с моей стороны окно, а с его — зеркало. Можно немного передохнуть. Я понял, что могу наблюдать, что делается за окном, а меня оттуда не видно. Я стал осматриваться. Неподалеку от меня была незапертая дверь. Заглянув туда, я решил, что это классная комната. Мальчик, которого я видел, сел за стол и уставился на учителя. Учитель был абсолютно серым, с седыми волосами. Он стоял возле окна и был похож на мумию. Его лицо ничего не выражало. Он говорил, а оно было словно маска. И такими же, как я понял, были лица слушающих его мальчиков. Ни улыбки, ни смеха. Они даже жвачек не жевали. Ничего не выражали глаза мальчуганов, в них было только внимание. Очень не похоже все это было на школьную комнату, по крайней мере, насколько я мог ее себе представить. Надпись в рамке, написанная большими черными буквами, гласила: НЕ УЛЫБАТЬСЯ!

Вторая, пониже, как бы продолжала первую: НЕ ХМУРИТЬСЯ!

Оба предписания выполнялись с угрюмым видом. Что это за школа? Глаза мои привыкли к темноте, и я увидел выключатель рядом с громкоговорителем, его назначение

было понятным. Я повернул выключатель и услышал тусклый голос учителя:

— ... Мораль философии. Этот курс обязательный, и каждый из вас будет заниматься им до самого выпуска. Тут не бывает ошибок и неудач. Мораль философии делает нас великими. Она помогает нам управлять. Вы читали учебники по истории, вы знаете Дни Кекконшики. Вы знаете, что мы были брошены всеми, вам известно, как мы погибли, как осталась в живых Тысяча. Самые слабые умирали, когда они позволяли эмоциям овладеть собой. Вы все здесь благодаря тому, что выжили сильнейшие. Им помогла выжить Мораль философии. Она поможет и вам выжить. Выжить, вырасти, покинуть этот мир и принести наши правила слабым и мягким расам. Мы — высшие разумы. У нас есть все права. Теперь скажите мне, если вы будете слабыми, что произойдет с вами?

— Мы умрем,— невыразительно ответили мальчишеские голоса.

— Если вы будете бояться?

— Мы умрем.

— Если вы позволите эмоциям...

Я выключил эту программу, подумав, что и так узнал уже слишком много. Мне нужно было обдумать услышанное. Все эти годы я боролся с серыми людьми и ненавидел их, но я никогда не задумывался над тем, почему они такие. Мне они были просто омерзительны. Эти несколько слов, что я услышал по репродуктору, дали возможность понять, что жестокость их не случайна. «Брошенные»,— так сказал учитель. В отдаленные времена, видимо, горстка людей должна была остаться на необъятной планете. Может, из-за одного или двух минералов. Это была негостеприимная, далекая от других миров планета, и, должно быть, не случайно построили здесь поселение. Потом людей, оставшихся тут, покинули, забыли о них. Может быть, по каким-то местным причинам, а может, из-за мрачных лет Развала. Несомненно одно — колонию считали вымершей. Но каким-то образом ей удалось сохраниться. Большинство людей поумирало, горсточка оста-

лась в живых. Покинутая всеми человеческими расами, эта горстка людей отказалась от чувств, сведя свою жизнь к простому выживанию и борьбе за это. Они боролись с жестокой планетой и, победив ее, утратили все человеческие качества. Они превратились в механизмы для выживания и ожесточили сами себя, заморозили свои чувства. Бесчувственность они стали считать гарантией силы будущих поколений.

Мораль философии. Мораль, связанная только с выживанием на этой мрачной планете. Какая же это мораль, когда порабощаются другие люди. Была во всем этом ужасная правда, по крайней мере, с их точки зрения. Остальное человечество они считали слабым. Как может быть сильным тот, кто улыбается или хмурится? Энергия не должна уходить на эмоции. Мораль, этика — это выдумка кретинов. Они тренировали свое тело, выключив мозг. И считали себя самыми достойными обитателями Вселенной. Они прививали растущим поколениям ненависть к покинувшим их, и ненависть превратила этих людей в завоевателей. Слабый должен погибнуть, это было правило. Выжившие пойдут другим путем к лучшей жизни. Будучи малочисленными, они не могли сами завоевывать бескрайние пространства, но могли действовать через других. Серые люди подготовили и осуществили межпланетное вторжение на Клизанд. Вторжение шло успешно, пока не вмешался Специальный Корпус и не взорвал все к чертовой бабушке. Взрыв организовал я. Так что не удивляйтесь, почему они так хотели заполучить меня в свои маленькие холодные ручки. А здесь, как я понял, был тренировочный плацдарм. Школа заставляла поверить, что каждый маленький ребенок Кекконшики станет бездушной копией старших. Никакого веселья. Эта школа для выживания пресекает любые природные склонности, свойственные юности.

Я, наконец, согрелся и находился в относительной безопасности. Чем больше я узнавал об этом месте, тем сильнее становилось желание действовать. Чем торчать в темном коридоре, лучше что-то предпринять. Я прошел в

другую классную комнату. Это была мастерская или машинный зал. Мальчики постарше тех, что я видел до этого, работали здесь, управляя какими-то аппаратами. Какими-то! Да ведь они мне знакомы. Я коснулся металлического кольца, обвивающего мою шею. Я смотрел на их работу, загипнотизированный и парализованный, как кролик на удава. Они корпели над маленькими коробками, утыканными кнопками. Коробками с кабелями, ведущими к ошейникам, как тот, что носил я. Учебная машина для пыток. Я медленно поднял руку и повернул выключатель.

— ... различия есть в применении. Надо знать их. Вы монтируете и испытываете синаптические генераторы, которые свяжут вас с пленником. Позже, когда вы перейдете к изучению питания аксонов, вы получите больше знаний. Теперь вернитесь к диаграмме на странице 30...

Питание аксонов. Я должен был знать об этом раньше. У меня были только предположения, они оправдались. Я много слышал об этом уникальном источнике энергии, но никогда не изучал его. Хотя, выходит, что теперь уже изучил его действие на себе. Мозговой возбудитель, генерирующий ужас в сознании. Природа не создала такого аппарата. Человечество отказалось от него из моральных принципов. А этим подонкам он годится. И я могу оказаться первым, над кем будут проведены ужасные опыты. Что же я, как мазохист, ищу здесь. И ничего не предпринимаю. Завороженный голосом учителя, я не сразу услышал приближающиеся шаги. Кто-то шел по коридору. Потом этот «кто-то» завернул за угол и направился прямо ко мне.

13

В этой ситуации на обдумывание времени не было — надо было действовать, поэтому я бросился на него и схватил за горло. Он не шелохнулся, но заговорил:

— Добро пожаловать в школу Юрусарета, Джеймс ди Гриз. Я так и думал, что ты доберешься сюда.

Он замолчал, потому что мои большие пальцы с силой сжали его яремную вену. Он не пытался сопротивляться, выражение его лица не изменилось, он спокойно смотрел мне прямо в глаза. Кожа его была сморщенной и тусклой, и я внезапно понял, что это очень старый человек. И хотя я был хорошо натренирован и в целях самообороны способен был даже на убийство, я не очень-то любил душить стареньких дедушек, печально глядящих мне в глаза. Мои пальцы разжались сами собой. Я тоже уставился в глаза старику и засопел в своей самой отвратительной манере.

— Только попробуйте позвать на помощь, и вы через секунду — труп.

— Это самое последнее, что я сделаю. Меня зовут Ханасу и я жду этой встречи с того момента, как ты сбежал. Я постарался сделать все, чтобы привести тебя сюда.

— Может, будете говорить яснее?— я опустил руки, но был настороже.

— Разумеется. Как только я услышал по радио о твоем побеге, я постарался поставить себя на твое место. Если ты направишься на юг или восток, то непременно попадешь в город, где тебя сразу схватят. Значит, твой путь должен лежать на запад, по направлению к этой школе. Конечно, если бы ты пошел на север, то сразу бы уперся в берег моря и все равно бы свернул на запад. Поразмыслив над всем этим, я изменил график занятий и решил, что ребятам надо походить на лыжах. Они на меня рассердились, потому что пропустили занятия, и теперь им придется нагонять вечером. Но зато они отмахали дюжину километров. Их путь далеко не случайно прошел петлей с юга на запад. Я считал, что ты, заметив их, отправишься по их следу и попадешь сюда. Что ты и сделал.

Все это было похоже на правду.

— Да, забавно. Что вы собираетесь делать?

— Делать? Я просто хочу поговорить с тобой. Тебя никто не видел, когда ты входил в здание?

— Нет.

— Это хорошо. Это даже лучше, чем я предполагал. Я был уверен, что придется воздействовать на кого-нибудь питателем аксонов. Итак, эта галерея упирается в мой кабинет. Может, пройдем туда?

— Зачем? Вы хотите меня там запереть?

— Нет. Я просто хочу поговорить с тобой.

— Я вам не верю.

— Совершенно естественно, у тебя для этого много причин. Но и выбора нет. Если ты меня не убил с самого начала, то вряд ли сделаешь это сейчас. Поэтому пошли.

С этими словами Ханасу повернулся и пошел. Мне ничего не оставалось, как отправиться за ним. В конце концов, если он попробует меня предать, я могу разорвать его, как лист бумаги.

В галерею выходили двери всех классных комнат, и мне стоило больших усилий не останавливаться и не слушать, чем они там занимаются. Но отвлекаться времени не было. Я почти догнал его, когда он подымался по маленьким ступенькам и взялся за ручку двери. Положив сверху свою руку, я остановил его вопросом:

— Что там?

— Мой кабинет, как я уже говорил.

— Там есть кто-нибудь?

— Сомневаюсь. Ни у кого нет разрешения входить туда в мое отсутствие. Но я могу посмотреть.

— Я думаю, что лучше это сделать мне.

И я это сделал. Старик был прав — никого не было. Я чувствовал себя ящерицей, которая в любой момент может куда-нибудь улизнуть. Глядя на него одним глазом, вторым я осматривал углы. Узкое окно открывалось в темноту, полки с книгами, большой стол, картотека, несколько стульев. Я махнул ему рукой и приказал сесть на дальний стул, чтобы быть уверенным, что он не потянется к кнопкам. Он тихо вошел, сел, сложив на коленях маленькие ручки, а я, увидев кувшин с водой и стакан, понял, что хочу пить. Я налил себе полный стакан и прекратил осмотр. Потом опустился на стул и положил ноги на стол.

— Вы действительно хотите мне помочь?— спросил я самым недоверчивым тоном.

— Да, хочу.

— Для начала покажите мне, как открывается этот ошейник.

— Разумеется. Ключ лежит в правом ящике стола. Отверстие для ключа прямо под кабельным соединением на ошейнике.

Мне хватило нескольких секунд, чтобы нащупать отверстие, наконец, я открыл ошейник и с облегчением бросил его в угол.

— Здорово. Восхитительное ощущение.— Я оглядел-ся.— Прекрасный кабинет. Вы всегда занимали это место?

— Да, сейчас я директор. Я был сослан сюда. Они должны были убить меня, но не решились.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите. Может, потрудитесь объяснить?

— Разумеется. Этой планетой управляет комитет Десяти. Я был в этом комитете много лет. У меня всегда были организаторские способности. Я придумал и спланировал всю операцию на Клизанде. Когда она завершилась, благодаря твоим стараниям, я вернулся и стал Первым в комитете. Тогда я попытался ввести новые программы, но они наказали меня за это. И с тех пор я в этой школе. Я не могу покинуть ее, не могу изменить ни одного слова в программе, которая строго зафиксирована. Это очень безопасная тюрьма.

Мне это начинало нравиться.

— А какого рода изменения в жизни вы предлагали?

— Радикальные. Я начал сомневаться относительно нашего предназначения. Я соприкасался с другими культурами, коррумпированными, как говорят они, и я начал задавать сам себе вопросы. Чем дальше, тем больше и больше. Но как только я попытался провести свои идеи, меня освободили от занимаемой должности и сослали сюда. На Кекконшики не может быть никаких новых идей...

Дверь открылась, и в нее просунулась тарелка, а за ней появился маленький мальчик.

— Я принес вам обед, господин Директор,— сказал он, потом увидел меня за столом. Его лицо никак не изменилось.— Это бежавший преступник.

Только усталость удержала меня на стуле, я столько пережил за эти дни, что был несколько заторможен. Да и что я должен был делать с этим ребенком?

— Ты прав, Йору,— сказал Ханасу.— Войди и присмотри за ним, пока я схожу за помощью.

Я вскочил на ноги, как только услышал это, и был готов стукнуть их головами. Но Ханасу не думал выходить из комнаты. Он обошел Йору и закрыл дверь. Потом с полки достал металлический черный аппарат и слегка коснулся задней части шеи мальчика. Мальчик замер, и широко открыл глаза.

— Все, опасности больше нет,— сказал Ханасу.— Я сотру последние пять минут из его памяти, вот и все.

У меня перехватило горло, и я почувствовал тошноту, смешанную с ненавистью и страхом, подымающимися к сердцу.

— Эта штука у вас в руках... Что это такое?

— Питатель аксонов. Ты видел его много раз, только, естественно, не помнишь об этом. Она стирает память. Теперь ты можешь быть спокоен — мальчик войдет и спокойно уйдет.

Был ли у меня выбор? Я не знаю. Возможно, сам вид этой машинки, проникающей в мозг, а также усталость сделали свое дело. Я, не задавая никаких вопросов, просто подчинился, оставив щелочку надежды, чтобы можно было наблюдать. Ханасу поколдовал над машинкой и снова приложил ее к шее мальчика. Ничего не произошло. Потом он открыл дверь и сел на место. Секунду спустя пришел мальчик и внес тарелку.

— Я принес вам обед, господин Директор,— сказал он.

— Оставь его и больше не приходи. Я не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Да, господин Директор,— он повернулся и ушел.

Я вышел из своего убежища.

— Эта машинка одна из многих, которые вы использовали на мне?— спросил я.

— Да.

— Это самая мерзкая и отвратительная вещь, какую я когда-либо видел и слышал.

— Это просто машина,— ровным голосом произнес он и положил ее на полку.— Я сейчас не хочу кушать, а ты, должно быть, здорово проголодался. Давай, займись едой.

Слишком много всего и слишком быстро приключилось со мной, чтобы я мог думать о еде. Только сейчас я осознал, насколько проголодался, и готов был слопать целую корову, причем сырую. Я откинул салфетку с тарелки и при виде еды у меня сразу потекли слюнки. Это была все та же безвкусная высушенная рыба, которой меня пичкали на корабле, но мне она показалась прекрасной. Я жевал, чавкал и слушал Ханасу.

— Я стараюсь понять причины, по которым ты назвал машину отвратительной. Ты, наверное, имел в виду цель ее применения?

Я кивнул, поскольку рот у меня был набит.

— Тогда я понимаю. Это меня очень огорчает. Я очень умный, иначе я бы не был первым в классе, потом первым в комитете. Долгое время я размышлял и пришел к выводу, что большинство людей на этой планете либо тупы, либо лишены воображения, а чаще всего и то и другое. Ум и воображение являются помехой для выживания в таких тяжелых условиях, как наши. И мы целенаправленно искоренили их. Это означает, что я мутант, выродок. Отличаться от них я стал не сразу. Это дремало во мне годами. Я верил всему, чему меня учили, и всегда был первым в учебе. Я никогда не задавал вопросов, потому что здесь это не принято. Только слепо подчинялся. Теперь я задаю вопросы. Мы — не самая высшая раса человечества, просто мы другие. Наши стремления уничтожить всех или подчинить себе — смехотворны. То, что мы поддерживаем пришельцев в войне против нашего же вида — это самое крупное наше преступление.

— Вы правы,— сказал я, проглатывая последний кусок и сожалея, что он последний. Я мог все повторить сначала.

Ханасу продолжал так, будто меня не слышал.

— Когда я это понял, то попытался изменить наши цели. Но это было невозможно. Я не могу изменить ни одного слова в программе обучения детей. И я полностью привязан к школе.

— Я могу все изменить,— сказал я ему.

— Разумеется,— ответил он, приблизившись ко мне. Потом его неподвижное лицо съежилось, уголки рта поднялись вверх. Он улыбался незаметно, но все-таки улыбался.— А зачем, вы думаете, я хотел встретиться с вами? Ты можешь сделать все, что я запланировал, о чем думал всю жизнь. Спасти людей этой холодной планеты от них же самих.

— Достаточно одного сообщения. Только координаты этой планеты.

— Ага, а потом ваша Лига прилетит сюда и уничтожит нас. И вы скажете, что это трагическая неизбежность.

— Нет. С ваших голов не упадет ни один волос.

— Это широкий жест, но он мне тоже не нравится! Нечего меня одаривать или дурить!— в его голосе прозвучал гнев.

— Но это правда. Вы даже себе представить не можете, как будет реагировать весь цивилизованный мир, узнав, в каких условиях вы развивались. Безусловно, определенное количество людей, узнав о вас, захотят взорвать эту планету. Поэтому широкой публике и общественности ничего не будет известно о нашем договоре. Только Лига будет наблюдать за вашими людьми, чтобы они не наделали беды. И предложит вам обычную помощь и содействие.

Он растерялся:

— Я не понимаю. Так они не уничтожат нас?

— Оставьте свои мысли об уничтожении. Это ваши понятия. Жить или умереть. Убить или быть убитым. Такая философия господствовала в ранние мрачные века

человечества, но мы благополучно оставили их позади себя. Мы, может, и не представляем собой лучшую цивилизацию или идеальную этическую систему, но у нас отрицательно относятся к насилию. Почему вы оказываете содействие пришельцам? Именно они, расправившись с нами, сотрут вас в порошок. У нас же давно нет армий, военного флота. Мы ни с кем не воюем, пока не появляются люди, подобные вам, и не пытаются перевести стрелки часов на 20 тысяч лет назад. У нас нет нужды убивать. Давно уже нет.

— Существует закон. Если человек убивает, то он, в свою очередь, должен быть убит.

— Ну и что? Этим не вернешь мертвого к жизни. И общество, которое так поступает, в конечном итоге убивает само себя. Но я вижу, что вы опять хотите возразить. Строгое наказание никогда не отпугивает преступников. Насилие ведет к насилию, убийство — к убийству.

Ханасу прошелся взад-вперед по комнате, стараясь понять это, понять такие чуждые ему мысли. Я облизал тарелку, потом ложку. Он вздохнул и опустился на стул.

— Все, что вы мне сейчас наговорили, не вмещается в моем сознании. Я должен изучить это, но в данный момент нет времени. Самое важное сейчас, это сделать то, о чем я думал многие годы. Надо остановить планы Кекконшики. Слишком много убийств. Это закончится только тогда, когда мы все будем убиты. Ты говоришь, что вы не прикончите нас, мне хочется тебе верить. Но это не имеет значения. Я готов послать сообщение твоей Лиге.

— Как?

— Вот об этом ты и должен мне рассказать. Если бы я знал как, я бы сделал это без тебя.

— Да, конечно.— Теперь я мерил шагами комнату.— Письмо отсюда не пошлешь. Интересно, а есть ли здесь психограммисты. Эти могли бы передать. Да, но как их об этом попросить? А что, если радио?

— Ближайшая база Лиги находится в 430 световых годах.

— Мы не можем так долго ждать. Придется придумать, как мне проникнуть на корабль, который будет отправляться в дальний рейс.

— Я думаю, это невозможно.

— Я просто уверен в этом. Что же вы можете предложить другое? Вы задаете мне риторические вопросы. Но ведь должен быть выход. Может, мне лучше поспать. Есть тут безопасное место...

Неожиданно раздался сильный продолжительный звук. Мои брови поползли вверх.

— Это коммуникатор. Внешний вызов. Встаньте так, чтобы вас не было видно, вон к той стенке.

Он сел за стол и повернул рубильник.

— Ханасу,— произнес он.

— К вам прибудет команда военных через несколько минут. Они опечатают все ходы и выходы школы. Чужестранец бежал в вашем направлении и, возможно, прячется где-то у вас. Транспорт с еще шестью группами уже в пути. Не волнуйтесь, школа будет обыскана, и его поймают.

14

— Почему вы считаете, что он в школе?— спросил Ханасу.

— След ведет к вам. Или он прячется в вашей школе, или он мертв.

— Ученики примут участие в поисках. Они хорошо знают все закоулки в школе.

— Издайте приказ.

Ханасу выключил коммуникатор и холодно глянул на меня.

— Все наши планы полетели к черту. Как только они вас поймают, питатель аксонов сразу раскроет мое участие во всем этом. Вы не желаете покончить с собой, чтобы спасти меня?

Все это он произнес ровным голосом без всяких модуляций. Хотя в комнате было прохладно, я ощутил, как струйки пота стекают по моей спине.

— Не так быстро! Не все еще потеряно. Давайте прибережем самоубийство напоследок, если ничего не придумаем. Я могу где-нибудь спрятаться?

— Нет. Они обыщут все закоулки.

— А если здесь? В вашем кабинете. Скажите им, что вы здесь были все время и меня здесь нет.

— Вы не знаете наших людей. Неважно, что буду говорить я или кто-то другой, поиски всегда ведутся по плану. Мы очень тщательный народ.

— Но без всякого воображения. Я перехитрю их,— сказал я, хотя чувствовал себя в этот момент лишенным всякого воображения. Только адреналин, вызванный мыслями о самоубийстве, заставлял работать мое сердце. Я посмотрел вокруг с чувством глубочайшего сожаления.

— Окно! Я могу выбраться через него и спрятаться...

— Оно не открывается. Закреплено намертво.

— Никогда не открывается? Даже летом?

— Сейчас лето.

— Я боялся, что вы так ответите. Но не спешите, еще не все потеряно!— сказал я, но в моем голосе звенело отчаяние, потому что мной овладело безнадежное чувство. Все потеряно.— Я знаю, спасение должно быть. Если не внутри, то снаружи, я спрячусь снаружи. Может, есть путь на крышу. Вы ведь иногда ремонтируете ее, меняете, скажем, кровлю.

— Там нет кровли.

Я еле удержался, чтобы окончательно не выйти из себя.

— Послушайте, я выражаюсь фигурально. Есть ход из здания на крышу?

— Должен быть.

Я еле справился с собой. Он мне порядочно надоел, но я держал себя в руках, чтобы не схватить его за горло.

— Есть у вас план? Схема строения школы?

— Да, в картотеке.

— Так достаньте его. Быстрей, если можно. Сколько времени понадобится поисковым группам, чтобы прибыть сюда?— Я схватил бумаги, которые он протянул мне, мгновенно просмотрел, стараясь не обращать внимания на Ханасу.

— Это напрасная затея. Выхода нет. Я не хочу, чтобы ко мне подключили аксоны. Поэтому, если ты не хочешь совершить самоубийство, я...

— Прекратите ваш мрачный юмор!— прорычал я. Слушать его было утомительно. Я показал пальцем на бумагу.— Вот это! Что это за символ?

Ханасу вытянул лист на всю длину руки, поднес к свету и уставился на него. Мой пульс удвоился.

— Да, я вижу,— в конце концов произнес он.— Это дверь.

Я хлопнул его по спине.

— Вот и замечательно. Мы непременно их перехитрим. Но вы должны делать то, что я вам скажу. Первое — прикажите всем в школе собраться в одном месте. Не только ученикам, но и учителям, поварам, уборщицам, специалистам по пыткам. Всем.

— У нас тут нет уборщиц.

— Меня это не волнует!— мой голос начинал скрипеть, и я должен был сделать усилие, чтобы взять себя еще раз в руки.— Соберите их всех вместе, сейчас же, чтобы они участвовали в поисках. Действуйте немедленно. И ждите дальнейших приказов.

Он подчинился, не задавая лишних вопросов. Хорошая дисциплина на Кекконшики. К тому времени, как он закончил объявление, я знал, что делать дальше.

— Мне нельзя показываться на людях, поэтому все, что понадобится, должны принести сюда лаборанты. Мне нужно энергетическое оружие, с полным зарядом, с 10 гвоздями или шурупами, 50 метров 500-килограммовой тестовой линии, батарейки и лубрикатор. Где мне подождать, пока все это принесут?

— Здесь. В коридоре будут люди до тех пор, пока они не соберутся в зале заседаний.

— Кстати, учтите на будущее, это была моя идея.

— Я понимаю, что вы задумали, и я вам помогу. У меня еще будет время покончить с собой, после того, как вас изловят.

— Ладно, детка Ханасу, ты, как я посмотрю, большой оптимист. Иди.

Он ушел, а я прохаживался по ковру и отыскивал у себя на пальцах не до конца отгрызенный ноготь, чтобы еще погрызть. Я подпрыгнул, когда коммуникатор опять задребезжал. К счастью, я находился далеко от него. Ханасу не было уже четыре минуты. Мне казалось, что прошло четыре дня.

— Все собрались в зале, прибыли поисковые группы,— сообщил он, появляясь в дверях.

— Прекрасные новости. Идите вниз и организуйте их. Проследите, чтоб они хорошо выполняли свою работу, тщательно и со всей ответственностью осмотрели все закоулки снизу и доверху. Мне нужно время, чтобы обдумать одну идейку.

— Но ведь ты решил отправиться на крышу?

— Пока не могу вам сказать это с уверенностью. Вперед. Действуйте!

— Ты ведешь себя правильно,— он обернулся в дверях.— Удачи. Так говорят у вас в подобных обстоятельствах?

— Да. Спасибо. И вам удачи. А я пока поразмыслю, как предотвратить попытку самоубийства.

Я вышел вслед за ним, пробежав по ступенькам вверх, пока он рысью спускался вниз. Я поднимался, тщательно сверяя свой путь по плану. Подъем согрел меня, но, преодолев путь до верхнего этажа, я никак не мог отдышаться. Это был очень длинный день. В конце коридора находился склад, дверь которого была закрыта.

— Для Джима ди Гриза любой замок — пара пустяков,— рассмеялся я и, взяв большой гвоздь, засунул его в еще больший замок. Дверь открылась с чудовищным скрипом, я вошел внутрь и захлопнул ее за собой. Выключателя я не нашел. Воздух был холодным и прокис-

шим. Я зажег лампу, которую принес с собой, и осмотрелся. Вокруг валялись пустые коробки и стояли старые картотеки. Дверь, которая мне была нужна, находилась в другом конце комнаты, на высоте около четырех метров от пола. Лестницы, разумеется, не было.

— Тем лучше,— хрюкнул я и стал ставить коробки одну на другую, чтобы взобраться наверх.

Некоторые коробки нельзя было сдвинуть с места, но из тех, что были мне под силу, я выстроил пирамиду. Мне уже было жарко, я даже слегка вспотел от работы и от мысли, что сыщики вот-вот появятся здесь. Я торопился. Наконец, мне удалось открыть круглый люк метрового диаметра, который вел на угол крыши прямо под ее конек. Когда я его толкнул, он противно заскрипел, и на меня посыпалась ржавая пыль. Собственно этого я и ждал. Я осторожно смазал его петли маслом, стараясь не пролить на пол ни капли, потом собрал ржавчину. Надо было сделать так, чтобы не было видно, что люк недавно открывали. Оставь я ржавчину, это сразу бы стало ясно. Теперь это была обычная дверь на крышу для ремонтников, которые, я надеялся, в ближайшее время не появятся. После того, как я смазал петли двери, она легко открылась, впустив морозный воздух внутрь. Я открыл ее полностью и высунул голову в ледяную ночь. Звезды достаточно ярко сверкали в темноте, и мне стало ясно, что на крыше спрятаться негде.

— Реши еще одну задачку, и ты спасен, Джим,— сказал я себе с фальшивым юмором.— Сделай еще одно усилие, ты же увертлив, как черт. Ты уже добился немалого. Еще одно усилие, и ты победишь.

Я бормотал эту бессмыслицу, не теряя времени зря. Мне нужно было найти дырку в плите перекрытия, куда можно было бы воткнуть гвоздь. Наконец мне повезло, и я засадил его в отверстие. Привязав к нему толстый провод, который валялся неподалеку, я сделал прекрасный трап. После этого осталось самое простое — убрать коробки и не бояться, что кто-то догадается о моей хитрости. Оставалось как можно побыстрей выбраться на крышу и

закрыть за собой люк. Но нужно было еще хорошо осмотреть пол. Следы были, и я накрыл их коробками, теми, что были трудноподъемными. Убедившись, что все в порядке, я подошел к проволоке, ведущей к открытому люку. Проверив свое снаряжение, я выключил свет, положил лампу в карман и полез наверх. Я уже несколько раз подтянулся, когда услышал скрежет ключа, проворачиваемого в замке. Это добавило мне силы, и я, наверное, поставил новый мировой рекорд в лазаньи по канату. Я на одном дыхании взлетел наверх, перебирая руками с бешеной скоростью и в полном отчаянии. Одно мгновение — и я уже оседлал конек крыши, свесил ноги по обе стороны, подтягиваю к себе веревку и захлопываю люк. В щели люка я вижу, как включили свет там, где я только что был.

— Ты проверь ту сторону, Букай, а я эту,— проговорил грубый голос.— Проверь коробки. Открой большие, вдруг он там прячется.

Что будет дальше? Подымутся ли они сюда, спрашивал я сам себя. Конечно, подымутся. Они будут искать везде, где может укрыться человек. Значит, я должен найти безопасное место. Ровная, безликая, металлическая поверхность крыши не оставляла мне надежды. Она опускалась по обе стороны под острым углом. Впереди через пять метров крыша кончалась. Никакой зацепки. Безликое сооружение, лишенное фантазии архитектора, без укрытия для беглеца. Я хрюкнул, перекинул одну ногу и повернулся. Металл кровли был покрыт тонкой корочкой льда. Я поскользнулся и начал медленно сползать вниз. Мои пальцы тщетно искали за что зацепиться. Ничего не было, я все быстрее и быстрее падал к краю крыши. И вдруг я вспомнил, что у меня в руках веревка. Я схватился за нее обеими руками, но остановиться не мог — перчатки мои скользили. Тогда я буквально вцепился в веревку, обжигая себе ладони. Другого выхода не было. Надо было держаться и ждать, пока пройдет боль. Ноги мои висели над пропастью. Я начал потихоньку подтягиваться, переставляя с большим трудом руки, и опять выбрался к

коньку. Там я вспомнил, что сыщики, видимо, еще осматривают коробки и скоро откроют люк. Конечно же крыша и с другой стороны была совершенно прямой. Может, они меня не заметят в темноте. Мне нужно было поскорей убираться подальше от люка. Держась за проволоку совсем озябшими пальцами, я распластался на вершине, широко расставив ноги и руки. Я сползал по покатому льду. Мне было понятно, что если сейчас я сорвусь — это будет конец. Конец. У крыши тоже был конец. Стоп. Я оглянулся и увидел, что люк отсюда хорошо виден. Так же, как и я, если кто-то из них высунет голову. Веревка выручала меня до сих пор, ей нужно было помочь мне еще один раз. Осторожно и медленно, чтобы не потерять равновесие, я достал еще один гвоздь и вставил его в отверстие. Я надеялся, что звук отсюда не будет слышен, и вбил гвоздь в металл на самом краю крыши. Мои пальцы, хотя и были в перчатках, застыли и не гнулись, а я отчаянно пытался завязать узел, закрепив его вокруг гвоздя, и сделать петлю на другом конце проволоки. Когда мне это удалось, я вставил в петлю ногу и повис на краю крыши, не обращая внимания на треск и шатание гвоздя. Мне было слышно, как открылся люк и кто-то карабкался по крыше. Я тихонько завис, и улыбался своей удаче.

До меня долетели слова:

— Ты что-нибудь видишь, Букай?

— Нет.

— Кто-нибудь есть на крыше?

— Нет. Могу я вернуться?

Отлично сработано, ди Гриз. Враг обведен вокруг пальца, ты умный, чертяка.

— Не торопись,— приказал начальник Букая,— пройдись по крыше и хорошенько посмотри.

Это были машины, а не люди. Любой умный человек ни за что бы не полез ночью по такой скользкой крыше. Он бы знал, чем это может кончиться. Любой умный человек меня бы не нашел. Эти же, мыслящие машины, черви и тупицы, следуя инструкциям, непременно добь-

ются своего. Соскальзывающие и громыхающие шаги все приближались, и моя веревка покачнулась, будто кто-то тронул за нее. Я посмотрел наверх и увидел невыразительное лицо сыщика, заглядывающего через край крыши.

15

Да, так оно и случилось. Хотя я отвел глаза к звездам и старался не думать о нем, он меня увидел. Повернув голову и открыв рот, он закричал:

— Ахиру.

Но тут же поскользнулся. И наконец я увидел выражение на лице серого человека. Выражение ужаса. Он ногтями цеплялся за веревку. И не смог уцепиться. Его ладони тяжко хлопали по крыше. Он соскальзывал все быстрей и быстрей. Я слышал только шуршание, больше никаких звуков он не издавал. Никаких. Потом он пропал, и я закрыл глаза, потому что не хотел слышать, что там происходит внизу. Холод меня пробирал до костей, а я все висел в ледяной ночи и ждал. Сверху доносились голоса. Я почти не различал слов, потом кто-то подошел к открытому люку. И тут я услышал:

— Букай что-нибудь говорил?

— Он называл мое имя.

— Так что, он свалился?

— Да.

— Это нехорошо.

— Конечно, нехорошо. Лучше ему умереть. Он ведь падая закричал. А человек, который показывает свои чувства, не должен жить.

И люк захлопнулся.

Какие замечательные люди. У Букая несомненно были друзья. Но мне показалось, что я жалел его больше, чем они. Мораль философии! Мои пальцы замерзли окончательно. Я подтянулся на веревке и осторожно огляделся. Люк закрыт, крыша пуста. Я взобрался на конек и стал

подумывать о том, что пора возвращаться. Не хватало мне тоже поскользнуться и составить компанию бедняге Букаю.

На всякий случай я подождал еще долгих и холодных десять минут, считая секунды, пока окончательно не уверился, что комната внизу пуста. Во всяком случае я надеялся, что она пуста. Холод от металла проникал в меня, и я насквозь продрог. С большим трудом открыл люк. Зубы выбивали такую барабанную дробь, что, мне кажется, ее было слышно на первом этаже. В комнате, куда я спустился, было темно. Они погасили свет, когда ушли. Существует предел возможного, и, мне кажется, мои силы подошли к этой черте. Я сегодня испытал всего — по горло. Поэтому, когда я прилег на пол, чтобы отдохнуть и подумать о том, что делать дальше, то неожиданно заснул. И спал так крепко, что когда проснулся, то не мог понять, сколько же прошло времени и какой сейчас день. Может, я проспал минуту, а может быть, и целые сутки, мне некого было спросить об этом. Мне кажется, что спал все это время не только я. Ведь иначе в комнату могли войти в любую минуту. Интересно, какой продолжительности здесь день? Я выругал себя за то, что так легкомысленно разоспался. И стал осторожно открывать замок. Открыл дверь бесшумно и неторопясь. Холл был пуст. Окно возле двери было черным, за ним — ночь.

— Тебе опять повезло, ди Гриз. А может, твой подсознательный таймер знает свое дело лучше, чем твое сознание. Назад, за работу.

Сон меня освежил, и я на цыпочках крался по зданию. Все двери были заперты, и я предположил, что ученики и преподаватели спят после праведных дневных забот. Свет горел только в кабинете директора, и я посмотрел в щелочку, прежде чем открыть дверь. Он сидел на стуле, бодрый, и ждал меня. Я тихонько проскользнул в дверь и закрыл за собой двери.

— Это ты,— сказал он,— и я увидел в его руках стакан с водой. Он осторожно поставил стакан на стол.

— Если это вода, то я тоже не против выпить,— произнес я и протянул руку к стакану.— Ужасно хочется пить.

— Это яд,— произнес он безжизненным голосом.

Я подскочил от удивления, и быстро поставил стакан на место.

— Вы все-таки решились на самоубийство?

— Да. В том случае, если они меня накроют. Я не знал, кто там крадется по коридору.

— Они ушли?

— Да. Они никого не нашли. Один из них упал с крыши и убился. Ты непричастен к этому?

— Только косвенным образом. Я видел, как он падал.

— Они считают, что ты где-то замерз в снегу. Утром отряд начнет поиски твоего тела. Искать тебя будут недолго, потому что они считают, будто ты упал в океан.

— Можно сказать — почти так оно и было. Но сейчас, когда эти изнурительные ночные приключения окончились, нам лучше всего вернуться к той беседе, с которой начался наш контакт.

— Об отправлении сообщения Лиге.

— Да, об этом. В минуты затишья этой ночью я размышлял. И у меня появилась идея, которая должна сработать. Вы не устали?

— Не очень.

— Отлично. Мне нужно поработать в электронной лаборатории. Можно это организовать, притом так, чтоб меня не беспокоили?

— Можно. Что вы собираетесь делать?

— Набрать библиотеку и достать схему детектора двигателя искривленного пространства. Полагаю, что у вас должны быть запчасти и приборы, чтобы можно было его собрать?

— У нас есть готовая единица. Это входит в программу обучения.

— Еще лучше. Давайте пройдем в лабораторию и начнем, а там я вам продемонстрирую, чего хочу.

Ханасу руководил, а я осуществлял сборку, и вскоре мой аппарат приобрел очертания. Когда он был укомп-

лектован, я поставил его на скамью и отошел полюбоваться. Передо мной была металлическая труба длиной в метр с обтекаемой верхушкой, открытым днищем и двумя железными крыльями по всей длине.

— Произведение искусства,— с гордостью произнес я.

— Каково его назначение?— спросил Ханасу, жуткий реалист.

— Сначала его нужно прикрепить к одному из ваших кораблей. Вас интересует, что произойдет дальше? Попробую рассказать. Ну, прежде всего, его трудно будет обнаружить, так как он ничем не отличается от эжектора пламени, установленного на всех кораблях. Только эта штука не дает пламени.— Я достал один тщательно изготовленный пластиковый цилиндр.— Внутри этого пластика есть источник энергии и жесткий радиопередатчик. Я сделал десяток таких радио, считаю, что этого будет достаточно. Вот что произойдет дальше. Когда корабль будет возвращаться в нормальное пространство, его двигатель выключат. В этот момент аппарат, установленный на носу, регистрирует это и включает один из радиопередатчиков. Тут встроен замедлитель времени, примерно на полчаса. Этого больше, чем достаточно, чтобы кораблю вернуться на свой обычный путь. Тогда радио включается и посылает сильный сигнал на частоте работы Лиги. Сигнал несет мою кодовую идентификацию и сообщает местоположение этой планеты. Мы зовем на помощь. Как только сообщение будет получено, нам останется ждать прибытия космической кавалерии.

— Очень остроумно. Но вдруг случится так, что при выходе корабля из искривленного пространства рядом не будет приемника?

— Я знал, что вы спросите об этом. Мы играем в закон средних чисел. Большинство пилотов используют основные навигационные точки. И именно в этих точках имеются станции Лиги. Кроме того, обычный корабль трижды садится на какую-нибудь из планет за рейс. Хоть одно послание, но будет доставлено до места.

— Это вселяет надежду. Придется самоубийство отложить.

— Правильно. Всегда стоит видеть солнечную сторону жизни.

— Как ты собираешься прикреплять этот аппарат к кораблю?

— Атомным сварочным агрегатом.— Я поднял руки, останавливая его.— Ну, ну, не сердись. Это я шучу. А если честно, мне нужно каким-то образом проникнуть в корабль. Для того, чтобы проделать эту работу, достаточно будет нескольких минут. Космодром охраняется?

— Охраняется?! Он окружен оградой из цепей. Есть охрана на воротах. Это только то, что я знаю.

— Для того, чтобы установить аппарат, мне не нужно много времени. Но потребуется ваша помощь. Прежде всего, необходимо знать, когда отправляется следующий корабль. И затем — как можно меня подбросить к космодрому?

— Когда отправляется, я знаю. Только что «новости» сообщили, что корабль «Такай Ча» отлетает сегодня в шесть сорок пять.

— А сколько сейчас?— быстро спросил я.

Ханасу моргнул, отвел часы подальше от глаз, отставив руку в сторону, и сообщил:

— Три одиннадцать.

— Вы можете каким-то образом отправить меня туда ко времени отлета?

Он думал очень долго, затем неуверенно кивнул.

— Раньше я бы не решился. Не было повода для того, чтобы вызвать машину. Но сейчас я могу сказать, что присоединяюсь к поиску. Они, возможно, поверят этому.

— Можно попытаться?

Нам повезло, и через десять минут мы подпрыгивали в снегоходе, снабженном лыжами, автономным питанием и пропеллером. Внутри него не было никаких удобств. Обогреватель отсутствовал, сидения были жесткими. Эти люди слишком часто надевали власяницу. Мой сконструированный радиоэжектор был стянут ремнем и висел у меня на плече. Все необходимые инструменты лежали в

сумке рядом с ним. Я смотрел на крутящиеся снежные хлопья в свете фар и пытался предугадать ход дальнейших событий.

— Как близко вы сможете меня подвезти к ограде?— спросил я.

— Как тебе будет угодно. Дорог здесь нет, никаких указателей тоже. Транспорт движется, ориентируясь по радио, от одной точки к другой.

— Это уже лучше. Тогда я предлагаю план действия. Вы высадите меня возле забора и отправитесь дальше. Только запомните место. Возвращайтесь ровно через час. Если почуете суматоху, либо услышите по радио сигнал тревоги — не суйтесь.

— Меня это вполне устраивает, так как будет достаточно времени, чтобы вернуться назад в школу и принять яд.

— Ладно, разрешаю принять его вместо завтрака. Только не предпринимайте ничего, пока точно не будете знать, что они меня схватили. Может случиться беда, но, поверьте, им не так-то легко будет меня поймать и еще труднее удержать.

— Ты раньше ходил на лыжах?

— Я — чемпион.

Все складывалось согласно плану. Дважды мы видели свет фар других машин, но на нас не обращали внимания. Это было здорово — мчаться в снежной ночи. Потом мы ехали среди темных зданий, подпрыгивая на ухабах и совершая головокружительно рискованные повороты. Ханасу был хладнокровным водителем. Появился забор, и мы некоторое время ехали вдоль него. Впереди виднелся свет прожекторов у ворот, который внезапно скрылся под снежными вихрями.

— Я пожалуй, выскочу тут,— прокричал я.— Посмотрите на часы и уезжайте.

Я выкинул свое снаряжение на снег и прыгнул вслед за ним. Машина уехала раньше, чем я успел приземлиться, и вихрь, поднятый пропеллером, опрокинул меня в снежный сугроб. Было очень темно и холодно, я чувст-

вовал себя одиноко. Утешало то, что мне удалось хорошо замаскироваться. Я достал детектор из сумки и стал осторожно приближаться к забору. Дело было знакомое. Я нейтрализовал примитивную сигнализацию и перепрыгнул через цепи, подогнув одну ногу, прищурив один глаз и отведя одну руку за спину. Я всегда знал, что небольшая доза бахвальства не повредит делу, поэтому приступил к нему в таком положении: закрыл глаз, встал на одну ногу, почесал спину рукой. Чтобы исключить включение сигнализации, я перерезал провода и зачистил контакты, воспользовавшись молекулярным аппаратом. Затем встал на лыжи и отправился в темноту. Мои следы сразу же засыпал снег. Первая часть работы была выполнена. Я должен был подойти к кораблю.

Даже в темноте космопорта корабль ярко сиял в свете прожекторов. Я обошел его, стараясь держаться в тени, а потом спрятался за буртиком. Как он замечательно выглядел, этот корабль. Прожектора освещали его башенки, издававшие шипящий звук, когда на них падали снежинки. Вокруг суетились рабочие порта с приборами. На корпусе можно было прочесть название «Такай Ча». Это был как раз тот корабль, который отправлялся сегодня. Я остановился в замешательстве. Как же мне приблизиться к нему, чтобы прикрепить свой прибор?

16

Сделать это было не просто. Моя одежда могла меня выдать. Если бы не она, я мог бы смешаться с толпой обслуживающего персонала и сделать вид, что я работник космопорта. Итак, необходимо было с кого-то снять его робу. Я нашел угол потемнее и сложил там снаряжение. Ну, где же взять одежду? Я метался около освещенного корабля подобно волку, рыщущему вокруг костра, но безрезультатно. Никто не направлялся в ту сторону, где я стоял. Рабочие работали в своей кекконшикской манере, медленно и осторожно, без малейшего всплеска эмоций.

Я насмотрелся на них вдоволь. Часы Ханасу безостановочно отсчитывали секунды, минуты и часы. Время шло, а я бездействовал. Меньше чем через час корабль возьмет старт, а я еще ничего не придумал. Как же подойти поближе? Мое терпение лопнуло.

Я потихоньку начинал выходить на себя, непрерывно проигрывая один план за другим, когда наконец увидел, что в мою сторону идет человек. Он взобрался на мостик для обслуги и медленно пошел через сугробы по направлению к одному из служебных зданий. Мне пришлось подползти на животе к слабо освещенным окнам и стремительно броситься вперед. Я успел увидеть, как он входит в дверь, на которой большими буквами было написано «Бенджо». Я быстро юркнул за ним, чтобы посмотреть, что это за бенджо. Так как я еще издали догадался, что это такое, то сначала позволил ему сделать свои дела, а потом ударил его ребром ладони. В это время его руки были заняты ширинкой. Он так и не понял, кто ударил его. Я снял с него комбинезон, связал проводом руки и ноги, а в рот вставил кляп, потом посадил на унитаз и привязал к сливному бачку. Уходя, я закрыл кабину. Лучше было бы, конечно, выкинуть его в снег, чтоб он замерз к чертовой матери, но мои новые убеждения запрещали мне сделать это. Правила морали, которые я изложил для Ханасу, сделали свое дело. Я сам начинал в них верить. В конце концов, его не обнаружат до отлета корабля, а большего мне и не нужно. Тем более, что корабль должен был вот-вот вылететь. Его комбинезон был несколько тесноват, но я надеялся, что на это никто не обратит внимание. Защитная каска прикрывала мне голову, я поднял воротник, так что меня почти не было видно. Итак, вперед, к финалу. Я был очень осторожен, приближаясь к освещенному кораблю. Под мышкой одной руки у меня была трубка. На плече висела сумка с инструментами. Я вынужден был идти медленно, даже чересчур, хотя у меня было дикое желание побежать. Это было невыносимо тяжело, но мое спасение было в том, чтобы выглядеть как

все: медленным и сосредоточенным. Никто на меня не смотрел, всех волновала одна работа.

Я очень тяжело дышал, когда добрался до кабинки на передвижной эстакаде и забросил в нее свои вещи. Управление было примитивным. Медленно и осторожно я двинулся, объезжая вокруг корабля и стараясь держаться подальше от других служителей. Потом я подумал, что, наверное, из темноты кто-нибудь наблюдает за мной, тот, кого я не вижу, а посему я ехал черепашьим шагом, уподобляясь всем остальным. На эстакаде, куда я подъехал, шла полным ходом подготовка корабля к старту. Естественно, одного человека там не хватало. Это немного усложнило мою задачу, потому что я занимал чье-то место, и люди могли в любую минуту разоблачить меня. Но я решил не обращать на это никакого внимания. Мне необходимо было приварить мой аппарат к корпусу космического корабля. Сварной молекулярный агрегат загудел, и металлические концы зажима прочно сели на корпус. С земли было не видно, чем я тут занимаюсь, потому что снегопад не прекращался.

— Давай, детка, заканчивай работу,— сказал я себе и быстренько отступил назад. Сейчас я не мог рисковать и вести эстакаду, поэтому я припарковал ее в тени ближайшего строения. Прошло десять минут. И тут подъехала машина, которая привезла экипаж корабля. От ракеты откатывались платформы и краны, потому как время близилось к старту.

— Зачем эта эстакада тут?— раздался позади меня голос.

— Хрмстам?— неразборчиво буркнул я, не поворачиваясь.

Шаги приблизились.

— Я не расслышал. Повтори.

— А это ты слышишь?— спросил я и, подойдя к нему поближе, схватил руками за шею.

Глаза его налились кровью, но я несколько раз стукнул его голову о металлическую раму дверей. Судьба стольких миров была взвалена на мои хрупкие плечи, разве мог я

быть мягким и добрым, неся такой груз. Пока я возился с ним, корабль поднялся в воздух. Это был, пожалуй, самый чудесный звук, какой я когда-либо слышал.

— Ты сделал это, Джим, ты снова это сделал,— поздравил я себя, потому что рядом не было никого, кто смог бы это сделать.— Бесчисленное потомство и еще нерожденные будут благословлять и превозносить твое имя. Многочисленные кекконшикианцы будут ежедневно тебя проклинать. Что поделаешь — переделывая известную поговорку можно сказать — нет добра без худа. Эра зла и господства серого человека подходит к концу.

Рядом я обнаружил темный проем двери, к которому и подтащил бесчувственное тело. Я, поступив довольно невежливо, закинул его туда и увидел, что за первой дверью есть вторая, а на ней висит огромный и очень сложный замок. Что это? После некоторых размышлений я догадался, что это секретная комната. Может быть, одно из помещений военного завода, куда впускают только по пропускам. Отличное место, чтобы укрыться от посторонних глаз. Только неплохо сначала запутать следы. А это дело знакомое. Я нашел лыжи, надел их и подался к освещенным подпоркам и стал ждать, чтобы на меня обратили внимание. Эти люди были самыми мрачными и наблюдательными, каких я когда-либо видел. Я катался перед ними взад-вперед, но они занимались своими делами, будто ничего не происходит. Это начинало раздражать меня и к тому же я порядочно устал. В конце концов, я затормозил метрах в десяти от них и с шумом въехал в металлические двери.

Наконец-то меня заметили. Когда это произошло, я закрыл лицо руками, сгорбился, задрожал, споткнулся и ринулся в темноту. Будь они дикарями, стрела уже дрожала бы в моей спине. Они же никак не прореагировали. Мне же было необходимо, чтобы они меня запомнили. И чтобы они видели, в каком направлении я ушел. То есть назад к забору. Пока они медленно соображали, я проделал в заборе довольно большую дыру, такую, что туда мог пройти и танк, и оставил дыру незаделанной. Затем

я навострил лыжи в темноту, вырываясь на широкие просторы, оставляя четкие следы. Я во всю светил фонариком, прихваченным в школе, чтобы они меня издали видели. Теперь мне нужно было избавиться от следа, и я обдумывал, как это сделать. И тут как раз я заметил машину, которая ехала в ту же сторону, куда скользил я, но быстрее меня. Некоторое время я шел параллельно ей. Потом развернулся и поехал параллельно своим следам. Затем перетоптал их и въехал в колею. Убедившись, что все сделано как надо, я развернулся и по своим старым следам поехал назад. Но и этого мне показалось мало. Я метался, как загнанный зверь. Вперед, назад, вбок, в сторону. Я шел без палок, падал, чтобы изваляться снег. Снова менял направление. И наконец решил снова свернуть в город, который был неподалеку. Я заметил, что в окнах домов еще не зажегся свет. На улицах народа еще не было. Только несколько человек встретилось мне. Они тоже шли на лыжах и не обращали на меня никакого внимания. «Странные люди,— думал я,— при такой бдительности никаких действий. Видимо, холод заставляет их беречь энергию». Я доехал до конца улицы, но и там ничего подозрительного не обнаружил. Что же делать дальше?

Я не хотел возвращаться, пока не появится погоня. Но, видимо, меня никто не собирался искать. Рядом очень заманчиво светилось окно, я заглянул в него. Кухня. Плиты раскалились докрасна, и в кастрюлях что-то варилось. Это выглядело так соблазнительно, что мне захотелось войти в этот дом. Желание усилилось, когда в кухню вошла хозяйка — большая женщина с высокой грудью. Я впервые видел женщину Кекконшики и не мог упустить предоставившегося мне шанса. Ангелина всегда обвиняла меня в погоне за юбками, наступил момент оправдать ее постоянные подозрения. Даже если этот визит сведет на нет все мои старания запутать следы, я не мог сопротивляться искушению. Такое иногда бывает, когда мужчина в годах встречает молодую женщину. Я подошел к двери, снял лыжи, поставил их в снег и вошел.

— Доброе утро!— сказал я.— Денек выдался прохладный, не правда ли?

Она повернулась и посмотрела на меня, ничего не ответив. Передо мной стояла юная, очень симпатичная девушка и смотрела на меня широко расставленными глазами.

— Вы тот, кого ищут,— сказала она спокойным голосом.— Я должна пойти, куда надо, и сообщить.

— Вы не сделаете этого.— Я наклонился и властно посмотрел в ее глаза.

— Хорошо, хозяин,— ответила она и опять вернулась к своим кастрюлям и горшкам.

Хозяин! Я раздумывал минуту, а потом понял, что здесь мужчина — лицо священное. Его слово — закон. Они мучают друг друга холодным обращением, не проявляют своих чувств, они жестоки и черствы. Как же, должно быть, они терзают женщин! Вроде этой. Как рабов. Видимо, в прошлом, если кто-нибудь из женщин протестовал, ее выбрасывали на снег, на мороз, на смерть. Раса послушных безропотных служанок, для которых желание мужчины превыше всего. Очевидно, многолетними отборами они достигли такой покорности.

Мои размышления были прерваны, умономрачительными запахами, вместе с паром поднимающимися из кастрюль, стоящих на плите. Должно быть, я давно не ел, и после всех моих упражнений голод навалился на меня, как медведь. Находясь постоянно в опасности, я забыл о еде. Теперь мой желудок напомнил мне, что нельзя отказываться от многолетних привычек.

— Что ты готовишь, цветочек Кекконшики?

Она с опущенными долу глазами принялась объяснять мне, показывая на кастрюли:

— Вот здесь — кипящая вода. Здесь — тушеная рыба. Тут — рыбные тефтели. В этой — соус. Тут...

— Прекрасно. Достаточно. Я понял. Мне нужно по порции всего, за исключением кипящей воды.

Она набрала несколько полных половников, а я взял костяную ложку. Это было потрясающе безвкусное варево, но я непривередлив и начал быстро есть. Потом я

попросил добавки, но ложка моя двигалась уже не так быстро. Когда я покончил с едой, появилось время внимательно рассмотреть хозяйку. Она не делала никаких попыток убежать или поднять тревогу.

— Меня зовут Джим,— сказал я, добродушно улыбаясь.— А тебя как?

— Каеру.

— Отличная еда, Каеру. Немного не по сезону, легковата, но это не твоя вина, таковы, наверное, особенности кухни вашей страны. Тебе нравится твоя работа?

— Я не знаю слова «нравится».

— Спорю, что знаешь. В какие часы ты работаешь здесь?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду. Я встаю и работаю, а потом ложусь спать. Все дни похожи на этот.

— Никаких выходных, праздников, ничего у тебя нет? Этот мир нуждается в серьезных переменах, и они скоро настанут.— Каеру слушала меня, не отрываясь от работы.— Ваша культура, быт, нравы сойдут на нет. Историки сохранят записи об обществе, которое бесследно исчезнет, как только цивилизация коснется его, войдет в вашу жизнь. Смело гляди вперед, Каеру, в предвкушении радостного завтра. Оно несомненно будет.

— Завтра я буду работать так же тяжело, как сейчас.

— Думаю, ты ошибаешься.— Тонким розовым ноготком я достал застрявший между зубами кусочек вяленой рыбы.— Когда ты обычно подаешь завтрак?

Она глянула на часы.

— Через несколько часов после того, как прозвенит колокол.

— Кто здесь питается?

— Мужчины. Солдаты.

Я вскочил со стула прежде, чем с ее губ слетело последнее слово, и стал натягивать перчатки.

— Еда была великолепной, но я боюсь, мне надо бежать. На юг, сама знаешь. Мне нужно успеть до восхода солнца. Надеюсь, ты не станешь возражать, если я тебя свяжу?

— Делай со мной, что тебе угодно, хозяин,— она произнесла это, опустив голову.

В первый раз мне стало стыдно от того, что я мужчина.

— В один день все изменится, Каеру, я обещаю тебе. И если я унесу отсюда свою шкуру, я пришлю тебе посылку. Там будут платья, помада и учебники о женской свободе. Где тут кладовая?

Она показала, и я поцеловал ее в лоб. Девушка немедленно стала снимать с себя одежду и страшно удивилась, когда я остановил ее. Я сразу представил себе, какими развратниками стали эти серые люди. Их безнравственность — это одно из преступлений, за которые им придется ответить. Каеру не протестовала, когда я затащил ее в кладовую и там запер. Ее обнаружат, как только завтрак не будет подан вовремя. Мне нужно было опередить их на несколько минут. Я вышел, вскинул лыжи на плечо, прошел по снегу до твердого наста, где следы не отпечатывались. Только теперь можно было стать на лыжи и направиться в противоположном направлении, снова запутывая следы. Так я передвигался, пока не доехал до космопорта. Пришлось снова перелезть через забор.

В порту слышались завывания сирен, люди суетились и кричали, что говорило о том, что мой ночной визит, наконец, вызвал переполох. Я испустил боевой клич. Небо начинало светлеть, интересно, который час? Настал миг моего окончательного исчезновения. Я распилил цепь на ограде, усердно поработав над ней. Добраться до военного цеха было несложно. Меня снова никто не заметил. Человек, которым я занимался ночью, исчез, а вместе с ним все мои инструменты. И вот я уже кручу знакомый мне замок. Сложнее было повесить его за собой так, чтобы никто не заметил, что дверь не заперта, чем снять. Отличная работа, Джим, ты ловкий чертяка. На свинцовых ногах я вошел вовнутрь, нашел еще одну запертую комнату, которая оказалась складом осколочных гранат. Их пока не стоило трогать. Вот за ними, спрятанный от всего

мира, в полной безопасности, я прилег поспать. Это было восхитительно. Я чувствовал, что могу проспать вечность. Но что-то меня беспокоило.

Я выплыл из сна и увидел, что наступил день. Что же все-таки меня разбудило? И тут я услышал скрежет поворачиваемого в замке ключа и скрип открывающейся двери. Ах, я осел! Как я мог забыть о настырности сыщиков, с работой которых познакомился в школе! Этих людей нельзя было обвести вокруг пальца никакими уловками. Как только они узнали, что я жив, они самым примитивным образом начали прочесывать каждое здание в городе. Игра закончилась.

17

Продолжительный сон меня освежил и взбодрил. Еда прибавила сил, но я очень сердился на себя за то, что не спрятался получше. Как всегда, я был склонен сердиться и обвинять кого угодно, только не себя, хотя, конечно же, должен был предусмотреть все варианты. Поэтому свой гнев я обрушил на беспомощного и безобидного человека, который открыл двери и подошел ко мне поближе. Я прыгнул на него, как дикий зверь из джунглей, но тут же рухнул к его ногам, так как оказалось, что я забыл снять лыжи и спал в них. На результатах нашей кратковременной схватки мое падение никак не сказалось, потому что эти люди не имели никакого представления о классической борьбе. То, что произошло позже, было смесью старого доброго твиста и нового хруста костей. В конце я отбросил в сторону лыжи и, переступив через бесчувственное тело, выглянул за двери. Масса народу бродило по зданию, разыскивая меня. Поэтому я задумался, как бы мне пробраться поближе к входу. Один из этой группы посмотрел наверх, и я отступил назад, чтобы он не заметил меня, но было поздно.

— Вот он, надо задержать его, пока он не удрал,— сказал мрачным монотонным голосом серый человек.

— Я уже удираю!— прокричал я и ринулся к дверям прямо на надвигающегося на меня человека. Мне осталось только встать на лыжи, которые я, конечно же, прихватил с собой, и умчаться прочь. Пока что все складывалось не в мою пользу, я только оттягивал неизбежное, выигрывая несколько минут. Забор был уже отремонтирован, вход усиленно охранялся, а мешка с инструментами у меня уже не было. Я метался, не зная, что предпринять, и тут услышал звук мотора. Где-то поблизости заводили машину. Не попытаться ли отобрать у них ее? Затем протаранить ворота. Ну хорошо, а что дальше? Один против целого мира, это несерьезно. Может, мне удастся найти безопасное и надежное убежище в городе? Зачем? Я все равно не смогу скрыться от этих людей. Зря трачу силы. Я остановился немного поразмышлять над этим, потом вспомнил, как они используют питатели аксонов, и решил все-таки продолжать побег.

Может, Ханасу был прав, говоря о самоубийстве? Наверное, оно и стало бы единственным выходом. Только эти мысли я отбросил сразу. Я не отношусь к суицидальным типам. Я носился по космопорту, преследуемый разгоряченной погоней, отгоняя от себя мысли о приближающемся конце, ломая голову в поисках выхода. Тут мое внимание привлек шум двигателей ракеты. Я остановился. То же сделали мои преследователи. Задрав голову и широко разинув рот, все мы смотрели в небо. Маленький корабль вынырнул из-за толстых низких облаков, и пламя рвалось из его сопла. На боках были кольца — знак того, что ракета принадлежит Лиге.

— Сработало!— закричал я изо всех сил и очень высоко подпрыгнул. Затем, приземлившись на четвереньки, я издал боевой клич «воу-воу», прижав ладони ко рту. Двигатели ракеты еще не смолкли, а я уже был рядом с ней. Не стоит говорить о том, что меня никто не преследовал. Это само собой понятно. Местные жители вряд ли испытывали такой же восторг по поводу прибытия корабля Лиги. Люк открылся, и я мгновенно оказался под ним.

— Добро пожаловать на Кекконшики,— сказал я выходящему человеку и склонился в почтительном поклоне.— Объявляю эту планету подчиненной Лиге.

— Насчет этого у меня нет никаких полномочий,— ответил парень с густой шевелюрой, переходящей в бороду, одетый в запачканный рабочий комбинезон.— Я получил задание забрать Джима ди Гриза.

— Он перед вами.

— А вон те люди — аборигены. Они бегут сюда и, я вижу, вооружены множеством винтовок. Давайте скорее на борт.

— Нет, я должен разъяснить этим типам, что происходит.

Я был просто счастлив увидеть знакомое лицо впереди вооруженной оравы. Это был Коум, командир корабля, который привез меня сюда.

— Немедленно выбросьте винтовку,— крикнул ему я.

Он не подчинился и даже наоборот вскинул ее, целясь в меня.

— Вы пойдете с нами. Оба,— крикнул он мне в ответ.

У меня потемнело в глазах, так много было этих людей. И откуда они только набежали в один момент, такие нерешительные и неторопливые. Их словно подменили. Я почувствовал, что теряю силы.

— Не стреляйте, прошу вас!— закричал я, поднимая руки вверх, якобы сдаваясь.

Но, улучив момент, я с силой толкнул Коума и поймал винтовку, вылетевшую из его рук. Через мгновение я развернул неприятельского командира и приставил дуло винтовки к его шее так крепко, как только мог.

— Послушайте меня, вы, ледяные, замороженные идиоты!— заорал я.— Все кончено, всему пришел конец. Вы проиграли. Вам больше не удастся хулиганить в Галактике. Ваша сила была в том, что о вас толком никто ничего не знал. Вы можете работать только, как черви, глубоко под землей. Но теперь все закончилось. Вы видите знак на борту этого корабля? Это ракета Лиги. Они знают о вас все. Знают, кто вы и где находитесь. Возмездие

прибыло к вам в образе этого пилота, который привез послание гнева и возмущения. Он только что объявил мне о том, что эта планета присоединяется к Лиге.

— Я?— задохнулся пилот.

— Заткнись, дубовая башка, и делай свое дело.

— Мое дело было вывезти тебя отсюда.

— Ты достиг своей цели. Забери у них винтовки.

В моем голосе слышались еле уловимые нотки отчаяния, потому что я видел, как в нас целятся. Изучив их, я знал, что они спокойно расстреляют Коума, которым я прикрываюсь, чтобы схватить меня. Я выкрутил ему руку и вонзил дуло поглубже в шею.

— Давай, Коум, прикажи им опустить ружья и сдаться. Если прозвучит хоть один выстрел, тебя будут пытать каленым железом.

Коум думал и думал со всей кекконшикианской тщательностью. Потом принял решение.

— Прилет этого корабля, скорее всего, просто случайность,— наконец выдавил он из себя.

— Никаких случайностей,— ответил пилот.— Я покажу вам послание, которое привез. Оно прошло по сигналу общей тревоги по всем кораблям, находящимся поблизости от этой планеты. Мы вас искали.

— Никаких посланий. Стреляйте!— приказал громко Коум.— Если они врут, это их конец. Если они не врут, то конец нам, так что все равно, лучше их убить.

— Отскочи от них, Коум,— сказал один из стрелков, размахивая винтовкой,— или я тебя убью вместе с ними.

— Стреляй,— раздался в ответ спокойный голос.

— Остановитесь!— приказал я и выстрелил первым. Пуля попала в руку человека с винтовкой, и он уронил оружие.— Это бесполезно.

Но они думали иначе. Винтовки угрожающе покачивались. Но тут пилот, наконец, вытащил «послание», о котором так долго говорил. Он не был настолько туп, этот пилот, вообще, в пилоты не берут дураков. Он тянул время. Носовая башенка развернулась, и пули посыпались веером во все стороны. Я не терял времени даром, треснул

Коума по черепу не очень сильно, но так, чтобы он мог идти, потом выстрелил несколько раз, чтобы они не поднимали голов. Коум не потерял сознания, пришлось ему маленечко добавить, и он угомонился. Обычно я человек негрубый, но сейчас во мне проснулся садист.

— Примите горизонтальное положение, сейчас будем стартовать,— сказал пилот.

Так оно и было — я не успел прилечь, как хлопнулся головой о палубу. К тому времени, как из моих глаз исчезли все цвета радуги, давление снизилось, и я всплыл вверх.

— Спасибо,— искренне сказал я.— Вы были на уровне.

— Да что там, дело нетрудное. А эти внизу, ваши друзья? Ну и гнусный вид у них, как на подбор.

— Это безумцы, которые начали войну. Да, все не было времени спросить, как идут дела у нас на войне?

— Мы проигрываем,— сказал он угрюмо.— И с этим ничего нельзя поделать.

— Не говори так, это отвратит от нас удачу! Лучше отправляйся на ближайшую станцию, где есть психограммисты, у меня срочное сообщение. Ты случайно не в курсе, как там с пленниками, удалось их спасти?

— Ты имеешь в виду этих адмиралов? Да, они вернулись и все несколько не в себе. Я понимаю, что тебе все равно, что происходит со старшими офицерами, особенно если они — представители другой расы. Но это все... жуткая вещь.

— Ничего, их вылечат. Прости мне улыбку, но моя жена и сыновья отвечали за спасение адмиралов, и это значит, что они живы.

— Твоя семья в порядке.

— Повтори это!

— Твоя семья в порядке.

— Не смотри на меня, как на идиота,— мне очень приятно это слышать. Теперь, пожалуйста, плесни в стаканы сока за эту весть и давай доставь меня к психограммистам. У нас очень много дел.

К тому времени, как мы достигли спутниковой станции, у меня было готово письменное сообщение для псиг-

раммистов. Оно было огромным, и в нем сообщалось о логове этих ублюдков, у которых я побывал. Были сведения о их оружии, летном парке, привычках и планах. Я рассказывал о военных и мирных людях Кекконшики. Давал советы, как внедрять здесь цивилизованную жизнь. Инструктировал, где найти Ханасу и как поставить его во главе миротворческой акции. Возмездие, справедливость и все такое прочее могут последовать позже. Сейчас самое главное — нейтрализация серых людей и сохранение наших флангов. Войну нужно выиграть. Я прочитал все донесения. И к тому времени, как мы прибыли на базу Специального Корпуса, у меня в голове созрело множество планов. Они все были навеяны светлым образом женщины, которая мне понравилась. Да не услышит мои слова Ангелина.

— Воздуха...— я задыхался после нескольких минут горячих и страстных объятий.— Как приятно находиться дома!

— Есть немало того, что тебе нужно сообщить, но я считаю, что ты прежде всего хочешь послушать о войне.

— Если ты так считаешь, моя драгоценная. У тебя были проблемы со спасением адмиралов?

— Никаких. Ты здорово все там закрутил. Мальчики быстро всему выучились, и они очень подходят для такого рода работы. Они сейчас в военно-воздушных войсках, занимаются важными вещами. Я очень беспокоилась о тебе.

— У тебя для этого были основания, но теперь все это позади. Ты случайно не прихватила с собой парочку сувениров, когда проходила через сокровищницу пришельцев?

— Я оставила это близнецам, которые идут по стопам своего отца. Думаю, они захватили по щепотке для себя, но этого вполне достаточно, чтобы не бедствовать всю оставшуюся жизнь. Если даст бог и мы выживем.

— Это война,— мое приподнятое настроение моментально исчезло.— Ничего нельзя загадывать наперед. Так что там происходит?

— Ничего хорошего. Как ты уже заметил, пришельцы сами по себе туповаты. Как только с арены убрались серые

люди, можно было предположить, что начнется борьба за власть. Но этого не случилось. У них есть несколько приличных офицеров, достаточно сообразительных, чтобы отразить все наши атаки. Они покинули свои базы. Взяли все, что им нужно, и отправились за нами. Итак, мы отступили и продолжаем отступать. Но делаем вид, что можем противостоять им и боремся, хотя это бессмысленно. Они превосходят нас по численности и вооружены в тысячу раз лучше нас.

— Сколько это может продлиться?

— Не думаю, что очень долго. Мы уже отдали все наши населенные планеты и скоро выйдем в Межгалактику. Больше нам некуда будет отступать. Если так будет продолжаться, чудища вообразят, что они достаточно сильны, чтобы совсем нас уничтожить. Им останется только собрать небольшие силы и держать нас припертыми к стене, а сами они могут начать атаку на планетарные базы.

— У тебя как-то очень мрачно получается.

— Потому что это и на самом деле мрачно.

— Не беспокойся, моя сладкая,— я обнял ее и поцеловал.— Твой маленький Скользский Джим спасет огромную Галактику.

— Еще раз. Это было бы замечательно.

— Мне приказано явиться сюда,— произнес знакомый голос,— чтобы засвидетельствовать, как вы милуетесь и целуетесь. Вы что, не знаете, что идет война? Я должен отвлекаться от своей работы, чтобы сказать вам все это. Вы же знаете, как я занят.

— Скоро будете еще больше, профессор Койпу.

— О чем вы говорите?— гневно прокричал он, повернув ко мне свое некрасивое лицо.

— Я говорю о том, что вам придется создавать оружие, которое всех нас спасет, и ваше имя будет вписано в историю золотыми буквами навсегда: Койпу — Спаситель Галактики.

— Вы — сумасшедший.

— Не думаете ли вы, что так называете меня первым? Всех гениев считают сумасшедшими. Если не хуже. Я

прочел рапорт «совершенно секретно» о том, что вы сейчас верите в существование параллельной Вселенной...

— Тихо, дурак! Это тайна. Никто не должен знать. Особенно вы, болтун вы эдакий.

— Честное слово, это произошло случайно. Сейф открылся, когда я проходил мимо, и все бумаги посыпались из него. Но это правда?

— Правда, правда,— пробормотал он, постукивая ногтями по своим зубам с очень несчастным видом.— Я получил разгадку благодаря вашей шальной выходке со спиралью времени, когда вы застряли в петле времени в кусочке прошлого, которого не было.

— Но оно было для меня.

— Разумеется. Об этом я и говорю. Следовательно, если может существовать одно возможное прошлое, значит есть безграничное количество различных прошлых. Это очень логично.

— Конечно, конечно, так оно и есть,— возликовал я.— Вы уже начали эксперименты?

— Да. Я получил доступ в параллельные вселенные, сделал наблюдения и заметки. Но каким образом это может спасти Галактику?

— Сначала один вопрос, если позволите. Есть возможность прохода в эти вселенные?

— Разумеется. Иначе как бы я делал свои наблюдения? Я закинул туда маленькую машину для записи и съемок.

— А большую машину вы можете туда послать?

— Зависит от энергии поля.

— Чудесно. Это и есть ответ.

— Может, этот ответ понятен тебе, Скользкий Джим,— сказала с некоторым удивлением Ангелина,— но у меня нет такого ощущения.

— Ты только подумай, любимая, что можно сделать с такой машиной. Ты помещаешь ее на боевой корабль с большим количеством энергии. Корабль соединяется с нашим космическим флотом и становится во главе его.

Наши силы бегут, боевой корабль ковыляет позади, враг стремится вперед, и вдруг силовое поле поворачивается.

— Все эти жуткие ползучие пресмыкающиеся со всем своим оружием проваливаются в другую Вселенную, и угроза исчезает навсегда!

— Я думал о подобном,— скромно признался я, полируя ногти о грудь.— Мы можем сотворить это, Койпу?

— Вполне...

— Тогда давайте пройдем в вашу лабораторию и посмотрим на техническую новинку, а там поглядим, может ли наш план стать реальностью.

Новейшее изобретение Койпу совсем не впечатляло. С виду оно было похоже на скопление коробок, проводов, распиханных по всей комнате. Но он страшно гордился всем этим.

— Форма еще не та, как видите,— сказал он.— Наскоро соединенные компоненты. Я называю его мой параллелизатор...

— Я, пожалуй, не смогу повторить это слово три раза, причем быстро.

— Не шутите, ди Гриз! Это изобретение изменит судьбу известной Вселенной и по крайней мерс одной неизвестной.

— Не будьте таким обидчивым,— успокаивающе произнес я.— Ваш гений не останется незамеченным, профессор. Теперь, будьте так добры, и продемонстрируйте работу вашего параллелизатора.

Койпу засопел и пробормотал что-то себе под нос, колдуя над машиной, поворачивая рубильники и набирая цифры. Обычная процедура. Пока он занимался этим, я тоже кое-что делал. Это «кое-что» не имело никакого научного значения, но было для меня важным — я крепко обнимал Ангелину, которая, в ответ, так же крепко обнимала меня. Профессор, погруженный в свою работу, так и не заметил, насколько мы были погружены в свою работу. Он читал нам лекцию, пока мы впивались друг в друга.

— Точность и четкость — самые важные вещи. Различные параллельные вселенные отделены друг от друга

тончайшими перегородками. Вы можете представить себе это? Выбрать одну-единственную вероятность из бесчисленного количества возможных — это самая тонкая часть операции. Естественно, что вероятности, ненамного отличающиеся от нашей, лежат совсем рядом. Те же, что отличаются коренным образом, лежат на большом расстоянии и требуют много энергии. Для примера я возьму ближайшую и открою ей ворота, итак!

Последний выключатель был повернут, и в машине загорелся неяркий свет. Машина загудела со всех сторон, засверкала, издавая резкий запах озона. Я оторвался от Ангелины и со всей осторожностью огляделся.

— Знаете ли, профессор,— сказал я,— мне ничего не понятно.

— Вы — кретин! Смотрите туда, через генератор поля.

Я посмотрел на большую металлическую раму, обвитую медной проволокой и мягко мерцающую. Я все равно не видел того, о чем говорил Койпу. Он от гнева закричал и попытался выдрать клок волос из своей головы, но у него ничего не вышло, так как он был абсолютно лыс.

— Смотрите через поле и вы увидите параллельную Вселенную с другой стороны.

— Я вижу только лабораторию.

— Болван. Это не наша лаборатория, а лаборатория из другого мира. Она существует там так же, как и здесь.

— Восхитительно!— сказал я, улыбаясь и стараясь не расстраивать старину Койпу. Хотя на самом деле я думал, что крыша у него поехала.— Вы считаете, что если я делаю шаг, то могу переступить экран и оказаться в другом мире?

— Вероятно. Но вероятно вы в этот момент и умрете. Я еще не пропускал живую материю через экран.

— Может, пришло время попробовать?— спросила Ангелина, пожимая мне руку.— Только с другой живой материей, не с моим мужем.

Бормоча ругательства, Койпу вышел и вернулся, держа в руках белую мышь. Он поместил мышь в клетку и стал медленно толкать ее к экрану. Ничего не произошло, кроме того, что мышь каким-то образом выбра-

лась из клетки и упала на пол. Она юркнула в сторону и пропала.

— Куда вы ее толкали?— спросил я, быстро моргая.

— В параллельный мир, как я уже объяснял.

— Бедняжка испугалась,— сказала Ангелина.— Но ведь никто ей не причинил вреда.

— Опыты надо продолжать,— сказал Койпу.— Со многими мышами, микроскопическими исследованиями, спектроскопическими определениями факторов...

— В обычных условиях, профессор,— сказал я,— но сейчас идет война, и у нас нет времени на опыты. Есть только один способ прекратить эту тягомотину и узнать все прямо сейчас.

— Нет!— закричала Ангелина, рванувшись ко мне и поняв, на что я намекаю, быстрей, чем профессор. Но она тоже опоздала.

Потому что, как только она закричала, я переступил через экран.

18

Я не ощутил ничего, кроме легкого звона в ушах и мягкого покалывания, может, это было действием моего воспаленного воображения, потому что я ждал каких-нибудь ощущений. Я осмотрелся — все вокруг казалось мне удивительно знакомым, только параллелизатор отсутствовал.

— Джим ди Гриз, немедленно возвращайся, или я отправляюсь за тобой,— сказала Ангелина.

— Сей момент,— ответил я.— Это важная для истории науки минута, и я должен все обследовать полностью.

Меня несколько выбило из колеи то, что пройдя в сторону и посмотрев через экран, я увидел, как лаборатория вместе с Ангелиной и профессором пропала. Впереди ничего не было видно, все покрылось черной пеленой, плавающей в пространстве. Уголком глаза я заметил, как что-то движется. Это была мышь, она бегала по кабинету и была подвижна, видимо, ей здесь нравилось. Я не мог

вернуться, не оставив следа своего пребывания тут. Поэтому я достал ручку и написал на стене: СКОЛЬЗКИЙ ДЖИМ БЫЛ ЗДЕСЬ. Пусть теперь думают, что хотят. В этот момент дверь приоткрылась, и я нырнул назад через экран. Мне не хотелось ни с кем встречаться. Это мог быть мой дубль из параллельного мира и он мог здорово расстроиться.

— Очень интересно,— сказал я. Ангелина обняла меня, и Койпу повернулся ко мне.— Какой самый большой экран вы можете сделать?— спросил я.

— Теоретически нет пределов размерам, потому что он не существует. В данном случае я использовал металлические кольца для сохранения поля, но для теории это несущественно. Если мне удастся создать проект поля без материального содержания, то экран будет достаточно большим, чтобы отослать туда весь флот пришельцев.

— Об этом я и думаю, профессор. Посему отправляйтесь к вашей чертежной доске и покорпите над ней. А я тем временем доложу новости нашему хозяину.

Созвать всех начальников было не очень легким делом, потому как они все с головой погрузились в войну, и были уверены в скорой победе. Мне пришлось действовать через Инскиппа, который применил всю власть Специального Корпуса и созвал людей. Так как они использовали эту базу для разработки оборонных мероприятий, им было просто неудобно отказать гостеприимному хозяину. Я ждал, пока все соберутся, сияющие и хрустящие в новеньких формах, увешанные настоящими медалями, а мою грудь украшали несколько поддельных. Они переговаривались друг с другом, закуривали сигары и косились в мою сторону. Как только они все расселись, я постучал, требуя внимания.

— Господа, к настоящему времени мы проигрываем войну.

— Мы собрались тут не за тем, чтобы ты нам это говорил,— прорычал Инскипп.— Давай к делу, ди Гриз!

— Я созвал вас, чтобы поведать, что конец войне близок. Мы ее выиграем.

Только после этого они прислушались. Это мне и нужно было. Все головы были повернуты в мою сторону, все желтоватые и покрасневшие глаза смотрели на меня.

— Это можно сделать с помощью нового изобретения, названного параллелизатор. Используя его, мы можем отправить флот врага в параллельную Вселенную и больше никогда о нем не услышим.

— О чем говорит этот безумец?— поинтересовался адмирал.

— Я говорю о самом новейшем изобретении, которое даже мое богатое воображение с трудом восприняло, и я полагаю, что ваши закоснелые и окаменевшие мозги вообще не поймут. Но попытайтесь. Попытка не пытка.— При этих словах недовольный шум волнами распространился по комнате, но теперь их внимание было полностью поглощено моей особой.— Теория такова. Мы можем совершать путешествия в наше прошлое, но изменить его мы не в состоянии. Хотя мы все-таки умудрились изменить прошлое, путешествуя туда. Эти изменения произошли там, где оно зависит от настоящего, от того момента, в котором мы живем.

На меня смотрели остекленевшие глаза, но я продолжал:

— Однако, если в прошлом совершены глобальные изменения, у нас получается другое прошлое для другого настоящего. Мы не можем точно знать об этом, потому что нас там нет, но это очевидно для людей, которые там живут. Такие альтернативные нити времени, или параллельные вселенные, существовали всегда, но мы не могли их обнаружить до изобретения нашего гения, профессора Койпу. Его аппарат позволит нам ступить в параллельные миры, или залететь туда, либо добраться до них каким-то неведомым способом. Самое интересное, что можно создать экран такого размера, что в него может уместиться весь флот пришельцев и тут же исчезнуть навсегда, никогда нас больше не тревожа. Есть вопросы?

Конечно, они были, и после получаса детальных объяснений я считал, что их убедил в том, что с пришельцами произойдет что-то ужасное, и война закончится. Короче,

план боевых действий они должны одобрить. Были и улыбки, и кивки, даже крики радости и восторга. Когда заговорил Инскипп, стало ясно, что он говорит для всех.

— Мы можем сделать это! Покончить с жуткой войной! Послать флот врага в другую Вселенную!

— Да, так мы и сделаем,— поддержал я начальство.

— Но ЭТО ЗАПРЕЩЕНО,— сказал низкий бестелесный голос. Он говорил из пустого пространства над столом. Это впечатляло, и один офицер от неожиданности схватился за грудь, наверное, у него с сердцем было не все в порядке или это был религиозный ритуал. Но трудно было сбить с толку Инскиппа — это был крепкий орешек.

— Кто сказал это? Кто из вас опустился до чревовещания?

Раздались оправдательные выкрики, все стали заглядывать под мебель, и замерли, когда голос заговорил снова.

— Это запрещено, потому что аморально, сказано вам.

— Кем сказано?— заорал Инскипп.

— Нами — Моральным корпусом.

Голос уже доносился со стороны открытой двери, он шел откуда-то из глубины, и нам достаточно было секунды, чтоб понять это. Одна за другой поворачивались адмиральские головы и глаза уставились на мужчину, который вошел. Он производил сильное впечатление: высокий, с длинными белыми волосами и бородой, с плеч спадала белая одежда. Но Инскиппа было тяжело вывести из равновесия.

— Вы арестованы,— сказал он.— Позовите стражников и уведите его. Я никогда раньше слыхом не слыхал о Моральном корпусе.

— Разумеется, нет,— сказал мужчина низким голосом.— Мы слишком засекречены для этого.

— Вы засекречены,— усмехнулся Инскипп.— Мой Специальный Корпус тоже засекречен, и люди думают, что это миф и слухи.

— Мне известно об этом. Это не такая уж тайна. Мой Моральный корпус настолько засекречен, что нет даже слухов.

Инскипп стал малиновым и начал раздуваться. Я быстренько стал между ними, пока он не взорвался.

— Это звучит очень интересно, но нам нужны доказательства. Мы можем их от вас получить?

— Разумеется,— он глянул на меня стальным взглядом.— Какой ваш самый секретный код?

— С какой стати я должен вам это говорить?

— О, конечно, нет. Я и так знаю. Это Шифр Васарнап, не так ли?

— Может быть,— ответил я.

— Это так,— сказал он строго.— Отправляйтесь к секретному компьютерному терминалу и дайте ему сообщение в этом шифре. Можете упомянуть, что сообщение исходит от Морального корпуса.

— Я сделаю это,— сказал Инскипп. Агент ди Гриз не знает о Шифре Васарнапа.

Подумать только, как много он знал. Все взгляды были прикованы к нему, пока он шел к компьютерному терминалу, звеня ключами. Из кармана он вынул шифровое колесико, вставил его в терминал и отпечатал сообщение. Громкоговоритель заскрипел, и монотонный голос осведомился:

— Кто делает запрос?

— Я, Инскипп, глава Специального Корпуса.

— Тогда я отвечаю: Моральный корпус — верхушка секретных сил Лиги. Их приказы должны беспрекословно выполняться. Приказы отдает верховный исполнитель Морального корпуса. В настоящее время им является Джей Ховах.

— Я — Джей Ховах,— заявил пришелец.— Поэтому повторяю. Запрещено отправлять пришельцев в параллельные миры.

— Почему?— поинтересовался я.— Вы хотите, чтобы мы их взорвали?

Он просверлил во мне дыру своими стальными глазами:

— Сражаться в целях самообороны — это не аморально. Это защита своей родины и близких.

— Значит, вы не возражаете против того, чтобы мы их взорвали, но тогда почему мы не можем отправить их в другой мир? Это им повредит гораздо меньше.

— Это им совсем не повредит. Но вы отсылаете отвратительных пришельцев, вооруженных до зубов, с оснащенным современным флотом в параллельную Вселенную, в которой их раньше не было. Вы будете ответственны за убийства всех человеческих существ в той Вселенной. Это аморально. Следует найти путь уничтожения врага без того, чтобы причинять страдания другим.

— Вам не удастся нас остановить,— в гневе прокричал один из адмиралов.

— Я могу, и я сделаю это,— ответил Джей Ховах.— В конституции Лиги Объединенных планет сказано, что никакие аморальные действия, совершенные частными лицами или организациями, которыми руководят частные лица, не будут разрешены. Такое решение было принято и подписано представителями планет. В документе сказано, что в сомнительных случаях необходимо вызывать наш корпус для определения степени моральности. Так что мы — вершина власти, и мы говорим — нет. Найдите другой выход.

Пока Джей говорил, в моей голове одна мысль сменялась другой. Работа эта шла быстро. И вдруг — стоп! Кажется, я что-то придумал.

— Остановите этот базар,— сказал я, потом заорал еще раз, потому что никто не слышал.— Я хочу предложить вам альтернативный план.— Это заставило их притихнуть, и даже Джей замолк, прислушиваясь к моим словам.— Моральный корпус выражает протест по поводу переброс мерзопакостных пришельцев в параллельный мир, где они станут убивать человеческие существа, живущие там. Это ваш аргумент, Джей?

— Очень грубо, но смысл такой,— ответил Ховах.

— Тогда вы не будете возражать, если мы затолкаем врага в параллельную Вселенную, в которой нет людей вообще?

Он открыл и захлопнул рот несколько раз подряд и был похож на рыбу, которую вытащили из воды. Не найдя, что

возразить, он принял свирепый вид. Я закурил сигару. А адмиралы стали бубнить не затем, чтобы предложить свой вариант, а из чувства противоречия и от зависти. Они расстроились, что мое предложение не пришло им в голову раньше. А может быть, галдели они, потому что ничего не понимали, да и как они могли что-то понимать, когда всех их призвали в армию в мирное время.

— Мне, пожалуй, нравится это предложение,— наконец произнес Джей Ховах.

— Тогда, бога ради, действуйте.

Он посмотрел на меня, снял с шеи золотой предмет, похожий на брелок, и свистнул в него. Потом прислушался. И кивнул.

— Да, это не будет аморально. Отослать пришельцев во Вселенную, в которой не существует человечества, можно. Я разрешаю.

— Что происходит?— спросил адмирал, уже совсем ничего не понимая.

— Все очень просто,— объяснил я ему.— Есть миллионы, биллионы, возможно несчетное количество параллельных галактик. Среди них должна быть хотя бы одна, в которой никогда не было Хомо сапиенс. В этой Галактике должны жить только пришельцы, откуда, возможно, они и появились.

— Ты хочешь быть добровольцем и отправиться искать такую Галактику?— спросил Инскипп.— Так, пожалуйста, двигай, ди Гриз, и найди самое лучшее место для боевого флота пришельцев!

— Он не может отправляться один,— объявил Джей Ховах.— Мы долгое время наблюдали за этим человеком, он самый аморальный во всем Специальном Корпусе.

— Очень лестно,— сказал я.

— Посему мы не можем верить ему на слово. В поисках параллельного мира его будет сопровождать наш агент.

— Вот это здорово,— сказал я ему.— Только не забывайте, что сейчас война и мне бы не хотелось, чтобы ваш моралист в свинцовых ботинках, распевающий псиг-

раммы, отставал от меня. Это военная операция, и я буду передвигаться очень быстро...

Я еще не закончил свою мысль, как в дверях появился некто. Я заткнулся, как только увидел ее, так как некто была она. Девушка была так же, как Джей, в белой одежде, однако она отличалась от его одеяния. Самые приятные изгибы тела подчеркивались, выступая под одеждой. Волосы цвета светлого меда, розовые губы, сверкающие глаза. Упаковка морального агента была весьма привлекательной.

— Это агент Инкьюнаба. Она будет вас сопровождать,— произнес Джей.

— Ну, в таком случае, я пересмотрю свои претензии,— начал подлизываться я.— Уверен, что это — образцовый офицер...

— Неужели?— раздался голос из воздуха, второй раз за этот день. Только сейчас он был женский и удивительно знакомый. Я сразу узнал его.— Если ты думаешь, что отправишься один вместе с этой сексуальной стервочкой, Джим ди Гриз, то ты ошибаешься. Так что лучше заказывайте три билета.

19

— Отставить секретные военные переговоры!— простонал Инскипп.— Нас, оказывается, подслушивают? Это твоя жена, что ли? Зачем она шпионит за нами, ди Гриз?

— Голос очень похож,— сказал я спокойно.— Я надеялся, что вы приняли меры предосторожности. Но увы, вас не волнуют интересы государства. Однако мне недосуг. Я должен отправляться на поиски других галактик! Ждите сигнала. Вы скоро получите мой рапорт, господа.

Я вышел, сопровождаемый Инкьюнабой. Ангелина ждала нас в коридоре. Глаза ее горели, как у львицы, руки были похожи на клешни с хищно выставленными ногтями. Она обожгла меня испепеляющим взглядом, потом обратила свой разрушительный взор на Инкьюнабу.

— Ты что, собираешься путешествовать в этом банном халате?— спросила моя жена, температура ее голоса была близка к абсолютному нулю. Инкьюнаба посмотрела на Ангелину сверху вниз, выражение ее лица не изменилось, хотя ноздри широко раздулись и, казалось, испускают пламя, потом девушка сморщилась, будто почувствовала неприятный запах.

— Возможно, я и сменю одежду. Но, во-первых, это мое дело, а во-вторых, мой халат привлекательней и практичней твоего выходного платья.

Не ожидая, когда разразится скандал, я, как трус, отступил и подбросил им миниатюрную дымовую шашку. Это на мгновение отвлекло их внимание. Я быстро заговорил.

— Дамы, мы должны лететь через полчаса, поэтому, пожалуйста, приготовьтесь. Я сейчас иду в лабораторию, чтобы обсудить подробности с профессором Койпу. Надеюсь, что вы скоро ко мне присоединитесь.

Ангелина присоединилась ко мне сейчас же. Судорожно схватив мою руку, она протащила меня по коридору, шипя слова мне прямо в ухо. Потом для их подкрепления еще и укусила меня.

— Один шаг в сторону, один взгляд, одно прикосновение твоей руки к ней и ты — труп, Грязный Старый Джим ди Гриз.

— А как насчет презумпции невиновности?— поинтересовался я, потирая скрутившиеся в трубочки уши.— Я люблю тебя и никого больше. Теперь давай покончим с этим и переключимся на войну. Первым делом навестим Койпу, чтобы узнать, как продвигаются дела с исследованиями.

— У вас только один выбор из возможных галактик,— сказал Койпу, после того, как я объяснил ему ситуацию.

— Что вы имеете в виду?— я был в шоке.— Но ведь их биллионы, несчетное количество. Вы сами об этом говорили.

— Да, говорил. Столько и существует. Но такие крупные предметы, как корабли, мы сможем провести только к шести из них. Потребление энергии резко увеличится,

если мы откроем экран шире, чем на два метра. А в узкий вам не удастся протолкнуть много пришельцев.

— Значит, остается шесть вселенных. А почему вы говорите только одна?

— Потому что в остальных пяти существуют и лаборатория, и я сам, кроме того, я видел и других людей. В этой шестой, которую я назвал Космос-6, нет лабораторий или базы корпуса. Экран открывается прямо в межзвездное пространство.

— Его-то мы и должны исследовать,— сказал золотистый голос Инкьюнабы, которая прошествовала через дверной проем. Она была одета в облегающий космический костюм, высокие черные ботинки. Я успел заметить еще множество других интересных подробностей, хотя за моей спиной находилась Ангелина. В конце концов я отвернулся и стал смотреть на Койпу — уродливое лицо, зато безопасное.

— Значит, мы должны исследовать именно ее?— спросил я.

— Вы весьма сообразительны. Я сконструировал и собрал экран за пределами лабораторного корпуса. Предлагаю вам лететь на космическом корабле меньшего диаметра, я вас проинструктирую.

— Прекрасная идея. Ланцетовидный корабль скаутов, я думаю, нам подойдет.

Я вышел, а мой малочисленный экипаж последовал за мной. Я показал корабль, на котором мы полетим, и мы провели тщательную проверку. Инкьюнаба расположилась в рубке управления, что делало мою жизнь более сносной.

— Я всегда мечтал увидеть другие вселенные,— с восторгом сказал я.

— Заткнись и полетели.

Я вздохнул и связался с Койпу по радио.

— Вы летите по курсу 46 градусов от исходного положения,— сказал он.— Скоро увидите кольцо огней.

— Понял.

— Пролетайте сквозь него. Тщательно наведите курс и оставьте радиомаяк, как положено.

— Сделаем все, как надо. Надеюсь на скорое возвращение.

Корабль проскочил сквозь кольцо, которое пропало из виду очень скоро. Я мог наблюдать в зеркала заднего вида диск, покрытый чернотой, затмевающий свет звезд.

— Курс установлен, маяки выпущены,— сказала Ангелина.

— Ты просто восхитительна. А ты знаешь, я обратил внимание, листая карты, на одну прекрасную звездочку с ускорением в 2g, расстояние до нее около 50 световых лет. Значит, сигналы, которые мы получали были посланы пятьдесят лет назад. А не полететь ли нам туда, чтобы проверить, что делается там сейчас.

— Да. Кроме этой звезды ты больше ничего не увидишь. Как раз успеем долететь туда, и жизнь кончится.

— Любовь моя!— я взял ее ладони в свои руки.— Мои глаза смотрят только на тебя.— Я заметил, что она улыбается и даже смеется. Мы обнялись.— Ты за мной следила?

— Чуть-чуть. Я подумала — было бы неплохо отправиться в путешествие, а затем и возможность такая нашлась. Но запомни — я сдеру с тебя шкуру, если увижу когда-нибудь возле этой курочки из Морального корпуса.

— Не беспокойся. Я в очередной раз слишком занят спасением Галактики.

Когда мы вышли из искривленного пространства, Инкьюнаба пригласила нас в рубку.

— Есть две населенные планеты возле того солнца,— сообщила она.

— Об этом нам говорят приборы и радио. Мы собираемся на них взглянуть, подлетев поближе.

Корабль совершил прыжок через искривленное пространство и уже входил в атмосферу планеты. Голубое небо, белые облака — приятное местечко. Радио передавало весьма бравурную музыку и иногда взрывалось речами на непонятном языке. Никто из нас не знал его. Какие существа населяли эту планету? Нас это крайне интересовало. Мы опускались все ниже и ниже, пока ландшафт окончательно не прояснился под нами.

— Дома,— сказала Ангелина, ее голос был весьма грустным.— И возделанные поля. Очень похоже на нашу родину...

— Нет, не может быть,— крикнул я и повернул телескоп.

— Как красиво!— ахнула Ангелина, и это действительно было красиво. По крайней мере, в тот момент. Существо со множеством ног тащило за собой плуг. Плугом управляло отталкивающее существо, напоминающее наших домашних врагов.

— Вселенная пришельцев!— я рассмеялся.— Они могут сюда вернуться и жить счастливо очень долго. Давайте возвратимся и доложим эти добрые вести.

— Нет, осмотрим другую планету,— сказала Инкьюнаба очень спокойно,— или проверим получше эту. Нам нужно знать точно, что здесь нет человеческих существ.

Ангелина холодно взглянула на нее, а я вздохнул:

— Конечно. Мы должны это сделать. Осмотреться и выяснить, что тут живут одни пресмыкающиеся. Ну что ж, начнем со второй планеты. Конечно.

Мы подлетели к ней. И снова увидели в телескоп все те же города и веси, деревни и поля. Обитатели этих мест весьма походили на людей.

— Может, они переоделись в людей,— заметил я,— а внутри прячутся насекомые.

— А не разрезать ли нам одного и посмотреть?— совершенно серьезно спросила Ангелина.

— Разрезать живое существо? Да это строжайше запрещено Моральным корпусом.

Слова Инкьюнабы были прерваны треском, раздавшимся в радио. В тот же самый момент на экране вспыхнули красные молнии. Я быстро отвернулся.

— У нас, кажется, скоро начнутся неприятности,— сказал я.— Рвем когти, пока не поздно.

— Я тоже думаю, что стоит поспешить,— поежилась Ангелина.

Но было поздно — к нам приближался отвратительный черный военный корабль. Жерла его пушек были настоль-

ко велики, что каждая вполне могла вместить наш кораблик. И, видимо, они не случайно направили их в нашу сторону. Я только потянулся к кнопкам управления, как ощутил толчки и понял, что наш корабль захвачен.

— Я думаю, мне стоит выйти и поговорить с ними,— сказал я, застегивая и расстегивая замок на комбинезоне.— А вы просто отдохните, пока я не вернусь.

— Я пойду с тобой,— твердо произнесла Ангелина.

— Только не сейчас, светоч моей жизни. Считай это приказом. Если я не вернусь, то постарайтесь связаться с нашими и объяснить, что произошло.

С этими словами я вышел и, застегивая скафандр, подлетел к дредноуту, входные люки которого автоматически распахнулись передо мной. Я вошел внутрь с высоко поднятой головой и был несказанно рад увидеть людей. На них была облегающая черная форма, смотрели они тяжелыми глазами.

— Кржти пиклин стимфрх!— сказал мне один из них. В руках у него был большой слиток золота.

— Я, конечно, не сомневаюсь, что это великий язык, только я им не владею.

Он выставил одно ухо и прислушался, потом дал отрывистый приказ. Один из присутствующих убежал и вернулся с металлической коробочкой, с проводами и кнопками. Это был некрасивый шлем. Я шагнул в сторону, но внушительного вида дуло ткнулось мне под ребро. Пришлось отказаться от дальнейших попыток оказывать сопротивление. Мне на голову водрузили эту штуку, были сделаны все соответствующие приготовления, и офицер заговорил снова.

— Сейчас ты меня понимаешь, назойливый червяк?

— Очень хорошо понимаю, и нет нужды говорить со мной в таком тоне. Мы прибыли к вам издалека не для того, чтобы выслушивать ругательства.

Он втянул губы, потом обнажил свои зубы, и я решил, что сейчас он вонзит их в мое горло. Остальные застыли, тяжело дыша.

— Да ты знаешь, кто я!— заорал он.

— Нет, и меня это нисколько не волнует. Потому что ты не знаешь, кто я. Ты имеешь счастье лицезреть первого посла из параллельной Вселенной. Так что не мешало бы и поздороваться.

— Он говорит правду,— сказал техник, наблюдая за своими непонятными приборами, усеянными иголками.

— Да ну? Тогда другое дело,— сказал офицер, моментально успокоившись.— Ты, конечно, не знаешь о строжайшем карантине. Меня зовут Кангг. Пойдем выпьем, и ты мне расскажешь, что ты тут делаешь.

Напиток был не таким уж плохим, и все они слушали, поражаясь моему рассказу. Я почти все уже сообщил им, когда они послали за дамами, и мы все, дружно чокнувшись, выпили.

— Прекрасно, удачи тебе в твоих делах,— произнес Кангг, подымая свой стакан.— Я не завидую твоей работе. Но, как видишь, у нас свои проблемы с пришельцами, и меньше всего нам хотелось бы, чтобы они посетили нас. Наша война закончилась около 1000 лет назад и очень нас вымотала. Мы взорвали все корабли пришельцев и теперь уверены, что эти мерзкие пресмыкающиеся никуда не денутся со своей планеты. Они, конечно, готовы вцепиться нам в глотки в любой момент, так что мы постоянно наблюдаем за ними с таких патрульных кораблей, как мой.

— Мы вернемся домой и я доложу, что это аморально посылать сюда флот,— сказала Инкьюнаба.

— Мы можем подарить вам несколько боевых кораблей,— предложил Кангг.— Мне действительно неприятно, что мы не можем вам оказать услугу.

— Я доложу о вашем предложении, спасибо,— сказал я.— Но боюсь, что нам придется принять более решительные меры. Сейчас нам нужно вернуться, потому что надо принимать решение.

— Надеемся, рано или поздно вы избавитесь от них. Эти ползучие гады могут быть очень подлыми.

Мы были расстроены. Но ничего не поделаешь, приходится возвращаться обратно, несолоно хлебавши. И все-таки, наверное, выпивка параллельного мира сделала свое

дело с моим мозгом, а может, отчаяние достигло апогея, только меня вдруг осенило.

— Я нашел!— закричал я, выплескивая в крике всю неудержимую радость.— Ответ на все наши проблемы.

Мы проскочили сквозь экран и я совершил сумасшедшую посадку возле ближайшего шлюза.

— Сейчас все узнаете. Идите за мной.

Я помчался вместе с девочками, ворвался в конференц-зал с собравшимися начальниками, желающими узнать, почему их так срочно собрали.

— Значит, мы можем отослать к ним пришельцев?— спросил Инскипп.

— Ни в коем случае. У них есть проблемы со своими пришельцами.

— Тогда, что же нам делать?— промяукал адмирал — божий одуванчик.— Шесть параллельных галактик и во всех живут люди. Куда же мы отправим пришельцев?

— Не в эти галактики,— сказал я.— Придется отсылать их в другое место. Я посоветовался с Койпу, и он считает, что это возможно. Сейчас он занимается расчетами.

— И куда же, по-твоему, мы должны их послать? Докладывай,— приказал Инскипп.

— Мы забыли, что существует маршрут — путешествие во времени. Мы пошлем их сквозь время.

— Неужели в прошлое?— удивился шеф.

— Нет, это нецелесообразно. Они будут держаться поблизости, дождутся того момента, когда появятся люди, и уничтожат нас. Нет, в прошлое не пойдет. Мы отошлем их в будущее.

— Вы сумасшедший, ди Гриз. Что это нам даст?

— Подумайте, мы посылаем их на столетие вперед. Пока они будут там, лучшие умы всей Галактики будут думать, как их уничтожить. У нас будет целых 100 лет для обдумывания. Мы изобретем что-нибудь, и когда они появятся через 100 лет, наш народ позаботится о том, чтобы угроза, исходящая от них, исчезла раз и навсегда!

— Прекрасно!— сказала Ангелина.— Мой муж — гений. Устанавливайте машины и отправляйте их в будущее.

— ЭТО ЗАПРЕЩЕНО,— произнес низкий голос откуда-то сверху.

20

Последовавшая за этим полная тишина длилась не дольше двух ударов сердца, потом была прервана самым жутким образом: Инскипп вскинул свое ружье и стал стрелять в потолок.

— Секретное заседание! Сверхсекретное! И постоянно нас подслушивают. Я не удивлюсь, если нас начнут показывать по телевизору.

Он выхватил оружие. Он был разгневан и оттолкнул адмиралов, которые пытались его успокоить. Я перепрыгнул через стол и обезоружил его. Притом, пришлось применить силу. Может быть, я перестарался. Он почти упал, глаза его остекленели. Я посадил его в кресло, он принялся что-то бормотать себе под нос.

— Кто вмешался в наше заседание?— спросил я, когда наступила тишина.

— Я,— сказал человек, появившийся из воздуха, все это сопровождалось резкими рвущимися звуками. Он остановился неподалеку от стола и спрыгнул на пол.

— Я быль, которая говориль, благиродный сер. Я высокий Га Бинетто.

Он выглядел очень интересно, одет был в мешковатый вельветовый костюм, на голове — огромная шляпа с пером, свои усы он завивал кольцами одной рукой. Другая рука отдыхала на эфесе шпаги. Поскольку Инскипп продолжал что-то бормотать, я был вынужден говорить с ним как главный.

— Нас не интересует твой рост, скажи, как твое имя?

— Имя? Имья — понял. Я называюсь Га Бинетто.

— Кто дал тебе право врываться сюда на тайное совещание?

— Несомненно, нет никаких тайн от Полиции времени.

— Полиция времени?— это было что-то новенькое.— Путешественники во времени из прошлого?— такой поворот запутал даже меня.

— О Боги, кинжалы, слуги, нет. Зачем вы так думайт?

— Я так думайт, потому что ваш язык вышел из употребления 2200 лет назад.

Он метнул в меня недобрый взгляд и неуловимым движением коснулся эфеса своей шпаги.

— Не будь таким чертовски высокомерным,— отщелкал Га Бинетто.— Ты прыгаешь по времени на одной ножке, изучаешь все наречия и диалекты. Но ты бы не смог так быстро...

— Давай вернемся к нашему делу,— прервал я его.— Ты Полиция времени, но ты прибыл не из прошлого. Я не ошибусь, сказав — ты наверняка из будущего. Я отгадал? Ну кивни, если отгадал. Вот так. Довольно честно. Теперь ответь мне, почему мы не можем отправить пришельцев на парочку-другую сотню лет вперед?

— Потому что это запрещено.

— Ты уже это говорил. Теперь, как насчет обоснования?

— Мне нечего вам сказать,— холодно и злобно покосился он на меня.— Мы могли послать сюда водородную бомбу вместо меня, так что, как насчет того, чтобы заткнуться и выслушать?

— Он прав,— проквакал один из божьих одуванчиков-адмиралов.— Добро пожаловать в наше время, прославленный путешественник во времени. Давайте нам ваши инструкции, пожалуйста.

— Это мне нравится больше. Уважайте то, что достойно уважения, если ничего не понимаете. Все что вам положено знать — это то, что основная работа Полиции времени — охранять время. Мы следим, чтобы не случались парадоксы, чтобы не злоупотребляли путешествиями во времени. А твое предложение — чистой воды злоупотребление. Сама ткань времени может порваться после таких событий. Это запрещено.

После его слов в зале установилась мрачная тишина. Я лихорадочно размышлял, что делать дальше?

— Скажи мне, Га Бинетто,— спросил я.— Ты человек или пришелец в оболочке?

— Я такой же человек, как и ты,— гневно ответил он.— Может, даже еще больший.

— Отлично. Если ты человек из будущего, значит пришельцы не уничтожили всех людей в нашей Галактике, как они хотят это сейчас сделать. Так?

— Так.

— Как же мы выиграли войну?

— Войну выиграли...— Он захлопнул свой рот и стал красным как рак.— Это информация из будущего, я не могу вам сообщать никаких сведений. Выпутывайтесь сами.

— Не вертите перед носом вашим хромированным эфесом,— взревел Инскипп, наконец придя в себя.— Вы сказали, что мы должны остановить план спасения человечества. Мы подчинимся вам, но при условии, если вы скажете, что нам дальше делать. В противном случае мы будем действовать согласно своему плану.

— Я не могу вам ничего сказать. Это строго запрещено.

— Тогда хотя бы намекните,— предложил я.

Он подумал немного, потом улыбнулся. Мне очень не понравилась его улыбка. Затем он произнес странные слова.

— Подумайте о своем уме, ди Гриз. Там и ищите разгадку. Она полностью в уме.

Он растворился в воздухе, щелкнул каблуками и пропал.

— Что он хотел этим сказать?— спросил Инскипп, нахмурясь в глубокой сосредоточенности.

Что же он хотел сказать? Он обратился непосредственно ко мне, так что я и должен решить этот ребус. Первая часть высказывания была произнесена специально, чтобы запутать меня, он вспомнил о моем уме. «Она полностью в уме». В чьем уме? Моем? Что это значит? На что он намекает? Возможно, мы что-то говорили об уме до этого? Да нет, вроде, ничего. Я был обескуражен.

Инкьюнаба полусонно глядела в никуда, наверное, была погружена в свои высокоморальные мысли. Мне ка-

жется, она значительно лучше выглядит, когда молчит. Чего не скажешь об Ангелине. Ее прелестные брови были нахмурены, ее мозг напряжен, как и тело. Она сузила глаза, потом вдруг широко раскрыла их. Потом улыбнулась. Когда она поймала мой взгляд, ее улыбка стала еще шире, и она мне подмигнула. Я поднял брови в немом вопросе, и она мне незаметно кивнула. Если я правильно понимаю ее жесты, она решила эту запутанную задачу. Наглядевшись, как отвратительно относятся серые люди к своим женщинам, я стараюсь быть их противоположностью. Если Ангелина знает ответ, то я буду смирным и покорным и с благодарностью выслушаю ее. Я наклонился к ней поближе и изобразил на лице внимание.

— Ну, рассказывай, если поняла, в чем дело,— попросил я.

— А ты ведь и вправду поумнел с годами, мой дорогой,— она чмокнула меня и повысила голос:— Господа. Ответ очевиден.

— Возможно, но только не для меня,— сказал Инскипп.

— Он лежит в уме, как сказал этот тип. Думаю, он имел в виду в управлении мыслями...

— Серые люди!— вскричал я.— Кекконшикские копатели мозгов!

— Я все равно не...

— Потому что вы в состоянии видеть только физические сражения, Инскипп, старый вояка,— сказал я.— Конечно, управление мозгом — об этом намекал путешественник во времени, и это закончит войну раз и навсегда.

— Как?

— Мы должны изменить мысли пришельцев, научив их любить человечество. И любовь эта повернет всю их мощь на восстановление разрухи и сделает эту Вселенную образцом для всех миров Галактики. А кто у нас признанные мастера по воздействию на умы? Никто, кроме жителей Кекконшики. Они рассказывали мне, что их психотехники могут работать со всеми расами. Давайте соединим их изобретения и наш опыт.

— А как это сделать?— спросил адмирал.

— Детали обсудим позже,— сказал я, не имея ни малейшего представления о подробностях.— Прикажите подготовить боевой крейсер, проследите, чтоб на борту была мощная группа десантников. Я опять на пути к спасению Галактики.

— Я не уверена в этом,— сказала Инкьюнаба.— Меня смущает процедура манипуляции умов...— при этих словах она шумно рухнула на пол.

— Бедняжка! Она упала в обморок,— сказала Ангелина.— Все эти стрессы очень действуют, знаете ли. Я отнесу ее в комнату.

Я видел свою жену в работе и раньше. Но сейчас она была неподражаема. Как только она вынесла бесчувственное тело из зала, я начал быстрее действовать, как бы наверстывая время, которое я потерял, когда агент меня дурачила.

— Пришлите боевой крейсер! Прикажите принять меня на борт.

— Правильно,— сказал Инскипп.— Итак, наш ди Гриз уже в пути. Он устал от того, что за его действиями постоянно следила женщина — наблюдатель из Морального корпуса. Она ушла вовремя, ее обморок нам на руку.

Мы совершили быстрый и тихий полет. Из соображений безопасности я отключил радиосвязь от передающей станции и приказал психограммисту не получать сообщений, которые нам посылали. Итак, на экранах появился холодный мир Кекконшики, и меня никто не отзывал обратно. После долгого и тщательного обдумывания я, наконец, понял, что нужно делать.

— Снимите засекреченность и свяжитесь с наземными службами,— приказал я.

— Они на связи,— ответил оператор.— Но они в воздухе. Их корабль все еще на орбите.

— Что происходит?

— На связи командир, сэр.

На экране появился офицер с перевязанной головой. Он отдал честь, когда заметил золотую тесьму, украшавшую плечо моего мундира.

— Они требуют войны,— сказал он.— Мне был дан приказ усмирить планету, но не взрывать ее. Итак, когда все мои попытки добиться мира провалились, я отступил. После нейтрализации их кораблей.

— Они же знают, что не могут выиграть.

— И мы с вами это знаем. Так попробуйте втолковать то же самое этим придуркам.

Этого следовало ожидать. Фаталисты из Кекконшики предпочтут скорее умереть, чем сдаться. Причем сдаться миру, которого они совсем не знают — это совершенно чуждая концепция их Морали философии выживания. Но нам нужна была их помощь. На этой планете оставался один человек, надеюсь, он еще жив, который смог бы все организовать.

— Оставайтесь на орбите, командир, и ждите дальнейших указаний. Корабль присоединится к вам после того, как я свяжусь с планетой. Вы услышите от меня, когда нужно будет приземляться.

В течение целого часа я отдавал приказы, собирал оборудование, которое мне могло понадобиться, и опустился на белоснежную простыню планеты. Гравшют замедлил мой спуск, и инфраскоп улучшил видимость сквозь падающий снег. Я направился к знакомому зданию и спрыгнул поблизости от него. Было по-настоящему холодно и уныло. Я надеялся, что вижу этот замороженный мир в последний раз. Вначале предполагалось, что я приземлюсь и войду в центральные двери в сопровождении группы десантников, которая уничтожит противника. Но это было не совсем то, что мне нужно. Мне следовало тихо и незаметно встретиться с Ханасу, пока никто не сообразил, что я вернулся. После недолгих размышлений я решил повторить свой старый путь по крыше. Помолясь, я открыл дверь-люк и после упорных стараний, пыхтя и отдуваясь, проник вовнутрь. Первая стадия была завершена. Я снял скафандр, открыл двери и тихонько прошел вниз по коридору.

— Ты враг и должен быть убит,— ровным голосом произнес маленький мальчик и бросился на меня.

Я отступил в сторону, так что он поскользнулся и упал, представляя из себя прекрасную мишень. Игла из моего ружья прошла сквозь его брюки. Он вздохнул и расслабился. Я взял его подмышки и пошел вперед, стараясь идти тихо. К тому времени, когда я толкнул двери кабинета Ханасу, на мне уже висело четверо удальцов, и я поневоле сгибался под их тяжестью. Он глянул на меня из-за стола и, если бы мог улыбаться, то непременно бы улыбнулся.

— Все сработало так, как мы планировали?— спросил он.— Сообщение было получено, и ты благополучно сбежал.

— Да, все так, но теперь я вернулся. С маленькими друзьями, которые были совсем не рады меня видеть.

— Они слушают радиопередачи Коума и они не знают, чему верить. Они в полном смятении.

— Ладно, пожалуй, хватит таскаться с ними. Позвольте мне устроить их поудобнее на вашем полу.

— Я использую питатель аксонов. Они все забудут.

— Только не сейчас. Они будут спать довольно долго, чтобы не беспокоить нас. Теперь скажите мне, что произошло с тех пор, как я улетел.

— Неразбериха и сумятица. В нашей Морали философии написано, что делать в таких случаях. Поэтому, когда Коум издал свои приказы бороться или умирать, его поддерживали. Каждый может это понять. Я сам не мог противостоять ему, поэтому я ничего и не делал. Просто ждал.

— Очень мудро. Но теперь я здесь, а значит нужно кончать с ничегонеделанием. Меня гораздо больше устроит, если вы будете делать то, что нам нужно.

— А что вам нужно?

— Убедить ваших людей, что пора опять надеть оболочку пришельцев и вернуться к ним для того, чтобы управлять ими.

— Я не понимаю. Ты хочешь, чтоб они преисполнились ратного духа и продолжали войну?

— Нет. Как раз наоборот. Я хочу, чтоб они остановили ее.

— Ты должен объяснить. Это выше моего понимания.

— Позвольте мне вначале задать вам вопрос. Можно ли использовать генераторы синапсов на пришельцах? Это понадобится затем, чтобы убедить их, что люди на самом деле прекрасны. Да, у нас влажные глазные яблоки и мы потеем. Но наши пальцы не так уж отличаются от щупальцев, если хорошо присмотреться. Вы можете это сделать?

— Очень просто. Пришельцы весьма примитивны, ими очень легко управлять. Когда мы только пытались убедить их начать вторжение, то поначалу столкнулись с равнодушием. Чтобы преодолеть его, мы научили их вожаков ненавидеть людей. Потом с помощью пропаганды они обработали и остальную часть населения. Это заняло довольно много времени. Именно так все и было.

— Можно этот процесс обучения повернуть вспять?

— Надо подумать. Но удастся ли вам убедить мой народ сделать все это?

— Вы задаете сложный вопрос. Для того, чтобы решить его, я и прибыл сюда.— Я стал ходить по комнате, переступая через тела спящих мальчишек.— По-моему, для достижения нашей цели необходимо прибегнуть к помощи учения Морали философии, как вы здесь это практикуете. Я был неправ и раздражен, когда говорил вам, что эту культуру следует уничтожить. Так нельзя. Она чрезвычайно жизненная и содержит элементы, которые следует изучать всему человечеству, чтобы извлечь из них пользу. Ее неправильно использовали, ею злоупотребляли. Есть в Морали философии нечто изначально завоевательное?

— Нет. Мы учили ненавидеть тех, кто нас тут бросил, оттого что нам нужно было верить, что они никогда не вернутся и не спасут нас. Мы должны были спасать себя сами. Выживание — это начало и конец. Все, что направлено против — это ошибка.

— Тогда разговоры Коума о расовом самоубийстве — это ошибка?

Даже для людей Кекконшики Ханасу выглядел испуганным.

— Ну конечно! Его философия идет против закона. Теперь предстоит проповедовать ее в открытую.

— Нам с вами предстоит большая работа. Теперь снова подумайте о законах Морали философии. Вы выжили. Вы — выше всех среди человечества. Вы ненавидите тех, кто вас бросил много лет назад. Но люди, дожившие до нынешних времен, даже понятия не имеют об этом. Они ничего не знали о том, что вас оставили здесь. Они никак не ответственны за это. Следовательно, совсем необязательно ненавидеть их. И более того, поскольку Кеккон-шики является высшей расой, вы сами ответственны и должны помочь им выжить, когда им грозит опасность. Как это сочетается с Моралью философии?

Ханасу замер с широко раскрытыми глазами, по которым было видно, что мысли вихрем проносятся в его голове, сменяя одна другую.

— Все так, как ты говоришь. Это никем не изученная новая идея: соединить Мораль философии с новой ситуацией. До этого никто не додумался. Просто не было таких ситуаций, которая сложилась сейчас. Мы ошибались, и только теперь я вижу насколько. Мы неверно воспринимали других людей. Мы были эмоциональны. Мы нарушили основные законы Морали философии. Когда я всем объясню это, уверен, что меня поймут. Мы спасем человеческую расу.— Он повернулся ко мне и хлопнул по руке.— Вы спасли нас от самих себя, мой друг. Мы разрушили нравственность. Настало время исправить все. Я пойду в народ и буду говорить с ним.

— Давайте вначале все обдумаем. Мы должны быть уверены, что Коум не выстрелит сначала, а потом вступит в дискуссию. Если мы сумеем удержать его и утихомирить, как вы думаете, вы сможете договориться с войсками?

— Несомненно. Никому и в голову не придет сомневаться.

Будто по чьей-то команде группа мальчиков распахнула двери. Их было огромное множество, они заполнили дверной проем. Все они были вооружены. Их вел учитель, который целился из ружья прямо в меня.

— Бросьте оружие,— приказал он.— Я выстрелю и убью вас, если вы не подчинитесь.

21

Разумеется, мое ружье было отставлено в сторону, но я был в хорошей форме и не преминул этим воспользоваться. Я присел и сгруппировался, как только дверь заскрипела. Теперь я медленно поднимался, позволив дулу сопровождать мои движения. Итак, я был безоружен и понимал, какая смертельная опасность — ружья в руках этих ребятишек.

— Не стреляйте, вы меня простудите,— выкрикнул я.

— Что все это значит?— спросил Ханасу, медленно направляясь к двери.— Опустите винтовки. Это приказ.

Мальчики мгновенно подчинились, они знали, кто тут Директор, но учитель колебался:

— Коум сказал...

— Коума здесь нет. И Коум ошибается. Я приказываю вам в последний раз опустить винтовки.

Учитель еще минуту стоял в раздумьи. Ханасу показалось, что это слишком долго, и он, повернувшись ко мне, приказал:

— Стреляй в него.

Естественно, я выстрелил, и он мягко повалился на пол со снотворной иголкой в шее, хотя мальчики и не знали этого. Ханасу это не волновало. Он не привык к тому, что его приказы не выполняются.

— Подыми эту винтовку,— приказал он рядом стоящему мальчику.— И созови общее собрание всей школы. Немедленно.

Они на секунду подняли ружья и тут же опустили. Я оттащил тело учителя и положил его рядом с лежащими мальчиками. Ханасу закрыл дверь. Он обдумывал свое выступление.

— Значит, мы сделаем вот что,— в конце концов сказал он.— Я буду агитировать, опираясь на язык Морали

философии. Их встревожили внутренние конфликты, и сейчас эта проблема будет решена. После того, как они поймут, что происходит, мы отправимся в космопорт. Там Коум и его активисты. Я буду говорить с ними и, надеюсь, что они присоединятся к нам. Тогда ты вызовешь свой корабль, он сядет, и мы перейдем ко второй части нашей программы.

— Задумано прекрасно. Что будем делать, если они не согласятся с вами?

— Им придется сделать это. Их убеждать буду не я, а текст Морали философии, в подлиннике, так, как он написан. Как только они поймут это, то и не подумают спорить или возражать, они просто подчинятся.

Его голос звучал так уверенно, что я поверил в успех задуманного нами.

— Может, мне стоит пойти с вами? Мало ли что может случиться.

— Ты останешься здесь, пока тебя не вызовут.

Ханасу вышел, а мне ничего не оставалось делать, как только ждать его. Ряд неподвижных фигур привел меня в уныние, и я включил радио, выйдя на связь со своим кораблем. Надо было сообщить им, что здесь происходит. Им надлежало находиться на орбите, над космопортом и ждать дальнейших приказов. Я только отключил связь, как раздался стук в дверь.

— Пойдемте со мной,— приказал мальчик с суровым лицом.

Я подчинился. Меня ждал Ханасу у открытых центральных дверей, со всех сторон его окружали мальчики и учителя.

— Мы идем в космопорт,— сказал он.— И будем там с наступлением рассвета.

— Никаких проблем?

— Разумеется, нет. Я могу только сказать, что рассеял их сомнения и преподнес новую интерпретацию правил Морали философии. Мне кажется, они все поняли. Мои люди выносливые, они черпают силу в подчинении. Сей-

час они стали еще сильнее, потому что подчиняются разумным идеям.

Ханасу вел единственную машину, которая медленно двигалась во главе процессии, и я был рад ехать рядом с ним. Учителя и ребята поспевали за нами, скользя на лыжах. Притом марш-бросок они совершали безропотно, не обращая внимания на то, что спали всего один час. Да, дисциплина здесь была железная. Ничего не стану говорить о кекконшикианских машинах, и вообще о транспорте. Несмотря на то, что этот переезд был несколько помягче, чем предыдущий, и Ханасу ехал медленней, чтобы лыжники успевали за ним, мы здорово устали, пока доехали до цели. Мы подъехали к воротам космопорта одновременно с рассветом, озарившим утренний снежный буран первыми неяркими лучами солнца. Два охранника вышли из будки и бесстрастно смотрели на машину и лыжников, будто это происходило каждый день.

— Доложите Коуму, что я хочу его видеть,— приказал Ханасу.

— Никому не разрешен въезд. Указание Коума. Все враги должны быть уничтожены. В вашей машине враг. Убейте его.

Ханасу властно произнес:

— Четырнадцатое правило Устава подчинения гласит, что вы должны подчиняться приказам одного из Десяти. Я приказал вам. Никто не имеет права приказать убивать. Отойдите в сторону.

Какие-то чувства проступили на лице охранника, но тут же исчезли. Он отступил назад.

— Проезжайте,— сказал он.— Коум будет информирован о вашем прибытии.

Выстроившись в линию, наши юные и дряхлые захватнические силы прошли по территории космопорта к административному зданию. Мы прошли возле установки противовоздушной обороны, и человек, управляющий ею, не сказал нам ни слова, вообще не попытался нас остановить. Наступил серый студеный рассвет, укутанный в снежные хлопья. Наша машина остановилась перед глав-

ным входом, и Ханасу, кряхтя, вылез из машины. Дверь здания распахнулась. Я остался в кабине, желая оставаться незамеченным. Коум с дюжиной сопровождающих вышел быстрым шагом, все они были вооружены. С ужасом я подумал, что в нашем отряде оружие есть только у меня.

— Возвращайся в школу, Ханасу. Ты здесь не нужен,— прокричал Коум.

Ханасу не обратил никакого внимания на него и продолжал идти вперед, пока не столкнулся с ним лицом к лицу. Когда он заговорил, его голос звучал очень громко, так, что все могли его слышать.

— Я обращаюсь к вам всем, сейчас же уберите оружие, потому что вы поднимаете руку на правила Морали философии. Согласно этим правилам мы не должны вести себя, как слабые расы. По этим правилам мы не имеем права совершать убийства, вступая в борьбу с другими расами, которые превосходят нас по численности миллион к одному. Если мы начнем войну, как это делаем сейчас, то сами будем убиты. Неужели вы забыли чему учит нас Тысяча? Вы должны...

— Вы должны отсюда убраться,— призвал Коум.— Это вы сами нарушили правила. Уходите, или будете убиты.— Он поднял ружье и прицелился.

Я выскользнул из машины.

— На вашем месте я бы этого не делал,— сказал я, прицеливаясь из своей винтовки.

— Вы привезли сюда чужака!— голос Коума дрожал.— Мы уничтожим и его, и вас...

И вдруг наступила леденящая душу тишина и затем послышался громкий хлопок — это Ханасу подошел к нему и влепил пощечину.

— Вы объявлены вне закона,— сказал Ханасу.— Мы пришли арестовать вас. С вами покончено.

— Покончено? Только не со мной!— рявкнул Коум, он взревел от ярости и вскинул ружье.

Я отпрыгнул в сторону и хотел выстрелить, но мне помешал Ханасу. Со всех сторон доносились выстрелы.

Я не сразу понял, в чем дело, но потом до меня дошло — это люди Коума стреляют в своего предводителя. Видимо, он им всем порядочно надоел. А скорее всего, правила Кекконшикианской Морали уничтожили его. Им приказали, и они выполняли приказ. Тиран рухнул на землю. Как будто ничего не произошло, спокойный и невозмутимый, Ханасу стал объяснять людям свою интерпретацию закона. Они заметно успокоились. К ним вернулись твердость и цельность, структура и порядок. Безжизненное тело Коума больше никого не интересовало.

— Вы можете спускаться,— передал я своим.

— Не можем. Старший по званию отменил ваши приказы.

— Отменил?— закричал я в микрофон.— Что за чепуха? Вы посадите ваши тарелки в космопорту или я поджарю вашего командира и съем его на обед.

— Мы не можем этого сделать. Срочно вызван катер. Через три минуты он прибывает.

Связь прервалась, и я уставился на радио. Что за дела творились? Все больше и больше мужчин подходили послушать Ханасу. Ситуация складывалась в нашу пользу, победа была близка, а у меня неожиданно появились неприятности. Разведывательный катер прорвался сквозь шторм и опустился рядом со мной. Люк распахнулся, и из катера вылез человек, которого я меньше всего хотел видеть сейчас здесь.

— Вы!— удивился я.

— Да, это я. И как раз вовремя, чтобы предотвратить нарушения морального этикета.

Это был Джей Ховах, глава Морального корпуса. Было ясно, зачем он сюда прилетел.

— Мне кажется, вы несколько некстати,— сказал я.— Кроме того, вы одеты не по погоде, я предлагаю вам вернуться, откуда прибыли.

— Мораль обязывает,— ответил он, стуча зубами, так как никто его не предупредил, какой здесь климат, и на нем был только легкий банный халат.

— Я пыталась ему втолковать, но он и слушать меня не хочет,— донесся до меня еще более знакомый голос, и из-за его спины выскочила Ангелина.

— Любимая!— воскликнул я, и мы обнялись, но тут же отпрянули друг от друга, потому что голос Джея Ховаха встрял между нами.

— Я полагаю — ваша миссия здесь сводится к тому, чтобы убедить этих людей использовать психоконтроль на пришельцах ради победы. Это аморально и не будет применено.

— Кто это такой, чего ему надо?— спросил Ханасу своим ледяным тоном.

— Его зовут Джей,— сказал я.— Он возглавляет наш Моральный корпус. Он следит за тем, чтобы мы не совершали поступков, нарушающих наш моральный кодекс.

Ханасу окинул прибывшего взглядом с ног до головы и брезгливо сморщился, будто перед ним была ничтожная вошь, затем он повернулся ко мне.

— Достаточно я на него насмотрелся,— сказал он.— Можете его увести. Пусть ваши корабли приземлятся, чтоб мы могли провести нашу операцию.

— Мне кажется, вы меня не слышали,— прошипел Джей Ховах сквозь стиснутые зубы.— Такая операция запрещена. Это аморально.

Ханасу медленно развернулся к нему и облил его холодным, арктическим презрением.

— Не говорите со мной об аморальности. Я — Лидер Морали философии, и только я могу толковать закон. То, что мы сделали с пришельцами для того, чтобы начать войну, было ошибкой. Сейчас мы, используя ту же технологию, должны ее исправить.

— Нет! Вторая ошибка первую не исправит. Это запрещено.

— Вам не удастся нас остановить, потому что у вас здесь нет никакой власти. Вы можете приказать, чтобы нас убили, и только это нас остановит. Если нас не убьют, то мы будем продолжать то, что начали, согласно нашему Моральному кодексу.

— Вас остановят...

— Только смерть. Если вы не в состоянии приказать, чтоб нас убили, отойдите в сторону и не мешайте.

С этими словами Ханасу ушел. Джей несколько минут подвигал челюстями, но говорить не смог. От холода он сделался синим. Я жестом подозвал двух мальчиков.

— Вот что, парни. Помогите этому бедному старому джентльмену вернуться на корабль, чтоб он мог согреться и решить старую философскую проблему о движении непреодолимых сил, встречающих на пути неподвижный объект.

Джей пытался протестовать, но был взят в очень крепкие объятия и препровожден на корабль.

— Что еще произошло?— спросила Ангелина.

— Кекконшикианцы сорвались с цепи, вышли из-под контроля, и им не терпится закончить войну, то есть выиграть ее вместе с нами. Моральный корпус не сумеет остановить их, так как остановить их может только смерть, а это несовместимо ни с каким кодексом. Так что педант Джей и его помощница Инкьюнаба бессильны как-либо повлиять на серых людей. Они могут приказать нам не оказывать помощь кекконшикианцам, но им нужно найти оправдания своему дурацкому приказу, а это не так-то просто.

— Мне кажется, нет, я просто уверена, что ты прав. Что же нас ждет дальше?

— Дальше? Конечно же, я вторично спасу Галактику.

— Ты самый замечательный муж во Вселенной,— сказала она и подкрепила свои слова звучным поцелуем.

22

— Это в самом деле впечатляющее зрелище, ты не находишь?— спросил я.

— Мне они кажутся отвратительными,— ответила Ангелина, морща свой очаровательный носик.—. Только что не воняют.

Ангелина частично была права. Они в самом деле выглядели отвратительными. Мы стояли перед главной ка-

биной космического лайнера и руководили работами. Перед нами простирались ряды тяжелых кресел. Их было штук пятьсот. В каждом кресле притаился или небрежно развалился, а то и растекался один из пришельцев. Все это должно было радовать глаза наших врагов, потому что все эти чудища были скопированы с той оболочки, в которой я появился перед ними в первый раз. Представители расы гештункенов. Однако, если бы наши враги знали, кто прячется под этими прекрасными влажными кожами, то это не порадовало бы их сердца. Внутри чучел прятались мрачнолицые кекконшикианцы. В каждый хвост был вмонтирован синаптический генератор с большим запасом энергии. Наш крестовый поход за мир начался. Организовать его было не так-то легко. Моральный корпус продолжал выступать против нашего вмешательства в мозги врага. Но их власть не поддерживали правительства планет и начальники департаментов. Еще раз я благословлял запутанность бюрократического клубка. Пока приказы подписывались, издавались и проходили свой долгий путь к нам в Специальный Корпус, мы разработали программу, как обойти эти приказы, прежде чем они поступят. Техники, которые знали все, были упрятаны, кто куда, и их следы терялись. Возмущенный профессор Койпу был поднят глубокой ночью со своей постели и оказался в открытом космосе, где ему пришлось надеть носки. Планета с высокоорганизованной автоматикой скооперировалась с нами, и туда были отправлены добровольцы с Кекконшики. Пока изготавливались оболочки гадких пришельцев, Ханасу обучал всех по программе психоконтроля. Мы едва укладывались со временем и очень боялись, что появится Моральный корпус и остановит нас. Все кончилось благополучно: мы пристроились к флоту пришельцев. Однако за нами все-таки увязались корабли Морального корпуса. В неразберихе они наскочили на оградительный пояс кораблей китов, и те заставили их повернуть назад.

— Добровольцы с Кекконшики! Мы в диапазоне связи,— объявил я.— Вы готовы начать работу?

— Всегда готовы,— ответом мне было громкое, но лишенное эмоций, восклицание.

— Тогда желаю удачи. Слушай мою команду! По костюмам!

Я влез в костюм пришельца, Ангелина — в свой. Джеймс залез в одну оболочку робота, а Боливар — в другую. Они немного поколебались, потом с решимостью захлопнули свои крышки. Я застегнул шею и повернулся к коммуникатору.

— Мой дорогой Скользкий Джим, ты восстал из праха!— отвратительное существо протягивало ко мне клешни и щупальца и булькало на меня с экрана.

— Мне вы не знакомы, ваше уродство, сэр,— притворно и жеманно заулыбался я, и нажал кнопку, которая выдавила большую и маслянистую слезу из моего удлиненного глаза. Слеза висела на огромной реснице, а затем скатилась и шлепнулась о стол.

— Добро пожаловать, добро пожаловать!— забулькало и заерзало существо.— Я — Сезз-Пула, новый командующий силами. Давайте присоединяйтесь поскорее, и мы отпразднуем это дело банкетом!

Я сделал, как мне было приказано, повернул корабли и, пользуясь его приглашением, прибыл в сопровождении Ангелины. Я старался избегать мокрых и горячих объятий Сеззы. Когда я в очередной раз увернулся, он, бедняга, шлепнулся на палубу.

— Познакомьтесь с Энн-Джил, начальником моего отдела. Эти маленькие роботы принесут еду и напитки, которые нам понадобятся.

Вечеринка сразу дошла до высшей точки, к нам присоединялись и присоединялись офицеры со все прибывающих кораблей. Мне было любопытно, кто из них вернется на свои корабли? Вероятнее всего, никто.

— Как идет война?— поинтересовался я.

— Ужасно!— проревел Сезз, опустошив большой флакон с зеленой пузырчатой жидкостью.— Нам удалось заставить отступить этих трескунов, но они так побежали, что мы не смогли за ними угнаться. Пришлось отложить

сражение. Все моральные принципы ведения войны нарушены, наши солдаты устали и хотят вернуться домой в жаркие объятия своих любимых. Но война должна продолжаться. Я так думаю.

— Пусть все закончится хорошо,— закричал я,— хлопая его по спине, потом вытирая ладони о коврик.— Мой корабль заполнен добровольцами с бурлящей кровью, они жаждут мести, крови и побед. Кроме того, мои войска — это отличные воины и замечательные нюхальщики, они прекрасные навигаторы и стрелки, наблюдатели и повара.

— Клянусь Слайм-Гогом, мы непременно используем их!— заквохтал и забулькал Сезз.— А много ли вас прибыло?

— Хватает,— застенчиво сказал я.— Мы хотим, чтобы на каждом вашем корабле было по одному нашему воину. Всем вашим офицерам разрешается посещать моих подчиненных и флиртовать с ними, ведь мой народ умеет работать и днем и ночью. Он жутко сексуален.

— Какое наслаждение,— завопил он.

Смотря для кого, подумал я, обнажая в улыбке зубы и демонстрируя их всем участникам нашей пирушки. Одновременно я думал о том, сколько понадобится времени, чтоб довести наш план до победного конца. Немного, совсем немного. Несмотря на то, что пришельцы еще побеждали, они уже были сыты этой войной по горло, и вполне созрели для гибели. Даже от объятий Сезз-Пула несло гнилью разлагающегося войска. Сейчас он сидел печальный и мрачный, уставившись на экран полдюжиной своих покрасневших глаз на стебельках.

— Ты плохо спал этой ночью?— спросил я, постучав осторожно по стебельку его глаза. Он с унылым видом втянул его.

— Не говори так со мной, смелый Скользец. Меня все так угнетает. Флот куда-то ускользает. Безумно хочется домой, у нас начинается роение прошлогодних девственниц. Я постоянно задаю себе вопрос: а что я, собственно, здесь делаю?

— И что же ты здесь делаешь?

— Я не знаю. Мое сердце отвернулось от этой войны.

— Забавно. Прошлой ночью меня посетили такие же мысли. Ты обратил внимание, что люди-чужаки не такие отталкивающие, не такие трескучие? У них влажные глаза и отличные мерзкие глотки.

— Ты прав,— распустил он слюни.— А я никогда раньше об этом не задумывался. Что же нам делать?

— Ничего...— сказал я, и это действительно так и было.

Десять часов спустя после радирования по всем кораблям могущественная боевая армада Галактики резко развернулась и полетела в свой пресмыкающийся мир. откуда они пришли.

Когда наша вечеринка перешла к напиткам, которыми мы собирались отмечать победоносное окончание войны, а они, не без нашей помощи, поняли, что их поражение и есть победа, мы с Ангелиной пожали друг другу клешни и посмотрели на окружающих нас тварей.

— А они не настолько тошнотворные и мерзкие, когда к ним привыкаешь,— сказала она.

— Не могу с тобой согласиться. Но они, по крайней мере, безвредные, особенно, когда отказались от военных планов.

— К тому же богатые,— сказал Джеймс-робот, наливая что-то невообразимо отвратительное в мой стакан.

— Мы провели небольшое расследование,— сказал Боливар, появившийся неизвестно откуда.— В своих многочисленных операциях они брали в плен корабли, они грабили планеты, спутники. Опустошили все банковские хранилища, особенно когда узнали, как мы ценим их содержимое, только они никак не могли понять, почему. В их мире нет денег. Но у нас они, слава богу, еще существуют.

— Я знаю,— сказал я.— У них ценится только единица Экх, но ее лучше не пытаться описывать.

— Все верно, Па,— добавил Джеймс.— Итак, когда они собрали эти сокровища, они стали выжидать, надеясь, что как-нибудь дело прояснится и они узнают, что им

делать с таким количеством ненужных вещей. А пока они собрали их в одном месте и хранят там.

— Сейчас я что-то отгадаю,— встряла Ангелина.— Эта сокровищница уже пустая?

— Ты права, Ма. Все транспортные корабли забиты под завязку.

— Мы вернем награбленную добычу туда, откуда ее взяли,— сказал я и был приятно удивлен видом двух шокированных роботов и отчаянными взглядами одного пришельца.

— Джим!..— Ангелина аж задохнулась.

— Не волнуйся. Я все просчитал. Я имею в виду, что мы вернем пришельцам то, что осталось от награбленного.

— Но осталось не так-то много,— подвела итог Ангелина.

Нечто тяжелое, громоздкое, зеленовато-коричневое, увешанное щупальцами и клешнями, шумно протискивалось к нам.

— За победу!— закричал Сезз-Пула.— Мы должны выпить за победу! Тишина, пожалуйста, пусть будет тихо, наш миловидный Скользец произнесет тост.

— Да!— завопил я, вскакивая на ноги. Внезапно наступила тишина и все глаза, оптические щупальца, за исключением шести человеческих глаз, были прикованы ко мне.

— Тост,— воззвал я, подымая стакан с таким энтузиазмом и так высоко, что пролил почти половину на ковер, в котором сразу образовалась дыра.— Тост за все создания, живущие в нашей Вселенной, за больших и маленьких, твердых и мокрых, жестких и мягких. Пусть любовь и мир пребывают с нами вечно. Итак, за жизнь, за свободу и за противоположный пол!

И мы понеслись вперед, сквозь световые года, далеко, далеко в прекрасное будущее.

Я почему-то надеюсь, что оно будет прекрасным.

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ — НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА

1

— Ты можешь произнести какой-нибудь необычный тост?— спросил я, наблюдая, как официант разливает в бокалы искристое, выдержанное вино.

— Разумеется,— ответила моя замечательная Ангелина, подымая бокал и глядя сквозь прозрачное стекло мне прямо в глаза.— За моего мужа Джима ди Гриза, который только что спас вселенную. В очередной раз.

Я был тронут. Особенно тем, как она произнесла «в очередной раз». Я по природе человек скромный, но мне все равно приятно, когда мои собственные ощущения совпадают с мнением окружающих. Особенно когда это говорит такой разумный, очаровательный и жестокий человек, как моя Ангелина. Она активно участвовала во всей операции со Слимзами, которым я помешал захватить галактику. Поэтому ее мнение я ценил чрезвычайно высоко.

— Ты чересчур добра,— смущенно пробормотал я.— Но правду все равно не скроешь. Все закончилось хорошо. Я предлагаю выпить за нашу победу, забыть о печальных моментах и насладиться обедом.

Мы подняли бокалы, чокнулись и осушили их. Я восхищался зрелищем заходящего оранжевого солнца Блоджета. Оно медленно исчезало за пурпурной линией горизонта. Последние солнечные лучи, отражаясь, играли на водной глади каналов. Но уголком глаза я наблюдал за двумя здоровяками, сидящими возле двери. Они с пристальным вниманием наблюдали за нашим столиком. Я совершенно не знал, кто они, и только мог видеть, как

они сжимают громадными ладонями длинноствольные ружья.

Я не мог им позволить испортить наш праздник. Мы с Ангелиной продолжали болтать, потягивая вино. Звучала музыка струнного оркестра. Опускались сумерки. Мы перешли к кофе с ликером. Ангелина достала маленькое зеркальце и тюбик с губной помадой.

— Ты. конечно же, знаешь, что за нами наблюдают с тех самых пор, как мы сюда пришли.

Вздохнув, я кивнул. Потом достал коробку с сигарами:

— К сожалению, моя любимая. Но я старался не обращать на них внимания, чтобы они не испортили нам обед.

— Ерунда! Это только добавляет пикантности и остроты.

— Ты лучшая жена на свете,— заключил я, улыбаясь и зажигая сигару.— Эта планета такая скучная! Небольшое приключение внесет некоторое разнообразие в унылую действительность.

— Я рада, что ты так считаешь...— она бросила на меня взгляд поверх зеркальца.— Они здесь явно из-за нас. Могу я помочь чем-нибудь? Я, правда, не очень-то подготовилась. У меня с собой только эта крошечная вечерняя сумочка, в которой вместилась парочка гранат, одна или две сонические бомбы,— и все.

— И все?— брови у меня поползли вверх. Да, моя Ангелина не уставала меня изумлять.

— Нет. Тюбик помады — одноразовый пистолет, действует в радиусе 50 метров...

— Нам он не понадобится,— поспешно сказал я.— По крайней мере для этих двух типов. Сиди и смотри. Это будет всего лишь упражнением для улучшения моего пищеварения.

— Их уже четверо. К ним присоединились их друзья.

— Ничего, справимся.

Я наконец услышал возню за спиной и расслабился. Судя по уверенной тяжеловесности их шагов, это могла быть только полиция. С преступниками было бы сложней. Но местная полиция! Я мог до завтрака покончить с целой

группой и сохранить аппетит. Шаги стихли, и самый суровый в мире полицейский остановился передо мной. Я напрягся, когда он полез в карман, и расслабился, увидев, что он достал значок, сделанный из золота и усыпанный драгоценными камнями.

— Я капитан Кретин, полиция Блоджета. А вы, как я полагаю, человек, который действует под псевдонимом Крыса из нержавеющей стали...

Псевдоним, кличка! Если так, то я — обычный преступник. Я стиснул зубы, встал и прямо у него перед носом разломал сигару. Его глаза широко раскрылись и потом закрылись, потому что быстродействующий усыпляющий газ попал туда, куда нужно. Я взял его значок и отступил в сторону, а он медленно повалился лицом в сахарницу.

Я развернулся и твердым указательным пальцем ткнул в локоть его подбегавшего коллегу. Я попал точно в нервный узел, отчего противник мой потерял сознание. Да, я не промазал. Он прекрасно разместился на своем толстом приятеле.

У меня не было времени стоять и смотреть.

— 22,— шепнул я Ангелине и помчался к кухонной двери. Прежде, чем я успел добежать до нее, в ресторан вошли еще два полисмена. Главный вход был заблокирован еще раньше, я успел это заметить.

— Заманили!— заорал я и коснулся сонического рупора, висевшего на пряжке пояса. В ответ завопили посетители, потому что вибрация породила в них чувство ужаса. Чудесно! В такой суматохе я смогу ускользнуть через пожарный ход, который находится за драпировками.

Но, кроме двери, за этими драпировками скрывалось еще кое-что. Еще двое полицейских. Это мне начинало не нравиться. Я хлопнулся на длинный банкетный стол и танцующими движениями, скрывающими мой истинный возраст, проскочил всю его длину. Зрелище сопровождалось криками и воплями окружающих, пока я не достиг окна.

Подумаешь, обыкновенная ловушка!

— Не радуйтесь!— завопил я.— Вы еще не поймали Скользкого Джима ди Гриза! У вас ничего не выйдет. Я предпочту смерть гнусному заключению в тюрьму!

За нападающими я видел лицо моей Ангелины, посылающей мне прощальный воздушный поцелуй. Я махнул ей в ответ рукой:

— Вот так закончится сага о Крысе из нержавеющей стали!

Раздался звон бьющегося стекла, и прыжок в ночь. Резкий воздух в лицо. Я собрался и перевернулся, бесшумно нырнул в канал и проплыл под водой несколько метров.

Это было счастливым завершением приятного вечера.

Я легко плыл брассом, рассекая темную воду. С моим приходом на эту унылую планету пришла и радость — пусть только на краткие мгновения. Полиция погрязла в рутине, им просто необходима небольшая встряска. Теперь они могли расслабиться и начать строчить бесконечные рапорты, чтобы ублажить самих себя. У журналистов появилась интересная тема, и, наконец, добропорядочное население могло насладиться исключительными событиями этого вечера. Со мной нужно обходиться как с благодетелем человечества, а не как с преступником. Но в этом мире нет справедливости. Я знал это и потому уплывал подальше.

Дом под номером двадцать два был расположен в самых отвратительных кварталах Блоджета. Ангелина должна была ждать меня там. В это время у меня было мало шансов встретить какого-нибудь глупца, болтающегося по улице, и привлечь его внимание мокрой одеждой. К дому вел потайной ход из общественного туалета, и сейчас он мне очень пригодился. Я немедленно сбросил мокрые вещи и прошел в душ, который освежил меня и восстановил мои силы. Натянув чистую одежду, я сел в кресло и принялся за питье, восстанавливающее силы, когда открылась дверь и вошла Ангелина.

— Надо сказать, что в твое убежище ведет замечательный ход, — сказала она.

— Надеюсь, тебе он понравился,— улыбнулся я.— Но ты оставила дверь открытой, это ошибка, моя любимая.

— Никакой ошибки, дорогой,— ответила она. За ней прогремели шаги полицейских.

— Продан!— прохрипел я, вскакивая на ноги.— И ты, Брут?

— Я все тебе объясню,— ответила она, приближаясь.

— Простыми словами не объяснить предательства!— заорал я, бросаясь к скрытой в стене панели. Она выставила нежную ножку, я споткнулся и упал головой вперед. Чем не замедлили воспользоваться полицейские, тут же навалившиеся на меня своими тушами.

2

Очевидно, я был не совсем в форме. Тяжеловесность копов несколько ошеломила меня, так же, как и их количество. Первые двое уже валялись без сознания, за ними последовала еще парочка. Но кто-то из них все же умудрился надеть на меня наручники и, пока я барахтался, еще один полицейский крепко схватил меня за лодыжку. Ну, и все в таком же духе. Я копошился, как гигант под муравьями. Ощущение у меня было отвратительное, словно я нечаянно свалился в мясорубку. Единственное, что мне хотелось сделать — это освободить правую руку и достать из кармана золотой значок полицейского. Наконец мне это удалось, и я бросил его через всю комнату к ногам Ангелины.

— Вот!— проревел я.— Ты заслужила это. Но не как сувенир, а как украшение твоего предательского союза с полицией!

— Как обворожительно!— произнесла она, поднимая значок, потом подошла ближе и нанесла мне сокрушительный удар в челюсть.

— А это награда тебе за то, что ты не веришь своей собственой жене. Отпустите этого типа.

Я поднялся, с меня сняли наручники. Ангелина нанесла мне еще один удар. Когда сознание прояснилось и

я смог различать окружающие предметы, то увидел, что она возвращает значок полицейскому, который стоял рядом с ней.

— Это капитан Кретин,— сказала она.— Он хотел с тобой поговорить. Ты в состоянии выслушать?

Я пробормотал что-то неразборчивое и, ничего не соображая, присел на ближайший стул, потирая в недоумении подбородок и чувствуя безмерную жалость к себе. Капитан начал говорить.

— Как я уже объяснял вашей очаровательной жене, мистер ди Гриз, мы только хотели поручить вам проведение одного расследования. Был найден труп зверски убитого человека...

— Я не делал этого! Меня не было в городе в это время! Я требую адвоката...

— Джим, дорогой, прошу тебя, выслушай этого замечательного полицейского.

Она таким тоном произнесла «дорогой», что у меня в жилах застыла кровь. Я заткнулся. Моя Ангелина способна на все, если ее довести.

— Вы не поняли, никто не приписывает вам это преступление. Нам просто нужна ваша помощь. Это первое убийство на Блоджете за последние 130 лет, поэтому у нас абсолютно нет опыта в расследовании подобных дел.

Капитан достал записную книжку, чтобы освежить свою память, потом продолжил ровным, монотонным голосом:

— Незадолго до полудня, примерно в 13.10 в районе Зейтоуна начались беспорядки. Свидетели рассказывают о трех убегавших с места происшествия мужчинах. Полиция, прибывшая немедленно, обнаружила труп со множеством смертельных ран. Человек умер, не приходя в сознание... Карманы его оказались пусты. Ни бумажника, ни документов, удостоверявших его личность. Но во время вскрытия во рту у него нашли клочок бумаги. Вот он, этот клочок,— он достал смятый, изжеванный кусочек бумаги, я брезгливо взял его в руки.

На нем были нацарапаны слова «КРЫС ИЗ НИРЖАВЕЮЩИЙ СТОЛИ».

— Тот, кто написал это, наверное, и читает по складам,— буркнул я, в голове у меня еще шумело от удара маленького, но крепкого кулачка Ангелины.

— Потрясающее замечание,— сказала она, выглядывая из-за моего плеча. Интонации ее голоса были отнюдь не сочувствующими. Полицейский продолжил:

— По нашей теории жертва пыталась войти в контакт с вами. Если наше предположение верно, тогда ясно, почему он сунул этот клочок в рот, когда увидел, что на него нападают. Он не хотел, чтобы его убийцы видели эту бумажку. Вот так. Нам нужно установить личность погибшего.

Он сунул мне что-то под нос. Я моргнул, сфокусировал зрение и уставился на голографическое изображение. И меня чуть не стошнило. Это была хорошая голография, в трех проекциях, цветная, четкая. Я вертел ее и так и эдак, потом отдал капитану. Я видел множество трупов до этого, но такой...

— Все это, конечно, очень интересно,— сказал я.— Но сказать по правде, я никогда прежде не видел этого человека.

Они не поверили мне, но в конце концов у них не было выбора. Я понимал, что они думают, будто я лгу, хотя я говорил чистую правду. Полицейские задали еще несколько незначительных вопросов и наконец удалились, унося с собой часть сотрудников так и не пришедших в себя. Я пошел к бару, чтобы приготовить нам крепкую выпивку, потому что этот вечер измотал меня до предела. Но когда повернулся со стаканом в руках, то прямо в левый глаз мне уставилось лезвие кухонного ножа.

— Ну, что ты теперь скажешь по поводу предательства? — спросила Ангелина сладко-холодным голосом, словно обливая медом кусок льда.

— Моя любовь!— задохнулся я, отступая, но нож неотвратимо следовал за мной. Я почувствовал, как по моей спине сбегают противные струйки пота, и принялся осторожно сочинять.— Как ты можешь быть такой бессердечной? И такой бестолковой? Когда появилась полиция, я был уверен, что они захватили тебя и вынудили дей-

ствовать против твоего желания. Поэтому я назвал тебя предательницей, чтобы они подумали, дескать, ты не имеешь ко мне никакого отношения, особенно если они собрались меня арестовать. Я сделал это, чтобы защитить тебя, моя дорогая!

— О, Джим, как я была жестока с тобой!— нож звякнул об пол, она обвила меня руками и крепко прижала к себе, я в это время старался не пролить ни капли из стаканов и, не дай бог, не облить ее. Ее руки были крепкими, объятия теплыми, а поцелуи страстными. И я почувствовал себя как крыса.

— Ладно, ладно,— задыхаясь, произнес я, когда мы сделали передышку.— Просто ты не сообразила. Теперь давай выпьем и попытаемся понять, что же происходит.

— Ты говорил им правду? Ты никогда раньше не видел убитого?

— Правду и ничего, кроме правды! Я знаю, что нарушил мое железное правило никогда не говорить полиции такое, что могло бы облегчить их тяжкий труд. Но это мелочи, подумаешь, всего один раз. Нет, этот человек мне абсолютно не знаком.

— Тогда давай попробуем узнать, кто он такой,— она достала голографию из-за спинки софы.— Я вытащила ее из кармана капитана, когда он уходил. Не стоит вмешивать местную полицию в дела Специального Корпуса. Я свяжусь с местным агентом.

Конечно же, она была права. Несомненно нити от этого дела протянулись далеко за пределы этой забытой богом планеты. Идентификационная карточка была заполнена до отказа, следовательно, этот человек прибыл сюда недавно. Все это превращало такой вроде бы заурядный случай в происшествие галактического масштаба, и возлагало ответственность на суперпрофессионалов Специального Корпуса. И со всей скромностью я должен отметить, что я его самое важное звено.

— Мы должны не просто установить личность, но и попытаться представить всю картину преступления,— сказал я, возвращая голографию.— Пусть агент подождет

нас здесь. Я вернусь через несколько часов, разведаю все, что может ему понадобиться.

Прежде чем уйти, я сунул набор инструментов в карман. Городской морг находился совсем недалеко, отчего меня изредка посещала мысль о таком чрезвычайно удобном соседстве. Я без особого труда попал внутрь через черное окно и три запертых двери. К счастью, я так же легко открываю замки, как некоторые рвут зубы.

Выдвинув ящик из морозильной камеры, я уставился на лежавший там труп. Слабая надежда на то, что я узнаю его мгновенно, испарилась. Покров тайны оставался неподнятым. Мне понадобились секунды, чтобы соскрести фрагменты кожи, отрезать волосы и выдавить грязь из-под ногтей. Полицейские тщательно упаковали его одежду в мешки и пронумеровали ярлыками. Я сложил все вместе с собранными образцами. Еще несколько соскобов с подошв ботинок — и все. Я выбрался тем же путем. Ни одна живая душа не заметила моего отбытия, равно как и прибытия. Радуясь тому, что операция прошла так гладко, я вернулся домой и застал там агента Специального Корпуса.

— Сегодня прекрасная погода, мистер ди Гриз,— сказал он, разглаживая складки на своей одежде.

— Она всегда прекрасная на Блоджете. Поэтому я ненавижу ее. Когда следующий корабль отправляется в штаб?

— Через пару часов. Повезет недельную почту. Я буду лично сопровождать.

— Отлично. Мне хотелось бы, чтобы вы взяли с собой эти контейнеры. Передайте лаборантам, чтобы извлекли максимум из этих образцов. Здесь описание того, как и где я их получил. Пусть сделают генетический анализ, анализ спермы, определят группу крови, этнотип и все остальное. Я хочу знать, кто этот человек. Если нельзя идентифицировать его, мне нужно знать, откуда он прибыл. Он искал меня, и мне очень интересно узнать, зачем.

Ответ пришел в удивительно короткий срок. Три дня спустя прозвенел дверной звонок, и в сканнере показался старина Чарли. Я впустил его и впился взглядом в кейс, который он держал в руках. Он отставил его подальше и

принялся нервно кусать нижнюю губу. Я буркнул что-то, отчего он как-то съежился.

— Я получил приказ, мистер ди Гриз. От Инскиппа, нашего шефа.

— И что же этот дражайший, наилюбимейший человек приказал?

— Он говорит, что вы подделали чеки корпуса, и хочет, чтобы вы вернули 75 тысяч кредиток, прежде чем дело примет неприятный оборот... для испорченного крючкотвора...

— Ты назвал меня испорченным крючкотвором!

Он затрепетал от страха и выскользнул из моих пальцев.

— Не впутывайте меня! Это не я, это Инскипп. Я просто передаю его слова.

— Тот, кто приносит дурные вести, должен быть убит, — проворчал я, сжимая кулаки. Атмосферу разрядила неожиданно появившаяся между нами Ангелина. Она протянула Чарли чек.

— Вот деньги, которые мы брали взаймы. Это была простая ошибка в подсчетах, вы не находите?

— Конечно, нахожу! Я сам иногда так делаю,— он стер пот со лба и поднял кейс.— Будьте так добры, передайте это вашему мужу, а я, пожалуй, пойду. У меня очень хлопотный день впереди, ха-ха.— Дверь чавкнула за его спиной, и я забрал у Ангелины кейс, притворяясь, что не вижу, как гневно раздуваются ее ноздри.

— Вот он,— произнес я, нажимая большим пальцем на замок. Кейс открылся, появился экран, с которого на меня глянуло озабоченое лицо Инскиппа, и я немного растерялся. Ангелина, должно быть, что-то почувствовала, потому что вынула кейс из моих рук и поставила его на край стола. Изображение Инскиппа наливалось кровью от злости и сердито ворчало, потрясая в моем направлении куском бумаги.

— Ты должен прекратить тащить деньги с организации, ди Гриз. Ты подаешь дурной пример. Тебе придется вернуть деньги, или ты не сможешь прослушать это сообщение. Я говорю с тобой только потому, что мы сами заинтересовались Параизо-Акви.

— Что такое Параизо-Акви?— громко спросил я.

Изображение кивнуло:

— Сейчас ты наверняка спрашиваешь, что такое Параизо-Акви.

— Самодовольный и самоуверенный тип!— Как легко ненавидеть босса. Особенно, когда он далеко.

— Ладно, я скажу тебе. Это родина убитого человека, ты сам просил лаборантов выяснить, откуда он. Я хочу, чтобы ты полетел и взглянул на эту планету. Потом вернулся и доложил мне. Если ты быстренько прочитаешь прилагаемый документ, то узнаешь, в чем дело.

Изображение растояло, и экран потемнел. Я задвинул экран в кейс и достал конверт.

— Очень интересно,— сказал я, быстро пролистывая страницы.

— Что ты имеешь в виду?

— Я никогда не знал раньше этого человека и никогда в жизни не слышал о его родной планете.

— Значит... мы должны что-то предпринять, ведь так?

— Непременно!— ответил я с улыбкой.— Нам придется, стиснув зубы, выполнять инструкции Инскиппа. Хочется нам этого или нет, но придется посетить эту таинственную планету. — Ангелина кивнула и мы стояли некоторое время, скаля зубы, как дураки, прекрасно сознавая, что мирный период нашей жизни закончился. Но будущее выглядело еще более заманчивым. Я чувствовал это всеми фибрами своей души. Снова начиналось что-то интересное.

3

На ощупь путеводитель был мягким и тяжелым. Обложка сверкала ярко и самодовольно.— Добро пожаловать в солнечное великолепие Параизо-Акви,— громко прочитал я.

Ангелина сидела рядом и читала более тонкий том, с черным переплетом.

— Параизо-Акви — планета, заселенная во время первой галактической экспансии и повторно открытая совсем недавно. Следует отметить самую коррумпированную в галактике систему правления.

— Ну что ж, совсем незначительные расхождения в этих книгах, — сказал я, потирая от нетерпения ладони.

— Вам бульон, сэр?— спросил робот-стюард, ежесекундно кланяясь.

— Он не годится даже для ванны, ты, механический подлиза,— ответил я.— Мне бы больше подошел алтарианский пантеровый напиток. А еще лучше два...

— Один,— твердым голосом прервала меня Ангелина.— Для меня — бульон.

— Да, мадам, это отличный, прекрасный, замечательный выбор, — начал пускать слюни механический стюард, сложив ладошки у груди, пока откатывал прочь. Я ненавидел его. Так же, как и весь этот корабль Люкс-Параиз, включая и дурацкого вида туристов, разгуливающих по палубе и разлегшихся в шезлонгах.

— Но ведь мы выглядим точно так же, как они, мой дорогой,— сказала Ангелина. Должно быть, я в запале высказался вслух. Мы и на самом деле были одеты так же. В полном смысле этого слова. На мне была рубашка с короткими рукавами, украшенная пурпурными и желтыми лентами. В тон ей были и шорты. Ангелина была экипирована точно таким образом, но она выглядела чертовски привлекательно. Нам пришлось выкрасить волосы в белый цвет, следуя моде, завить их в колечки с зелеными кончиками. Конечно, это была отличная маскировка. Но я чувствовал себя полным идиотом и не только из-за одежды: моя свободолюбивая душа заплатила за это слишком высокую цену. Я открыл свой путеводитель и уставился на картинку с изображением темно-синего моря на фоне светло-голубого неба. На берег накатывали с легким шумом волны, от страниц пахло морским воздухом и водорослями.

— Счастливые люди проводят здесь солнечный отпуск, всюду сады, ветви ломятся под тяжестью румяных

от солнца фруктов, на завтрак туристам подают исключительно свежую рыбу, только что выловленную.

Ангелина спокойно читала свою книгу, являющую полную и мрачную противоположность моей.

— Местное население живет в тяжелейших условиях: бедность, нищета и болезни стали нормой. Правление диктатора абсолютно.

— Тридцать минут до посадки... посадка через 30 минут, — прошипел громкоговоритель. Туристы повскакивали с мест в возбуждении. Я бросил свой путеводитель в атомный распылитель, где он взорвался с дымным хлопком, со звуковых страниц понеслись тонкие вскрики.

— Сейчас нам нужно позаботиться о себе,— сказал я. Ангелина протянула мой отчет Специальному Корпусу, я кивнул и послал вслед за путеводителем.— Если это найдут в нашем багаже, то считай, что мы закончили все, не успев начать.

Появился стюард, и мы взяли предложенные напитки. Ангелина улыбалась мне сквозь пар, поднимающийся от ее чашки.

— А теперь, не будь букой, Джим ди Гриз, и не порть удовольствия. Давай договоримся: поездка на эту планету — не только задание. Это и наш отпуск. Или ты будешь радоваться, или мне придется тебя придушить. Представь себе, что это наш медовый месяц, второй, нет, по сути, первый! У нас ведь так и не было по-настоящему медового месяца.

— Тебе не кажется, что мы несколько запоздали? После того, как нашим близнецам исполнилось 22 года...

— Что сделало меня отвратительной, непривлекательной женщиной среднего возраста, я так тебя поняла? — в ее голосе звучали металлические нотки, смешанные со льдом. Я бросил свой стакан в сторону, и там, где он упал, на ковре образовалась дыра,— и плюхнулся перед ней на колени.

— Ангелина моя! Свет моей жизни! Хорошеющая с каждым днем!— и это было чистой правдой, она была по-прежнему молода, теплая и желанная, с нежной ро-

зовеющей кожей. Я взял ее руку и страстно перецеловал все пальчики. Туристы обалдели, а она как ни в чем не бывало, улыбалась и кивала.

— Вот так-то лучше,— сказала она.— Небольшой отдых от преступлений сделает нас намного лучше.

Потом была посадка, люки открылись, ворвался теплый воздух и легкая музыка. Я повесил себе на шею камеру, нацепил солнечные очки, взял Ангелину под руку и приготовился радоваться предстоящему. Толпящийся вокруг народ тоже пребывал в состоянии экстаза, радостью был пронизан воздух планеты. Ангелина уловила ее и улыбнулась, потом засмеялась вместе с окружающими, подпевая мелодии. Я корчил рожи и скалил зубы вместе с остальными, но внутри оставался таким же старым, закаленным и хладнокровным ди Гризом, который чихать хотел на весь мир. Правда, в таком солнечном мире трудно было оставаться хладнокровным. Космопорт лежал у океана, солоноватый запах водорослей щекотал ноздри. Солнце было теплым, как и обещала реклама. Улыбающиеся местные девушки приветствовали нас букетами цветов, размахивали бутылками с золотистым напитком. Я поймал одну бутылку, понюхал цветы, демонстрируя полное безразличие к молочным железам аборигенок, чувствуя, как стальные глаза Ангелины неотступно сверлят меня. Толпа прибывших как-то незаметно подалась вперед, и через несколько мгновений мы оказались перед чиновником из паспортного контроля. Это был загорелый, как и девушки, улыбающийся человек, но в наглухо застегнутой рубашке, что, вероятно, должно было подчеркнуть его исключительное положение.

— Добро пожаловать в Параизо-Акви,— сказал он.— Прошу предъявить ваши паспорта.

— Значит, вы говорите на эсперанто,— отметил я, протягивая свою межзвездную карточку. Разумеется, фальшивую.

— Не все говорят,— ответил он, продолжая улыбаться и засовывая карточку в машину.— Наш язык — это бесподобный испанский. Но все, кого вы встретите, владеют

эсперанто, так что не беспокойтесь,— он глядел на экран машины, там высветилась, разумеется, всякая чепуха обо мне. Возвращая мне карточку, он указал на камеру, висящую на моей шее.

— Это очень хороший фотоаппарат.

— Должно быть, потому что он стоил мне больше кредиток, чем вы можете увидеть за целый год, хо-хо.

— Хо-хо,— повторил он, но улыбка его стала менее широкой.— Можно, я взгляну на аппарат?

— Зачем? Это просто камера.

— Есть особые правила для камер, знаете ли.

— Но, с какой стати? Там что, можно что-то спрятать?

Улыбка его исчезла совсем, он начал нервно расстегивать верхнюю пуговицу рубашки, и пальцы его дрожали. Я улыбнулся и протянул ему камеру:

— Пожалуйства, поострожнее, это очень хрупкая машина.

Когда он взял ее, задняя крышка распахнулась. Как будто так было задумано. Пленки выпали. Я стал заталкивать их обратно.

— Посмотрите, что вы наделали!— заволновался я. — Испортили пленки моей жены и наших друзей!

Я боролся с пленками и совершенно не обращал внимания на его извинения, потом прошел мимо него с каменным лицом, ведя Ангелину под руку. Все шло согласно плану. С багажом все было в порядке, за себя мы не опасались. Но камера, камера была совершенным механизмом! Она могла фотографировать и делать еще кучу невероятно полезных вещей, которые, конечно, запрещались местными законами. Ну что ж, день начался неплохо!

— Мой бог, ты только посмотри на это,— воскликнула Ангелина. Со всех сторон понеслись такого же рода выкрики.

— Они опасны?

— Кто это такие?

— Дамы и господа, пожалуйста, секундочку внимания,— человек в униформе заговорил, пытаясь прорваться сквозь шум голосов. — Меня зовут Джордж и я ваш, так сказать, гид. Если у вас возникли вопросы, пожалуйста,

обращайтесь ко мне. А сейчас я отвечу на первый вопрос, который, как я понял, задавали все. Эти дружелюбные создания между тележками известны нам как кабаллос. Их происхождение теряется в веках, но история донесла до нас, что они прибыли сюда вместе с нами с легендарной планеты, которую называют Земля, мифической родины человечества. Они наши друзья, совершенно безобидные, они тянут наши тележки и обрабатывают поля. Покорные и счастливые, они довезут вас до отеля. Поехали!

Эти кабаллос с неуклюжими тележками были самым неудобным транспортом, какой я только встречал. Я потом убедился, что аборигены предпочитают носиться на автомобилях. И это были совсем не кабаллос, а просто лошади, о чем я узнал однажды во время незапланированного полета на Землю, очень даже настоящий и совсем не легендарный дом всего человечества. Но я не мог им сейчас читать лекции. Туристам, казалось, нравились и лошади, и тряска, и теснота, они весело перекликались друг с другом, невзирая на неудобства путешествия. Похоже, даже Ангелина радовалась совершенно искренне. Я же чувствовал себя, как скелет на свадьбе.

— Уиии!— попытался я таким непонятным возгласом подыграть ситуации, а может, выразить свое недоумение. Покопался в карманах и обнаружил бутылочку янтарной жидкости, которую мне бросила аборигенка в порту. Должно быть, жуткое варево из местных полусгнивших фруктов или из старых носков. Я отвинтил крышку и попробовал: — Уиии!— снова вырвалось у меня, но сейчас, я уверен, этот звук означал совсем другое. Я подозвал Джорджа, у которого были, судя по всему, стальные нервы, необходимые для управления лошадьми. Он немедленно отозвался на мой призыв. Я протянул ему бутылочку.— Что это? Жидкое солнце? Это лучшая выпивка, которую я когда-либо пробовал!

— Очень приятно, что вам понравилось. Она сделана из ферментизированного сока каны и называется рон.

— Ладно, детка, этот рон превосходен. Только вот беда — бутылка маловата.

— У меня есть всех размеров,— рассмеялся он, и, покопавшись в своем мешке, достал бутылку более подходящую.

— Как мне вас благодарить?!

— Очень просто. Это будет включено в ваш счет,— и он ускакал.

— Ты не думаешь, что еще слишком рано для выпивки? — поинтересовалась Ангелина, и мне пришлось оторваться от бутылки и тяжко вздохнуть:

— Не думаю, моя дорогая. Помню старое правило начала всех отпусков. Ты не составишь мне компанию?

— Чуть позже. А сейчас посмотри, как красиво кругом.

— Да, действительно, посмотреть есть на что.

Наша дорога петляла по зеленеющим полям. На берегу сверкал песок. Потрясающе. Но где же местная публика? Кроме Джорджа и кучеров не было видно ни души. Ладно, Джим, не будь букой и наслаждайся моментом.

— Посмотри туда, папа,— сказал один из парнишек-туристов высоким звенящим голосом.— Не правда ли, они слишком хороши и живописны, чтобы найти для них слова?

Я посмотрел в ту же сторону, но не подумал, что они очень живописны. Несмотря на свой жалкий вид, они еще нам улыбались. Группы мужчин и женщин работали в поле неподалеку от дороги. Они срезали высокие зеленые растения длинными, на вид смертельно опасными ножами. Солнце нещадно палило, работа была очень тяжелой, и если бы с их лиц не катился пот, можно было подумать, что это роботы. Я поднял камеру и сделал несколько щелчков.

Наш кучер повернулся, когда услышал гудение камеры, поэтому я сфотографировал и его. На какой-то миг его застывшая улыбка соскользнула, потом его белые зубы снова засверкали.

— Вам бы лучше сохранить пленку для красивых садов, парков и отелей.

— Почему? Что, я сделал что-то не так, снимая работающих людей?

— Нет, конечно, нет, но это так неинтересно.

— Но не тем людям, которые там. Они выглядят такими усталыми. Сколько часов в день они работают?

— Я не знаю.

— А сколько им платят?

Я разговаривал с его спиной. Он взмахнул вожжами и ничего не ответил мне. Я поймал взгляд Ангелины и подмигнул ей. Она подмигнула мне в ответ.

— Мне кажется, сейчас самое время попробовать рона, — сказала она.

Отель, как и обещано, был высшего разряда. Наша комната была потрясающей. Там нас уже ждал наш багаж,— прекрасный сервис, ничего не скажешь. Мои попутчики все были свиньями по отношению к женщинам, мне пришлось тоже поступить так и оставить Ангелину одну распаковывать вещи. Сделал я это исключительно для того, чтобы не выходить из роли, ведь по природе я совсем не такой.

— Увидимся, когда закончишь, дорогая,— сказал я и проскочил за двери, прежде чем смог расслышать ее жестокий ответ.

Походил по двору, заглянул в бар, потом остановился возле бассейна. Начал фотографировать двух привлекательного вида женщин, загорающих голышом, потом опомнился, и холодок пробежал по моей спине — я представил себе реакцию Ангелины, когда она увидит эти картинки. Моя жена очень большая собственница, но мне это нравилось, или я думал так. Я чуть поразмыслил и решил заглянуть в туристический магазин. Мне пришлось совершить над собой насилие и не дрогнуть при виде маленьких гоночных лодок, сделанных из позолоченных грейферов; кепи находчивого продавца пестрело вдохновляющими надписями, вроде: «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, ПРИДУРОК», «СТРАСТНЫЙ ОСЕЛ» и «ДАВАЙТЕ ПОЗВЕНИМ»! Я отвел глаза в сторону и с невозмутимым видом прошествовал мимо в отдел сувенирных картинок и путеводителей. Я просматривал их, когда услышал мягкий шепоток прямо в ухо:

— Могу ли я вам помочь, сэр?— прекрасная, юная, гибкая с прозрачными глазами, золотистой кожей и соблазнительной фигурой, экзотическая, как тигр...

— Конечно, вы можете!— прохрипел я, потом остудил свой пыл. Нет, только не с Ангелиной на одной планете!— я хочу... хочу путеводитель.

— У нас много отличных книг. Вам нужно что-то конкретное?

— Да. История Параизо-Акви. Но не пропагандистские уловки для туристов, а нечто, близкое к реальности. У вас есть что-нибудь в таком роде?

Меня пронзил ее пристальный взгляд, потом она подошла к полкам. Вернулась с толстым томом в руках.

— Мне кажется, что вы найдете здесь все, что вас интересует, — сказала она и, четко развернувшись, медленно удалилась.

За работу, Джим! Я заставил себя оторвать глаза от ее соблазнительных ягодиц и перевести взгляд на книгу. «Социальная и экономическая история Параизо-Акви». Чудесно. Звучит как интригующий бестселлер. Я полистал ее и между страниц обнаружил клочок бумаги. На нем печатными буквами большого размера было начертано: «Будьте осторожны! ВАС НЕ ДОЛЖНЫ ВИДЕТЬ С ЭТОЙ КНИГОЙ!»

На страницы упала чья-то тень, я быстренько захлопнул книгу. Мрачный абориген стоял передо мной, как-то неестественно улыбаясь.

— Мне нужна эта книга,— сказал он, протягивая руку.

На его физиономии четко проступило «КОП». Одно-единственное слово. Полицейский. Знакомая, почти родная порода во всей галактике.

— Мой бог, зачем вам понадобилась моя несчастная книжка?

— Не твое дело. Дай ее мне.

— Нет,— я отступил назад, притворяясь испуганным. Он холодно улыбнулся и подошел ближе, чтобы отнять книгу из моих трусливо вибрирующих рук.

Ну, наконец-то, мой отпуск начался!

4

Я подождал, пока он возьмет обеими руками книгу, и ущипнул его за нос. Довольно сильно — мне всегда не нравились копы. Он заорал от ярости, открывая рот,— ему срочно нужно было показаться дантисту. Потом рот закрылся, за ним глаза, и он мешком свалился на пол — я твердым пальцем пронзил его солнечное сплетение. Ну что ж, я отвернулся от места действия с осознанием мелочного триумфа и столкнулся с человеком, одетым в униформу отеля.

— Он, наверное, устал, вот и прилег отдохнуть,— сказал я. — Ваша планета действует так расслабляюще. Мне нужна эта книга. Я хочу ее купить.

Он моргнул и с трудом пробормотал:

— Прошу прощения, но это не наша книга.

Теперь настала моя очередь моргать:

— Как же так? Я видел, как ваш клерк снимал ее с полки.

— Здесь, кроме меня, нет других служащих. Я один.

До меня начало доходить. Я пожал плечами и повернулся к выходу. Было совершенно очевидно, что меня раскрыли. И как только спящий красавец придет в себя, блюстители порядка возьмутся за меня по-настоящему. Как великодушно с их стороны поддерживать меня в постоянном напряжении, развлекать в этом до смерти надоевшем мне отпускном мире. Вернувшись, я застал Ангелину, надевающую купальный костюм. После серии поцелуев и чмоканий она мягко оттолкнула меня.

— Нам нужно почаще отправляться в отпуск, если это пробуждает в тебе инстинкты здорового животного. Что это за книга?

— Ничего особенного. Просто так захватил ее. Давай пройдемся по берегу, мне хочется увидеть, насколько твой купальник гармонирует с песком,— я лихорадочно вертел глазами, пока говорил это. Она слегка кивнула, показывая, что все поняла.

— Чудесно. Давай, я только найду свои сандалии.

Мы вышли, храня полное молчание, которое продолжалось до тех пор, пока мы не дошли до воды, изрядно удалившись от зданий.

— Ты думаешь, что комната нашпигована клопами?— спросила она.

— Точно не знаю. Но мне не хочется испытывать судьбу после того, как я открыл книгу,— я объяснил все, что произошло, как я нашел записку; потом раскрыл книгу и обнаружил новое послание, которое мы прочли в полной тишине.

«Люди этой планеты доведены до отчаяния и нуждаются в вашей помощи. Помогите нам, мы вас умоляем. Пожалуйста, будьте на берегу в 24.00 ночи.»

Подписи, разумеется, не было. Я наклонился и зачерпнул полную горсть воды, разминая записку, потом скомкал обрывки и закопал в песок. Мы продолжали прогуливаться.

— Интересно, кто написал записку?— спросила Ангелина.

— Это очень важный вопрос, не так ли? Я гнусно вел себя с чиновником паспортного отдела, фотографировал людей на плантации, задавал назойливые вопросы. О моем присутствии известно. Со мной вступили в контакт. Но, как ты правильно заметила, кто? Эта записка может быть и от отчаявшихся жителей Параизо-Акви, озабоченных тем, как поставить в известность галактику об условиях...

— Или это может быть ловушка, организованная силами безопасности, чтобы доставить тебе кучу неприятностей.

— И я так думаю. Но у меня нет выбора. Придется отправиться в полночь на встречу со своей судьбой. Хотя это будет очень затруднительно.

— Почему?— спросила она, щурясь от яркого солнца.

— Потому что этот драгун, как только придет в себя, начнет меня разыскивать. Мы не знаем, кто оставил записку, а я теперь на мушке у полиции.

— Тогда следует позаботиться о твоем ночном свидании. Как только полиция сядет тебе на хвост, ты получишь возможность позабавиться с ними, я знаю, как тебе это нравится. А вместо тебя на свидание отправлюсь я.

— Дорогая! Но это же опасно!

Она тепло улыбнулась и сжала мою руку:

— Как приятно! Ты беспокоишься обо мне.

— Нет, ты не должна быть такой легкомысленной. Только подумай, какие ты доставишь неприятности этим людям.

— Скотина,— ее нежные пальцы превратились в стальные клещи, глубоко вонзившиеся в мой бицепс. Потом она улыбнулась: — Но, конечно же, ты прав. Все должно пройти без сучка и задоринки.

— Все, закончили,— я потер синяк на руке.— Давай вернемся в номер и закажем еду. Я не хочу заниматься бегом на пустой желудок.

Первое, что мы увидели, войдя в номер,— за кроватью лежал без сознания мужчина с протянутыми по направлению камеры руками.

— Номер один,— сказал я.— Он, наверное, устал нас дожидаться и решил взглянуть на камеру. Усыпляющий газ заставил его прилечь.

— Это полиция,— ответила Ангелина, быстро обшарив его карманы.— Удостоверение личности, оружие, наручники, охотничий нож и парализующие гранаты. Какой тошнотный тип.

— Согласен. Не все оказалось раем на Параизо-Акви. Тебе лучше взять камеру с собой. Давай все-таки закажем еду, а то снова кто-нибудь заявится.

Через несколько минут прибыл официант, катя перед собой тележку, заполненную аппетитной едой. Но, к несчастью, за ним следовали полицейские.

— Покиньте немедленно номер,— сказала Ангелина, стараясь заступить им дорогу.— Вас сюда никто не приглашал.

Официант начал подавать назад, а я лихорадочно стал хватать сэндвичи. Если есть выбор между едой и бегом, то лучше выбрать бег.

— Отойди в сторону, женщина,— сказал полицейский с синим подбородком.

Если бы он не затевал все это, то был бы значительно счастливее. Он совершил непростительную ошибку: по-

ложил свою потную руку ей на плечо и оттолкнул ее в сторону. Он лишь успел вскрикнуть, как я услышал треск ломающихся костей, после чего он свалился на ковер. Второй наставил свой пистолет, мне пришлось отложить в сторону сэндвич, но пока я собирался заняться им, он уже лежал рядом со своим товарищем. Официант спасся бегством, и улыбающаяся Ангелина закрыла за ним дверь. Я прикончил второй сэндвич и запил бутылкой рона — все же пришло время ланча.

— Мне пора,— сказал я, наклоняясь над спящими красавцами и хлопая их по щекам.

Ангелина меня успокоила:

— Не волнуйся, они пробудут без сознания еще, по крайней мере, день. Я не могла им позволить следовать за нами.

Я тепло поцеловал ее, и стук в дверь эхом отозвался у меня в ушах.

— Надо попробовать найти другой выход,— сказал я и выбежал на балкон. Ангелина последовала за мной, неж-

но покусывая ножку вареной курицы. Мы находились на 20 этаже, нас окружали абсолютно гладкие стены. Не было никаких проблем.— Если тебе не трудно, подержи это, пожалуйста,— я протянул ей завернутые в салфетку сэндвичи. Это было секундным делом для меня: перемахнуть через балкон и мягко приземлиться на балконе нижней комнаты. Ангелина протянула набор для пикника в мои ладони и послала мне воздушный поцелуй. Все шло очень хорошо, на самом деле хорошо.

Нижний номер был пуст, поэтому я использовал минутную передышку, чтобы утолить свой голод и жажду. Я успел облизать последний сустав пальца, и принялся потягивать рон, когда услышал скрежещущий звук поворачиваемого в замке ключа. Я отставил в сторону недопитую бутылку, а когда дверь распахнулась, стоял как раз за ней. Конечно, это были не туристы. Вошли два мужика в военной форме, с пистолетами наготове. Я выждал, пока не убедился, что больше никого не будет, потом стал перед ними.

— Вы кого-то ищете?— спросил я.

Они дернулись от ярости. Я глубоко вздохнул, раздавил у них под носом усыпляющие капсулы, и отступил назад, наблюдая, как они с бряцаньем повалились на ковер. Один из них был примерно моего роста, и мне пришла очень любопытная идея. Меня только беспокоило, часто ли принимает ванны этот солдат. Я понял, что не часто, когда натягивал его форму и уловил резкий запах пота. Его нижнее белье составляло разительный контраст с чистой и выглаженной формой: белье пестрело дырами и пятнами. Конечно, жалованье солдата было мизерным. Но никаких денег не хватило бы, чтобы оплатить ему амуницию. Микрорадио, ионная винтовка и полный набор зарядов, пятьдесят револьверов с патронами. К тому времени, когда я нацепил на себя все, я выглядел как настоящий коп.

— Отлично сработано, в самом деле отлично,— поздравил я самого себя.— Крыса из нержавеющей стали вновь сражается, проникая туда, куда не может проникнуть никто, быстрая, как молния, неуловимая, как привидение! Бесстрашная и могучая. Великолепно!

Подняв моральный дух такой тирадой, я в последний раз оглядел себя критическим взглядом и открыл дверь.

Раздался взрыв.

5

Я отскочил в сторону. И тут же на месте, где я только что стоял, образовалась дыра.

— Все это как-то не способствует развитию туристического бизнеса,— буркнул я, свесившись с балкона. Теперь я знал точно, что эти ребята играют наверняка. Я нацепил шлем на ствол винтовки и подвигал его. Немедленно с ближнего балкона раздались короткие выстрелы, шлем подпрыгнул и свалился к моим ногам. Какие вспыльчивые. Я надел его, стараясь не обращать внимания на пулевые отметины.

— Ты не должен быть таким жадным, Джимми,— сказал себе я. — Ты сейчас платишь за свой несостоявшийся ленч,— резкие, но справедливые слова, и мне пришлось

согласиться. Когда я в порядке, что бывает очень часто, я соглашаюсь. Когда я не в порядке, мне тоже приходится поневоле соглашаться. Преступник, который пытается дурачить самого себя, очень скоро оказывается экс-преступником или находится под землей на глубине двух метров, или видит небо в крупную клетку.

— Все, момент для раскаяния прошел. Теперь надо подумать, как отсюда выбраться. Серьезно подумать.— И я думал.— Я был зажат с обоих флангов противником, а время неумолимо убегало. Я поспешил в ванную комнату, входную дверь вновь потрясли разрывы. Принимать душ в такое время — самое подходящее занятие. Мне не хотелось причинять неудобства ни в чем не повинным соседям. Я достал дебондер и направил его вниз, предварительно нацелив на сливной круг на дне ванны. Молекулярный дебондер еще называли дезинтегрирующими лучами, но это не соответствует действительности. Он совсем не разрушает материал. Он просто действует на молекулярные силы взаимного притяжения, уменьшая их на какое-то мгновение. Когда это происходит, энергия притяжения исчезает. Не правда ли, все очень просто? Дно ванны и пол под ним рухнули вниз, прямо в душ нижнего номера. Когда я проскочил вслед за ними, то краем уха услышал треск ломающейся входной двери. Самым мудрым решением было немедленно уносить ноги. Что я и сделал. Выскочив из душевой комнаты, я обнаружил в холле дрожащую женщину-туристку, я помнил ее по совместному перелету. Она в безумной панике пыталась набрать номер по телефону. Увидела меня и завопила.

— Кана, кабальеро, эспаньол, рон!— хрипло выдавил из себя я, исчерпав все свои познания местного наречия. Она продолжала вопить и была близка к обмороку. Чудесно. Я с треском распахнул еще одни двери и увидел, что соседняя комната пуста. Теперь надо было делать ставку на скорость, и никакой осторожности! Я бросился вниз, проскочил большой холл, расталкивая заполнивших его туристов, и выбежал в коридор, ведущий к служебному ходу. Когда я прибываю в новое здание, я непременно исследую все ходы и выходы, и сейчас меня не в первый

раз порадовала эта моя привычка. Служебный ход был там же, где я его видел в последний раз, и единственное, что мне оставалось, это открыть дверь, когда я вдруг расслышал за ней топот бегущих людей. Они меня опередили! Но тут звук шагов стал удаляться. У меня появился шанс, и я с треском раскрыл дверь. Увидел спины, обтянутые униформой. Они сбегали по ступенькам вниз. Отлично! Я отправился за ними следом. Сержант громким голосом отдавал команды, и солдаты грохотали тяжелыми ботинками. Я кубарем скатился вслед, немного выждал, и, как только они остановились перевести дух, незаметно слился с ними. Мы дружно прогрохотали до первого этажа. Потом я спрятал форму и все снаряжение в мусорный бак позади кухни отеля и через несколько минут уже беззаботно насвистывал незатейливую мелодию, теперь ничем не отличаясь от прочих туристов. Я тоже стал перекликаться, интересуясь, что произошло. Гиды и работники отеля пытались утихомирить разволновавшихся гостей. Я присоединился к тем, кто направлялся на пляж, потом покинул их и побрел дальше в сверкающие пёски, кто бы смог мне помешать? Мыс, выдаваясь вперед, образовал тут бухточку, возле которой я и прогуливался, чувствуя себя в сравнительной безопасности на таком расстоянии от отеля и беспорядков, которые сам же и вызвал. Я уже порядком устал. Поднялся на камни и наткнулся на густые заросли. Присел в тени больших деревьев, скрывающих меня от людей на берегу. С радостью отметил наступление сумерек. Солнце медленно погружалось в океан, не издавая никакого шипения, становилось темно. Я прилег на траву. Она оказалась мягкой, было тихо, похоже, в этих зарослях не водилось никакой пакости, глаза мои закрылись, и я заснул сном невинного младенца, впрочем, как всегда. Сказалось либо действие рона, либо упражнения, а может, все вместе, но до восхода солнца я не пошевелился. С первыми лучами я сладко зевнул и услышал урчание моего голодного желудка. Надо было возвращаться. Но прежде я опустошил свои карманы и зарыл все, что могло вызвать подозрение, у подножья большого дерева. Потом,

совершенно невинный и небритый, направился к отелю. Мне пришлось быть осторожным, я не хотел, чтобы меня продырявил какой-нибудь тигроподобный новобранец. Единственная возможность спокойно отбыть с этой планеты — это обратиться к властям. Но я все-таки надеялся справиться сам. Я хотел есть, и ресторан был сейчас для меня местом обетованным. Я добрался до него под прикрытием декоративных кустиков, они надежно защищали меня от глаз полицейского. Но он торчал возле входа, поэтому мне пришлось прыгнуть в открытое окно. Несколько ранних пташек клевали свой завтрак. Я наполнил тарелку снедью из буфета, налил в стакан сок и в чашку кофе, но тут официантка заметила мои манипуляции. Мне пришлось занять столик рядом с другими завтракающими.

— Чем закончилась вчерашняя заварушка?— спросил я пожилую пару, которая занималась тем, что чистила яйца с таким видом, что можно было подумать, будто последняя курица только что скончалась.

— Нам никто ничего не говорил. Ни единого слова,— ответил супруг, кусая яйцо. Она кивнула, соглашаясь.— Это так скверно. Я сказала им. Мы платили деньги не для того, чтобы наблюдать стрельбу. Верните мне деньги, и я следующим кораблем улетаю.

Я не успел придумать достойный совет. Полдюжины полицейских ввалились в ресторан и бросились к моему столику. С ружьями наперевес.

— Если вы сделаете хоть одно движение, мы стреляем!— заорал один из них.

— Официант,— громко позвал я.— Пригласите метрдотеля, управляющего. Немедленно позовите кого-нибудь! Быстро! Передайте им, чтоб немедленно пришли!— я потягивал кофе, а солдаты тем временем нависали надо мной.

— Вы пойдете с нами,— сказал офицер.

— Чего это вдруг?— спокойно поинтересовался я, ощущая присутствие туристов и работников отеля.

Двое копов схватили меня за плечи и заставили встать. Я не сопротивлялся. К нам приближалась еще группа мужчин. Я увидел знакомое лицо. Нашего гида.

— Джордж,— закричал я.— Что все это значит? Кто эти странно одетые люди?

— Это полиция,— ответил он, сложив на груди ладошки, выглядел он очень несчастным.— Они хотят поговорить с вами.

— Прелестно. Они могут поговорить со мной прямо здесь. Я турист, и у меня есть права.

Стоял невыносимый гам, они начали кричать на испанском, собирая вокруг туристов. Пока все шло неплохо. Джордж вернулся ко мне с еще более несчастным видом:

— Мне очень жаль. Но я ничего не смог поделать. Они хотят, чтобы вы прошли вместе с ними.

— Похищение!— заорал я.— Похищение бедного туриста дерьмовой полицией, фальшивой полицией! Позовите правительство, туристическое бюро, позовите консула! Я заплачу за все. Я отомщу вам жестоко, если вы позволите свершиться беззаконию.

Зеваки заворчали, поддерживая меня, и мне бы, наверное, удалось уйти, если бы через толпу не протолкался высокий офицер. У него были стальные глаза, сверлящий взгляд и очень твердые черты лица. Он моментально взял в свои руки ситуацию.

— Не волнуйтесь вы так, сэр, вас же не арестовывают, отнюдь. Отпустите его,— потные ладони немедленно убрались с моих плеч. Он улыбнулся, повернулся ко мне и начал говорить, рассчитывая скорей всего на туристов, чем на меня.

— Этим людям кажется, что во вчерашних неприятностях замешаны вы...

— Я ничего не видел. А кто вы такой?

— Меня зовут Оливейра. Капитан Оливейра. Мне очень приятно слышать, что вы ничего не видели. Будьте тогда так добры и снисходительны, пройдите со мной и расскажите мне о том, что вы не видели. Есть невинные жертвы вчерашнего происшествия и, мне кажется, что вы захотите помочь им. Разве нет?

Его улыбка была настолько искренней, логика такой непрошибаемой, и я начинал себя чувствовать сломанным

зубцом в колесе правосудия. Я, как всегда, сохранял благоразумие.

— Очень рад помочь. Но куда же мы направляемся? Мне бы хотелось передать записку жене.

На мгновение теплая улыбка Оливейры сменилась холодной яростью:

— В центральный полицейский офис...

— Замечательно. Эй, ты,— я махнул рукой, подзывая официанта.— Как только я уйду, найдите мою жену в 2010 номере. Расскажите ей, что случилось. Передайте ей, что я вернусь к обеду. Вы слышите меня, парни?— я повысил голос так, чтобы все туристы слышали.— Я отправляюсь помочь этим добрым полицейским в расследовании происшествия. Может, они мне расскажут, что за шум здесь был вчера. Я вернусь к обеду и расскажу вам обо всем. Пойдемте, капитан Оливейра.

Я так быстро двинулся к дверям, что вынудил их следовать за мной. Я сделал все, что мог, теперь дело за полицией. Если со мной что-нибудь случится, всем будет ясно, на кого ляжет вина.

На нас бросали мрачные взгляды и бормотали что-то сквозь стиснутые зубы, пока мы садились в патрульную машину. Сирены зловеще завыли, и мы помчались прочь от побережья в город. Капитан Оливейра впереди нас на другой машине. Несомненно, он готовил мне достойный прием. А я от страха и чувства опасности громко смеялся. Заливался так, что эти полицейские, наверное, подумали, будто я свихнулся. Может, так оно и было. Я сделал дыхательные упражнения и применил технику расслабления и почувствовал себя вполне сносно, когда мы прибыли в полицейское управление,— мрачное серое здание. А потом была обычная рутинная процедура, которой я подвергался не раз. Меня раздели донага, одежду тщательно обыскали. Мое прекрасное тело просветили рентгеновскими лучами, а мои зубы обследовал одышливый дантист с дурным запахом, он пыхтел мне прямо в рот. Мне нечего было скрывать от них. Я был чист и невинен как младенец. Когда этот ритуал свершился, мне выдали хлопчатобу-

мажную робу и пару поношенных башмаков. В сопровождении двух полицейских меня доставили пред светлые очи капитана Оливейры. Все его потуги на вежливость как корова языком слизнула. Его голос стал ледяным, а глаза пронзали меня насквозь.

— Кто вы такой?— спросил он.

— Простой турист, с которым плохо обращались ваши шпики...

— Каргата!— прорычал он, и я вспомнил, что это местное ругательство.— Вас видели беседующим с разыскиваемым преступником, который передал вам послание. Когда вас допрашивал офицер, выполняющий свои обязанности, вы напали на него. Когда другие полицейские пришли к вам, чтобы задать такие же вопросы, вы также напали на них и вывели из строя. Мы мирный народ и не позволим насилия. Для вашего ареста были отправлены еще полицейские и войска, чтобы предотвратить с вашей стороны проявление еще большего насилия, но вам удалось вывести из строя большое количество человек и проявить еще больше насилия. Теперь вы мне расскажите, кто вы такой и что вы здесь делаете, и что вам передал местный преступник.

— Нет,— твердо произнес я с таким же выражением холодной ярости, как у него.— Я прибыл на вашу несчастную планету, чтобы провести отпуск, но на меня напали, и я был вынужден защищаться. Я был морским комбатом много лет, следовательно, мне известно, как нужно это делать.— В моем личном деле имелась такая деталь, так, на всякий случай, подобный этому. — Я не знаю, почему ваши разбойники напали на меня, и я был вынужден ответить. Я выждал, пока все утихнет и появился, чтобы добровольно сдаться. Теперь вы можете со спокойной совестью отпустить меня. Мне больше нечего вам сказать.

— Нет,— заорал он, теряя контроль над собой и стуча кулаками по столу. — Вы мне скажете правду, или я выбью ее из вас.

— Вы идиот, Оливейра. Всем туристам известно, что я заложник полиции. Только троньте хоть один волосок

на моей голове, и вы потерпите крах в туристическом бизнесе. Навсегда. Сейчас я хочу сделать заявление. Только одно. И я хочу, чтобы вы обеспечили наличие детектора лжи, когда я буду говорить.

— Стул, на котором вы сидите,— это детектор лжи. Говорите!

Какое счастье, что я не знал этого, пока так безбожно врал! Теперь мне нужно было только четко сформулировать фразы своего заявления и внимательно следить за собой.

— Отлично. Теперь для записи. Да, мне женщина дала книгу, но я никогда не видел раньше этой женщины и совершенно не знаю, почему она решила войти со мной в контакт. И никакой информации я не получал от нее. Точка. Конец заявления. Все, теперь верните мне одежду, и я хочу покинуть вас.

Я поднялся и уставился ему в глаза. Выражение его лица не изменилось, но я видел, как у него на висках бьется жилка. Он кипел от злости, но пока держал себя в руках. Он должен был либо убить меня, либо отпустить. Вот и весь его выбор. Наконец он заговорил, сдерживая ярость, низким голосом, но я верил его каждому слову.

— Я отпускаю вас. Вы вернетесь в ваш отель и соберете вещи. Мои люди побудут с вами. Они довезут вас и вашу жену до аэропорта, и вы покинете нашу планету ближайшим рейсом. Вы отправитесь отсюда и никогда больше не вернетесь. Потому что, если вы вернетесь, я убью вас незамедлительно. Вы впутались в грязную историю. Я не знаю как, да мне и все равно. Вы хорошо меня поняли?

— Отлично понял, капитан. И мне точно так же хочется покинуть вашу планету, как и вам отправить меня.

Я только не добавил, что собираюсь вернуться как можно скорей. Мы с капитаном должны были встретиться еще раз.

6

У меня и Ангелины не было возможности поговорить до тех пор, пока мы не вышли в открытый космос. До

этого низкобровый полицейский не оставлял нас ни на минутку, глядя как мы собираемся, затем подгоняя нас, когда мы все запаковали. Отправление крейсера было отложено до нашего прибытия. Он взлетел сразу, как мы взошли на борт. Когда ускорение прекратилось, я выпил общеукрепляющее снадобье, включил камеру и проверил нашу каюту — все было чисто, никаких «клопов».

— Чисто,— сказал я.— Тебе удалось попасть на полуночное свидание?

— Ты рассказывал мне, что с тобой в контакт вошел местный житель,— голос Ангелины стал холодным: минус 4 по Кельвину. — Ты только забыл упомянуть, что этот местный житель очень привлекательная и сексапильная молодая женщина.

— Моя любовь! Я видел ее всего несколько минут. И все!

— Лучше, если больше ничего не было. Мне хорошо известны твои способности, Джим ди Гриз. Тебе достаточно положить на нее один палец и его можно сразу отрезать.

— Согласен, если палец. А теперь расскажи, что случилось.

— Я прогуливалась по берегу. Она пряталась в зарослях. Позвала меня, спросила, есть ли у меня записка. Я повторила написанное вслух и дала ей понять, что ты попал в переплет. И она мне все рассказала. Ее зовут Флавия, и она из небольшой организации сопротивления. У них не хватает сил даже на протест. Как только они что-нибудь придумают, их сразу вылавливают, а потом сажают в тюрьму или убивают. Они только хотят, чтобы галактика занялась их делом.

— Мне не хочется связываться с галактикой, да она и не сможет оказать им реальную помощь.

— Я не сказала ей этого. Она была неподдельно счастлива, что я передам ее послание другим мирам. Пять страниц. Я была потрясена, когда я запомнила его, прочтя один раз.

— В темноте?

— Заткнись. Оно было написано люминесцентными чернилами. Понимаешь, одна из причин того, что остальные планеты не проявляют никакого беспокойства, в том, что местное правительство удачно играет в демократию. Каждые четыре года проходят выборы президента. Все дело в том, что эти выборы — сплошное надувательство, и в результате Генеральный Президент Джулио Запилот каждый раз становится президентом. Он был недавно избран в 41 раз...

— Ему что, 200 лет?

— Да. Он проходит гериатрический курс лечения. Его поддерживают милитаристы, которые заставляют народ стоять по стойке смирно. Типичная ситуация силы, сконцентрированной в одних руках. Верхушка богатых и ниществующая, практически порабощенная, основная масса народа на дне. С узкой прослойкой.

— Это необходимо изменить,— заключил я, вышагивая по каюте.

— Я согласна. Но это будет не так легко.

— Это не так трудно для человека, который спас вселенную.

— Дважды,— напомнила она мне.

— Это верно. Я собираюсь вернуться назад...

— Говори «мы». Мне и мальчикам нужен отдых.

— Конечно мы, моя любовь. И твои рослые сыновья. Флавия тебе не объяснила, почему они выбрали именно меня? И как они на меня вышли?

— Гид Джордж рассказал им о тебе и твоем интересе к рабочим слоям их общества.

— Отлично. Нам снова нужно будет войти с ними в контакт. Был убит человек, который хотел мне передать послание о планете. Увидя планету, я понял почему. Я решил вернуться. И мне нужно свести счеты с капитаном Оливейрой, который арестовал меня.

Она нахмурилась:

— Если бы он тронул хоть волосок на твоей голове, я бы убила его. Очень жестоко.

— Удивительная жена! Не беспокойся, я позабочусь о капитане. А ты сможешь разобраться с остальной планетой.

— Хорошая идея. Ты не придумал, как вернуться назад?

— Нет. Но это меня никогда раньше не останавливало. Мы оснастимся и вернемся, и я уверен, что придумаю что-нибудь.

— Мы что, нападем на них? Используем наемников?

— Нужно что-то более тонкое и незаметное. Мы будем действовать, как Крыса из нержавеющей стали. У меня уже есть идеи, как мы сделаем это!

Не стоит говорить, как восхитились близнецы. Джеймс проводил зоологическую экспедицию по отлову ядовитых видов лягушек на планете ужасов Вениоле, вращающейся вокруг отвратительной звезды Гернии. Как только наше послание дошло до него, он отловил последний вид и направился домой на всех парах. Он ненамного опередил Боливара, который выполнял исследования в области проведения тюремных реформ. Его посадили в очень надежную тюрьму на планете Гелиор, откуда ему все-таки удалось бежать в тот самый момент, когда его настигло мое послание. Юные аппетиты нуждаются в постоянной подпитке, мне оставалось только терпеливо ждать, пока они насладятся приготовленным матерью обедом из девяти блюд и присоединятся ко мне.

— Папа, с тобой что-то не так, ты не похож сам на себя, — сказал Джеймс.

— Очень поверхностно, братец,— ответил Боливар.— Обрати внимание, что у нашего папы темная кожа, черные волосы, усы, темные глаза, абсолютно новая челюсть и совсем другие скулы.

— И я говорю на новом языке,— произнес я на отличном испанском.

— Звучит приятно,— отметил Джеймс.— Очень понятный язык, похож немного на эсперанто.

— Утром у тебя будет возможность насладиться и головной болью и новым языком. Несколько часов с обучителем, и язык навсегда застрянет в тебе.

— А что потом? Спасибо, мам,— сказал Боливар, потому что Ангелина внесла наполненные вином бокалы.

— А потом мы отправимся на Параизо-Акви, где делают это превосходное вино. Название этого мира в переводе звучит как «Рай здесь», и мы попробуем сделать так, чтобы название превратилось в действительность.

— Как?— спросила Ангелина, она уже несколько раз спрашивала это.

— Я придумаю, когда будем на месте. А пока у меня созрел план, как нам туда пробраться. Посмотрите на это...

Я нажал кнопку, и стена откатилась в сторону, являя мастерскую, в которой стояла большая, полностью оснащенная для путешествия машина.

— Что-то она выглядит не очень,— сказал правдивый Боливар.

— Спасибо. Но это входило в мои планы. Это точная копия машины на Параизо-Акви. Повторяет оригинал каждой деталью...

— Но содержит множество деталей, которых оригинал никогда не имел,— добавил Джеймс.

— Догадливый юноша. Осторожней! Не трогайте ничего, пока я не объясню вам назначение каждой кнопки. Настоящие машины на Параизо-Акви с двигателями внутреннего сгорания. Это чертовски сложная и неэффективная штука. Хороший сахарный тростник используют для получения этилового спирта, вместо того, чтобы делать прекрасный ром. Так вот, этот этиловый спирт заливают в двигатель. При его работе выделяется пар и ядовитые газы. Ужасно. Поэтому мне пришлось снабдить нашу машину маленьким атомным двигателем, который также питает лазеры, энергетические орудия, радар для наведения цели. Вы же знакомы с подобными вещами.

— Конечно,— воскликнула Ангелина, счастливо улыбаясь,— и какая же следующая ступень?

— Последние приготовления. Нам осталось два дня, нужно успеть отдохнуть, сделать кожу и волосы темными, выучить испанский так, чтобы бегло говорить на нем. Корабли Специального Корпуса доставят нас и машину в Параизо-Акви. И мы, одни и беззащитные...

— Здорово!— сказал Боливар.

— ... За тысячи световых лет от ближайшей дружественной планеты. Четверо заблудших странников против могущества планетного диктатора. Мне жаль их...

— Я надеюсь, ты имеешь в виду диктатора, а не нас? — спросила Ангелина.

— Естественно! Да еще и вино. Давайте выпьем за их свержение и начало новой жизни на Параизо-Акви.

7

Даже у меня, закаленного в тысячах битв, екнуло сердце, когда я наблюдал отлет боевого корабля Корпуса. Одно дело — сидеть дома со стаканом в руке и восхищаться самим собой. И совсем другое — оказаться на негостеприимной планете с теми, кого любишь ты и кто любит тебя. Неужели мы обречены? Если так, то я за все в ответе.

— Отлично, папа...— сказал Боливар.

— ...скоро начнутся чудеса,— добавил Джеймс, закан-чивая предложение брата. Они рассмеялись и хлопнули меня по спине, отчего мне стало горько, но это выбило меня из депрессии. Мы сделаем это! Мы обязательно сделаем!

— Вы совершенно правы, ребятишки. Мы прибыли!

Джеймс открыл дверцу машины перед матерью, а Боливар, надев форму шофера, вскарабкался на переднее сиденье и стал изучать приборы. Ночь была ясной без малейшего признака облаков, звезды прекрасно освещали нам путь. Я помог войти Ангелине. Рядом с Боливаром уселся Джеймс. На нем белый костюм и черный галстук. Мы с Ангелиной пышно разоделись, следуя моде и фотографиям. Боливар надел темные очки, включил мотор, и мы помчались вперед, в темноту. Конечно же, его очки были чувствительны к ультрафиолетовым лучам, а сейчас именно ультрафиолет излучали фары машины. Это было несколько необычно и странно-восхитительно — мчаться так сквозь ночь.

— Здесь каменистая дорога, как ты и планировал, папа, — сказал Боливар.— Мы не оставим следов, если

власти вздумают поинтересоваться кораблем и начнут расследование. Впереди шоссе. Пустое. Держитесь, сейчас будет небольшой толчок.

На шоссе машина увеличила скорость.

— Смени свет за тем поворотом,— указал я.— Мы становимся добропорядочными горожанами, которые просто поехали покататься.

— Как далеко мы поехали прокатиться?— спросил он.

— До побережья. Если мы попадем туда раньше, чем я думаю, то сможем отдохнуть до рассвета. Мне не хочется искать пристанища днем. Ничего, найдем что-нибудь и позавтракаем, потом примемся за выполнение следующей ступени плана.

Мы были одни на дороге. Случайная машина проскочила навстречу нам. Никаких признаков тревоги мы не заметили. Я достал из охладителя бутылку шампанского, и мы с Ангелиной выпили за грядущий успех. Потом я переключил телевизор на симфонию, и мы полетели в ночь. Сохраняя торжественность и постоянную скорость, мы достигли побережья одновременно с рассветом и свернули с дороги в поисках пристанища. Мы встретили таких же ранних пташек и крестьян, отправлявшихся на поля. Они уступали нам дорогу, кланяясь, но их внимание полностью игнорировалось нами, потому что так должно было быть. Теплое солнце играло бликами на воде, пока мы медленно скользили у кромки океана.

— Здесь,— сказала Ангелина,— дорожный ресторанчик справа. Официанты ждут не дождутся посетителей. Выглядит превосходно.

— Да, ничего. Боливар, припаркуй машину рядом, так, чтобы мы могли не спускать с нее глаз. Мы займем столик.

Нет ничего приятнее ощущать себя богатым в таком месте, где все бедны. Сервису нет конца. Наше прибытие было замечено, и метрдотель лично поспешил встретить нас.

— Добро пожаловать, Ваша честь, добро пожаловать, миледи!— сказал он, открывая дверцу машины.— Столик, конечно же, вот этот, к вашим услугам. Ваше малейшее желание является для меня законом.

— Зажгите мне сигару,— засопел я и достал из коробки сигару с обрезанным концом. Официанты буквально сражались за честь дать мне прикурить, с пяти сторон мне протягивали пламя. Я самодовольно пыхнул дымом, опустился на стул и сдвинул на затылок шляпу с широкими полями. Ангелина грациозно присела рядом со мной.

— Вот это жизнь,— сказал я.

— Ты прирожденный фашист,— ответила Ангелина, у нее перехватило дыхание.— Мы прибыли сюда, чтобы спасти этих людей от попрания их чести и достоинства, а не за тем, чтобы гордиться собой, унижая их.

— Мне это известно. Но это не значит, что мы не можем чуть побаловать себя прежде,чем прекратить эти безобразия. Если мы находимся на тонущем корабле, то это не значит, что мы должны торчать в четвертом классе. Только первый класс! И все время,— добавил я, беря у официанта меню.

Немного погодя, когда мой желудок заполнился, я закурил сигару, с наслаждением вдыхая дым, запивая третьей чашкой чудесного черного кофе, свысока поглядывая на суету вокруг нас. Щелкнул пальцами в сторону Джеймса. Он поспешил ко мне, демонстрируя рабскую покорность своему хозяину, то есть мне. Я взял еще одну сигару.

— Зажги!— приказал я, и, когда он наклонился ко мне, сказал ему шепотом: — Когда ты повернешься, обрати внимание на мужчину в зеленой рубашке, который разговаривает с тремя жирными туристами. Нам улыбнулась удача, потому что это Джордж, наш связной. Проследи за ним. Узнай, куда он направляется.

— Нет проблем, папа. Он и не почувствует слежки.

Когда он ушел, Ангелина наклонилась ко мне:

— Проклятье, посмотри направо, и тебе это не понравится.

Я глянул и, действительно, там стояли два жалких типа, одетых в простые одежды, но всем своим видом излучавшие власть. Они разговаривали с юной парочкой, сидящей за первым столиком. Молодые люди показывали какие-то бумаги, которые шпики тщательным образом

просматривали. Так, похоже, шла проверка документов. Ну и задачка для нас, не имеющих никаких бумаг.

— Ангелина,— сказал я и щелкнул пальцами, подзывая официанта.— Захвати Боливара и отправляйтесь к машине, пока я расплачусь. Подъезжайте к бордюру.

Официант был очень шустрым, но полицейские шпики оказались шустрее. Они проверили два ближайших столика, как будто собирались уходить, но вдруг направились ко мне, как раз в тот момент, когда я, рассчитываясь с официантом, бросил полную пригоршню монет на счет.

— Ваша честь, у вас имеются бумаги, удостоверяющие вашу личность?— спросил маленький и более подобострастный.

Я облил его презрением с ног до головы в застывшей настороженной тишине, дожидаясь, пока его не бросило в холодный пот, а потом заговорил:

— Разумеется, у меня есть документы,— я отвернулся и ступил на бордюр, ожидая машину. Все должно было получиться. Голос шпика завибрировал позади меня:

— Будьте так добры и покажите их мне.

Машина была близко, но недостаточно. Я повернулся к полицейскому и стал сверлить его взглядом василиска.

— Как тебя зовут?— зарычал я.

— Виладельмас Пиджол, ваша честь...

— Я скажу тебе, Пиджол, только одно. Я никогда не разговариваю с полицейскими на улицах. А также не предъявляю им документов.

Он повернулся, чтобы уйти, но его толстый товарищ был пожестче, либо глупее, короче, настоящий службист, и он сказал мне:

— Вы бы оказали нам честь, позволив сопроводить вас к нашему комиссару полиции, ваше превосходительство. Он был бы просто счастлив приветствовать вас в нашем городе.

Надо было быстро думать. Эта сцена длилась уже достаточно долго и могла в конце концов привлечь постороннее внимание. Было невозможно удрать на машине: они могли записать номер и потом быстро вычислить нас.

Посему мне пришлось быстренько придумать план, и тут подъехала машина.

— Вы были так добры, сделав нам это предложение,— я улыбнулся, и они сразу расслабились и стали улыбаться как раньше, с некоторой долей облегчения.— Я здесь чужой, и поэтому вам придется показать нам дорогу. Садитесь в мою роскошную машину и подскажите направление моему водителю.

— Спасибо вам! Спасибо вам!

Когда мы взбирались в машину, они улыбались, я думаю, что если бы я им позволил, они поцеловали бы мне руку. Боливар надавил кнопку, и сиденья приняли нужное положение. Шпики развалились на мягких сиденьях. Машина мягко тронулась.

— Проинструктируйте моего шофера,— сказал я и повернулся к Ангелине.— Эти два добрых полицейских согласились сопровождать нас к комиссару полиции, который пожелал увидеть нас.

— Очаровательно, восхитительно,— произнесла она, приподымая брови.

— Сначала прямо вперед, потом направо и третий поворот, — сказал Пиджол.

— Как приятно быть среди друзей,— улыбаясь, отметил я, и они довольные, окончательно расслабились.— Или, как сказал один великий поэт... Я произнес фразу, которую смог бы перевести каждый студент-первокурсник, изучающий эсперанто. Она значила: «Когда я сосчитаю до трех, ты положи своего друга поспать, а я займусь своим».

— Я не силен в поэзии, ваше превосходительство,— ответил Пиджол.

— Я научу вас прямо сейчас. Это так же легко, как сосчитать один, два, три...

Я наклонился над Пиджолом и схватил его за глотку, у него вывалились глаза из орбит, он задохнулся, чуть-чуть потрепыхался и затих. Ангелина, больше всего на свете не любившая полицию, была более драматична. Она острым каблуком заехала толстяку в живот. Когда он согнулся, треснула его по затылку, и он обмяк у ее ног.

— Отлично сработано, мам и пап,— сказал Боливар, глядя в обзорное зеркало.— На улице ни души. Я как раз приближаюсь к третьему повороту.

— Хорошо. Рули к берегу, а мы обдумаем, что делать дальше с этими шпиками.

— Им стоит перерезать глотки, связать их проволокой и утопить,— очаровательно улыбаясь, предложила Ангелина.

— Нет, дорогая,— ответил я, беря ее за руку,— ты же изменилась, разве ты не помнишь? Больше никаких увечий или убийств...

— Это не относится к полиции!

— Да, дорогая, и к полиции тоже,— она села поудобнее, бормоча грязные ругательства, а я пытался ее успокоить.— Мы их не убьем, но нам придется лишить их памяти. Наркотик, как тебе известно, отшибает память о событиях, происшедших в последние 24 часа до инъекции.

— Стрихнин было бы лучше и быстрее.

— Да, дорогая, но он действует навсегда.

— Посмотри, пап, дорога разветвляется,— сказал Боливар,— одна ведет к зарослям.

— Отлично. Поезжай туда, а я сделаю им уколы.

Ангелина постаралась убрать синяки с физиономий копов. Я вынул аптечку и привел себя в порядок. Боливар обнаружил следы шин на грунтовой дороге между деревьями и поехал по ним. Затем мы расстелили спальные мешки под густым кустарником и запихнули в них полицейских. Потом вернулись к ресторану, где ждал нас Джеймс. Он уселся на переднее сиденье.

— Прокатились?— спросил он.

— Избавлялись от слишком назойливых полицейских,— сказал я.— Что с Джорджем?

— Я следовал за ним, он прошел в бар с приятелями, которым рассказывал, что всю ночь сопровождал группу туристов и теперь отправляется отдохнуть.

— Ты запомнил дом?

— Конечно, пап. Мне кажется, что ты захочешь нарушить его сон. Я покажу тебе дорогу.

К Джорджу я пошел один, открыв замок пальцами. Я еще в детстве научился проделывать такие штуки.— Ты настоящий профессионал, Джим,— сказал я сам себе, пробираясь по темной комнате. Гордость за себя предшествует провалу. Либо у Джорджа были уши, как у кота, либо он очень чутко спал, либо возле входа была вмонтирована сигнализация. Все это уже не имело никакого значения. Важен был результат.

Зажегся свет и застал меня на полпути, почти в центре комнаты. В дверях стоял Джордж и держал в руках большой короткоствольный пистолет.

— Давай, молись, полицейский,— холодно отчеканил он.— Я собираюсь тебя убить.

8

— Не стреляй, Джордж. Я твой друг...

— Который крадется ночью, как вор?

— Днем, сейчас день в полном разгаре. Мне пришлось так появиться, потому что я не хотел, чтобы меня кто-нибудь видел. Я отличный парень и так же смотрю на жизнь, как ты и как Флавия...

Эта фраза почти погубила меня:

— Что ты знаешь о Флавии?— заорал он. И я взмолился, чтобы его палец не надавил на курок. Я подпустил немного драмы в ситуацию, опустившись на колени и умоляюще простирая руки.

— Послушай меня, смелый Джордж! Я прибыл с другой планеты, на которой и получил ваше послание. То, которое ты передал одному туристу и его жене, за что тех вышвырнули с вашей сказочной планеты.

— Откуда тебе известно об этом?— дуло пистолета слегка опустилось, я встал, отряхнул колени и присел на кушетку.

— Знаю, потому что я — тот турист. Немного измененный снаружи, но такой же внутри, как раньше.

— Я тебе не верю. Ты можешь быть полицейским.

— Верно. Я могу быть кем угодно. Но я знаю такое, что неизвестно никому. Например, я знаю, что моя жена встретила Флавию на пляже, и Флавия передала ей послание на 5 страницах, там просьба о помощи, моя жена запомнила это письмо и потом передала мне, и я тоже выучил его. Поэтому могу тебе пересказать.

Что я и сделал, все 5 страниц. И дуло пистолета опускалось все ниже и ниже. К тому времени, когда я закончил, он отложил оружие в сторону.

— Теперь я тебе верю,— сказал он.—Потому что послание составлял я. Только я и Флавия видели его.— Он бросился ко мне с горящими глазами, поднял меня с колен и обнял, потом поцеловал в обе щеки. Ему нужно было побриться.

— Да, я тоже очень рад, что нам удалось прийти к соглашению в конце концов,— сказал я, высвобождаясь из его объятий.— Всегда счастлив, когда могу помочь.

— Мне все равно трудно поверить,— вдруг взбесился он.— Мы в прошлом всегда терпели провалы, поэтому нам пришлось обратиться за помощью. Несколько месяцев назад нам удалось отправить одного нашего туристом, но с тех пор мы ничего не слышали о нем.

— Он был маленький, смуглый, с крючковатым носом?

— Да, но откуда тебе известно?..

— Мне выпала тяжелая участь сообщить тебе, что он мертв. Несомненно, был убит полицейскими агентами.

— Бедный Гектор, он был таким храбрым. Он был уверен, что сможет войти в контакт с легендарной Стальной крысой, единственным, кто мог нам помочь...

Голос Джорджа хрипел, как старая заезженная пластинка, глаза каким-то интересным образом выпучились. Я смиренно смотрел на свои ногти, потом поскреб ими по отворотам пиджака. В горле у него забулькало:

— Вы не... ты не можешь быть...

— К счастью, могу! Я известен под многими именами по всему свету. Крыса из нержавеющей стали к вашим услугам. Теперь поведай мне, что вы собираетесь делать. И расскажи, какая обстановка.

— У нас нет никаких планов, мы в полном замешательстве. Тайная полиция работает эффективно. В организацию сопротивления проникли шпионы и разрушили ее до основания. Все надо было начинать сначала. А поскольку я общался с туристами, то Флавии пришел в голову такой план — искать помощь на других планетах. Мне очень стыдно за нашу несостоятельность.

— Вы должны предоставить мне полную свободу действий. У вас на планете найдутся еще единомышленники?

— Все крестьяне мечтают убить президента Запилота и уничтожить его секретную полицию, так называемых ультимадос. Но ультимадос очень сильны. Вся власть сосредоточена в руках богачей и среднего класса, они оказывают Запилоту всемерную поддержку. Конечно, он не нравится представителям старой знати, которых лишили власти, но они разрозненны и ничего не могут.

У меня мелькнула идея:

— Знать? Расскажи-ка мне о них поподробнее.

— Что я могу рассказать... Я тоже из знатного рода. У меня был титул, но теперь это не имеет никакого значения. Только благодаря своему происхождению я могу встречаться с туристами. У знати сохранились маленькие привилегии.

Пока не появился этот свинтус Запилот, у нас на планете была мирная, спокойная монархия. Разумеется, тоже были бедные и богатые, но у людей была еда, не убивали друг друга, пытки были запрещены. Но это народу показалось скучным, и люди стали слушать Запилота, проповедующего свободу и равенство для всех. Это звучало очень приятно, но не имело ничего общего с тем, что он собирался делать. Это были пустые слова. Движение за демократию охватило почти всех, и даже знатные люди стали думать о том, что это не так уж плохо. Были проведены первые выборы, и Запилот стал президентом. К тому времени, когда должны были начаться повторные выборы, он переманил на свою сторону коррумпированных генералов и тайную полицию. С помощью военных и ультимадос удалось сфабриковать результаты выборов, и так повторялось каждые четыре года. Если он ухитрится

победить на этих последних выборах, он будет пожизненно Генерал-Президентом.

В моем мозгу наконец сформировалась идея, и я завопил от радости.

— О нет, он не пройдет! Этой планете предстоит увидеть такие выборы, каких еще не было в истории.

— Что вы имеете в виду?

— Мы должны найти представителя старой знати, которому можно доверять. Он должен быть достаточно честным. Мы сделаем его кандидатом на пост президента.

— Но ведь результаты выборов все равно подтасуют!

— Вам остается только поверить мне. Они будут подтасованы мной! Я научу этих подонков и мошенников, каким крючкотвором можно быть. Мы выиграем резким изменением в распределении голосов между партиями.

— А это возможно?

— Вам останется только наблюдать. Ваша задача — найти достойного кандидата.

Он поскреб подбородок и нахмурился:

— Мне нужно подумать.

— Почему бы нам не объединить мыслительный процесс с роном?

— Чудесная мысль. У меня есть запасы выдержанного рона, которые я храню подальше от туристов, и если вы сможете меня извинить за столь резкие слова, я предлагаю насладиться им.

Что я и сделал. Я смаковал и растягивал удовольствие, причмокивал, короче, издавал немыслимые звуки, пока мы пробовали множество сортов этого замечательного напитка. Но всему приходит конец, и нам пришлось вернуться к работе.

— Хорошие люди живут вдали от крупных городов,— сказал Джордж. Рон и алкоголь сделали свое дело — подстегнули его мозг, в котором сейчас мысли неслись с бешеной скоростью.—В глубине этого континента есть большая провинция, в которой выращивают кофе, пшеницу и ягоды бизкоко. Крестьяне, работающие там, очень счастливы, надсмотрщики добрые, хозяева плантаций — пре-

красные благородные знатные люди. Пока они поставляют продукты в города и не вмешиваются в политику, Запилот их не трогает.

— Вы кого-нибудь из этих людей знаете?

— Я знаю их всех, разумеется, потому что мы родственники.

— Кто из них, по-вашему, может нам помочь?

— Только один. Гонзалес де Торрес, маркиз де ла Роза. Он справедливый, честный, благородный, прямой, правдивый, храбрый, статный и красивый и страстно ненавидит Запилота.

— У него что, нет отрицательных качеств? Как давно вы его знаете?

— Он мой троюродный кузен по линии матери. Я встречаюсь с ним на похоронах и свадьбах и на подобных церемониях. Но мне известно о нем все. Среди аристократов нет тайн.

— Мне кажется, что он подойдет нам. Как встретиться с ним?

— Нужно будет нанять автомобиль...

— Уже сделано. Вы поедете с нами?

— Я не могу оставить работу! Это будет выглядеть подозрительно. Но Флавия может сопровождать вас. Я передам ей записку. Кстати, она будет там в безопасности.

Я поднял стакан с роном и с неохотой поставил его на стол.

— Значит, мы обо всем договорились. Я беру своих на прогулку в деревню, где мы устроим пикник и отдохнем. Когда наступит ночь, вы мне скажете, где и когда и как мы подберем Флавию.

— Понадобится время, чтобы найти ее, а я должен сегодня работать. Приходите сюда в полночь, я буду ждать вас и отведу к ней.

— Сказано — сделано.

Я уже направился к выходу, потом вернулся и показал пальцем на бутылку выдержанного рона:

— В открытых бутылках вино быстро портится. Вы не хотите, чтобы я устранил эту оплошность?

— Возьмите ее, прошу вас,— он вручил мне бутылку.— У меня есть еще, а к нашей встрече в полночь я принесу много таких бутылок.

— Как жаль, что в рекламных брошюрах ни слова не сказано о ваших двух достопримечательностях: о выдержанном роне и подтасовываемых выборах. В самом деле, эта планета — рай!

9

— Звучит грандиозно, пап,— сказали хором близнецы.

— Ага, будет еще грандиознее, если эта лиса Флавия не поедет с нами,— хмыкнула Ангелина.

Я отпил маленький глоток старого рона и махнул рукой:

— Дорогая жена, дни моего донжуанства давно миновали и существуют только в твоем чрезвычайно подозрительном уме. Я даже не смотрю на других! Даже на эту прекрасную Флавию!

Слушая меня, Ангелина подняла брови, но я, разумеется, не стал объясняться дальше. Сейчас наша семейная жизнь была безмятежной, но я помнил, что в любое мгновение она может измениться самым крутым образом. Это было затишье перед штормом, мы собирались с силами, препоясывали чресла перед схваткой.

Мы сидели в лесу, высоко на холмах, вздымающихся над пляжем, в приятном утомлении от замечательного пикника. Вокруг валялись пустые жестянки, солнце садилось, в бутылке, которую подбросил мне Джордж, еще был рон. Боливар возился с машиной. Моя голова покоилась на коленях у Ангелины — идиллическая картинка.

— Вот это жизнь,— вздохнул я.— Наверное, стоит найти вот такую тихую планетку, где можно уединиться от всех дел и провести так остаток своих дней...

— Чепуха,— практичным тоном ответила Ангелина.— Ты сможешь выдержать едва ли день. Сейчас ты наслаждаешься только потому, что готовишься к действиям, а кроме того, ты здорово накачался этим роном.

— Ты несправедлива ко мне! Я пуст, как восьмидесятилетний трезвенник. Могу пописать десятичными дробями.

— Тогда скажи: — Цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

— Чапла цохла, чапла чохла, цопла сдохла.

— Превосходно!— она резко встала, и я стукнулся головой о землю.— Все, время вышло. Джеймс, отведи твоего папочку в машину, потому что он не в состоянии идти.

Джеймс заговорщицки подмигнул мне, я подмигнул ему в ответ и перевернулся на живот. Вскочил и сделал 50 быстрых приседаний и потом 30 раз отжался от земли, кровь быстрее побежала по жилам. В результате у меня молоток застучал в голове. Пришлось прикончить бутылку и отбросить ее, божась, что больше не буду пить никогда в своей жизни. Или, по крайней мере, до утра. Через пару минут мы были готовы отправиться в путь. Джеймс уничтожил остатки пиршества. Ангелина сложила грязные тарелки в корзину, и сонической посудомойка моментально их вымыла. Я смутно помню наше возвращение, наверное, я спал всю дорогу. Копил энергию на будущее, а совсем не потому, что был пьян, как утверждала Ангелина с присущим ей чувством юмора. Ее локоть, воткнутый мне под ребра, вернул меня к жизни возле апартаментов Джорджа. Он ждал нас.

— Поезжайте быстрей! Вперед!— задыхаясь, пробормотал он, втискиваясь в машину, что Боливар не замедлил исполнить.

— Произошло несчастье, Флавия поймана ультимадос!

— Когда это случилось?— спросил я.

— Буквально пару минут назад. Мне позвонили, когда я уже выходил. На ферму, где она пряталась, напали.

— Далеко эта ферма?

— Не очень — наверное, полчаса езды.

— Может, нам удастся перерезать им путь и перехватить ее.

— Да, это возможно!— он перестал вздыхать и подался вперед.— Быстрей, поверните налево. Должен вас предупредить, они все вооружены и очень опасны.

Джордж осмотрелся вокруг, потом оглядел нас так, будто мы сошли с ума, потому что мы одновременно засмеялись: Потом откинулись на сиденья, а Боливар увеличил скорость. Подумать только, вооружены и очень опасны, ну надо же! Через пять минут мы выехали к дороге, что спускалась с плато. Я поднялся на ноги и осмотрел сцену действия. У меня появился план.

— Так,— показал я пальцем на Джеймса,— достань дебондер и несколько игольчатых ружей. Вынеси их из машины. Боливар, отгони машину в сторону от дороги. Ангелина, ты должна сыграть роль приманки.

— Как мило!

Когда наша машина отъехала, я показал Джеймсу на большое дерево, возвышающееся над дорогой.— Используй дебондер и свали дерево так, чтобы оно упало на дорогу...— Я кивнул, когда услыхал приближающийся шум двигателя.— Поторопитесь, я слышу, как они приближаются.

Мы видели мелькание света фар, но уже успели занять свои позиции по обеим сторонам от дороги. Ангелина легла на дорогу, просунув ноги под ствол дерева. Создавалось такое впечатление, что ее придавило. Свет фар становится все ярче, и, наконец, машина затормозила прямо перед деревом. На короткий миг мне показалось, что они наедут на Ангелину, и мне стало страшно. Но они сумели вовремя затормозить, и она замахала им руками, призывая на помощь. Вот и все. Открылась дверца, и водитель вышел. Пока дверь оставалась открытой, мы быстренько постреляли внутрь машины игольчатым ружьем. Все, кто там находился, мирно заснули, получив свою дозу снотворного. Водитель упал возле дороги, и я кинулся вперед, держа в руках фонарь и ружье. Мои предосторожности были излишними. Машина была заполнена храпящими и сопящими здоровяками. К нашему удивлению, среди них сидела целая и невредимая, но дрожащая от испуга Флавия.

— Вы спасены,— сказал я, беря ее за руку и помогая выйти из машины. И быстренько убрал руку при появлении моей жены. Она стряхивала пыль с одежды, глаза

ее метали молнии. Меня сменил Джордж, и ему разрешили не только подержаться за руку, а еще страстно расцеловали. Мне было очень обидно.

— Меня радует тот факт, что им не удалось раздавить меня,— сказала Анжелина,— теперь нам остается перенести водителя в машину и посадить, предварительно вручив ему термальную гранату.

Я вздохнул и нежно поцеловал ее руку, подражая Джорджу, наверное, это неплохо выглядело со стороны.

— Господи, если бы ты знала, как я умирал тысячи раз, пока ждал, что они остановятся. В следующий раз я лягу под дерево, а ты будешь в них стрелять. Джеймс, Боливар, будьте так добры, уложите этих спящих уродов в лесу на полянке. Используйте все, что под рукой и в ваших карманах. Джордж, дай ее руке высохнуть, оторвись на минутку и ответь, ты можешь водить эту машину?

— Естественно. Ты собираешься отогнать ее в такое место, где ее не сразу найдут?

— Разумеется. Вон, видишь, утес, с него открывается отличный вид на море. Нужно загнать машину туда и сбросить ее в море, чтобы она, наконец, отдохнула.

— Мне кажется, это будет слишком долго. Но... Да, ты прав. Несколько прощальных поцелуев Флавии, и я готов.

Мы помахали рукой вслед отъезжающей полицейской машине. Флавия повернулась к нам, и я увидел, что один глаз у нее заплыл, на лбу расплывался огромный синяк.

— Я достану аптечку,— заторопилась Анжелина.— Если бы я раньше увидела, как с вами обошлись эти ультимадос, я бы уложила их спать на веки вечные.

— У меня нет слов, чтоб поблагодарить вас,— ответила Флавия, чувства переполняли ее грудь.— Не только за то, что вы спасли меня, но за то, что вы решились помочь нам. Джордж мне все рассказал. Неужели вы сможете сделать все, что задумали?

— Он может все, что угодно,— ответила Анжелина, накладывая на синяк антисептический крем.— С некоторыми исключениями, пока я рядом.

— Папа, все закончено,— доложил Боливар, выходя из леса со стопкой одежды, за ним следовал Джеймс, он нес обувь.

— Мы видели, как они поступили с юной леди и решили, что им не вредно будет прогуляться до города нагишом и босиком.

— Неплохо придумано. Флавия, это наши сыновья, Джеймс и Боливар.

Они с воодушевлением потрясли ее руку, а Ангелина взяла меня под локоть и улыбнулась:

— Любовь с первого взгляда, я это читаю у них в глазах. Ну что, мы можем ехать?

Мы смогли. Взобрались по дороге на плато, потом повернули на основное шоссе, следуя указаниям Флавии.

— Когда мы въедем во внутренние земли, то будем в безопасности. Но впереди трудности — нам нужно проникнуть сквозь барьер.

— Что это такое?— спросил я.

— Он проходит по всему континенту, и его нельзя объехать, проходы охраняются вооруженными солдатами. Сверху барьера идет проволока с пропущенным электрическим током и отравленными шипами, стены очень прочные, кроме того, они заминированы, утыканы детекторами всех типов. Барьер непроходим.

— Мне кажется, мы сможем легко перейти его,— сказала Ангелина.— Джим, открой еще одну бутылку этого чудесного шампанского, нам нужно привести в порядок нервы, а заодно выработать план.

Флавия сидела на упругом сиденье, потягивая вино. Я едва пригубил свое, так я мог растянуть на целый день.

— Расскажи мне, есть ли в этом барьере проходы?

— Да, это маленькие крепости на дорогах, со стальными непробиваемыми воротами. Многочисленные войска охраняют эти проходы, они вооружены тяжелой артиллерией и орудиями всех типов. Для того, чтобы проехать, нужно специальное разрешение. За этим строго следят. Нам никогда не удастся проскочить.

— «Никогда»,— твердо произнесла Ангелина,— это такое слово, которое наша семья вычеркнула из своего словаря. Что ты думаешь по этому поводу, Джим? Попробуем барьер или проход?

— Естественно, проход. Легче иметь дело с людьми, чем пытаться пробиться через каменную твердь. Что нам делать дальше? Куда нам отправляться?

Флавия взглянула на указатель, освещенный нашими фарами:

— Двести километров, может чуть больше.

— Джеймс, ты слышал?

— Да.

— Логарифмируй, тогда сможешь повернуть радар на 40 К наружу. У тебя хорошее воображение. Остановись, когда останется 10 К до цели, и мы пройдем к станции-проходу.

По выражению лица Флавии я видел, что она считает нас сумасшедшими. Богатые туристы, и вдруг в старой машине и собираются воевать с армией. Впереди у нее было еще много сюрпризов, впрочем, как и у всех остальных. Я отпил еще глоток шампанского и перешел к деталям своего плана.

— Вот проход,— сказал Джеймс несколько минут спустя, когда Боливар вывел машину на боковую дорогу.— Тебе даже не понадобился радар.

Он оказался прав. Мигающие огоньки барьера простирались в оба направления. Прямо перед нами виднелись прожекторы станции-прохода, все это казалось зловещим и неприступным. Я видел, как задрожала Флавия, и меня немного удивило, почему я не трясусь. Но нет, никогда! Этот мир был создан для того, чтобы я его завоевал. Запилот осужден на смерть. Мы не отступим от своих намерений.

— Теперь послушайте меня,— приказал я, вытаскивая из-под сиденья кейс.— Эти носовые фильтры защитят вас, а все остальные мирно прилягут соснуть. Ангелина, будь добра, объясни нашей проводнице назначение этих фильтров. Боливар, подыми верх. Джеймс, достань газовые жиклеры.

Раздалось мягкое жужжание, и длинный стальной ствол был наведен на цель. Я с удовлетворением кивнул.

— Мы сделаем холостой выстрел. Джеймс, ты закроешь окна, как только я скажу «сейчас»!— С глухим стуком окна в доли секунды были заперты.— Отлично. Теперь дай мне контрольную панель лазерной пушки. Держи наготове, если окажется, что стена чересчур прочная для лазера.— Контрольная коробка легла рядом со мной на сиденье. Я прикоснулся к кнопке и проверил расстояние.— Вот так. Вопросы есть?

— Только один,— ответил Джеймс.— Когда мы поедим?

— После того, как прорвемся. Еще есть вопросы? Может, у кого-нибудь возникли еще естественные потребности? Хорошо. Поехали.

Машина заревела, и мы помчались вперед.

Мы величественно вплыли на поле сражения, а я перед атакой хотел осушить еще одну бутылку шампанского, которую, наверное, нужно было бы разбить, потому что невозможно было вытащить пробку. Я еще продолжал возиться с этой пробкой, а наша машина уже замедлила ход и остановилась перед стальными воротами. Нас ослепил свет прожекторов, из каменных амбразур уставились жерла пушек.

— Открывайте, я сказал, открывайте!— заорал я из окна.— Вы, создания низкого происхождения, недалеко ушедшие от овец, вы что, думаете, что я тут буду долго торчать! Шофер, погуди в клаксон и разбуди этих придурков.

Клаксон взревел, вернее не клаксон, а запись паровозного гудка. У меня заложило уши, но я махал бутылкой шампанского перед воротами, что привело к успеху: ворота стали медленно открываться. Мы вкатили внутрь крепости и остановились перед вторыми воротами. Я не обращал внимания на то, что створки у нас за спиной закрылись, я весь был погружен в борьбу с пробкой. Она

выскочила с оглушительным хлопком, Ангелина ахнула и протянула мне стаканы, чтобы я их наполнил. Оба наших мальчика тоже протягивали стаканы, игнорируя вооруженных солдат, выглядывающих из караульного помещения. Уголком глаза я заметил, как Ангелина толкнула локтем в бок Флавию, чтобы подбодрить ее и привести в чувство. Я наполнил и ее стакан.

— Ваши документы,— приказал офицер, проталкиваясь между солдатами, которые уставились на нас круглыми, как блюдца, глазами, их поразило наше аристократическое великолепие и размах.

— Потише, приятель, ты находишься в высшем обществе,— заорал я, разливая вокруг шампанское, поскольку в возбуждении замахал руками.— Открой ворота, потом проваливай!

— Ваши документы, пожалуйста,— попросил он снова, несколько более укрощенный присутствием столь блестящих людей. Он подошел к открытому окну, заглянул внутрь, и я увидел, как широко раскрылись его глаза, когда он заметил Флавию. Ее узнали! Он только открыл рот, чтобы прокричать команду, как я не замедлил воспользоваться этим и влил ему в рот шампанское.

— Окна! Газ!— приказал я.

Окна захлопнулись, и из вентиляционных отверстий машины повалил газ. Офицер безмолвно брякнулся на землю, а вокруг него разлеглись его подчиненные. Как только последний упал, я включил лазерную пушку. По глазам резанул рубиновый луч, во все стороны посыпались искры. Стальная дверь раскалилась до прекрасного алого цвета.

— Не очень-то поддается,— заметила Ангелина.

— Металл слишком толстый. Джеймс, готовь артиллерию. Стреляй по верхней части...

Длинный капот машины раскрылся, и оттуда выползло уродливое серое дуло. Эхо взрыва 105 мм калиброво орудия долго отдавалось в закрытом пространстве. Даже внутри почти герметичной машины мы ощущали давление на барабанные перепонки. Было такое ощущение, что мы находимся внутри гигантского колокола, а наши головы

место языка. Дверь впереди нас затряслась и согнулась, потом с оглушительным шумом вывалилась на дорогу. Вокруг засвистели пули, ударяясь о крышу и окна машины, бесполезно лупя по орудию. В окнах крепости появилось множество солдат. Но они не долго стреляли, как только попали в полосу действия усыпляющего газа, мгновенно успокоились.

— Давайте отсюда выбираться,— заорал я, с трудом слыша самого себя, у меня в ушах стоял непрерывный звон.— Подождите!

Один из солдат, стреляя, наклонился над капотом нашей машины, потом упал, и если бы мы поехали, то раздавили бы его. Я должен был открыть дверь, выйти, пройти до капота, переступая через упавших. Потом я дошел до капота и оттащил в сторону солдата. Впрыгивая в машину, я увидел еще одного — в противогазе, с винтовкой наперевес. Он выстрелил в меня и ранил в плечо, буквально отбросив меня на землю. Становилось все забавнее. Я хотел подняться, но только барахтался, нисколько не преуспев в подъеме. У меня перед глазами поплыл туман, и я еле различил Джеймса, который стоял надо мной, стреляя из игольчатого ружья. Он поднял меня и затолкал в машину. Я очень хотел видеть, что происходит и чем все закончится, но мои глаза по понятным причинам закрылись. Машина помчалась прочь от взрывов, мы проскочили через остатки ворот и прорвались на дорогу, после чего я полностью потерял сознание. Когда я открыл глаза, то первое, что увидел, было лицо Ангелины. Ее приятно видеть в любое время, но особенно в такой момент. Я начал говорить и зашелся в жутком кашле. Она поднесла стакан с водой к моим губам, и я выпил воду одним глотком. Она отступила в сторону, и я обнаружил себя лежащим под открытым небом. И это было большим облегчением. Гораздо лучше, чем зловещие полки тюрьмы. Вода помогла моему речевому центру, и я сделал вторую, более удачную попытку.

— Как все прошло?

— Разумеется, все было отлично, кроме твоего дурацкого героизма,— но, высказываясь так, она улыбалась,

и разве я мог ей поверить? Я почувствовал, что ее рука лежит в моей, заметил что-то блеснувшее в уголках ее глаз,— слезы? Улыбка стала шире, когда я с нежностью сжал ее ладонь.

— Сопротивление было окончательно подавлено, когда газ просочился в здание. Нескольким солдатам пришла в голову удачная мысль надеть противогазы, но они не смогли противостоять игольчатым ружьям. Мы выскочили на дорогу и поняли, как хорошо, что машина у нас бронированная. Потому что с тыла нас неплохо обстреляли, они гнались за нами на своих машинах, но мы свернули с главной дороги и взорвали мост. Больше мы не видели и не слышали преследователей. Мы поднялись на холмы, нашли это чудесное местечко и остановились на отдых. Как видишь, и машина и палатка спрятаны под деревьями, и все у нас замечательно. За исключением твоей руки. У тебя серьезная рана, разорвана мышца, задета и плечевая кость.

— Но я ничего не чувствую.

— Естественно, ты весь напичкан лекарствами.

Я поморщился, когда она помогла мне сесть, подкладывая под мою спину подушки. Я осмотрелся: я лежал на спальном мешке под высокой сосной. Близнецы тихо посапывали во сне. Флавия лежала поодаль. Это была невероятно мирная картина, тишину нарушало только шуршание сухих веток, которыми играл легкий ветерок. Я посмотрел вниз, любуясь зеленой травой, ярко выделяющейся на фоне далеких коричневатых гор.

— А ты-то хоть поспала?— спросил я.

— Кому-то же нужно охранять.

— Сейчас этим займусь я. Тебе нужно поспать.

Она начала протестовать, но, поскольку была дисциплинированным солдатом, смирилась и отправилась в свой спальный мешок, перед этим мягко поцеловав меня, снабдив водой и лекарствами. От лекарств у меня пересохло во рту, и я выпил почти кувшин воды. Тишина вокруг была такой, что я мог слышать пенье птиц у подножья холма. Я встал и почувствовал, что шатаюсь, все остальное было в порядке. Когда я проходил мимо Боливара,

он открыл глаза. Я показал ему поднятый большой палец: все в порядке. Он кивнул и снова уснул. Машина стояла в тени густых деревьев. Я заглянул внутрь и увидел, что включены система оповещения и радар. Стоило кому-нибудь покрупнее птички начать двигаться в нашем направлении, немедленно срабатывала сирена. Я был уверен, что у кого-то из ребят были наушники. Мне стало очень тепло от сознания, что мои сыновья могут сами о себе позаботиться при любых обстоятельствах. Я достал контейнер с холодной водой из морозильника, рядом стояла куча бутылок с пивом. Это было еще лучше! Я с нетерпением сорвал пробку и выпил одним глотком полбутылки. Пришлось потянуться за оружием, потому что за спиной послышались легкие шаги. Я обернулся и, увидев подходившую Флавию, расслабился и допил пиво.

— Вы сумели доставить нас сюда,— сказала она.— Я благодарю вас от всего сердца.

— Не стоит. Я делаю такие вещи иногда дважды в неделю. И не забывайте, какие у меня помощники.

— Я должна вам признаться, что вначале, когда Джордж рассказал мне, сочла ваш план безумным. Я бы никогда не поверила, что вам удастся выиграть у Запилота выборы. Теперь я приношу вам извинения за сомнения. Я не только верю, что вы сумеете это сделать, я страстно желаю, чтоб все получилось. Знаете почему?

— Простите. У меня страшно болит голова. И в таком состоянии, как вы понимаете, тяжело отгадывать загадки.

Она прошла вперед, остановилась на расстоянии вытянутой руки. Она была действительно красивой. Такие глаза, казалось, в них можно утонуть. Губы ярко-красные, полные... Я вздохнул, и осушил еще полбутылки, затем откинулся на сиденье, чтобы держаться подальше от этих глаз. Серьезная и лучезарная, она сложила на груди руки.

— Я желаю вам победы, потому что вы самый благородный на свете человек. Я искренне в это верю.

— Я верю, что я плут и обманщик, но благодарен вам за добрые слова. Однако полиция сотен планет скорей всего не согласится с вами.

— Я вас не понимаю, но я верю в вас. Скажите мне, почему вы пренебрегли своей безопасностью, вышли из машины и подвергли себя риску быть убитым?

— Мне больше ничего не оставалось делать. Этот солдат лежал под колесами машины. И погиб бы, когда мы двинулись вперед.

— Но вы рисковали всем и всеми из-за жизни этого человека. Разве жизнь так важна?

— Вы сами и ответили. А что может быть более ценным, чем жизнь? Это все, что есть у человека. И все, что есть у каждого из нас. Один короткий выстрел, и обрывается существование, и все, ничего позади и впереди. Все, что у вас есть,— это вы сами. Другого не дано.

Она покачала головой:

— Но моя религия говорит...

— Прекрасно. Я надеюсь, вы наслаждаетесь теологией. Я никогда не разубеждаю человека и хочу, чтобы уважали мои верования. Все очень просто. Я смотрю в лицо реальности. У меня только одна жизнь, и я должен многое успеть. И отсюда четко следует, что если я верю в это, то я не могу лишать кого бы то ни было жизни. Только эгоистичные политики и религиозные тираны убивают людей, чтобы спасти самих себя. Живите и дайте жить другим, так я говорю. Помогайте хорошим ребятам и отбрасывайте плохих.

— Отлично сказано, пап,— сказал Боливар, появляясь за Флавией.

— Спасибо. Я начинаю думать, что вся эта затея не так уж и плоха,— он кивнул, однако смотрел не на меня, а на Флавию, которая тоже не отрывала от него глаз.

— Ладно, я чувствую, что не совсем здоров и сейчас просто упаду. Флавия, если вам не спится, почему бы вам не поговорить с Боливаром? Я уверен, что у него уйма вопросов об этой планете.

Они с воодушевлением закивали, а я тихо отошел. Я кивал сам себе. Внезапно меня посетило странное чувство — я не ощущал себя старым, но понял, что мои сыновья

выросли и уже совсем взрослые. А может, это было действие лекарств или моей маленькой религиозной лекции.

— Возьми себя в руки, Джим, и думай только о приятном,— пробурчал я себе под нос, осторожно забираясь в спальный мешок.— Ты же планетный спасатель, и с тебя будут брать пример, а может, и лепить статуи.

Это была совсем неплохая мысль, и я заснул с улыбкой на губах.

11

Далеко после полудня наше войско проснулось и потребовало еды. Руку мою лихорадило, отчего я сразу почувствовал себя очень неуютно. Я долго выбирал между наркотиком и ясной головой и наконец остановился на ясной голове. Нужно было тщательно продумать план, исследовать множество вероятностей. Я покопался в порошковой яичнице, смешанной с дегидрированным беконом, быстро выпил кофеиновый конденсат. К тому времени, когда тарелки были вымыты, у меня было готово решение.

— Боливар, мы отправляемся на работу,— непререкаемым тоном позвал я. Мне показалось, что он с большой неохотой вырвал себя из общества обворожительной Флавии. Ах, молодость, молодость!

— Будь так добр и достань из багажника большую коробку, на которой написано «Топ секрет».

— Ура, наконец-то мы узнаем, что же там внутри.

Все собрались вокруг, глядя, как он достает громоздкую серую коробку. Я осмотрел замок.— Кто-то вскрывал.

— Это не я,— сказал он,— это Джеймс. Там, где работал я, остались оплавины по шву.

— Но вам не удалось его вскрыть. Не только содержимое контейнера является последним изобретением великого профессора Койпу и спецлаборатории Корпуса, но и сам контейнер практически невозможно вскрыть, замок неразбиваемый. После того, как я покажу большой палец, наберите правильный номер...

Верхняя часть контейнера отскочила в сторону, и все наклонились вперед, а я достал черную металлическую коробочку. Сверху в ней была дыра, сбоку выключатель. Я внимательно осмотрел ее.

— Не очень впечатляет,— фыркнула Ангелина.

— Только зрителей, моя любовь. Ты очень быстро изменишь свое мнение, потому что, то, что может делать эта коробочка, граничит с чудом. Это молекулярный экстрактор и восстановитель. Или МЭС, как его назвали создатели. Когда ты увидишь его в действии, ты будешь трепетать от страха и восхищения,— я покопался в контейнере и достал крошечный предмет.— Джеймс, а что ты скажешь об этом?

Он взял этот предмет, рассмотрел его со всех сторон, потом вернул мне.

— Очень точная копия модели тяжелой мортиры.

— Верно, но не совсем. Это настоящая мортира, уменьшенная в 99 раз. Нам остается только возместить недостающие молекулы, и она примет свои первоначальные размеры.

— Ты вправду не устал? Ты не хочешь отдохнуть?— спросила Ангелина.— Наверное, у тебя поднялась температура из-за раны.

— Смейся сейчас и покайся на досуге!

Я установил МЭС на землю, вытащил кабель, который подвел к миниатюрной мортире. На верх машины я поставил коробку с пластичным литником.

— Материалом может быть песок, камни, осколки, давайте, ребята, бросайте в литник, его нужно наполнить. Вот так, дайте мне знать, когда вы будете готовы. Отлично, начали!

Я повернул выключатель и стал ждать. Ничего не произошло. Я видел скептические взгляды, направленные на меня и машину.

— Терпение,— я дурачился.— Нужно время, чтобы молекулы вернулись на свои места — ах, вот оно, началось.

Зрелище было незабываемым; будто наблюдаешь, как надувается шар, только в этом случае мортира наполня-

лась не воздухом, а сталью. Уровень в воронке снижался, а мортира становилась все больше и больше, вырастая на наших глазах, будто мы смотрели сквозь трехпроекционный объектив с переменным фокусным расстоянием. Через минуту мортира приобрела свой обычный вид. Рев двигателей стих.

— Есть еще сомневающиеся?— спросил я, постучав по стволу, который зазвенел металлом.

— Это в самом деле грандиозно, пап,— сказал Боливар, вертя ручку корректировки, а Джеймс отводил глаза в сторону.

— Значит, мы можем брать с собой любое тяжелое орудие. Скажи...

— Держу пари, что там, в коробке, есть много интересных вещей,— закончил за него Джеймс.

— Разумеется, и сейчас мы используем одну из них. Только сначала приведем мортиру в ее прежний вид.

Я щелкнул выключателем в другую сторону, двигатели заревели, и мортира стала уменьшаться, из сопла струей посыпался песок, смешанный с пылью:

— Молекулы стали,— сказал я,— 99 из каждых 100 выделяются и превращаются в песок.

Когда процесс закончился, я убрал миниатюрную мортиру и вынул сложный механизм.

— Это регенератор тканей и оздоровитель. Такой тип машины есть только в госпиталях. Я проведу в ней 24 часа, и моя рука будет совсем как новенькая. Я думаю, все со мной согласятся, что мне нужно быть в форме, прежде чем мы приступим к избирательной кампании.

Мальчики засыпали молекулярную сталь обратно в воронку, и медицинская машина выросла у нас на глазах. Мы подсоединили ее к атомному генератору автомобиля. Ангелина осторожно сняла бинты с моей руки, и я лег в целебные объятия. Машина мягко зажужжала, и я сразу ощутил ее благотворное влияние. Мне было очень жаль откладывать наши дела еще на один день. Ткани наших душ, как и ткани моей руки, восстановились полностью за время нашего пребывания в этом уютном местечке.

Погода стояла замечательная, воздух был чистым и свежим, ничто не давило на нас. Мы с Ангелиной вели легкую беседу, она вязала из мономолекулярного фибра пулезащитный жилет. Мальчики составили почетный эскорт Флавии, а она буквально купалась в их внимании и совершенно забыла обо всех неприятностях, которые ей довелось пережить. Как только моя рука окончательно зажила, мне уже не сиделось на месте. Ангелина поняла, что пикник в раю подошел к концу, когда увидела, что я смазываю маслом игольчатые ружья.

— Мальчики, начинайте собираться,— сказала она.— Мы скоро уезжаем.

И мы поехали. Отец Флавии был сельскохозяйственным инспектором, и она провела свои юные годы, разъезжая с ним, и очень хорошо ориентировалась на местности. Она стала нашим проводником, показывала нам дорогу между горами, держась подальше от ферм и городов. Мы проезжали мимо мелких арендаторов или лесорубов, больше никого мы не встречали на своем пути. В конце концов мы достигли центрального плато и были близки к нашей цели.

— Там,— объявила Флавия,— равнина, принадлежащая маркизу де ла Роза.

— Где?— спросил я, глядя на бегущие до горизонта рощицы и поля, холмы и леса.

— Везде. Это все его. Сотни тысяч гектаров. Нужно сказать, что большинство наследных аристократов жестоко обращаются с крестьянами, маркиз — счастливое исключение. Вот почему так важно иметь его союзником.

— Считайте, что мы его уже завербовали,— ответил я ей.— Боливар, остановись, не доезжая до входа.

Впечатляющие перекрытия из огромных камней возвышались по обе стороны дороги, образовав высокую арку, украшенную декоративной резьбой, с гербовым щитом в центре. Я покопался в холодильнике и достал ведерко для льда. У него было фальшивое дно.

— Для тебя, моя драгоценная,— сказал я Ангелине, надевая ей на палец кольцо с бриллиантом в 400 каратов. Она издала всхлипывающие звуки, которые усилились,

когда я застегнул на шее ожерелье.— Я сохранил их для подходящего случая.

— Это великолепно!

— Вы очень подходите друг к другу. У меня еще есть пара-другая безделушек, чтоб поразить нашего хозяина.

Этими безделушками были: рубиновое кольцо с камнем величиной с голубиное яйцо, под стать ему заколка к моей шляпе. Близнецы в восторге захлопали, а Флавия застыла в шоке. Я надеялся, что и маркиз будет ошеломлен.

— Вперед, навстречу судьбе!— приказал я, и мы элегантно проехали через ворота.

И дальше — по ровной дороге посреди зеленых лугов, сменяющихся ухоженными парками и садами. Последний спуск среди цветущих деревьев вывел нас к аллее парка с фонтанами, еще один поворот, и мы оказались перед домом. Или дворцом, замком — как угодно. Впечатляющим, если не сказать, чуть кричащим. Башенки, колонны, гектары окон, ряды амбразур. В дверях появилась причудливо одетая фигура и остановилась, ожидая с достоинством нашего прибытия.

— Маркиз?— спросил я, потрясенный.

— Его дворецкий,— сказала Флавия.— Назовитесь, и представьте ему титул, если у вас есть.

Были ли у меня звания! Дюжина, если не больше, столько, сколько могло изобрести мое пылкое воображение. Я раздумывал только пока Джеймс открывал дверцу машины, и вот я уже величаво выступал навстречу дворецкому, который спускался по ступенькам, чтобы приветствовать меня.

— Я полагаю, что это резиденция его высочества Гонзалеса де Торреса, маркиза де ла Роза?

— Это...

— Прекрасно. Я сомневался, правильный ли у меня адрес. Один замок так похож на другой. Передайте вашему господину, что прибыл граф ди Гриз с сопровождающими.

— Добро пожаловать! Следуйте за мной, пожалуйста.— Он провел нас внутрь и что-то шепнул слуге, который опрометью выскочил из комнаты. Мы прошли за

ним по холодным коридорам, буквально утопая в дорогих коврах, к деревянным двухстворчатым дверям, которые он с глубоким поклоном растворил и хорошо поставленным голосом произнес мой титул и имя. Я высоко поднял голову и вошел. Маркиз подходил ко мне, протягивая руки. Статный мужчина с чуть посеребренными висками, мускулистый и сильный, с походкой атлета. Я пожал протянутую руку и слегка поклонился.

— Добро пожаловать, граф, добро пожаловать,— сказал он с некоторой долей искренности.

— В нашем мире принято называть по имени, поэтому, если изволите, то Джим.

— Конечно же, это более интеллигентно. Значит, вы прибыли с другой планеты? Вас можно поздравить — вы отлично владеете нашим языком. Мне ваш титул показался незнакомым.

— Но ваш, разумеется, известен во всей галактике. Я бы ни за что не осмелился беспокоить вас, если бы ваш родственник не передал со мной рекомендательное письмо.

Я протянул ему послание от Джорджа. Мы были представлены маркизе. Ее внешность мне показалась вполовину менее выразительной, что, как я заметил, очень обрадовало Ангелину. Пока остальные знакомились с де Торресом,— он настоял на том, чтобы его так называли,— я присел с большой флягой чудестного вина. Я попал туда, куда нужно.

— Полагаю, что вам известно о делах вашего троюродного кузена: он принимает участие в движении сопротивления.

— Я не знал этого, но мне приятно слышать, что Джордж против этого чудовищного Запилота, который просто разлагающийся кусок падали.

Он продолжал с большим энтузиазмом перечислять пороки правителя, а я старался запомнить самые сильные оскорбления.

— Я так понял, что вы никогда не виделись с Генерал-Президентом.

Я потягивал вино и молчал, тогда он начал по второму кругу. Я понял, какого ценного сторонника мы приобрели,

и сочувственно кивал, соглашаясь с его словами а потом сделал свой выпад:

— Все, что вы рассказываете, очень похоже на правду, слухи об этом достигли и мира Солисомбры много световых лет тому назад. То, что мы обнаружили, очень встревожило нас, но самое отвратительное, что преступления совершаются во имя демократии, которую мы все приветствуем и высоко ценим. Я знаю, что, делая глоток вина, нужно подумать о кровяном давлении, эти два слова равнозначны. Конечно, все люди вашего класса имеют небезосновательные сомнения в целесообразности замены наследственных прав избирательной урной. Но такой способ избрания очень действенен. Особенно, когда представители голубой крови начинали сами кампанию. И были избираемы.

Маркиз поднял свою аристократическую бровь, но был слишком хорошо воспитан, чтобы вслух подвергнуть сомнению мои слова.

— Все это правда, де Торрес, если вы хорошо обдумаете, то убедитесь сами. Тот факт, что аристократия правила и до появления выборов, совсем не означает, что власть кончается после выборов. Это значит, что люди интеллигентные, с твердым характером, имеют больше шансов стать во главе государства, чем пустоголовые зазнайки и выскочки. Я не знаю, как тут у вас, но в нашем мире есть парочка так называемых знатных господ, совсем не приспособленных даже для чистки моего хлева.

Он согласно кивнул:

— У нас такая же проблема. У нас тоже есть такая порода людей, которых я не хочу принимать у себя. Я даже не желаю загрязнять воздух, произнося их имена вслух.

— Значит, мы мыслим одинаково!— я поднял свой стакан, он присоединился ко мне, и мы опустошили их, и я с удовольствием наблюдал, как их наполняют снова.— Следовательно, я начинаю свой добровольный опыт в политике, чтобы выручить вас и ваших людей. К следующим выборам президента должно быть два кандидата, и я со всем присущим мне мастерством и знанием прослежу, чтоб был выбран более достойный.

— Вам удастся сделать это?

— Гарантирую.

— Тогда вы будете спасителем Параизо-Акви.

— Не я. Спасение станет делом нового президента.

— И кто же им станет?

— Но это же очевидно. Никто другой, кроме вашей чести.

Он растерялся и долгое время сидел с низко опущенной головой. Когда поднял ее и посмотрел на меня, его глаза были полны печали.

— Это невозможно,— сказал он.— Должен быть кто-то другой. Мне очень жаль, что я не могу быть президентом.

12

В тот момент, когда Торрес произнес эти роковые слова, я смаковал вино. Я закашлялся и захлебнулся, еле собрав себя воедино.

— Вы не можете быть президентом?— я наконец свободно вздохнул.— Я вас не понимаю.

— Во-первых, у меня совершенно нет опыта, я не знаю, с чего начинать. Во-вторых, я не могу бросить свои владения, меня некому заменить. А мое хозяйство — вся моя жизнь. А в-третьих, я считаю, что есть более достойный человек, и это заставляет меня уступить ему все права.

— Знаю ли я этот образец?

— Да, это вы собственной персоной.

Настала моя очередь сидеть и думать, бороться с искушением. Это было действительно соблазнительно! Подходящий выбор для человека с моими убеждениями. Но оставались препятствия.

— Но я же не являюсь гражданином вашей страны,— запротестовал я.

— Это имеет какое-то значение?

— Обычно, да. Но...

Я запнулся на слове «но». Эта замечательная идея полностью овладела мной. Все сходилось, и я уже принимал поздравления моего подсознания, которое начало варить эту кашу. Но существовали еще детали, которые необходимо было проверить в первую очередь.

— Могу ли я задать вам несколько вопросов, прежде чем отвечу?

— Несомненно.

— Имеются ли у вас простоватые, грубые родственники, близкие, застенчивые по природе, домоседы, предпочитающие свое собственное общество внешним мирам?

— Замечательно!— маркиз покачал в изумлении головой и снова наполнил наши стаканы.— Вы описали моего внучатого племянника Гектора Харапо, у него точно такие привычки. Его небольшое владение граничит с моим. Последний раз я видел его, да, десять лет назад. Он ничем не занимается, кроме чтения книг, кроме того, хочет вывести новый сорт бизкоко. К слову сказать, он, насколько я помню, разорился пару лет назад.

— Он подходит нашим целям. Сколько ему лет?

— Примерно вашего возраста. Почти такого же телосложения, только у него густая черная борода.

— Борода будет самой легкой частью. Теперь позвольте задать еще один вопрос. Вы согласитесь быть вице-президентом, если Гектор станет президентом? Он будет выполнять всю основную работу, а вы своим авторитетом поддержите всю кампанию.

— Да, на такое я могу согласиться. Но должен вас предостеречь, что Гектор, хоть и является прекрасным человеком, совершенно не подходит для президента.

— Можно с этим поспорить — я присутствовал на президентских выборах, на которых побеждали старые актеры и прожженные плуты и мошенники, но сейчас не об этом речь. Как вы посмотрите на то, что нам, возможно, придется совершить во имя высокой цели неблаговидные поступки, которые можно отнести к разряду преступлений? Вы должны решить и судить сами. Единственное, чего я добиваюсь, это снять пелену с глаз из-

бирателей. Это будет ерунда по сравнению с преступлениями Запилота. Я считаю, что можно было бы поставить на место Гектора другого человека. Человека знатного происхождения, благородного, опытного, твердого...

Пока я говорил, его глаза становились все больше и больше. Улыбка все шире и шире, пока он не мог больше себя сдерживать и завопил:

— Вас!

— И никого другого,— скромно ответствовал я.

— Это идеальный вариант! Мне бы ничего лучшего не пришло в голову.

— Но могут возникнуть определенные трудности. Мы должны прийти к согласию на нашей политической платформе, прежде чем заключим союз. Вам могут не понравиться некоторые реформы, которые я собираюсь объявить в ходе выборов.

Маркиз махнул рукой, отметая возможные несогласия, и подал мне свою благородную руку.

— Чепуха. Все честные мужчины всегда найдут способ согласиться в подобных вещах. Я знаю вас уже благодаря вашему титулу и уверен, что никакие проблемы не могут возникнуть.

— Я не думаю, что это будет очень просто. Как вы отнесетесь к такому: я предложу все большие поместья отдать в пользование крестьянам?

— Я прикажу вас расстрелять,— ответил он с холодной твердостью.

— Как удачно, что я сам в это не верю!— это было не совсем верно. Но я предвидел, что земельная реформа, да и все реформы на этой планете будут долгим и мучительным процессом. Но нужно было с чего-то начинать, даже длительное путешествие начинается с одного шага, как говаривал продавец обуви.— Никаких земельных реформ, естественно, я это сказал, чтобы сослаться на некоторые политические вопросы, которые могут задавать в ходе этих свободных выборов. Нам придется сделать одну-две маленькие реформы, чтобы набрать побольше голосов. Есть такие вещи, которые, как я знаю, не нра-

вятся нам в теории, но нам нужно будет провести их в жизнь, чтобы привлечь на свою сторону избирателей.

— Например?— спросил де Торрес подозрительным тоном, помня о поместьях.

— К примеру, мы должны ввести всеобщее избирательное право: один человек — один голос. включая и женщин...

— Женщин! У них что, будут равные с мужчинами права? Это невозможно!

— Не хотите ли сказать об этом моей жене?

— Нет.— Он потер подбородок.— Так же, как и своей. Да, это опасные и революционные мысли. Но мне кажется, мы должны попробовать.

— Если мы не сделаем этого, сделают наши противники. Мы должны получить поддержку судов, добиться отмены пыток и секретной полиции, позаботиться о здоровье нации, давать бесплатное молоко детям, разводы ссорящимся супругам. Мы должны поддерживать чувство собственного достоинства в человеке, равно как в мужчинах, так и в женщинах, и принять законы, защищающие права человека.

В конце моей тирады он согласно кивнул.

— Полагаю, вы правы. Все мои рабочие поддержат эти заявления, так что можно будет ждать всеобщую поддержку в крупных городах. Но я предвижу, где мы встретим трудности.

— Вы можете поспорить на ваш титул. Итак, за работу. Займемся подготовкой политической платформы для партии.

— А у нас будет партия?

— Нет. Платформа — это те законы, которые мы примем, будучи избранными. Партия в подобном контексте — это политическая организация, которую мы создадим, чтобы быть уверенными в победе.

— Резонно. Как будет называться наша партия?

Как только он спросил, в уме у меня сразу появился ответ.

— Мы назовем ее ДКРП — Дворянско-крестьянско-рабочая партия.

— Звучит неплохо. Ну что ж, пусть так и будет.

Так начался незабываемый вечер. Была открыта ещё одна бутылка превосходного вина, и мы просидели весь вечер, как конспираторы, какими собственно мы и были, разрабатывая план в деталях. Маркиз хорошо знал жизнь на Параизо-Акви. Он послал слугу за едой, когда мы проголодались, и потом мы продолжили наше совещание до глубокой ночи.

Завтрак нам подали в королевскую постель. За завтраком я рассказал Ангелине, к чему мы пришли. Де Торрес не был таким лежебокой, как я. К тому времени, когда я встал, он уже давно был на ногах. Оказывается, он на рассвете отправил своего слугу с письмом к Гектору, и почти сразу же слуга явился с ответом. Можно было только поражаться такой энергичности маркиза. Я предвидел, что во время избирательной кампании он проявит всю свою напористость. Вскоре появился Гектор, который имел весьма смутные представления о том, что происходит, он только теребил свою черную бороду и бормотал себе что-то под нос. Чудесная борода, ее было нетрудно скопировать. Я надеялся, что он оценит ту работу, которую я собирался провести в его честь!

После встречи с Гектором я только собирался выпить утренний аперитив, когда вошел де Торрес. Он был чем-то встревожен.

— Что-то происходит,— сказал он.— Экстренное письмо в пути. Пойдемте со мной.

Он повел меня к лифту, и впервые в жизни я увидел это механическое чудо. Слуга закрыл за нами бронзовые створки ворот и повернулся к вентилям. Вентиля? Наверное, я сказал это вслух, так как де Торрес улыбнулся и с гордостью показал на них рукой. Украшенная орнаментом кабина лифта дрогнула и стала мягко подыматься.

— Я вижу, вы поражены. В крупных городах вы могли видеть поддельную электронику и маленькие слабые моторы. Но здесь, в деревне, мы лучше знаем, как и что строить. Лес дает нам топливо, паровые станции — энергию. Гидравлические системы практически неразрушимы.

Посмотрите, как незаметно мы подымаемся с помощью поршня, поддерживающего нашу кабину.

— Удивительно,— сказал я и действительно имел это в виду.

Цилиндр, по-видимому, находился глубоко в фундаменте, а поршень был не менее сотни метров высоты. Я только надеялся, что их металлургия на должном уровне, и с облегчением вздохнул, покидая кабину. Мы поднялись по винтовой лестнице в башню. В ней работали с полдюжины людей в жаре, в запахе раскаленного металла и шипении вырывающегося пара. Сквозь пол проходили толстые трубы, несущие топливо громадной и неуклюжей черной машине, которую приводили в действие колеса. Машина остановилась, все внимание было приковано к человеку, он смотрел в большой телескоп и выкрикивал цифры.

— 7... 2... 9... 4... неясно... конец строчки. Пусть пошлют повторение последней фразы.

Машинный оператор начал вертеть рукоятки. Механизм взревел, зашипел и зацокал, в движение пришли высокие поршни. Я следил за их движениями сквозь огнеупорное стекло.

— Вижу, вы удивлены нашим семафором,— с гордостью произнес де Торрес.

— Удивлен — это мягко сказано,— искренне ответил я.— На какое расстояние вы можете отправлять послания?

— Послания передаются от станции к станции и могут попасть на побережье. Это частное предприятие землевладельцев. Мы постоянно поддерживаем связь вот таким вот образом. Код, который мы используем, секретный, известный только немногим из нас. Это послание начинается со слов «экстренно», поэтому я вас и привел сюда. Я чувствую, что это как-то связано с нашими общими делами. Ага, вот оно.

Неверная строка была передана повторно и переписана, и полное послание было вручено маркизу. Он нахмурился, глядя на ряды цифр, потом махнул мне рукой и позвал в маленькую комнатку. Высокое окно бросало яркий свет на потрескавшийся стол, куда маркиз и положил

бумагу. Он достал из футляра колесо с цифрами, набрал номер, затем повернул соленбид.

— Будет быстрее,— сказал он,— если вы начнете переписывать, пока я расшифровываю.

Я переписал все, что он мне дал, и мне становилось не по себе, пока буква за буквой складывались в слова. Когда мы закончили, он наклонился над моим плечом, и мы в полной тишине прочитали:

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ТАЙНО ИЗМЕНЕНЫ КАНДИДАТЫ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА ДОЛЖНЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ ДО ШЕСТИ СЕГОДНЯШНЕГО ВЕЧЕРА В ПРИМОРОЗО — ДЖОРДЖ

— Неприятности уже начались,— сказал я.— Похоже, Запилоту стали известны наши планы, и он собирается остановить нас до того, как мы приступим. Почему в Приморозо?

— Это наша столица — и крепость Запилота. Если мы попытаемся зарегистрироваться, нас немедленно арестуют, а если мы не появимся, он выиграет ввиду отсутствия других кандидатур.

— Никогда не сдавайтесь, не попробовав сражаться, де Торрес. Мы можем попасть в Приморозо вовремя?

— Конечно. Мой коптер с реактивным двигателем доставит нас туда меньше, чем за три часа.

— Сколько человек он может поднять?

— Пять, включая пилота.

— Прекрасное число. Вы, я, Боливар и Джеймс.

— Но ваши сыновья так молоды. У меня есть...

— Молоды по годам, но очень мудры и опытны. Сами увидите, на что они способны. Пожалуйста, займитесь подготовкой вашего коптера, а я позову ребят и отдам кое-какие распоряжения.

Я копался в багажнике нашего автомобиля, подошла Анжелина и тронула меня за плечо:

— Ты не оставишь меня здесь.

— Послушай. Ты у нас получаешь самое ответственное задание. Ты должна остаться здесь и поддерживать наши фланги. Как только мы отправимся, ты должна бу-

дешь организовать защиту. Подготовить артиллерию. Если мы поспешно возвратимся, нам нужен хорошо укрепленный тыл. Мне ничего не известно о защитных особенностях замка, но многое о наших, особенно о твоих.

Она покачала головой, насмешливо глядя на меня:

— Ты рассказываешь мне все это, чтобы не брать меня на операцию, не так ли, ди Гриз?

— Нет, что ты,— запротестовал я, уверенный, что она ни на секунду не поверила.— Ты понимаешь, это будет как игра в «ударь и беги», и ты нам здесь будешь очень нужна. Не беспокойся, тебе еще хватит работы, пока эти выборы не закончатся. Теперь, пожалуйста, помоги мне найти коробку с гримом. Мне нужна большая черная борода.

Она немного подумала, потом все же кивнула:

— Ладно. Но все-таки не ври мне. Если ты погоришь в этой операции, я убью тебя.— Вот вам пример пресловутой женской логики.

Тридцать минут спустя я поцеловал ее на прощание, немилосердно шурша бородой, и стараясь изо всех сил получить удовольствие. Должны были произойти грандиозные события. Первый раунд избирательной кампании вот-вот должен был начаться.

13

Мы вышли все вместе. Близнецы облачились в серые ливреи слуг и должны были прислуживать мне и его светлости маркизу. Мы же с маркизом были разодеты в пух и прах: шляпы с перьями, золотые жилеты, широкие мантии, высокие ботинки, короче, выглядели как настоящие вельможи. Это могло ослепить глаза чиновникам.

Коптер сиял, как начищенный самовар, и слава богу, на нем не было никаких гидравлических приводов. И как бы ни гордился де Торрес старинной технологией, он не слишком неохотно пользовался электроникой и слабыми маленькими моторами, когда заставляла нужда. Хотя, действительно, его реактивные двигатели были очень ма-

ломощными. Мы с шумом взлетели на высоту курса и взяли направление к побережью. Маркиз угрюмо смотрел вперед.

— Если мы приземлимся в гелипорту, то нам придется штурмовать городские стены на пути к Президио, где проводится регистрация.

— Что такое Президио, куда нам нужно попасть?

— Старинный форт, традиционное место нахождения правительства и королей Параизо-Акви. Увы, сейчас оккупированный узурпатором.

— Мы можем приземлиться там?

— Это запрещено. Но Запилот сажает там коптеры, прямо на площади Свободы.

— Слишком хорошо для него, и неплохо для нас. Худшее, что они могут нам предложить — это билет на посадку.

— Худшее — они нас расстреляют,— мрачно заметил де Торрес.

— Не унывайте!— я показал на маленький кейс.— Вдобавок ко всем документам, здесь есть нечто, что поможет нам. Несмотря на то, что близнецы безоружны.

— Разумеется,— сказал Боливар, похлопывая себя по бедру.

— Здесь так жарко,— сказал Джеймс, точно так же похлопывал себя.— Нам удастся поесть до или после операции?

— Сейчас,— я передал ему пакет с сэндвичами, предусмотрительно захваченными мной из кухни замка.— Мне хорошо известен твой аппетит. Не глотай, пожалуйта, вместе с оберткой.

— Да,— произнес де Торрес, погруженный в свои мысли.— Мы приземлимся на площади. Это будет неожиданностью для них.

— Но вообще мы не будем неожиданностью для них?

— Вне всякого сомнения. Они поймают нас радаром.

— А если мы приземлимся в гелипорту, то как доберемся до Президио?

— Я могу связаться по радио с автомобилем, и водитель пригонит его.

— Тогда сделайте это, прямо сейчас. Машина поедет в гелипорт, а мы приземлимся на площади. Пилот высадит нас и скоренько отправится в гелипорт, где по идее он должен быть. Все силы сосредоточатся в гелипорту. Он может посадить коптер и отослать автомобиль к Президио, все получится прекрасно; мы как раз к тому времени выйдем.

Он с нетерпением схватил радио:

— Отличный план, Джим, я его приведу в исполнение сейчас же.

Теперь нам осталось только ждать. Я уютно развалился в кресле, не так, правда, чтобы демонстрировать свое полное безразличие к предстоящему делу, просто, чтобы поспать, потому что ночью я почти не спал. Я не нуждался в гадалках, я и так знал, что день предстоит хлопотный.

— Садимся через минуту. Пап, я думал, ты захочешь узнать.

— Ты, как всегда, молодец, Джеймс,— ответил я, с трудом разлепляя ресницы и судорожно зевая. Я сделал несколько упражнений, пока мы пролетали над белыми зданиями гелипорта. Прямо под нами находился древний город, пересекаемый современными дорогами. Все выглядело тихим и спокойным. Возможно, чересчур тихим.

— Полный вперед!— приказал де Торрес, и пилот рывком дернул дроссель. Мы взмыли вверх над стеной, пролетели над крышами и резко повернули вокруг старинной мрачной крепости. По всей видимости, мы были у цели. Редкие прохожие на площади Свободы в испуге бросились в разные стороны. Мы глухо стукнулись о землю, и мои мальчики сыпанули вниз один за другим. Они помогли нам сойти вниз, придерживая двери, и коптер резко взмыл вверх еще до того, как местные жители поняли, что мы прибыли. Потом с маркизом во главе нашей колонны мы быстро промаршировали по площади ко входу в Президио. И столкнулись с самой легкой проблемой в лице молодого прыщавого офицера, который заступил нам дорогу:

— Вы нарушили закон. Приземлиться на площади! Вы отдаете себе...

— Отдаю и хочу, чтоб ты убрался с дороги, ничтожество,— ответил де Торрес жутко холодным тоном, от которого трепетала не одна сотня поколений дворян. Офицер задохнулся, побледнел и как-то завалился набок. Мы бодро промаршировали мимо него. Поднялись по ступенькам к холлу. Чиновник, сидящий за столом, вскочил на ноги при нашем появлении.

— Где проводится регистрация кандидатов на президентские выборы?— приказным тоном поинтересовался де Торрес.

— Я не знаю, ваша светлость,— задохнулся человек.

— Тогда узнайте,— приказал де Торрес, снимая трубку телефона и протягивая чиновнику. У того не было выбора, и он подчинился. Под бдительным взором маркиза он даже умудрился получить верный ответ.

— На третьем этаже, ваша светлость. Лифт нахо...

— Есть ступеньки,— вмешался я, показывая направление.— Может произойти несчастный случай, например, отключат энергию.

— Может быть,— кивнул маркиз, и мы пошли пешком.

Мы проникли в нужный кабинет и уже заполняли регистрационные бланки, как прибыли наши противники. Я как раз расписывался, когда с громким треском распахнулась дверь, и толпа мерзавцев ввалилась внутрь. Они все были одеты в черную форму, носили черные кепки и черные очки. Жирные пальцы — на курках пистолетов. У меня и сомнений не возникло, что я, наконец, встретился с отвратительными ультимадос,— наемниками диктатора. Они расступились и мы увидели генерала, толстого, как жаба, казалось, его парадный мундир вот-вот расползется по швам, его живот накатывался на нас, как шар. Оплывшее сморщенное лицо было красным от злости, желтоватые пальцы скребли по пистолету. Это был главный противник.

— Прекратите это безобразие,— приказал он.

Маркиз повернулся очень медленно, презрительно скривив губы:

— Кто вы такой?— спросил он тоном, состоящим из смеси скуки и высокомерия.

— Вам известно, кто я, де Торрес,— проскрежетал Запилот, его лягушачий рот вытянулся в гневную линию: — Что там делает этот бородатый слабоумный придурок?

— Это мой внучатый племянник сэр Гектор Харапо, рыцарь ордена Пчелы, он чувствует в себе призвание и хочет выставить свою кандидатуру на пост президента от своей партии. Вот поэтому мы здесь.

Генерал-Президент Джулио Запилот не случайно все эти годы управлял планетой. Я видел, как у него открылся рот, потом закрылся, и он взял себя в руки. Кровь отлила от щек, он побледнел, и было ясно, что гнев сменился холодным расчетом.

— Ага, поэтому!— сказал он, его самоконтроль не уступал хладнокровию де Торреса.— Регистрация не будет проводиться до завтра. Он может вернуться утром.

— Серьезно?— в голосе де Торреса не было ни одной теплой нотки, он холодно улыбнулся: — Вы должны лучше следить за работой конгресса. Им принят указ о регистрации, которая не только открыта сегодня, но заканчивается сегодня в шесть часов. Вы хотите взглянуть на копию этого указа?— он протянул руку к нагрудному карману. Чистый блеф, и как мастерски проведен. Запилот быстро затряс головой.

— Кто может сомневаться в словах человека вашего звания? Но сэр Гектор не может регистрироваться без свидетельства о рождении, медицинской справки...

— Все здесь,— сказал я, подымая кейс и улыбаясь.

Я почти видел, какие мысли копошатся в этом злобном мозгу.

Нависла тишина. Задуманный им план был разрушен, потому что регистрация все-таки состоялась. Ему осталась только ярость. Я видел, какой злобой горели эти змеиные глаза. Если бы он сумел убрать нас без свидетелей, я не сомневаюсь, он бы это сделал. Но оставалось много оче-

видцев нашего прибытия, да и маркиз был слишком заметной в обществе фигурой, с ним нельзя было расправиться просто так. В полицейском государстве только бродяги и никому не известные личности исчезают без следа. Тишина все длилась и длилась, наконец он взмахнул рукой.

— Заканчивайте,— приказал он мне, и потом повернулся к де Торресу.— А какой ваш интерес в этом деле, Гонзалес? Неужели ваш внучатый племянник нуждается в том, чтобы его водили за ручку и вытирали нос?

Маркиз не обратил внимание на это гнусное обвинение. Его спокойствие было таким же, как у диктатора:

— Не нуждается ни в том, чтобы его водили за ручку, ни в том, чтобы вытирали нос, Джулио,— он использовал уменьшительное имя и будто дал пощечину Запилоту.— Я прибыл сюда как его партнер. Я буду при нем вице-президентом. Конечно, в том случае, если мы будем избраны, после чего поглядим, много ли стоит твоя мерзкая администрация.

— Никому не позволено говорить со мной в таком тоне! — искусственное спокойствие лопнуло, как мыльный пузырь, Запилот весь кипел от ярости, пальцы крепко обхватили пистолет.

Маркиз был так же рассержен, как Запилот, невзирая на спокойный тон. Все, теперь никто из них не отступил бы, это было очевидно. В воздухе запахло смертью и разрушением.

— Может, вы сможете мне помочь с заявлением,— сказал я, став между ними и сунув листок бумаги под нос Запилоту: — Поскольку вы Президент, то наверняка знаете...

— Отойди, болван,— он заскрежетал, отталкивая мою руку, но у него ничего не получилось. Мы стояли, покачиваясь, а вокруг разлетались листки бумаг. Совершенно выйдя из себя, он ударил меня кулаком в лицо. Без всякого эффекта, разумеется. Я закрылся, что и обезоружило его. Я посмотрел на него, пожал плечами и наклонился за листками.

— Ладно, если вы не знаете, я спрошу у кого-нибудь еще, — сказал я.

Капелька чепухи разрядила обстановку. Запилот смутился, у де Торреса хватило ума осознать, что я сделал. Он отвернулся и пошел к столу.

— Я не забуду тебе этого, Джим,— тихо произнес он.— Ты спас меня от себя самого. И громко добавил.— Разрешите мне помочь вам, сэр Гектор, эти правительственные бумаги настолько запутаны.

Запилот сейчас вполне мог расстрелять нас в спины.

Я предупредил сыновей, чтобы они были начеку.

Но он не пытался. Вместо этого мы услышали негромкие приказы и поняли, что конфликт закончился, и он уходит. Я с облегчением вздохнул, когда дверь за последним ультимадос захлопнулась.

— Вы правы,— сказал де Торрес.— Политики могут быть непредсказуемыми. Теперь давайте закончим заполнять эти нудные листки и уйдем отсюда.

Больше нам никто не мешал. Мы подписали заявление, поставили печати, сделали копии, так, на всякий случай. Все, первая ступень была пройдена. Мы медленным шагом отправились назад, мальчики прикрывали нас с тыла.

— Это только начало,— сказал де Торрес.— Мы стали его смертельными врагами, и нас попытаются убить.

— Верно. И я чувствую, что он сделает это очень скоро. Он не позволит нам победить еще раз.

— Он не посмеет!

— Конечно же, посмеет, маркиз. Вы же не у себя дома. А в городе чрезвычайно просто убить человека. Какой-нибудь пьяный или демобилизованный, или солдат могут быть обвинены, или наймут убийцу, террориста, которого потом непременно убьют. После, когда мы будем мертвы, Запилот может организовать соболезнующую кампанию. Гарантирую, что история будет очень интересной.

— Что же нам делать?

— То, что запланировали. Садиться в машину и ехать в гелипорт. Им не так-то легко будет взять нас. Но давайте двигаться быстрей, чтоб не дать ему время на раздумья.

Я не хотел тревожить де. Торреса по поводу нашего транспорта и с облегчением вздохнул, когда увидел громадный и роскошный лимузин, ожидающий нас у входа. Но это отнюдь не означало, что Запилот ничего не предпринял. Водитель отдал честь и открыл нам дверцы.

— Боливар,— позвал я,— отпусти этого человека, хорошо заплатив ему. Поведешь машину ты.

Ошеломленный водитель был отведен в сторону твердой рукой моего сына, я достал маленький предмет из кейса и протянул его Джеймсу:

— Пробегись вокруг машины. Проверь, нет ли взрывателя.

Он, как змея, заполз под лимузин, и через несколько минут вылез с другой стороны.

— Чисто,— доложил он.— Посмотрим, что под капотом. Он провел предметом и остановился, открыл его,— ага, есть, — через пару секунд он достал пластиковую коробку: — Было прикручено проволокой к педальному тормозу. Топорная работа.

— У них не было времени, они очень спешили. Но не стоит надеяться, что они ошибутся во второй раз. Поехали.

— У-у,...— взревел Боливар с водительского места и нажал на дроссель.— Двигатель работает на пару. Все ясно. Мне нужно только направление. Мы направляемся в гелипорт?

— Если нет другой дороги из города,— сказал я. Маркиз покачал головой.

— Все дороги будут блокированы, мы не сможем ни к кому в городе обратиться за помощью.

— Тогда к коптеру. Самым коротким путем, какой вы помните.

Маркиз прокричал направление, и Боливар зарулил, как демон. Прохожие сыпались во все стороны, как горох, хотя мы ехали строго по середине дороги. Мы домчались до городской стены. Впереди виднелась преграда — закрытые ворота и вооруженная охрана по обе стороны.

— У нас нет времени на разговоры,— сказал я,— Боливар, замедли ход, будто ты собираешься остановиться. Мы с Джеймсом используем усыпляющие бомбы,— я достал целую пригоршню из портфеля.— Некогда возиться с носовыми фильтрами, так что задержите дыхание. Когда бросим бомбы — вперед! Приготовьтесь.

Автомобиль замедлил ход перед воротами, потом рванул вперед, как только газовые бомбы взорвались густыми облаками дыма. Повсюду летали осколки, куски ограды. Мы благополучно проскочили на бешеной скорости. Стрелял ли кто, мы не знали. Визг колес при повороте за угол, и все, мы были в гелипорту. А там наш геликоптер. Он горел, и в дверях лежал мертвый пилот.

14

— Им не стоило этого делать,— с бешеной яростью произнес де Торрес.— Убить невинного человека. Только не это!

Я понимал его чувства, но у меня не было времени разделить их. Этот путь к спасению был отрезан. Мне нужно было найти другой. Причем быстро.

— Вперед!— крикнул я Боливару, как только увидел приближающуюся машину, заполненную солдатами. Удастся ли нам достать другой коптер? Похоже было, что нет. Рядом стоял один на замке. Но солдаты не дадут нам подняться в воздух.

— Что там впереди, за гелипортом?

— Дома, заводы и предместья,— ответил де Торрес.— Потом шоссе, ведущее на север. Но там нам не проехать, они перекрыли все дороги.

— Может быть. Давай, вперед, водитель!— я говорил бодрым тоном, чтоб поднять его моральный дух. Мой же пал очень низко. Мы выбрались из одной ловушки и двигались прямо в другую. Они обложат нас со всех сторон. У нас не было выхода. В это самое мгновение хорошо поставленный голос произнес эти слова очень громко.

— У вас нет выхода!

Голос валился на нас, как гром среди ясного неба. Улицы впереди нас были пусты, ничего впереди, кроме маленьких домиков пригорода. Что это мо́гло быть? Боливар прибавил скорости, стараясь удрать подальше от этого голоса.

— Вам не удастся бежать. Остановитесь, или мы будем вынуждены открыть огонь!

Понятно, я поднял голову и высунул ее из окна и прямо над машиной увидел двухместный полицейский флоатер. Он завис, направив пушку на нас. Я быстренько втянул голову назад —как раз вовремя, чтобы схватить де Торреса за руку. Он из складок своей мантии доставал огромный пистолет и был готов начать стрелять.

— Выпустите меня! Я взорву этих свиней!

— Не надо! У меня есть лучший план. Боливар, останови машину.— Мне с трудом удалось вырвать у маркиза его оружие. Кроме того, что мне действительно не нравится убивать, у меня в самом деле появился план.

— Сбавь скорость и останавливайся. Мы все выйдем из автомобиля с поднятыми пустыми руками. Если бы они хотели убить нас, то сделали бы это давно. Мне кажется, что они придумали нечто более мерзкое...

Маркиз от злости задохнулся:

— Вы хотите сдаться этим подонкам без всякой борьбы?

— Нет, конечно же, нет,— разуверил я его.— Мы просто не будем использовать оружие. Мне нужно, чтобы их флоатер сел. Потому что в нем наше спасение. Мы с его помощью сможем выбраться отсюда. Давайте двигаться, пока не прибыло наземное подкрепление.

Мы выбрались из машины, у нас над головой болтался флоатер с нацеленной на нас пушкой. Я старался не смотреть наверх, искренне надеясь, что моя теория была верной. Или мы все трупы.

— Отойдите подальше от машины,— приказал голос, и мы подчинились. Только после этого флоатер медленно приземлился.

На пилоте была зеленая форма полиции. Позади него сидел человек в черном, держа в руках уродливую пушку, на глазах у него были черные очки. Он не опускал ружья.

— Делайте то, что вам прикажут,— сказал он.— Мне не хочется стрелять в вас, поверьте,— тут он засмеялся.— Потому что нам это не нужно. Никаких пулевых отверстий. Вы все сгорите в вашем коптере. Разве это не прекрасно? Но предупреждаю, что выстрелю, если понадобится. Вам не уйти от этой штуки...

— Я не могу это слышать! Мое сердце...— Джеймс стал задыхаться, хватаясь за грудь, и потом упал на землю.

— У него коронарная недостаточность,— заволновался Боливар.— Я должен дать ему лекарства,— он наклонился над братом.

— Отойди, не прикасайся к нему,— приказал ультимадос, наводя на него пушку.

Де Торрес, заметивший, что на него не обращают внимания, испортил нам такую операцию. Маркиз заревел в гневе и кинулся на полицейского. Он слишком далеко зашел. Пушка бабахнула, де Торрес упал. Боливар отошел в сторону, чтобы дать возможность Джеймсу выстрелить, что он и проделал с успехом. Все было кончено. Я подскочил к маркизу:

— Проклятье! Боливар, быстро, аптечку из флоатера.— Кровь была повсюду. Я кинжалом распорол одежду маркиза. У него была дыра на ноге и множественные раны в области живота. Очень плохо. Первую помощь в таких условиях не окажешь. Я ввел ему антибиотик, наложил бинты на раны. Перевернул его на бок и проделал то же самое с раной в его боку. И пытался вспомнить анатомию. Он был ранен в кишечник, это было очевидно, на первый взгляд жизненно важные органы оставались целыми. Что же делать дальше?

— Боливар, ты сможешь управлять этой штукой?

— Я могу управлять чем угодно, пап.

— Ах, да, верно. Вытащи пилота и займи его место. Джеймс, подыми маркиза, осторожней с его ногами. Так, положи его на сиденье.

— Мне отвезти его в госпиталь?— спросил Боливар.

— Ни в коем случае, тогда считай, его нет в живых. Нужно доставить его в замок. Опередив их, Джеймс. Эта двухместная коробка выдержит троих...

— Но, папа, ты...

— Она не сможет поднять четырех. Давайте, стартуйте и внимательно следите за ним. И не беспокойтесь о вашем стареньком папочке. Он был в переделках и посерьезнее. Подымайтесь!

Что они и сделали. Они послушные ребята. Когда флоатер исчез вдалеке, я перетащил пилота через дорогу и затолкал его в машину. За ним последовал ультимадос. С ним я церемонился меньше. Из соседнего домика кто-то выглянул, потом быстро спрятался назад. Мне нужно было поскорей убираться с этого места. Это была первая ступень к выживанию, еще мне нужно было выработать план, как выбраться из этой передряги живым и здоровым.

Когда я плюхнулся на сиденье водителя, я понял, что Боливар не дал мне уроков вождения этой древней машины. Я тупо смотрел на блестящие ручки, разноцветные кнопки, разной формы рукоятки. У меня не оставалось времени на раздумья. Я схватил самую большую ручку и потянул ее. Раздался ужасающий рев, и густой черный дым мгновенно заполнил машину. Я быстренько вернул ручку в исходное положение. Я продул выхлопную трубу, открыл все окна и двери. После такой неприятности я стал более осторожным. Я включал дворники, свет, радио и проигрыватель, наконец, я преуспел и включил двигатель и съехал вниз по дороге. Один поворот, потом другой. Дорога вела прямо к подножию холма, уже виднелись крыши домиков. Сирены не были слышны, поэтому я снизил скорость, чтобы не привлекать внимания. Куда же мне ехать? Я не видел пути в обозримом пространстве. С минуты на минуту они схватят меня. Тут я увидел большой дом и рядом открытый гараж. Машину только что вывели из него. Я нажал на тормоза, повернул рулевое колесо и ринулся в свободный гараж. И все еще тормозил,

когда машина шмякнулась о стенку гаража с металлическим скрежетом. Рулевое колесо заехало мне в лоб, отчего я на шатающихся ногах еле выбрался из автомобиля на свежий воздух. И я совершенно не был готов к беседам с огромным разгневанным мужчиной, который стоял передо мной.

— Ты, что, сошел с ума? Чего это ты забыл в моем гараже? Чего ты поперся в него и сломал?

— Гмргтх,— сказал я, или что-то в этом роде. У меня заклинило челюсть.

— Что за игры ты затеял?— он выплевывал слова, еле сдерживаясь от растущей ярости, наконец она победила, и он засветил мне в подбородок.

Хорошо или нет, но этот удар поставил мою челюсть на место, и я теперь мог говорить. Его я отлично понимал. В голове у меня совсем прояснилось, когда я увидел, что он еще раз замахивается. Я отступил внутрь и послал ему навстречу свой коронный удар кулаком прямо в нос. У него не оставалось выбора, кроме как потерять сознание и упасть на пол. Что он и не замедлил сделать. Послышался звук сирен, когда я, переступая через него, закрывал двери гаража. В щелку я наблюдал за полицейской машиной, промчавшейся мимо. Потом услыхал скрежет тормозов, поворот и снова увидел ее... Звук сирены постепенно заглох и пропал. Они не видели меня. Первый раз за век с половиной я позволил себе расслабиться. И посмотреть на часы. Меня удивило, как мало прошло времени. Меньше двух часов с тех пор, как мы появились у главного входа Президио. Мне надо было действовать. Вопросы настоятельно требовали немедленных ответов. Жил ли один владелец гаража? Я выглянул через маленькое оконце и посмотрел на его машину. Пустая. Если бы кто-нибудь был в доме, то непременно вышел бы посмотреть, что случилось. Никого. Дальше. Нужен план. Я с большим сожалением выстрелил из игольчатого ружья во владельца дома, и машины, и гаража. Мне нужно было сменить одежду: в своем аристократическом костюме я бросался в глаза в таком районе. Надеть форму? Нет,

плохо. А что, если белый летний костюм, белая шляпа, украшенная полоской змеиной кожи? Именно такая шляпа лежала на полу передо мной. Все, что нужно было — это отряхнуть ее от пыли. А рядом лежал владелец именно такого костюма, который был нужен мне. Мне было очень жаль поступать так с почти невинным человеком (я не верил, что люди, живущие в таком государстве, не замешаны ни в чем). Я корил себя, пока раздевал его, стараясь не обращать внимания на его нижнее белье, украшенное сердечками. Лучше об этом не говорить. Теперь следовало расправиться с моей бородой. В моем портфеле был растворитель, очень эффективный и быстрый, так что я довольно скоро избавился от бороды. Я сложил ее останки в портфель, чтобы забрать с собой, потому что злые силы продолжали думать, что она у меня на лице. Костюм подошел как нельзя лучше, и, что еще более удивительно, его ботинки тоже. Мы были как близнецы, за исключением того, что наши вкусы расходились в вопросе нижнего белья. На душе у меня было покойно. Я положил своего благодетеля на заднее сиденье машины, так, чтобы его нога была на лице ультимадос, взял свой портфель и вышел из гаража. Солнышко светило теплым светом и хотя день клонился к закату, я не видел признаков жизни в окружающих домах. Возле бордюра меня ждала машина. Когда я забирался внутрь, мимо проскочила огромная черная полицейская, нещадно завывая. Не обращая на меня никакого внимания. Моя машина была ярко-красной и спортивной, и — какое счастье!— двигатель не паровой. Так что в течение минуты я разобрался и важно покатил вниз по улице.

Куда направиться? Ответ был очевидным. Назад в город. Теперь они точно заблокировали все выезды из Приморозо. Полицейские в таких случаях всегда с энтузиазмом проверяют выезжающих, поэтому мне стоило присоединиться к тем, кто въезжал в город. Теперь надо было поскорей убираться подальше от места действия в большой город и затеряться там. Обдумать спокойно, что предпринимать дальше. Крыса всегда чувствует себя в норе в

безопасности, это касается и стальной крысы. Я поработал над панелью управления и после нескольких незначительных ошибок наконец нашел радио. Включил его и под музыку покатил себе назад в Приморозо.

15

Сколько у меня за спиной часов свободы? Ответ пришел слишком быстро. Не так уж много. Когда будет обнаружено, что исчезли и наша машина, и полицейский флоатер, поиски станут вести более интенсивно. Я знаю, что меня видели, когда я покидал сцену. Они должны расширить зону поисков, начнут вести их по спирали, увеличивая круги. Будут задавать вопросы, обыскивать дома. Открытые и закрытые гаражи. Найдут машину и людей в ней. Тогда они узнают, что я кручу руль этой машины... Я чуть прибавил скорость. Впереди показались городские стены, машины спокойно проезжали в город. Я тоже мягко проехал, увидел перед собой башни Пре-
зидио и сразу же свернул подальше. Я очутился в прекрасном районе, с высокими деревьями вдоль дороги и маленькими магазинчиками. И летними барами со столиками на улице. Там сидели люди, потягивая разноцветные напитки. В таких местах подавали, разумеется, и еду. Как только эти мысли попали в мой мозг, я стал обильно истекать слюной, в желудке началась революция, бурчание и стоны, внезапно он превратился в действующий вулкан. Я вспомнил, что только завтракал. Следующей ступенью должно стать ублажение собственного тела едой и напитками, а я пока спланирую дела на ближайшее будущее. Деревья пропали, улицы сузились, снобистские бары сменились забегаловками. Подавленного вида мужчина подпирал стены здания. Я радовался таким привычным картинам.— Отлично, Джим, все отлично. Противник стучится, и его надо сразу принять. Я повернул за угол и остановился. По соседству имелось все, в чем я нуждался. Я вышел из машины и оказался

таким забывчивым, что не закрыл окно, оставил ключи в зажигании, и только захлопнул дверь. Если эта машина не исчезнет в течение трех минут, то я очень удивлюсь. Я прогулочным шагом отправился туда, где загорались яркие огни в наступающих сумерках.

Мне стоит сказать пару слов о кухне Параизо-Акви: она замечательная и должна стать известной во всей галактике. На стол подают бутылку охлажденного вина. На первое — суп тэнджи с албондигасами, маленькими котлетками, весьма аппетитно плавающими в прозрачном бульоне. Потом идут эмпанадас, мясной пирог, зеленый салат, именуемый гуакамоле, и еще и еще блюда, блюда, наполненные вкусностями. Ресторан назывался «Фаршированный поросенок». И еда была такой великолепной, что я совершенно забыл обо всех предосторожностях, пока не дошел до стадии кофе — бренди — сигара. Вдыхая и выпуская дым, я старался привести свои мысли к делу спасения собственной жизни и отвлечься от обжорства. Но я совершенно не беспокоился! Я не мог обращать внимания ни на что, кроме еды. Но, наконец, еда закончилась, и мне пришлось задуматься. Я снова вздохнул и попросил счет. Я должен был учесть, что теперь уже найдена брошенная мной машина со спящими уродцами. Это означало, что мои приметы с мельчайшими подробностями переданы повсюду. К счастью, больше половины мужского населения города было одето так же, как я. И копы будут искать мужчину с черной бородой. Все эти факторы, конечно, сыграют мне на руку и замедлят поиски, но не остановят их. Я расплатился, щедро дал на чай, и услужливый официант проводил меня до выхода в неприятную действительность. Я стал просчитывать ходы наперед. В этой стране ложились отдыхать в часы полуденной жары, обожравшись и напившись до бесчувствия. И не вставали до захода солнца. Значит, магазины сейчас работают, и я могу купить необходимые вещи. Шляпу — там, пиджак — здесь, рубашку — в каком-то третьем месте. Нагрузившись пакетами, я остановился выпить стаканчик холодненького, а потом решил, что неплохо освежиться в

какой-нибудь душевой, и, заглянув в ближайшую, вышел оттуда совершенно другим человеком. Свою старую одежду я выбросил на темной аллее, теперь Крыса из нержавеющей стали опять была готова искать выход из тупика. Я вышел на главную улицу города. Передо мной сверкал огнями бар. Меня остановил голос: «Может, ты нуждаешься в утешении, прекрасный незнакомец?»

Хотя все мужчины ополчились против меня, это нельзя было сказать о женщинах. Та, что окликнула меня, относилась к известной категории. Все ее прелести лезли из низкого выреза сверкающего платья. Я отрицательно покачал головой, и она отплыла прочь. Только Ангелина могла бы меня сейчас утешить. Притом я знал, что девушки подобного сорта находятся под наблюдением полиции и очень часто бывают их информаторами. Мне нужно было другое. Выход из тупика — вот что было мне нужно.

Я уселся за столик и пытался думать. Думай! Думай! И вдруг судьба подбросила мне решение. Рядом с моим столиком разговаривали двое мужчин, достаточно громко, я слышал их прекрасно.

— ...он никогда этого не показывал, ведь правда?

— Нет. Думаю, здесь что-то другое.

— Давай закончим. В покер играют длинные партии.

Я медленно повернулся к ним, широко улыбнулся и легонько коснулся руки одного из них.

— Простите меня, я нечаянно подслушал ваш разговор. Я совершенно одинок в этом городе. Мне всегда казалось, что карты — одно из средств, помогающих людям сблизиться. Вы не могли бы мне составить партию в покер? Правда, я не очень хорошо играю, но ведь это будет просто дружеская игра, как говорится, развлечение...

У него мгновенно изменилось выражение лица. Оно как бы все устремилось вперед, к добыче, улыбка обнажила острые зубы, что-то крокодилье мелькнуло в облике.

— Вам пришла в голову удачная мысль. Мы тоже приезжие. Тоже считаем, что игра в карты — отличное средство от скуки. И лучшая возможность приобрести друзей.

И мы любим дружеские игры, так, побаловаться. Почему бы вам не присоединиться к нам?

Я не ошибся, это были карточные шулеры, им даже не стоило вывешивать объявление об этом. Им нужен был третий. Не каждый день выпадает такой шанс. И, конечно, последнее, что они захотят — это связываться с полицией. Меня повели, как агнца на заклание, из бара к кэбу, потом в номер отеля, где нас встретила опять-таки знойная, весьма привлекательная особа. Вечер обещал быть изумительным.

— Садитесь, пожалуйста. Хотите чего-нибудь выпить? — предложил один из моих спутников, низенький и толстый.— Я Адольфо, этот крупный парень — Сантос, это моя девушка — Рената, а как зовут вас?

— Джейм.

— Великолепно, Джейм. Как насчет стаканчика рона перед началом?

— Не откажусь.

Я развалился на диване, наслаждаясь каждой минутой. Рената смешивала напитки, Адольфо вынул колоды карт и деньги. Высоченный Сантос из-за своего роста казался медлительным, но я-то знал, что это не так. Он был телохранителем, и я должен был помнить об этом. Адольфо напевал себе под нос, распаковывая первую колоду и перетасовывая карты. Вот он произнес «сопс» и, ломая карты, улыбнулся, после чего бросил колоду на стол. Ха! Я представил, как он передергивает, но я тоже мог так.

— Срежьте!— сказал он. И раздал карты. Мне выпала старшая карта, и я взял колоду. Сантос срезал, я раздал. Игра шла ровно, Рената не забывала наполнять стаканы. Когда она освобождалась от столь ответственного дела, то садилась у окна и слушала тихую музыку.

А я тем временем деликатненько подымал ставки. На первый взгляд вроде ничего особенного. Игра шла неплохо, пока Адольфо не сбросил карты и не вышел из банка. Мне осталось только извлечь из этого выгоду. Удача повернулась ко мне лицом. Я обрадованно ухмыльнулся и сгреб фишки.

— Мне очень жаль, ребята, что пришлось выиграть ваши деньги.

— Так выпали карты,— великодушно ответил Адольфо и снова раздал.

— Что вы думаете о выборах?— спросил я, подымая и разворачивая веером свои карты.

— О чем это вы?— ответил Адольфо.— Выборах карты?

— Нет, вы меня не поняли.— Я сбросил и взял прикуп. И, прищурившись, поднял ставку. Адольфо последовал моему примеру. Рената принесла мне выпить.

— Ничего не выйдет, ничего,— ответил Адольфо.— Всякий, кто пойдет против Канюка, рискует закончить сердечным приступом. Что у тебя?

— Полный сбор.

— У меня тоже. Мой валет старше. Наконец-то я выиграл. Было похоже, что ты обчистишь нас вместе со своей удачей.

Я со своей утраченной удачей. Карты были против меня, и очень скоро в моем кошельке не осталось ничего.

— Со мной все, ребята.— Я поднял руки.— Пуст. Если только не возьму из денег, отложенных на путешествие.

— Не переживай, Джейм,— хлопнул меня по плечу Адольфо.— Игра есть игра. Но у тебя еще есть шанс отыграться.

— Ты прав, какого черта! Мы же просто развлекаемся.

Я подошел к столу, на котором оставил свой кейс, и открыл его, но только запустил в него руку, раздался окрик Сантоса:

— Не двигайся, Джейм! И ничего не вынимай оттуда.

Я поднял глаза. Оказывается, он направил на меня свою пушку. И маленький Адольфо тоже. Я перевел взгляд на Ренату, она неизвестно откуда извлекла огромный револьвер и тоже держала меня на мушке. Тогда я самым невинным образом улыбнулся и, все еще надеясь на что-то, развел руками:

— Послушайте, что происходит?

Сантос вместо ответа взвел курок, звонко щелкнувший в наступившей тишине.

16

— Разве мы больше не играем в покер?— спросил я.

— Да, как же! Наш друг-путешественник хотел играть только в покер! А как насчет других игр?

— О чем вы говорите?

— Я говорю о том, что у нас в столе спрятан аппарат с рентгеновскими лучами. У тебя есть десять секунд, чтобы рассказать нам, зачем тебе три пистолета в кейсе, мистер полицейский.

Вот это да! Меня принимают за полицейского. Я рассмеялся над таким предположением, но Адольфо взвел курок своего пистолета:

— Только полицейский может заводить с незнакомыми ему людьми разговоры о политике,— угрюмо произнес он,— семь секунд.

— Брось считать,— сказал я.— Сейчас все объясню. Я карточный шулер. И собирался обчистить вас.

— Что?— Адольфо потряс головой.

— Не верите? Я наблюдал за тобой весь вечер, пока ты ногтем большого пальца метил карты. Потом ты отделял их, когда нужно было, доставая из-под низу. Но я не стал тебе мешать. И, повышая ставки, терял, удваивал, я знал, что сумею почистить твои карманы на последней раздаче. А пистолеты — для того, чтобы спокойно уйти с выигрышем.

— Ты врешь, чтобы спасти свою шкуру,— сказал Адольфо, но голос его звучал не слишком уверенно: — Никто не сумеет обставить меня.

— Ты уверен? Буду счастлив тебе доказать, что ты ошибаешься. Ты перетасовал колоду?— Он кивнул.— Хорошо, тогда я подойду к столу и подыму ее. Я не буду делать резких движений, чтобы не дрогнули ваши чуткие пальчики на курках.

Двигался я очень медленно, садился, придвигал стул и переворачивал колоду. Они, не отрываясь, следили за моими руками, а я тем временем раздал себе «три одинаковых». Потом откинулся на спинку стула, заложил руки

за голову и, демонстрируя картину полного расслабления, кивнул на карты.

— Вот так-то, Адольфо, знаток карточной механики. Посмотри, какой удачей наградила меня судьба.

Забывшись, он опустил пистолет и наклонился к моим картам. Четыре туза и джокер.

— Пять тузов выигрывают,— спокойно сказал я, торжествуя победу над моими соперниками, таращившими глаза на карты. Из-за их спин тщетно пыталась разглядеть все Рената.

Я выстрелил сначала в нее, потом в Сантоса. Из игольчатого ствола, спрятанного за воротничком. Адольфо от удивления подпрыгнул, видя, как его товарищи повалились на пол. Он поднял свой пистолет, но я успел раньше.

— И не пробуй,— прорычал я так мрачно, как только мог. — Ложись, и с тобой ничего не случится. Не волнуйся о своих партнерах, они просто спят.

Его трясло, когда он положил свою пушку на пол. Я поднял оружие Сантоса и бросил оба пистолета на кушетку. Револьвер Ренаты валялся на ковре возле ее согнутой руки, и я ногой отбросил его подальше. Только потом позволил себя расслабиться, отложил свой пистолет и сделал большой глоток из стакана.

— Вы всегда просвечиваете багаж клиентов рентгеновскими лучами?— спросил я.

Он кивнул и еле-еле смог выдавить из себя:

— Если удается. Проверяем, что они берут с собой. Рената незаметно делает это, когда игра уже началась, и потом дает нам знать, что в сумках.

— Неплохо. Я даже не заметил. Слушай, если я приведу твоих друзей в чувство, ты пообещаешь больше не размахивать пистолетами? Вы можете оставить себе выигрыш в знак примирения.

— Слушай, кто ты такой? Коп?

— Ошибаешься,— ответил я, решив пустить в ход искренность. — Основная причина, из-за которой я ввязался в игру сегодня вечером, в том, что полиция раз-

ыскивает меня по всему городу. Я надеюсь, сюда они не заглянут.

Он хмыкнул.

— Значит, ты тот парень, о котором говорили по радио! Убийца, на счету которого сорок два трупа...

— Обо мне действительно говорили по радио. Только я никого не убивал. Я тот парень, который работает на противника Запилота. Мы хотим его сбросить.

— Ага, так вот в чем дело!— воскликнул он и страх его рассеялся.— Если ты хочешь скинуть Канюка, то я на твоей стороне.

Я протянул ему руку:

— Давай свою, Адольфо. Ты вступаешь в политическую партию. Я могу тебе гарантировать, что, когда наш человек победит, то самый «невинный» полицейский будет обвинен в жульничестве.

Мы с энтузиазмом пожали друг другу руки. Потом я вынул шприц с противоядием и сделал уколы его друзьям, не забыв предварительно спрятать подальше их пистолеты.

— Они придут в себя через пять минут,— сказал я, и мы заботливо уложили их на кушетку. Но Адольфо что-то мучило:

— Послушай, я подтасовал карты в той колоде так, чтоб было наверняка. Как же тебе удалось сжульничать?

— Есть один трюк, о котором вы и не подозреваете,— ответил я, не скрывая гордости. Какая радость — отшлепать профессионала!— Посмотри колоду,— небрежно сказал я.

Он взял колоду и раскидал карты по столу. Одного взгляда было достаточно:

— Все тузы здесь вместе с джокером...— Он взглянул на меня и зашелся в безудержном смехе: — Ты взял их из старой колоды!

— Разумеется, я вытащил их, когда мы взяли новую. Ты был так занят, мухлюя с этой колодой, что ничего не заметил.

— Ты и в самом деле отличный парень, Джейм.— Ах, что за слова!— Но твои руки были пусты, когда мы садились за стол. О, конечно, я понял, как ты это сделал. Медленно подвигая стул к столу, ты незаметно вытащил карты и спрятал их в рукаве.

Мы продолжили увлекательный разговор на профессиональные темы. Я показал ему, как передергивать, придерживать, пасовать и некоторые другие приемы, еще неизвестные на этой планете. К тому времени, когда Сантос, захрипев, пришел в себя, мы уже были закадычными друзьями. Сантос буркнул что-то, облизал губы, открыл глаза и заорал от ярости, увидев меня. Адольфо, выставив ногу, помешал ему броситься ко мне.

— Это наш друг,— сказал Адольфо,— позволь все объяснить.

Поскольку маленький человек был мозговым центром этой компании, они приняли меня сразу и безоговорочно. Для подкрепления дружбы я вручил каждому пачку денег.

— За наш договор,— сказал я.—Сейчас вы — представители партии. По окончании дела получите еще. Новый президент будет делать то, что я ему скажу,— и это было абсолютной правдой, потому что президентом собирался стать я.— Вы должны мне помочь восстановить контакт с моими людьми. Кто-нибудь из вас когда-нибудь работал с туристами в Пуэрто Азуле?.

— Это граничит с самоубийством,— задохнулся Адольфо, его друзья угрюмо кивнули.— Все деньги, которые нам перепадают, — от них. Ультимадос сразу казнят нас, если мы появимся там. Мы стараемся быть тише воды и ниже травы, работаем только в некоторых деревнях, примыкающих к большим городам, отстегиваем дань полиции, чтобы в случае чего была защита. Это дает нам уверенность, что ультимадос не ведают о нашем существовании.

— Вы можете отправиться в Пуэрто Азул?

— Большой риск, но если это нужно для дела... Все наши документы в порядке.

— Прекрасно. У меня там есть связной, он сможет передать мое письмо маркизу де ла Роза, который придумает, как помочь.

— Вы знакомы с маркизом?!— спросила Рената сдавленным голосом. Даже жулики снимают шляпу перед аристократией.

— Знаком? Да мы с ним завтракали сегодня утром! Но только надо подумать, как передать письмо.

Я не знал, жив ли маркиз. Что с Джеймсом и Боливаром?..

Я зашагал по комнате, охваченный беспокойством. Я чувствовал себя предателем, оттого что был в относительной безопасности, а они?.. Я ничего не мог планировать, пока не узнаю, какая ситуация сложилась. Но как же мне связаться с замком?

Задайте правильный вопрос, и вы получите верный ответ.

— Адольфо,— я перестал бегать по комнате,— вы знаете, что происходит в окрестностях. Вы что-нибудь слышали о семафорной системе, которую применяет аристократия?

— Кто же этого не знает? Каждый раз, когда мы проезжаем мимо замка, нас приветствуют лесом взметнувшихся рук. Это значит, что им о нас просемафорили. Какая отсталость! Почему бы им не поставить телефоны...

— Что ты имеешь в виду, говоря, что каждый раз, когда вы проезжаете мимо замка? Они что, находятся по эту сторону барьера?

— Да замок Пенозо в двух километрах отсюда!

— А как туда попасть?

— Никаких проблем. Два стража у входа. Показать им удостоверение личности или что-нибудь в этом роде и все.

— Это мне не подходит. Но если бы я сумел передать письмо...

Я посмотрел на Ренату.

— Ваши документы в порядке?

Она кивнула:

— Замечательные бумаги. Мы заплатили полиции за них.

— Значит, вы повезете письмо. Теперь опишите мне, где находится замок, где полицейские, где ворота, чтобы я мог придумать, как попасть внутрь.— Я вытащил еще деньги из портфеля, и тем исчерпал все средства, выданные мне маркизом, и сразу забыл об этом.— Это покроет все расходы. Теперь слушаю вас.

Мой план был очень прост, что говорило о его высоком качестве, ведь все гениальное — просто. К рассвету были готовы детали. Еще одна бессонная ночь, это становилось для меня привычкой. Адольфо раскладывал пасьянс, Сантос спал на кушетке, Рената посапывала в спальне.

— Адольфо,— прервал я его занятие.— Когда открываются магазины в этом замечательном городе?

— Через два часа.

— Значит, к тому времени мы покончим с завтраком и обсудим все детали. Я позову горничную, а ты пока разбуди их.

Две чашки чая прогнали сонливость. Пока переписывал письмо маркиза, думал, что могу быть переписчиком-профессионалом. Тщательно вывел заглавные буквы, подделал подпись маркиза с виртуозной точностью, чем вызвал восхищенное бормотание Адольфо, запечатал письмо в конверт и передал его Ренате.

— Повторите, как вы будете действовать?

— Все будет в порядке. Я остановлюсь возле модисток и куплю кое-что. Возьму такси. Полицейским скажу, что привезла заказ. Копы пропускают меня. Передаю письмо герцогу. Потом выбираюсь оттуда, и вы увозите меня.

— Прекрасно. Подчеркните срочность. Если он не поймет, мне будет очень трудно...

Можно ли доверять мошенникам, даже хорошо подкупленным? Эти гнетущие мысли не покидали меня, особенно когда стрелка часов стала приближаться к двенад-

цати. Если все идет хорошо, мои новые союзники должны быть на своих местах. Я приклеил бороду и отправился к замку. Ребята явно ошиблись, говоря о двух километрах. Я шел и шел, полуденное солнце поджаривало меня, а площади, о которой они говорили, все не было. Поворот. Еще квартал. Вот и площадь!

Высокая стена, окружающая замок Пенозо, возносилась над площадью. Рядом примостилось небольшое кафе. Я вошел и уселся у окна... Стена глухая. Кое-где камни разрушило время, там вольно вился плющ. И не было ворот — только обитая железом дверь, к которой вели четыре ступени. Дались мне эти ворота! Копы стояли у входа. Они казались такими же замшелыми, как стена Из окна мне было видно, как подкатило такси, как выскочила из него Рената, роняя яркие пакеты, как поплыла к стражам. Они остановили ее и задали вопросы, потом пропустили. Пакет был у нее под мышкой. Железная дверь открылась со скрипом. Я ждал. Она вышла без пакета. Уселась в такси. Машина рванула с места. На соседней улице ее будут ждать Адольфо и Сантос. Я посмотрел на часы. Пора!

Взял портфель, бросил на стол монеты, встал и медленно пошел по улице.

Полицейские, казалось, приросли к ступеням, вцепившись в ружья. Казалось, только глаза были живыми на их застывших физиономиях. Тусклые, как пуговицы их мундиров, глаза лениво рассматривали прохожих. Роскошно одетая женщина, тряся кружевами и бантами, проплыла мимо них, и глаза их скучающе потянулись вслед. Больше ничего не произошло. Где же мое войско? Опаздывают, что ли? Я наклонился, чтобы завязать шнурки. Меня можно было заметить, потому что я торчал задницей вверх довольно долго. Наконец, я услышал рев двигателя. Полицейские оживились и стали вертеть головами, следя, как вниз по дороге несется на бешенной скорости машина, виляя во все стороны, пока не врезалась в бордюр. Из открытого окна вывалилась рука. Полицейские направились к потерпевшим аварию, а я тем временем проскочил

четыре ступеньки и резко толкнул дверь. Она была заперта.

17

Паника, хлынувшая на меня, прочистила мозги. Как только адреналин попал в вены, усталость сняло как рукой. Что случилось? Проклятье! Дверь должна быть открытой, ведь они получили мое письмо. Я толкнул дверь снова с тем же результатом.

Глянув через плечо, увидел, что полицейские дошли до машины. Но как только они приблизились, заработал двигатель и машина, взревев, рванула вперед. Один из полицейских потряс в бессильной ярости кулаком, в то время, как другой, более интеллигентный, записал номер автомобиля. Совершенно бесполезно: машина украдена. Еще пара секунд, и полицейские повернутся и заметят меня. Еще один толчок, и меня накроют. Надо придумывать что-то! Проклиная все на свете, я еще раз толкнул плечом дверь, и она, наконец, распахнулась. Потеряв равновесие, я рухнул на пол, услыхав, как дверь закрывается за мной.

— Добро пожаловать в замок Пенозо,— произнес дрожащий голос.— Добро пожаловать.

Я встал и отряхнул колени. Передо мной стоял владелец голоса. Похожий на привидение мужчина, с седыми волосами, серой кожей и, под стать всему облику, в одежде такого же серого цвета. Я пожал трясущуюся руку. Кланяясь, я старался вспомнить, как величают герцогов — Ваша милость?.. Ваше высочество?.. Ваше герцогство?.. В голове у меня было пусто. Надо было выкручиваться.

— Какая доброта! Не знаю, как и благодарить вас! Я встретился со смертью, и вы меня спасли своевременными действиями.

— Все, что я сделал,— это открыл дверь, сэр Гектор, — сказал он, считая это пустяком.— Но, сэр, молю вас, выпейте глоток бренди. И расскажите мне все. Я получил

только коротенькое письмо от маркиза, который просит принять вас и приютить. Он пишет, что вы все объясните.

Я объяснил, периодически прикладываясь к чудесному бренди. Естественно, я намного упростил всю историю, но все равно глаза герцога широко раскрылись, он задрожал и задышал тяжело и часто, так, что я перепугался, как бы его не хватил удар. Но он справился с собой и к концу моего рассказа составил мне компанию по бренди.

— Ужасно! Ужасно! Запилота надо убрать раз и навсегда. Но как удалось моему четвертому кузену убежать?

Настал мой черед ломать голову, пока я не понял, что он имеет в виду маркиза, и я поразился его умению ориентироваться в генеалогических зарослях.

— Я тоже жажду узнать. Поэтому мне нужна ваша помощь. Если я напишу письмо, вы пошлете его семафором?

Я написал:

Я В БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАМКЕ ПЕНОЗО. КАК СЕБЯ ЧУВСТВУЮТ МАРКИЗ, ДЖЕЙМС И БОЛИВАР?

СЭР ГЕКТОР ХАРАПО

Герцог кивнул и протянул листок бумаги слуге. Нам оставалось ждать. А пока я трудился над графином с бренди. Но вот прибыл ответ, я буквально вырвал листок из рук слуги, но заскрипел зубами: он был не расшифрован. Герцог крутил колесико и ворчал, разговаривая сам с собой, я нервно шагал, тоже бормоча себе под нос. Когда он наконец расшифровал, я бросился к нему и, пренебрегая этикетом, стал читать, заглядывая через его плечо. Читая, чувствовал, как исчезает напряжение.

МАРКИЗУ ОБЕСПЕЧЕН ХОРОШИЙ МЕДИЦИНСКИЙ УХОД. ОН ПОПРАВЛЯЕТСЯ, С БОЛИВАРОМ И ДЖЕЙМСОМ ВСЕ В ПОРЯДКЕ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРИКАЗЫВАЙТЕ.

ЛЕДИ ХАРАПО

Все было замечательно! Итак, мальчики выполнили свою задачу и доставили де Торреса домой. Я не сомневался, что скоро маркиз совсем поправится, зная, что есть и доктор и наша волшебная машина. Теперь я мог себе позволить расслабиться. И я расслабился, выпив еще бренди.

— В самом деле, хорошие новости,— проскрипел герцог.— Что вы собираетесь делать дальше?

— Прежде всего соблюдать осторожность. Нам повезло выйти живыми из пасти льва. Не думаю, что повезет еще раз. Эту кампанию необходимо спланировать очень тщательно, ступень за ступенью, и провести как военную операцию. Как бы то ни было, но, если нам с маркизом придется появиться на людях, нас будут охранять как драгоценности короны.

— Да, как драгоценности короны. Какая трагедия! Я помню это будто вчера: Запилот только что занял место. Вчера? Это было добрых 175 лет назад! Не только Генерал-Президент принимал гериатрическое лечение. Он обещал, что правление будет подчиняться законам и мы, как дураки, поверили ему. «Я сохраню драгоценности короны»,— сказал он. Больше мы их не видели. Наверное, продал ее, это такой тип...

Он бесцельно бродил по комнате, и я стал бродить тоже. Что делать дальше? Конечно же, выбираться из Приморозо. Но как? Голова моя была пуста, я зверски устал. Надеялся только на действие бренди, которое могло бы заменить недостаток вдохновения. Наверное, все-таки существовал особый закон судьбы для Крысы из нержавеющей стали и других негодяев. Потому что, пока мы разгуливали с герцогом и бормотали себе под нос, слегка опьяненные парами бренди, спасение приближалось. Оно дало о себе знать робким стуком в дверь. Ответа не было. Стук повторился.

— Кто там?— спросил герцог заплетающимся языком. — Войдите, войдите.

Дверь дрогнула и отворилась. Вошел дряхлый дворецкий, годящийся герцогу в отцы:

— Я не по собственному желанию беспокою вас, Ваша светлость, — его голос чудесным образом вибрировал точно так же, как голос хозяина,— но сегодня среда.

— Чего это ты вдруг решил сообщать мне о днях недели? — спросил герцог, в недоумении вздернув подбородок.

— Прошу прощения, Ваша светлость. Вы же сами приказали напомнить вам в среду, за полчаса до их приезда.

— Дерьмо!— выругался его светлость, схватив в гневе нож со стола.— Они скоро будут здесь!

— Они,— я пожал плечами, чувствуя, что упустил что-то важное.

— Каждую среду. И никак нельзя избежать этого. Посещение дворянских владений! Приказ правительства! Толпы проклятых туристов, заполняющие эти благородные залы, в которых обитали поколения Пенозо...

Я понял и больше уже не слушал. Туристы!!! Здесь!!! Вся усталость и опьянение мгновенно испарились. Мне везло! Чертовски везло! Серебряный колокольчик лежал на столе, и я громко позвонил в него, привлекая внимание разглагольствующего герцога и возвращая к жизни дворецкого.

— Я так понял, что сюда прибудут иностранные туристы? Экскурсия по замку?

— Да, сэр Гектор. Какие настали ужасные времена,— вздохнул дворецкий.

— Безусловно. Сколько же их будет?

— Примерно 40 — 50 из Пуэрто Азула.

— Вторжение пролетариев,— подсказал герцог.

— Какие меры предосторожности вы принимаете, чтобы они не украли серебро и картины?

— Лакеи будут сопровождать их повсюду, не выпуская ни на минуту из поля зрения.

— Можно мне присоединиться к вашим слугам и осмотреть замок, не привлекая внимания полиции?— просил я, потирая руки.

— Разумеется, все дозволено будущему президенту Параизо-Акви,— усевшийся было герцог внезапно вскочил на ноги и прижал к груди руки, затем кивнул дворецкому, который проделал то же самое.

— Приветствуем следующего президента Параизо-Акви, — восторженно прокричали они, и я с достоинством поклонился. Эта маленькая церемония закончилась, было ясно, что они готовы все сделать для меня.

— Только один вопрос,— седые головы склонились.— Есть тайный выход из замка?

— Да, есть тайный ход. У всех замков в этой стране есть потайные ходы,— ответил герцог.— Наш ведет в здание через дорогу. Построен еще третьим герцогом. Может быть, в этом здании был публичный дом.— Герцог хитро улыбнулся, пытаясь, наверное, вспомнить, как выглядят девушки.

— Отлично. Я так и думал, что есть подземный ход.

Подземный ход — запасной вариант, на всякий случай. В таких переделках я предпочитаю иметь в запасе несколько вариантов. И выбираю, конечно, самый легкий.

— Мне понадобится лакейская ливрея. Я буду сопровождать туристов и выберу одного, чтоб его заменить. Затем выйду вместе с толпой, среди них я буду в безопасности.

— Но ваша одежда...— запротестовал герцог.

— Я надену костюм туриста.

— А ваша борода?

— Придется ее сбрить.

Идея захватила герцога, и он кудахтал от удовольствия.— Какой вы умный, Гектор! Ребенком вы были таким тупицей, что я думал, вы никогда ничего не добьетесь. А тело туриста мы засунем в пустую бочку и закопаем в потайном ходу.

— Никаких тел!— твердо сказал я.— Если турист будет убит, то расследование, несомненно, установит, что он пропал здесь. Не должно быть и тени подозрений. Я сделаю укол, от которого он потеряет память. Когда его обнаружит полиция, он будет с удивлением озираться, от него будет нести ромом, он просто забудет о событиях этого дня. Кроме того, вы набьете его карманы деньгами, чтобы не возникли подозрения, что его пытались ограбить. Над ним посмеются и отправят на курорт, этим все и закончится.

— Мне все-таки хотелось кого-нибудь убить,— закапризничал герцог.

— Позже. После выборов. Кстати, мне нужна ливрея.

Когда я во второй раз снимал бороду, она здорово поредела. Едва я успел напялить тесную ливрею, как ту-

ристы прибыли! Из окна замка было видно, как они горошинами катились по дорожке, что вела к главному входу... Вот они уже атакуют залы, даже сюда доносится шум — стрекочут, словно обезумевшие белки. Я представил, как они носятся по лестницам, стремятся проникнуть в каждую щель, все потрогать руками и сфотографировать. Но слуги были начеку. Я незаметно влился в их ряды, и мы стройной молчаливой колонной шествовали за назойливыми посетителями.

Гид что-то бормотал о прабабушках и прадедушках герцога, толпа рывками передвигалась от портрета к портрету. Туристы глазели на мазню, а я смотрел на них, выбирая свою жертву. Большинство держалось парами, они меня не интересовали. Встречались одинокие женщины, но и этих я пропускал, совершенно не готовый к смене пола. Наконец-то я увидел того, кто мне был нужен! Одинокий мужчина, примерно моего роста и размеров, в пурпурных шортах и вышитой золотом рубашке, хмурый, набычившийся. На шее фотокамера, в руках оранжевая сумка с надписью: Я НАПРАВЛЯЮСЬ В ПУЭРТО АЗУЛ, И У МЕНЯ НИЧЕГО НЕТ, КРОМЕ ЭТОГО ДЕШЕВОГО ПОРТФЕЛЯ! Он подходил и еще как! Когда он приблизился к стене, чтобы рассмотреть самую отвратительную картину, я легонько тронул его за плечо. Он резко развернулся, еще больше набычившись. Я шепнул ему в ухо:

— Пожалуйста, не говорите никому, но здесь для вас приготовлена бутылка рона: Подарок герцога. Одна на группу туристов. Сегодня выбрали вас. Пожалуйста, идите за мной.

Он и пошел. Стараясь, чтобы остальные не заметили его ухода. О, жадность, ты толкаешь на преступления и являешься причиной преступлений!

— Сюда, сэр.

Я открыл дверь, за ней стоял дворецкий, держа в руках полную бутылку рона. Турист взвизгнул от восторга. Я хлопнул его и закрыл дверь, когда он упал на ковер. Герцог выглядел очень счастливым.

Я смешался с толпой, не замеченный в суматохе. Туристы бросились к автобусу. Толстый полицейский пересчитал всех по головам, сделал отметку в своем блокноте и махнул рукой водителю. Двери автобуса закрылись, включился кондиционер вместе с легкой музыкой, и мы покатили по дороге.

Сидящая рядом со мной женщина уставилась на меня с подозрением:

— Я что-то вас раньше не видела.

18

Неужели меня раскрыли? Если она сейчас плюхнется в обморок, это привлечет ко мне внимание. Что же мне делать? Пока все это крутилось в голове, я старался выиграть время.

— И я вас раньше не видел,— парировал я.

Она жеманно захихикала, и я понял, что это не подозрение, она просто кокетничает.

— Меня зовут Джоэлла, я приехала из Фигеронадона II...

Она не закончила предложения.

— Какое совпадение! Меня зовут Вербл, и я с Блоджета.

— О каком совпадении вы говорите?

— Обе планеты находятся в одной галактике.

Она счастливо улыбнулась, и я понял, что приобрел друга. Она была бы даже хорошенькой, если бы не лошадиные зубы и не голодный блеск одиночества в глазах. Капелька понимания с моей стороны, и весь длинный путь я только кивал и цокал языком, слушая ее бесконечный рассказ о жизни, нудной работе на заводе, где изготавливали роботов-уборщиков. К вечеру мы прибыли в Пуэрто Азул. И, поскольку я ничего не пил с тех пор, как покинул герцога, мне пришла в голову блестящая идея пригласить бедняжку Джоэллу в бар. Мы неплохо провели время, и затем я ускользнул из жизни Джоэллы, игнорируя ее дрожащую нижнюю губу, чтобы не осложнять

положения. Забросил на плечо отвратительный оранжевый портфель, махнул ей рукой на прощание и растворился в надвигающихся сумерках. Мне предстояло покинуть этот город, и Джордж должен был знать как.

Но у Джорджа были неприятности. Я понял это, когда, подойдя к его дому, увидел черную машину. У дверей горел фонарь, и можно было рассмотреть человека, сидевшего за рулем. Он был в черных очках. Вполне возможно, что это просто обыкновенный турист. Может быть, Джордж пригласил к себе в гости знакомых? Только почему у меня на затылке зашевелились волосы? Меня никогда не обманывали предчувствия. Необходимо было принять меры предосторожности. Доставая из портфеля карту, я захватил вакуумный шприц. Подошел к машине и наклонился к открытому окну.

— Простите, приятель, я заблудился. Я слышал, тут есть где-то хорошая выпивка и чудные девочки...

Он пожал плечами.

— Не понимаешь ни слова, приятель. Тогда посмотри на карту.

Я развернул карту у него под носом, и он оттолкнул ее, потом бессильно затих, когда шприц попал куда надо. Я чуть повернул его голову набок на спинке сиденья, пусть кажется, что он отдыхает. С открытыми флангами я направился к зданию. И почти столкнулся с двумя ультимадос, которые вели избитого, окровавленного Джорджа. Я заступил им дорогу.

— Послушайте, но этот человек выглядит больным!— сказал я.

— Отойди в сторону, кретин,— просипел здоровяк, пытаясь меня оттолкнуть.

— Вы нападаете на беспомощного туриста!— закричал я, хлопая его по щеке и сразу отступая назад, потому что его тяжелое тело с глухим стуком упало на тротуар. Второй ультимадос пытался вынуть оружие, но Джордж всячески мешал, повиснув на его руке. Я справился и с ним. Игла попала прямо в нерв, пистолет выпал из его

онемевших пальцев. Затем я отправил его на землю быстрым апперкотом.

— Я так рад видеть вас,— сказал Джордж, покачиваясь из стороны в сторону. Он вытер рукой окровавленный рот, с изумлением вынул зуб; уставился на него, потом отшвырнул, пнув валяющегося без сознания ультимадоса ногой.

— Давайте уберемся отсюда,— предложил я.— Возьмем машину.

— Куда мы направимся?

— Это скажете мне вы.— Я открыл заднюю дверцу полицейской машины и сбросил двух усыпленных копов на пол.— Садитесь же,— дернул я его за рукав, так как он беспомощно моргал и, похоже, был не в себе. Спихнул спящего водителя, закрыл за Джорджем дверь и включил двигатель.— Куда ехать?

С заднего сиденья не доносилось ни звука. Я обернулся и увидел, что Джордж без сознания. Они здорово над ним поработали.

— Все опять приходится взваливать на тебя, Джим. Опять, — сказал я сам себе, и это замечание мне не очень понравилось.

Крыса из нержавеющей стали в очередной раз оказалась в тупике. Опять надо было искать выход, но у меня совсем не было сил. Я так устал, что, наверное, не сумел бы ускользнуть от полиции на этот раз, встреться я с копами лицом к лицу. Не было смысла возвращаться в город с таким экипажем, поэтому я повернул к шоссе, что петляло вдоль берега, и порулил в темноте. У прибрежных кустов я остановился и вытащил ультимадос сначала из машины, потом вытряхнул их из одежды. Затолкал в колючие заросли и услыхал стоны Джорджа. Покопался в портфеле и достал аптечку, нашел шприц и сделал ему укол из стимулятора и болеутоляющего. Увидев результат, подумал, и сделал себе такой же.

— Вам лучше?— спросил я, когда он сел.

— О, да! Я должен поблагодарить вас за все.

— Можете ли вы подсказать, как нам выбраться отсюда?— Он, не ответив, огляделся.

— Где мы?

— Береговое шоссе. Несколько километров от Пуэрто Азула.

— Вы умеете управлять реактивным коптером?

— Могу чем угодно. Почему вы спрашиваете, вы что, припрятали один в кармане?

— Нет, но здесь неподалеку частный аэродром. Там коптеры всех видов. Конечно, он охраняется, есть система тревоги...

На миг у меня прервалось дыхание, скорей от волнения, чем от досады, что старому боевому коню снова придется лезть в заварушку. Усталость исчезла. Да, это был действительно очень хлопотный день! Джордж рвался мне помочь, но я проинструктировал его и оставил в машине, чтобы он мог в любой момент заехать на поле.

Я отрубил сигнализацию, перекусив проводоку, пополз, как змея, и спустя десять минут вернулся через открытые ворота.

— Все выглядит таким простым, когда вы делаете,— сказал Джордж с нескрываемым восхищением, когда мы въезжали на летное поле.

— Каждому — свое,— философски заметил я.— Мне кажется, я бы не сумел быть гидом. Все, теперь оставляем машину здесь в сторонке и берем спортивный коптер. Не надо ехать по телам. Вот так.

Пока он пристегивал ремни, я завел двигатель и включил навигационную цепь. Провел по карте курс.

— Мы летим на Приморозо, потом резко сворачиваем над барьером и летим в замок маркиза. Вы готовы?

Он кивнул, и мы поднялись в воздух. Это был очень легкий полет. На радаре ничего не появлялось, никаких помех, когда мы пролетали над барьером. Радио молчало, пока мы не прибыли в замок де ла Роза. Приземление я провел самым блестящим образом. На ярко освещенной полосе стояли три самых главных человека в галактике. Главных, разумеется, для меня. Я вылез из коптера и, помахав своим сыновьям, так жарко обнял их мать, что они в восторге зааплодировали.

— Мне так этого не хватало,— сказала Ангелина, отодвигая меня.— Они не ранили тебя, эти ублюдки? Если только посмели, я завалю эту планету трупами, и очень быстро.

— Успокойся, моя любовь! Я прорвался сквозь цепи противника, выиграл множество схваток, приобрел новых друзей и соратников, короче, был страшно занят. Как вы здесь?

— Все спокойно. Маркиз быстро поправляется, мы с мальчиками использовали любую возможность для разработки детального плана.

— Плана чего?— лекарство кончило действовать, усталость снова навалилась на меня, и я не сумел сдержать зевка.

— Проведения самых мошеннических выборов в истории этой планеты. Это будет водопад незаконности, памятник софистике, какофония коррупции!

Джордж остолбенел от изумления, тогда как остальные приветствовали эту речь с восторгом.

19

Мы сидели на балконе, освещенные лучами славного утреннего солнышка, молчаливые слуги убирали остатки завтрака. Мы допивали кофе. Надо было приступать к делам. Застрельщиком стала самая практичная — Ангелина.

— Пока тебя не было, я прошлась по библиотеке маркиза. Один из его родственников любил собирать университеты. Там собралось больше сотни.

Это было необычное хобби, его можно назвать эксцентричным. Хотя это очень просто делать, когда у вас есть деньги. Не потому, что университет сам по себе стоит дорого, а потому что они выдают по окончании прочный металлический диск, который надевается на руку. Он может стоить не дороже бутылки рона. Цена растет по мере удаления в галактику к планетам, отстоящим далеко от центра.

— Я просмотрела всю библиотеку и нашла каталог по незаконным выборам и нечистой политике. Пробежала спи-

сок и пролистала книги на все эти отвратительные темы и уже нашла, как можно выпутаться, но не хватало деталей...

— Звучит как-то не очень убедительно.

— Действительно. И я так думала, пока не наткнулась на эту древность. Дело в том, что вместе с дисками предок маркиза приобретал и университетские издания. Фолиант истрепался и посерел от времени, само название университета было полустерто. Она такая старая, наверное, еще с Земли. В любом случае, я нашла книгу, которая может стать нашей библией. Я сняла с нее копию.

Она подняла тяжелую стопку листов и передала мне.

— «Как победить на выборах»,— прочитал я.— «Как провести голосование на кладбище» Симуса О'Нила. Интересно, что значит это название?

— А ты бы прочитал. Это методика, которую мы непременно используем для себя. Там каждое имя на надгробном камне внесено в регистр для голосования. Я читал, и мой восторг рос с каждым предложением.

— Весело!— сказал я.— И невероятно просто. Автор — гений. Ты тоже гений, моя любимая, потому что откопала это. Мы не можем проиграть.

— И не проиграем. Мальчики уже начали подготовку, и мы проведем кампанию в течение недели. Преодолеем все трудности, и победа будет за нами. Наш самый большой актив — это Генерал-Президент Запилот собственной персоной.

— Не пытайся объяснить все. Я чуть-чуть заторможен сегодня...

— Мы пойдем по его пути, и он нам поможет. Поскольку он контролирует массы, то проводит кампанию чисто автоматически. У нас есть записи его речей на телевидении, льстивые статьи в газетах, и подавляющее большинство голосов, почти 90 процентов.

— А это нам поможет?

— Конечно,— терпеливо, сладким голосом объясняла она, укоризненно глядя на меня, как на слабоумного ребенка.— Мы захватим телевидение, напечатаем наши соб-

ственные газеты и журналы и в праведных целях сплутуем с кабинами и урнами для голосования.

Ладно, с этим нельзя было спорить. Я мог только кивнуть, соглашаясь, допить кофе, потом достать из портфеля свою легендарную бороду и снова приклеить ее. Попутно я листал книгу О'Нила. Был бы он жив сейчас, его смело можно было избрать галактическим президентом, если бы он не изобрел какой-нибудь новый титул.

Итак, я прицепил бороду и оделся в костюм Харапо и был вновь готов к сражению.

Кампания вот-вот должна была начаться. Все собрались и выражали легкое нетерпение.

— Я созвал вас на эту встречу, чтобы отдать распоряжения и привести дела в порядок,— провозгласил я.— Как кандидат в президенты от Дворянско-Крестьянско-Рабочей Партии я должен сделать несколько назначений. Боливар, ты будешь секретарем новой партии. Пожалуйста, веди заметки. Джеймс, ты — организатор встреч! Сейчас я тебе объясню, в чем будет заключаться твоя работа. Ангелина ди Гриз станет управляющей делами всей кампании, в ее обязанность войдет и право получения голосов женщин. Принимается?— Я сосчитал кивнувших и в свою очередь кивнул.— Хорошо. Значит, с назначениями покончено.

— Не совсем,— возразил де Торрес.— У меня еще есть предложения. Вы позволите?

— Разумеется, вы же кандидат в вице-президенты. Если я о чем-то забыл, пожалуйста, напомните.

Он хлопнул в ладоши, и дверь отворилась. Вошел какой-то невзрачный субъект и слегка поклонился нам.

— Это Эдвин Родригес,— представил де Торрес.— Он будет телохранителем президента, станет сопровождать вас повсюду. Мы не должны допустить повторения того, что случилось в Приморозо. Родригес будет охранять вас, защищать и убирать потенциальных убийц, в общем, следить, чтоб вы были в полной форме.

Я оглядел человека с ног до головы и старался при этом не улыбаться.

— Спасибо вам, маркиз. Но я думаю, что пока сам в состоянии позаботиться о себе. Опасаюсь, что этого молодого человека могут случайно ранить.

— Родригес,— сказал маркиз,— убийца возле окна.

В ушах у меня загремело от выстрелов, и я обнаружил себя лежащим на полу под столом, сверху меня прикрывал Родригес. В его руках был значительных размеров дымящийся револьвер. Лежа на моей спине, он продолжал целиться в окно, от которого почти ничего не осталось.

— Угроза устранена,— торжественно произнес де Торрес, и мне стало легче дышать, потому что Родригес убрался с моей спины. Я встал, отряхнул брюки и сел на стул. Маркиз с одобрением кивнул:

— Вот вам маленькая демонстрация. Родригес — мастер рукопашного боя. После того, как он на всепланетном чемпионате по военным искусствам победил в стрельбе из всех видов оружия, я пригласил его и никогда не пожалею о своем решении.

— Так же, как и я,— сказал я, с уважением глядя на застывшую фигуру моего нового защитника.— Я оценил вашу идею. И я уверен, что он может многое совершить, когда кампания начнется. Нам нужно выбить Запилота из равновесия и постараться удержать его в таком состоянии. Начнем мы с избирательного праздника.

— Что это такое?— спросил де Торрес.

— Это как бы религиозный митинг с речами, поцелуями, едой и питьем, которые полагаются потенциальным избирателям. Смесь карнавала, богослужения и подкупа. Мы будем давать обещания, нападать на существующий режим. Поглядим, насколько нас хватит.

Маркиз покачал головой:

— Это безрассудно! Там же непременно будут террористы, убийцы, пальба. Запилот просто не позволит нам устраивать никаких праздников. Я его знаю. Он способен даже сбросить тактическую бомбу на этот парад. Он захватит целый город, чтобы уничтожить соперников!

Я улыбнулся и кивнул:

— Вы наверное правы. Посему проведем этот парад не в Приморозо или Киудад Агуэлелла, или в любом другом крупном городе. Нет, этот грандиозный карнавал мы организуем в маленьком незаметном прибрежном городишке Пуэрто Азуле.

— Почему именно там?— удивился маркиз. Ангелина поняла все сразу и захлопала в ладоши.

— Там, потому что этот городишко забит туристами с других планет. Это и будет гарантией нашей безопасности, так как Запилот не может позволить погибнуть хоть одному туристу. Он также не допустит никаких беспорядков в их присутствии. Это отличное место для нашего карнавала. Мой муж определенно пользуется своим мыслительным аппаратом.

Я кивнул в благодарность за комплимент, а также за то, что она не употребила слова «иногда».

— Как нам туда добраться целыми и невредимыми?— спросил Джеймс. Это была действительно проблема.

— Хороший вопрос. Мы поедем или полетим?

— Более мудрым будет решение лететь,— ответил маркиз. — Поскольку барьер захвачен, то сейчас Запилот отдал приказ о наблюдении за дорогами. У нас не хватит сил прорваться. Кроме того, в его распоряжении нет достаточных военно-воздушных сил. Ему они никогда и не были нужны. Он контролирует воздушные перевозки, и ему подчиняются владельцы воздушных транспортных средств.

— Но вполне возможно, что он все же решится на атаку в воздухе. Плюс наземные полицейские средства.

— Мы постараемся принять все меры предосторожности.— Я посмотрел на Боливара.— Отметь, что нам нужно увеличить некоторые системы оружия и аппарат раннего предупреждения. Если они захотят позабавиться, мы сумеем их опередить.

— Будет сделано, пап, то есть я хотел сказать, Президент.

— Отлично. Осталось разобраться с округами для голосования...

— Ты никогда не занимался политикой, однако оперируешь терминами, как заправский политикан,— сказала Ангелина.

— Не отвлекай меня. Итак, где в этом городке нам лучше провести встречу?

— В Пуэрто Азуле есть большой стадион,— ответил де Торрес. — Там каждое воскресенье проходят бои быков.

— Бои быков?— с отвращением переспросил я, поскольку всей своей сущностью противился насилию.

— Да. Это интересное и захватывающее зрелище. На поле выпускают быков — это бойцы в боксерских перчатках...

— Звучит заманчиво. Надо как-нибудь сходить. Да, стадион нам подойдет. Но это должно храниться в строжайшей тайне до самого последнего момента. Есть какие-нибудь предложения?

— Пусть Джордж этим займется,— предложила Ангелина.— Он был гидом и должен знать, с кем там лучше войти в контакт. Мы поставим его имя во главе списка организаторов. А для привлечения любопытных дадим празднику какое-нибудь экзотическое название.

— Отлично. Итак, мы спикируем туда, поселимся в туристском отеле, расставим на улицах зазывал, будем раздавать бесплатные билеты для избирателей. Таким образом, начнем кампанию. Есть еще предложения? Нет? Тогда объявляю встречу оконченной и предлагаю пройти в сад и выпить перед обедом.

— Шампанского,— маркиз поражал своей щедростью.— За успешное проведение кампании. И чтоб отметить начало новой эры правления.

20

Наша маленькая армия прибыла на рассвете на четырех реактивных коптерах старой конструкции. Это были большие машины, они вместили все необходимое, вплоть до грузового автомобиля маркиза. Солнце ярко светило,

и день был замечательным до того момента, пока мы не пересекли барьер и на наших радарных экранах не появились две точки.

— Они приближаются, пап,— сообщил Боливар, считывая информацию с компьютера. Он отвечал за систему детекции, а его брат — за нашу защиту. Я посмотрел на блестящие точки и включил радио.

— Это маркиз де ла Роза, вызывает самолеты, приближающиеся к нам. Пожалуйста, назовите себя.

Ответом была тишина. Точки быстро приближались.

— Взорвите их, пока они не подлетели слишком близко!— воскликнул маркиз, сжав кулаки. Я покачал головой.

— Они должны вначале напасть на нас. Камеры зафиксируют все это, мне нужны четкие записи о малейшем намеке на нападение и о том, что нас вынудили защищаться.

— Эти слова придется высекать на наших надгробных плитах. Они уже совсем близко.

— Они выпустили ракету!— произнес Джеймс, нажимая на кнопку.— Включен реактивный счетчик. Посмотрите туда, через две секунды вы увидете результаты.

В полной тишине взорвались белые облака и окутали нас.

— Атакующий самолет поворачивает прочь,— сказал Боливар. Все посмотрели на меня. Я не мог говорить.— Они бегут.

Маркиз не выдержал:

— Огонь! Взорвите их!

Палец Джеймса был нацелен на кнопку и медленно опускался. Я отвернулся и посмотрел в окно. Не хотел видеть огненные блики взрывов. Прислонился к Ангелине, она положила руку мне на плечо, понизив голос, сказала так, что только я мог слышать ее:

— Я понимаю и люблю тебя за это. Но и ты должен понять наши чувства. Они пытались нас убить. И попытаются еще раз, если их не остановить. Это только самозащита.

Я изо всех сил старался скрыть горечь:

— Понимаю это слишком хорошо. Но я не хотел, чтобы все шло так: с убийством...

— Будет окончено после выборов. Поэтому ты и собираешься стать президентом. Чтоб сменить человека, приказавшего провести эту акцию.

Не было смысла продолжать спор. Полагаю, мы оба были правы, но каждый со своей точки зрения. Надо было расплатиться с наемными убийцами, чтобы они больше не могли убивать. Ангелина права, это единственный путь покончить с насилием и выиграть выборы.

— Дай мне взглянуть на мою речь еще раз,— попросил я.— Я должен ее хорошенько запомнить.— Ангелина молча отвернулась, успев поцеловать меня в щеку.

Больше никаких сюрпризов не было. Скоро в поле зрения появился голубой океан, затем белые домики Пуэрто Азуло. Наш маленький флот покружил над полем, коптер, вооруженный детекторными приспособлениями, дал добро на посадку, и мы сели. Я указал на ряды розовых туристских машин, выстроившихся на краю поля:

— Все в порядке. Можно двигать вперед!

И мы двинули на грузовом автомобиле с открытой платформой. Это был лучший вагон-салон маркиза. Его покрасили в ярко-белый цвет и красными буквами написали на бортах с одной стороны: «ХАРАПО — ПРЕЗИДЕНТ» и с другой — «ТОЛЬКО ХАРАПО!» Когда машина двигалась, из громкоговорителей должна была нестись бравурная музыка. На платформе были установлены стулья. Там могли сидеть мы с маркизом, приветствуя толпу, от которой нас отделяла невидимая стена силового поля, способная отразить выстрел. Через несколько минут мы выгрузились, перенесли все в машины и наш маленький кортеж двинул вперед.

— Давайте все сделаем по правилам,— сказал я.— Давайте дадим им понять, что начинается новый день!— Поворот выключателя сменил президентское вещание, и далеко разнеслась наша вдохновляющая песня:

Славьтесь, славьтесь, все рабочие!
Славьтесь, славьтесь, все крестьяне!
Давайте скинем шпиков Запилота,
Харапо — лучший президент!

Я не считал это шедевром поэтического искусства, но не сомневался, что избиратели услышат шокирующие слова о Запилоте. Это привлечет внимание любого слушателя. Песня звучала, и мы съехали с загородного шоссе на дорогу, ведущую через предместья к центру. Вокруг было тихо, и только детишки сопровождали наш кортеж, привлеченные мешком с конфетами. На мешке было написано «ХАРАПО ОТЛИЧНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ!» Когда ребятня съела все конфеты, то завопила, размахивая розданными флагами с такой же надписью, требуя еще сладостей. Как только мы выехали на главную улицу, начались неприятности. Большая черная полицейская машина преградила нам путь. В ней сидели свирепые шпики, наставив на нас стволы. Наша маленькая кавалькада остановилась. Боливар прошел вперед, широко улыбаясь, и столкнулся лицом к лицу с неулыбчивым офицером.

— Харапо — президент, голосуйте за Харапо,— сказал Боливар и протянул офицеру избирательный бюллетень. Тот разорвал его и выбросил.

— Пошел вон. Убирайтесь отсюда! Проезд запрещен.

— Бога ради, но почему?— спросил Боливар, раздавая бюллетени полицейским, которые комкали их и выкидывали. Следом за Боливаром направилась Ангелина, раздавая толпящимся детишкам конфеты и флаги.

— Демонстрации запрещены,— буркнул полицейский.

— Но мы же не демонстрация. Просто собрались друзья покататься...

— Если я говорю, что вы — демонстрация, значит вы — демонстрация. Даю вам десять секунд, чтобы вы развернулись и убрались отсюда или...

— Что «или»?

— Или я вас расстреляю, вот что!

Шепот разнесся по толпе, и через мгновение улицы были пусты. Словно пронесся смерч: валялись брошенные флаги, конфетные обертки, обрывки бюллетеней. Покинутая своей аудиторией Ангелина обошла полицейскую машину и протянула офицерам флаги.

— Вы собираетесь нас расстрелять без всякой на то причины? — спросил Боливар, поворачиваясь к нам в профиль, отлично зная, что всю сцену снимают.— Вы расстреляете беззащитных горожан, жителей вашей страны, вы, которые должны ратовать за закон?— он упал на спину, задыхаясь.

— Все, ваше время истекло. Ребята, приготовились, целься...

Один-единственный полицейский поднял винтовку, потом опустил ее и присоединился к своим оцепеневшим товарищам. Потому что вместе с флагами Ангелина подсовывала им усыпляющие капсулы.

— Огонь!— приказал офицер,— но ничего не произошло. Он стал задыхаться, стараясь вырвать свой пистолет из кобуры. Пыхнула еще одна капсула, и он повалился, пополнив ряды уснувших.

И в ту же минуту восхищенный шепот раздался изо всех окон. Распахнулись двери, и снова появились дети, они вопили и размахивали руками, всячески выражая свою радость. На этот раз к ним присоединилось и несколько взрослых. Они робко улыбались, а мы тем временем метили печатью Харапо спины полицейских, вкладывали каждому в руку флаг Харапо. После всего этого счастливые добровольцы откатили в сторону полицейскую машину со спящими блюстителями закона, и наш парад продолжался. Были розданы тонны сладостей. Так и сыпались в протянутые ладони хрустящие прямоугольные избирательные деньги, которые можно было обменять на бутылку вина или отлично поджаренный тост. Все потихоньку складывалось. Но не следовало забывать о Запилоте, который, разумеется, старался нам помешать. Когда мы добрались до центра города, толпа выросла, крики стали громче. Мы с маркизом стояли на платформе, приветственно размахивая руками; как иерихонская труба звучал наш избирательный гимн. Родригес, не спускающий с меня глаз, шел за медленно движущимся автомобилем, он казался более угрюмым, чем обычно, потому что я попросил его оставить дома автоматический пистолет пятидесятого калибра. Предосторожность была очень

мудрой — я не раз видел, как тянется его рука к кобуре, и он наверняка бы уже сделал не одну сотню выстрелов. Вдруг я услышал визг пуль и увидел, как они замедляют свой полет в защитном поле, со звоном падая на землю.

— Там в окне, на первом этаже!— прокричал Родригес, показывая рукой. Краем глаза я успел уловить движение в окне.

— Поймай его!— приказал я.

Родригес рассек толпу, подобно волнорезу, и пропал в здании. Я приказал остановить автомобиль, вышел и поймал застрявшие в силовом поле пули. Бросил их на пол. Потом коснулся микрофона:

— Вы это записали?— я посмотрел на Джеймса, который ехал в задней машине. Он поднял камеру, его голос прозвучал в моих наушниках:

— Конечно, пап!

— Хорошо. Продолжай снимать. Это попытка убийства, и наш замечательный страж отправился за стрелком. Сейчас они будут здесь.

Родригес выскочил из дверей с длинноствольной винтовкой в одной руке, другой он тащил потерявшего сознание мужчину. Толпа зашумела и придвинулась поближе, желая рассмотреть, что же произошло. Я включил микрофон на публику и заговорил, отвлекая их внимание:

— Дамы и господа, избиратели Пуэрто Азула! То, что я встретил вас здесь, для меня большая удача и удовольствие, и я искренне надеюсь, что мы встретимся еще раз сегодня вечером. Мы сможем поговорить, там будет еда, напитки, мороженое, и все бесплатно. Сотни призов, разумеется. Счастливчики принесут домой щитки и полный набор дротиков, но это не обычные дротики. Каждый направлен в цель, и этой целью является лицо, как вы думаете, чье оно? Вы правы, вы можете кидать дротики в ненавистное лицо старого диктатора, в Джулио, монстра Запилота!

Как вы можете себе представить, по толпе пронесся вздох. Некоторые подняли глаза к небу, ожидая, что разверзнутся небеса и покарают богохульника за такую крамолу. Вместо этого открылась дверца машины, и Родригес

втолкнул убийцу, бросив на пол его оружие. Я кивнул, когда он перевернул лежащего без сознания мужчину и показал на его черные очки. Мой голос загремел:

— Вы, наверное, думаете, что я пьяный сумасшедший? Но я пришел сюда провести мирные выборы, и что я встретил? В меня стреляли, вот какая встреча!— я чуть убрал мощность, услышал вздохи, шепот в толпе и увеличил громкость:

— Я разгневан, вот что я хочу вам сказать. Я держу в руке пулю, одну из многих, которыми в меня стреляли. У меня в ногах валяется стрелок рядом со своей винтовкой. И вот что еще я скажу вам: хотя этот человек стрелял из здания, на нем черные очки...

Толпа взревела и стала напирать вперед, я просигналил, чтобы машины двинулись.

— Остановитесь!— приказал я, и люди подчинились.— Я вполне понимаю и разделяю ваши чувства. Сейчас на ваших глазах свершится справедливость. Я, чтоб предотвратить нападение на этого человека, отдам его в руки правосудия, вот и посмотрим, существует ли оно в вашем прекрасном городе.

Как только выбрались из тисков толпы, мы увеличили скорость и не останавливались до самого отеля. Основная причина, по которой мы выбрали именно этот отель — «Гран Параджеро» — подземный гараж. Наш маленький кортеж двинулся вниз, машина с детекторами объехала все вокруг, и мы убедились в полной безопасности. Я тем временем обшарил карманы стрелка и нашел там удостоверение личности. Он был так глуп, что, видимо, даже не подумал избавиться от документов. Я прочитал вслух.

— Тут говорится, что он является членом Федерального комитета по перестройке здоровья. Что, есть такой?

Маркиз мрачно кивнул:

— Вы можете и не знать, но это официальное наименование ультимадос, убийц!

— Этот, однако, не оправдал своего названия.— И, будто наперекор моим словам, ультимадос пришел в себя и достал из-за пояса нож. Я ударил его по голове, и он

упал на спину. Я поднял его, обхватил и забросил за плечо.— Я понесу его, де Торрес, а вы захватите его винтовку. Журналисты ждут нас, и у нас есть что рассказать им.

Мы являли собой великолепное зрелище, когда вошли в большую круглую комнату, заполненную представителями прессы. Застрекотали камеры, засверкали фотовспышки, толпа журналистов жужжала, как потревоженный улей. Здесь были все — газеты, радио, ТВ. С этого момента и началась настоящая кампания. Я бросил на пол у своих ног тело ультимадос, повернулся к журналистам с поднятым над головой кулаком и посмотрел на всех самым грозным взглядом, какой только мог изобразить.

— Вы знаете, что у меня в руках? Пули. Пули, которые были выпущены в меня буквально несколько минут назад,— я выкинул эти кусочки металла в зал и показал пальцем на лежащую фигуру.— Этот человек стрелял в меня из винтовки, которой гневно потрясает маркиз де ла Роза. Маркиз в такой же ярости, как и я. Мы только начали эту мирную демократическую кампанию, как в меня начали пальбу. Это не простой убийца. У меня есть удостоверение его личности. Вы узнаете его? Он ультимадос, один из преступников, которых использует Запилот, гнусный диктатор. Теперь вы понимаете, что должны забаллотировать этого злодея Запилота и голосовать за меня! Потому что мое правление принесет мир и свободу на Параизо-Акви. Голосуйте за меня, и эта планета будет соответствовать своему названию. Голосуйте! Голосуйте! Голосуйте!

Итак, кампания началась. Когда выйдет очередной выпуск новостей, весь мир узнает, наконец, что происходит.

21

— Никакого упоминания,— кипела от злости Ангелина. — Ничего за весь вечер ни в газетах, ни по телевидению, ни единого слова по радио. Полная секретность.

— Разумеется,— ответил я, с печалью кивая и выковыривая остатки обеда из бороды.— Мы ничего другого и не ждали. Неужели ты думаешь, что пресса подвергнет себя риску? Конечно, предположения — это одно, а доказательство — совсем другое. Теперь мы получили доказательства. Посмотрим завтра, сможем ли мы внести свою лепту в развитие местного телевидения. Но сейчас, мне кажется, стоит подумать о празднике. Как идет подготовка?

— Стадион готов, он может вместить очень много людей, сейчас занимаемся горячими сэндвичами. Вокруг ограды установлены экраны и рупоры — это для тех, кто не попадет внутрь.

— В толпе есть туристы?

— Множество. Они, похоже, считают, что их ждет что-то забавное.

— Если бы их не было, ситуация могла бы стать не такой забавной. Запилот сейчас, наверное, в отчаянии. Сомневаюсь, что он рискнет что-то предпринять во время праздника, это коснулось бы туристов. Но потом...

— Ты будешь осторожным и внимательным, будешь рассчитывать каждый свой шаг.

— Моя любовь, я буду очень стараться. Мы готовы?

Мы были готовы, окруженные защитными экранами и другими мерами предосторожности. Тогда наша машина помчалась вперед и пристроилась между двумя туристскими автобусами. Пришельцы из других миров оставались нашим самым надежным прикрытием. До самого стадиона нас сопровождал экскорт розовых машин. У входа появилось что-то новое: плексигласовая палатка с раздраженно выглядывающими мужчинами. Волнующаяся толпа забрасывала их пустыми бутылками и черствыми сэндвичами.

— Что все это значит?— спросил я Джеймса, который вышел нас встретить.

— Да шайка полицейских расположилась возле входа. Они фотографировали каждого, кто хотел войти, это все вызвало подъем общественного интереса. Но, как вы можете себе представить, значительно снизило посещае-

мость. Мы с Боливаром предложили полицейским сдать камеры и пройти в палатку.

— Только не рассказывай, как именно вам удалось их уговорить, я — мирный человек. Это была единственная помеха?

— Единственная. Вы готовы к вашему грандиозному выходу, пап? То есть, я хотел сказать, Президент, сэр Харапо.

— Никогда не чувствовал себя настолько готовым. А вы, маркиз?

— Аналогично. Эта встреча войдет в историю. Вперед!

И я двинулся по проходу сквозь кричащую толпу, мне трясли руку, я тоже пожимал протянутые руки, улыбался в туристские камеры, посылал воздушные поцелуи детишкам, но не девушкам, потому что ощущал сверлящий стальной взгляд Ангелины. Потом я взобрался на платформу и подождал, пока стихнут крики. Потрясающе громко запели фанфары, забили барабаны, и маркиз выступил вперед.

— Я — маркиз де ла Роза, вы все знаете меня. Я испытываю чувство невероятной гордости оттого, что выдвинут на пост вице-президента под руководством моего родственника, сэра Гектора Харапо, рыцаря ордена Пчелы, джентльмена, ботаника и отшельника. Который оставил свои лаборатории и сады и решился помочь нашей планете. Позвольте мне без дальнейших церемоний представить вам следующего президента Параизо-Акви... сэра Гектора!

Крики, свист, улюлюканье, ну, вы сами знаете, что последовало за этим. Я махал рукой до тех пор, пока не устал, потом подал знак, чтоб зазвучали фанфары, а тем временем незаметно нажал кнопку и послал инфразвук. Звук оказывал депрессивное воздействие на присутствующих. Толпа мгновенно притихла, я увидел слезы на глазах у многих. Надо запомнить и убавить мощность. Я заговорил в наступившей тишине.

— Мужчины и женщины, избиратели, пришельцы из других миров, я принес вам радостную весть,— я выключил депрессант и нажал кнопку стимулятора. Толпа на-

чала радостно улыбаться еще до того, как услышала новость: — Через несколько недель начинаются выборы. Тогда у вас будет шанс проголосовать за меня, как за президента. А зачем вам нужно голосовать за меня, вы можете спросить? Хорошо, я вам назову только одну причину. Потому что я не Запилот, вот почему!

Это вызвало бурный восторг, и я воспользовался передышкой, чтобы сделать несколько приличных глотков разведенного водой джина. Потом продолжил свою речь:

— Голосуйте за меня, и этим вы покончите с коррупцией высших чиновников. Голосуйте за меня, и ультимадос будут работать инструкторами по плаванию на акульих фермах. Голосуйте за меня и увидите, как должно работать правительство, каким честным оно может быть. Обещаю в каждую кастрюлю мяса, вина в каждую рюмку, отмену всех налогов, шесть недель оплачиваемого отпуска, 36-часовую рабочую неделю, пенсии с полной оплатой, начиная с пятидесяти лет для каждого зарегистрированного члена Дворянско-Крестьянско-Рабочей Партии. А сейчас к вам подойдут люди в нашей форме и раздадут бланки заявлений о вступлении в партию. Да, еще обещаю бои быков каждое воскресенье, плюс некоторые вещи, о которых я подумаю позже...

Мои последние слова были заглушены громом аплодисментов и выкриками, стимулянт оказался не нужен. Если бы выборы проводились именно сейчас, не сомневаюсь, что я бы победил. Я сел, продолжая махать рукой, потом отхлебнул из стакана.

— Ты наобещал что-нибудь такое, что не сможешь выполнить?— спросила догадливая Ангелина, и я кивнул.

— Никто не верит предвыборным обещаниям, особено те политики, которые их раздают. Цель этой встречи — вызвать восторг и энтузиазм.

— Ну что же, тебе это удалось.

— Вот и прекрасно. Еще несколько речей и все. Впереди у нас хлопотные ночи.

Хлопот действительно прибавилось. Праздник в конце концов закончился. Мы протолкались сквозь восторжен-

ную толпу к машинам. Возвращение было спокойным, без происшествий, и скоро мы прибыли в отель.

— Есть новости, мальчики?— спросил я, отцепляя надоевшую бороду и вырывая в спешке клоки волос.

— Да!— дуэтом ответили они.

— Тогда докладывайте,— я стянул с себя парадную одежду и надел свое обмундирование.

Боливар начал читать свои заметки.

— Все основные новости выпускаются Министерством информации и рассчитаны на разные слои населения. Цензоры контролируют каждую газету и все передачи радио и телевидения. Предварительно записанные программы новостей поступают на спутники для ретрансляции на радио и ТВ.

— Сколько спутников?

— Восемнадцать на геостационарной орбите. Они покрывают всю планету. Сигналы транслируются на персональные антенны-тарелки или на общие системы.

— Вот именно так я и думал,— ликовал я, застегивая мягкие ботинки.— Нам придется на время забыть газеты. Это будет слишком хлопотно — устраивать саботаж на каждой из них. В любом случае, я уверен, что радиовещание более популярно. И уязвимо. Нам нужен подробный план здания Радиовещательного Центра и график выхода в эфир, а также схема устройства студий.

Сначала мне протянул листок Боливар, за ним Джеймс. Это было чересчур. Я кашлянул, чтобы замаскировать всхлипывание, и надеялся, что они не заметили подозрительного блеска глаз старой Крысы из нержавеющей стали. Какие они прекрасные ребята, как умны и благоразумны! Когда все успели?

— Мы сравнили эти схемы,— сказал Боливар, накладывая листки один на другой.

— И, кажется, нашли слабое место,— закончил Джеймс и уверенно ткнул пальцем в свой чертеж. Я попытался вникнуть в детали.

— Вот они, микроволновые передатчики, посылающие сигналы вокруг планеты для ретрансляции на спутники.

— А вот два канала, выходящих из программной секции, радио — здесь, а ТВ — тут...

— Эти два кабеля проходят по электрической трубке, к которой можно проникнуть через дверь в подвале...

— Вот!— добавил я, тоже тыча пальцем, и мы все дружно улыбнулись и кивнули, как последние дураки.— Тут понадобится усовершенствованный прерыватель цепи, он должен быть маленьким, чтобы его не смогли обнаружить, а он мог бы прерывать их сигналы и включать наши, когда мы того захотим. Теперь подумаем, где бы нам найти такого рода приспособление?

Джеймс достал что-то из своего кармана, Боливар из своего.

— Мальчики, я ужасно горжусь вами,— сказал я совершенно искренне. Прерыватели были такими плоскими, маленькими штуками, которые помещались в ладони, с выключателем и мотком проволоки.

— Автономное питание,— похвастал Боливар.— Атомные батарейки. Может работать годами. Это — выход в эфир, этот конец впаивается во внутренние цепи. Вот, пожалуй, и все. Идет сигнал, отправленный техниками Запилота, здесь обрывается и поступает наш. Они будут думать, что посылают свои новости, а вместо этого будут передавать наши.

— Отлично,— сказал я.— Но годится только для одного раза. Достаточно нам единожды саботировать их систему радиовещания, они прекратят все передачи и начнут искать, пока не найдут. А нам нужно будет прервать их еще накануне выборов. И это будет значительно трудней — поставить эту штуку во второй раз.

Пока я говорил, Джеймс открыл коробочку и достал два подходящих по размерам предмета:

— Мы думали, что тебе это придет в голову. Вот мы и сделали эти штуки. Это макеты, в них напихано цепей, проводов, мы их укрепим так, чтобы легко можно было обнаружить. У них только одно назначение: если их трогать или вертеть, они взрываются, внутри термитное устройство, которое включается при нагревании.

— Это должно сработать, собьет их со следа. Теперь давайте выберемся и проделаем всю работу, чтобы спокойно спать ночью.

— Пап, мы с Боливаром можем обо всем позаботиться сами. Ты, наверное, устал...

— Да! Заниматься политикой. Вам не удастся лишить меня шанса немного позабавиться, а?

— Они смогли бы, если бы я вмешалась раньше,— сказала Ангелина, молчавшая до сих пор.— Но я слишком хорошо тебя знаю. Так что убирайся со своими ненаглядными ребятками и ройся в сточных канавах, если это тебе так нравится. Только не заставляйте ждать вас.

Я поцеловал ее за то, что она меня понимает, и мы выскочили в ночь. Черным ходом спустились к машине. Мы припарковали ее на улице недалеко от Центра радиовещания и вошли внутрь, конечно, не через парадный вход, нам удалось проникнуть незамеченными через окна полуподвала. Теперь нужно было найти ту самую дверь.

Подвал был забит приборами. В это ночное время в здании находился только контролер, но мы о нем не беспокоились. Мы нашли эту чертову трубку. Приманку почти не прятали, а вот настоящий прерыватель поместили среди проводов, почти у пола.

— Отлично,— сказал я, отряхивая от пыли руки и восхищаясь результатами нашего труда.— Давайте вернемся, освежимся выпивкой и поглядим программу для замены, которую сейчас готовит наша мама.

Выбрались мы также незаметно, как и вошли. Наша машина стояла там, где мы ее оставили, вокруг не было никого.

Я открыл дверцу, и внутри зажегся свет. В нашей машине сидел мужчина, наставив на меня огромный пистолет и улыбаясь во весь рот.

— Значит, сейчас ты Гектор Харапо, а совсем не инопланетный турист,— констатировал капитан Оливейра.— Я предупреждал тебя при нашей последней встрече, чтобы ты никогда не возвращался сюда. Но ты был так легкомыслен и вернулся, вини самого себя за последствия.

22

Как только он сказал это, улицу залил ослепительный свет. Это был капкан, умело поставленный. На крышах зданий разместили прожекторы, дорогу перекрывали войска. Нам оставалось только сдаться.

— Пожалуйста, не стреляйте!— закричал я.— Мы сдаемся. Сдаемся. Это приказ.— Я повернулся к мальчикам и прокричал слова, которые не мог понять Оливейра.

Я надеялся, что мои ребята вспомнят этот чужой язык — и они вспомнили! И, хотя их руки были подняты вверх, так же, как и мои, дымовые шашки разлетелись туда, куда мне было нужно. Густые облака дыма полностью их скрыли. Я прыгнул в сторону как раз тогда, когда Оливейра начал стрелять. Пуля просвистела так близко, что на голове зашевелились волосы. Прежде чем он успел выстрелить еще раз, я бросил свою бомбу в машину, дополнив ее усыпляющей капсулой. Сосчитал до десяти и открыл дверцу. За этот короткий промежуток времени ситуация круто изменилась. Улица заполнилась клубами дыма, громкими приказами, шипеньем и свистом, ревом двигателей и хриплыми криками нападающих.

— Добавьте еще дыма и смешайте его с усыпляющим газом! — приказал я.— Я отвлеку их, а вы вдвоем попытайтесь прорваться.

Я залез в машину, оттолкнул обмякшего Оливейру и включил двигатель. Машина прыгнула вперед, дым рассеялся, исчез, сменившись смутным светом. И я увидел, что мчусь прямо на колонну солдат. Повернул руль, на предельной скорости объехал их буквально в сантиметре и врезался в бронированную машину. Последовал удар, и я пришел в себя, уткнувшись носом в ветровое стекло. Мой нос здорово пострадал, капли крови текли на рубашку. Голова болела почти так же, как нос, казалось, что она просто болтается на шее. Думать стало трудно, но у меня хватило ума сообразить, что много дыма и усыпляющего газа — это очень неплохо. Я швырнул бомбу из окна прямо в открытую дверь бронированной машины. Подбросил еще

дымовых и усыпляющих гранат. И на мгновение задержал дыхание. Потому что из носа у меня потоком хлынула кровь и смыла носовые фильтры. Если бы я сейчас вдохнул воздух, я бы тоже уснул, как солдаты и полицейские. Но, в отличие от них, проснулся бы мертвым. В груди невыносимо жгло, и я пополз из машины на руках и коленках. Когда вставал, ткнулся опять носом во что-то твердое. Не дышать становилось все труднее, у меня помутнело в голове, я уже с трудом различал окружающие предметы. Что-то передо мной раскачивалось, я протянул руку и понял, что это дверь бронированной машины. Вот нужный мне транспорт, подумал я и с большим трудом забрался внутрь, спотыкаясь о тела, что во множестве валялись под ногами. Казалось, если не вдохну, я умру. Пальцами пробежался по панели и взялся за ручку. Она вибрировала, значит двигатель работал! Я очень надеялся, что усыпляющий газ выветрился с дымом. Не дышать у меня не получалось. Я больше не мог, я сдался, втянул в себя воздух, наполнив им легкие — ничего не произошло. Ничего плохого. Воздух показался мне безумно вкусным. Газ улетучился. Снаружи все шло неплохо, это я увидел, когда захлопывал дверь. Дым и всеобщее смятение, люди и машины! Эта бронированная черепаха надежно защищала меня. Я сбросил тело водителя, уселся на его место и взялся за руль. Мои дети были там, в дыму, а я ничем не мог им помочь. Я снова проверил приборную панель. Загорелась надпись «оружейная башня», это вселило в меня решительность. Я нажал на «пуск». Раздался страшный рев, машина содрогнулась, пустые гильзы попадали к моим ногам, я видел, как солдаты разбежались, ища укрытие. Отлично! Я дал задний ход. Экран заднего видения показывал улицу, невероятную в своем спокойствии. Было очень трудно ехать, потому что эту махину мотало из стороны в сторону. Я включил фары. На экране появились солдаты, выползающие из подвалов и закоулков. Я снова выстрелил. Потом проехал по перекрестку. Перед моим носом проскочили еще три бронированные машины. И я расхохотался: они врезались в ту, что пыталась меня преследовать.

Пока они там разбирались, я нажал на акселератор и рванул прочь из этого хаоса, который сам же и создал. Все это время я старался не думать о Боливаре и Джеймсе. Надеялся, что с ними все в порядке, должно было быть все в порядке. Я не слышал выстрелов из клубов дыма. Я заварил кашу, у ребят открывались сотни возможностей смыться. Сил им не занимать, смекалки тоже, они должны были выбраться из переделки. Но тогда почему я так дико волновался и покрывался липким потом? Потому что я все-таки был отцом, а не безжалостным межпланетным агентом. Они были моими сыновьями, и я втянул их в эту историю. Снова черная волна вины захлестнула меня, я почти утонул в ней. Медленно ехал я сквозь темноту по пустынным улицам, пока не смог взять себя в руки.

— Хватит об этом, ди Гриз. Ты достаточно настрадался, тебе не хватает только самобичевания, кончай это!— Я говорил сам с собой вслух, потому что так лучше слышал себя. И так я пытался заглушить внутренний голос. Я заставил себя выпрямиться.— Вот так-то лучше. Если ты будешь есть себя поедом — и не заметишь, как попадешь в еще большую заваруху и тогда не сможешь помочь ребятам. Сейчас твое задание — выбраться живым и спасти мальчиков. Вперед.

Притормаживая на слабо освещенных улицах, я наконец добрался до нашего отеля. Знал, что есть служебный вход, на мое счастье он был открыт, и я на служебном лифте поднялся к себе в номер. Ангелина сразу открыла мне дверь:

— Ты побывал в передряге. Ты ранен?

— Только синяк и ушиб. И...

Я даже не знал, как начать. Выражение моего лица сказало ей все.

— Мальчики? Что с ними?

— Я не знаю. Но уверен, что с ними все в порядке. Мы разошлись. Дай мне войти, и я тебе все расскажу.

И я рассказал. Медленно и аккуратно потягивая выдержанный рон. Она отстраненно и холодно слушала меня. Ни одного движения, ни слова, пока не закончил. Потом привычным жестом поправила волосы.

— Тонешь в чувстве вины? Она прет из каждой твоей поры.

— Да, я виноват! Моя ошибка. Я сделал это, втянул их...

— Заткнись!— предложила она, наклонилась ко мне и поцеловала в щеку.— Мы все взрослые люди, и мы пошли на это сознательно. Ты ведь не бросил их, ты подставил себя под пули, чтобы дать им шанс выбраться. Ты сделал все, что мог. Теперь нам остается только ждать. После того, как вытру твой разбитый нос. А потом я буду о тебе заботиться, пока в тебе не будет достаточного количества рона.

Я стонал и охал, пока она бинтовала мой злосчастный нос. Потом наступило ожидание. Ангелина, которая очень редко пила, только в исключительных случаях, выпила целый стакан рона. Мы не разговаривали. Мы вскидывались, когда на улице раздавался вой сирены. И старались, очень старались не смотреть на часы. Я опустошил свой стакан и встал, чтобы налить еще.

— Ты больше не хочешь?..

Пронзительный звонок телефона прервал меня. Ангелина уже отвечала, пока я только развернулся. Я мог слышать весь разговор, потому что она переключила на комнату.

— Джеймс говорит,— прозвучал родной голос, и волна облегчения хлынула на меня.— Нет проблем. Поменялся одеждой с солдатом. Но я не могу вернуться в отель в таком виде.

— Мы подберем тебя,— ответила Ангелина.— Что с Боливаром?

Он ответил не сразу, и ко мне вернулось напряжение. Усиленное в сто раз.

— Я думаю, они взяли его. Я оставался там, пока дым не рассеялся. Он не звонил?

— Нет. Я бы тебе сказала.

— Я знаю. Прости...

— Не стоит. Ты сделал все, что мог. Теперь подумаем, как тебе вернуться в отель. Потом мы вместе будем ждать известий от Боливара. Они не тронут его. Я уверена, что с ним все в порядке.

Ее голос был спокойным, она хорошо владела собой. Да, потому что когда я заглянул ей в глаза, я увидел, что душа ее стонет и кричит.

23

Я закрыл бутылку с роном и отставил ее в сторону. Сейчас голова должна быть ясной и холодной. Но все-таки открыл бутылку вина, чтобы запить жареные бобы с сосисками. Я знал, что бобы очень полезны для мозгов. Ангелина пошла за Джеймсом, а я уставился на телефон. И заставлял себя думать, думать, думать. К тому времени, когда они вернулись, я перебрал все комбинации и пришел к неутешительным выводам.

— Звонков не было,— сказал я им, как только они вошли.

— Есть какая-нибудь еда? Я проголодался,— ответил Джеймс, наливая себе стаканчик вина. Я в который раз поблагодарил бога за то, что близнецы унаследовали от матери ее нетерпимость к алкоголю, а не мои пристрастия.

— Я кое-что придумал,— сообщил я.— Это гарантирует возвращение Боливара.

Ангелина кивнула:

— Мы нападем на центральную тюрьму, расстреляем каждого, кого встретим, а потом найдем Боливара.

— Нет. Этого они как раз и ждут от нас. Кто-то во вражеской команде опережает нас на ход. Мы попали в капкан, потому что не позаботились о безопасности, расслабились. Нам нужно было опередить их, а мы думали, что они позади, мы их недооценили. Медовый месяц кончился. Нам нужно переплюнуть их и сделать то, чего они от нас не ждут.

— Что же это?— спросила Ангелина.

— Ударить там, где они и не подозревают. Взять пленника, которого они обменяют на Боливара.

— Кого?

— Запилота, собственной персоной. И больше никого.

Джеймс был так удивлен, что даже перестал есть. Ангелина больше владела собой.

— Дорогой, не попытаешься ли ты объяснить мне ход твоих мыслей, черт побери!

— Буду только счастлив. У кого-то из них очень неплохо варят мозги. Скорей всего это полковник Оливейра. Я понял это. После того, как он встретил нас в машине. Пока мы не найдем кого-нибудь более подходящего, мы должны считать его врагом номер один. Он пристально следил за ходом нашей операции и пытался поставить себя на наше место. Он понимал, что мы рассчитываем на общественность и должны будем провести кампанию так, чтобы набрать побольше голосов. Ничего не вышло из нашей пресс-конференции, и, следуя логике, мы должны были предпринять шаги по захвату Радиовещательного Центра. И он приготовил нам ловушку и преуспел в этом, взял в плен Боливара. И если он до сих пор не ошибался, то можно предположить, что не ошибется и на этот раз, и будет ждать нас, если мы нападем на тюрьму. Скорей всего, это будет очередной капкан, из которого мы просто не выберемся. А Боливара нет, я уверен, в этой тюрьме. Нам нечего туда соваться. И мы должны поменять правила игры. Взять Запилота в заложники. Тогда они будут вынуждены выпустить Боливара, и счет станет ничейным.

— Ты зашел слишком далеко,— сказала Ангелина.— А ты подумал, как ты захватишь Запилота?

— Да. Я только должен поспать пару часов, чтобы утром быть свеженьким. Потом я все подготовлю, полечу в столицу и посмотрю на Генерал-Президента.

— Ты сошел с ума,— ровным голосом сказала Ангелина.— Я не могу тебе позволить делать глупости.— Она повернулась и ткнула пистолетом мне в бок.— Этот удар в нос, наверное, зацепил и твои мозги. Иди поспи, а мы пока с Джеймсом разработаем другой план, который будет не так сильно смахивать на самоубийство.

— Ты собираешься застрелить меня, чтобы спасти мне жизнь? Почему бы просто не послать все к чертям? Должен

отметить, что женская логика все время ставит меня в тупик. Опусти свою пушку и расслабься. То, что я предлагаю — не самоубийство. Я все хорошо продумал. Некоторые детали не совсем ясны, но я посплю, и все утрясется.

Так и было. Я проснулся на рассвете с готовым планом операции, который четко отпечатался в моем мозгу. Не могло быть и речи о неудаче!

В превосходном настроении я принял душ, поел, полетел в Приморозо и сел на площади Свободы. Веселость исчезла, когда меня остановил полицейский. Было поздно поворачивать назад, так что приходилось продолжать — с юмором или без него.

— Где ваш пропуск?— грозно окликнул меня страж.

— Пропуск? Мне не нужен пропуск, ты, тупоголовая деревенщина. Я здесь, чтобы встретиться с Генерал-Президентом по специальному заданию полковника Оливейры.

— Простите. Полковник не оставлял приказов, когда входил...

— Оливейра сейчас здесь? Все лучше и лучше. Свяжись с ним по фону. И быстро — если тебе дорога твоя жизнь.

Его трясло, когда он набирал номер. Экран засветился, и я увидел холодную улыбку Оливейры. Я оттолкнул охранника и наклонился ближе к фону.

— Оливейра, я у главного входа. Вы не хотите меня видеть?

Улыбка исчезла. Сейчас у него был потрясающий вид, жаль, что у меня не было камеры. Он, несомненно, предусмотрел многие наши ходы, но этот явился для него полной неожиданностью. Наконец, он взял себя в руки, зрачки вернулись на место, кровь прилила к щекам, и он зашипел в фон:

— Задержите этого человека...

Я выключил связь и сел в кресло охранника.

— Ты видел, как он обрадовался?— Я взял сигару, закурил ее и только успел выпустить первое колечко, как примчался Оливейра со взводом солдат.

— Ты взял моего человека ночью,— я пускал дым ему в лицо.— Я пришел отдать приказ о его освобождении.

Вы можете себе представить, что он воспринял мои слова совсем не по-доброму. Я не сопротивлялся, когда солдаты схватили меня и поволокли в глубину здания. Оливейра лично присутствовал при всех процедурах, смотрел, как меня раздевают, обыскивают, просвечивают рентгеновскими лучами, сканируют тело и дают слабительное. Он чувствовал, что здесь что-то не так, что я не совсем сошел с ума, чтобы прийти и сдаться, но он никак не мог понять, в чем дело. Процедуру обыска и всего прочего повторили. Разумеется, они ничего не нашли. Когда все было закончено, мне выдали рваные башмаки и робу заключенного. И тяжелыми цепями обвили мои лодыжки и запястья. Только потом меня провели в комнату для допросов и толкнули в жесткое кресло. Оливейра встал надо мной, похлопывая увесистой дубинкой по своей ладони:

— Кто ты такой?

— Я генерал ди Гриз, из Парамилитаристской организации политического расследования. Можешь называть меня «сэр».

Он сильно и с удовольствием ударил меня дубинкой по хребту. Но я ничего не заметил. Он, бедняга, не знал, что прежде, чем отправиться сюда, я накачал себя неокаином, новым сильным обезболивателем. Конечно, когда закончится его действие, я буду чувствовать себя отвратительно, но сейчас я был непрошибаем.

— Не ври и брось свои дурацкие шуточки. Кто ты такой? Говори только правду.

— Я же тебе сказал. Я назвал мое имя и организацию. Мы сделали целью своей жизни устранение несправедливости на отдаленных планетах, помощь честным политикам, таким как Харапо, наказание преступников типа Запилота.

Он принялся нещадно колотить меня, а я спокойно сидел и наблюдал за ним.

— Тебе что, это доставляет удовольствие?— спросил я, когда мне надоело..— Тогда ты очень болен.

Он поднял дубинку повыше и отбросил ее. Какая польза махать ею, когда жертва даже не замечает этого? Я с одобрением кивнул.

— Теперь, когда ты одумался, мы можем спокойно поговорить, как взрослые люди. Моя организация помогает Харапо, как я уже говорил тебе. Прошлой ночью вам удалось захватить одного из моих ребят. Так не пойдет. Я требую его немедленного освобождения.

— Никогда! Теперь вы оба в наших руках, а вы вдвоем лучше мертвые, чем живые...

— Угрозы? Ты и вправду тупица.— Я встал очень медленно, мешали тяжеленные цепи.— Я бы мог сейчас огреть тебя по голове. Но мне некогда. Мне нужно видеть Запилота..

— Я прибью тебя,— заревел он, схватив дубинку с пола и вздымая ее надо мной.

— Если ты это сделаешь, Запилот расстреляет тебя на месте. Моя организация продолжит свою работу и без меня, а он проиграет выборы. Из-за твоей тупости. Ты этого хочешь?

Он застыл с поднятой дубинкой, дрожа, как в лихорадке, страстно желая вышибить мне мозги, но опасаясь наказания. Наконец здравый смысл победил. Я с одобрением кивнул.

— Вот так-то лучше. Мы сейчас пойдем к Генерал-Президенту, я хочу предложить ему компромисс, который, как я уверен, устроит его.

— О чем ты говоришь?

— Ты узнаешь, если он разрешит тебе присутствовать во время нашей дискуссии. Сообщи ему.

Оливейра застыл перед дилеммой, а я балдел от его вида. Он очень хотел меня убить, хотя бы всласть поиздеваться, но не мог так рисковать. То, что я говорил о Запилоте, казалось ему правдой. В конце концов он в это поверил, и пулей вылетел из комнаты. Я откинулся в кресле, мрачно рассматривая синяки и кровоподтеки, начинающие появляться на моем теле, и старался не думать, как буду себя чувствовать, когда закончится действие неокаина. На моей груди справа я нащупал подозрительную

вмятину, похоже, ребра были сломаны. Я думал об Оливейре, о том, почему его нет так долго, что с ним могло случиться, но тут появился он, окруженный солдатами. Меня выдернули из кресла и поставили на ноги. Солдаты образовали вокруг крепкую стену, и мы промаршировали вниз, к холлу, потом вверх по лестнице и наконец остановились перед массивными дверями с охранниками по обе стороны. Мы приблизились к святая святых. Двери широко раскрылись, мои телохранители втолкнули меня вперед, так плотно окружая, что я мог бы возлежать на них. Генерал-Президент сидел на стуле, обвисший, словно отвратительная жаба, положив бородавчатые руки на стол.

— Расскажи мне, кто это,— сказал Запилот.

Оливейра ответил:

— Он представляет Парамилитаристскую организацию политического расследования...

— Я прикажу тебя расстрелять, если ты будешь так плохо шутить!

— Нет, поверьте, это правда, ваше величество!— мне было приятно видеть, как полковник трясется и обливается потом.— Это должно быть правда, что он сказал. Эта организация действительно может существовать. Несомненно, что он агент с другой планеты. Он прилетел сюда несколько месяцев назад как турист, чтобы вступить в контакт с предательской организацией в Пуэрто Азуле. Я тогда депортировал его, чтобы он не причинил еще больше неприятностей. Но он вернулся нелегально и занял высокий пост в организации Харапо и причиняет нам... маленькие гм... неприятности...

— Я убью Харапо. Вырву ему все внутренности.

— Да, да, всех предателей, каждого из них, все внутренности! — поддержал Оливейра.— Кишки наружу...

— Закрой рот, Оливейра, или ты станешь первым.— Оливейра со странным скрипучим звуком захлопнул свой рот. Я подумал: не сломал ли он себе зубы. Запилот уставился на меня, его выпученные красные глаза буравили во мне дырки.— Так значит, ты работаешь на Харапо.

Ты причина всех моих неприятностей. Ладно, прежде чем я тебя убью, расскажи мне, зачем ты пришел сюда.

— Подписать соглашение с вами...

— Я не вступаю в сделки с предателями. Увести его и расстрелять.

Солдаты сомкнулись вокруг меня. Все шло пока, как я запланировал:

— Подождите!— закричал я.— Выслушайте меня сначала. Разве бы я пришел сюда один, безоружный, без всякой на то причины? Это же просто самоубийство. Я пришел сюда, чтобы рассказать вам...— Что? У меня в голове не было ни одной подходящей идеи. Но он слушал. То, что я ему скажу, должно быть очень важным. Чем можно заинтересовать его? О чем больше всего волнуются диктаторы-параноики? Паранойя!— Я пришел сказать вам, что рядом с вами предатель. Плетет заговоры против вас.

— Кто?

Я целиком завладел его вниманием. Он вскочил на ноги, наклонясь над столом.

— Ммрмымртабл,— пробормотал я.

— Что?

— Могу я назвать его имя вслух, здесь? Нас столько людей слушают.

— Говори! Кто это? Скажи мне!— он зарычал, обходя стол.

— Я скажу вам,— сказал я, сгибая колени и напрягая все мышцы.— Кое-кто, кто находится рядом с вами, кто хочет убить вас...

Я не договорил и бросился вперед, растолкав стражников. Сгибаясь под тяжестью цепей, протягивая вперед руки, я едва смог коснуться его лица, оцарапав ногтем щеку.

На меня обрушился град ударов, я свалился, и солдаты продолжали меня избивать. Я только боялся, что Оливейра не сможет их вовремя остановить, но он успел. Солдаты подняли меня на ноги и крепко держали. Я едва мог дышать. Оливейра вынул пистолет и приставил дуло к моему виску.

— Говори,— скомандовал он.— Тебе осталась секунда, а потом я размажу твои мозги по стене. Кто хочет убить Генерал-Президента?

— Я,— мне было трудно говорить, кажется, ранили в горло. — Я хотел убить его, и я это сделал. Вы видите эту царапину у него на щеке, капли крови?

Запилот поднял руку и притронулся к щеке, потом с испугом посмотрел на красное, стекающее по пальцу.

— Вы обыскивали меня,— закричал я.— Но вы не нашли оружия. Вот оно, этот ноготь. Покрытый вирусом, убивающим в течение четырех часов. Я заразил Запилота, и он умрет за это время. Ты труп, старец, ты теперь труп. Труп!

24

Как вы понимаете, это повергло всех в ужас. Особенно Запилота. Его пергаментная кожа стала совсем белой, он откинулся назад и закрыл лицо руками. Могло показаться, что ему вроде было бы достаточно — прожить более двух веков. Нет, ему было мало! Наверное, жить вошло у него в привычку. Я резко заговорил, слишком хорошо ощущая холодок пистолета у виска.

— Вы мертвы, Запилот, но вас может спасти противоядие, полученное вовремя. Уберите этого придурка с пистолетом.

Запилот вскочил, кинулся к Оливейре и схватил его за ухо, выкручивая изо всех сил. Полковник пронзительно завизжал, уронил пистолет и схватился рукой за окровавленное ухо. Запилот плечом отпихнул его и встал передо мной.

— Поставьте его на колени,— приказал Запилот, и солдаты ударили меня по ногам, заставив опуститься на пол. Он стоял передо мной, обдавая меня тяжелым чесночным духом:

— Где противоядие?— спросил он, усиливая аромат.

— Только мне известно, где оно. Если вам удастся сделать укол в течение трех часов, вы будете живы. Сейчас

вирус распространяется по кровеносной системе. Этот вирус неизвестен на вашей планете. Ваши доктора не сумеют вам помочь. Скоро вы почувствуете первые симптомы. У вас подымется температура и будет подыматься, пока жар не сожжет ваш мозг. Сейчас у вас покалывает кончики пальцев. Скоро их парализует, и паралич охватит все ваше тело...

Он издал вопль. Закрыл лицо трясущимися руками, потом отнял их и с ужасом смотрел на мокрые от пота, дрожащие пальцы. Вновь пронзительно закричал и стал падать. Два солдата подхватили его под руки и почти потащили к креслу.

— Скажи им, чтоб они меня отпустили,— приказал я.— Пусть снимут с меня цепи и уйдут отсюда. А этот тип, Оливейра, пусть останется выполнять ваши команды. Отдайте приказы.

Голос Запилота дрожал, когда он заговорил. Цепи сняли, и я упал на спинку стула. Оливейра стоял оцепенелый, держась за разорванное ухо.

— Вот тебе инструкции, Оливейра. Ты подойдешь к телефону и отдашь приказ, чтобы отпустили пленника, которого вы схватили прошлой ночью. Проследи, чтобы с ним ничего не случилось. Пусть его отвезут в номер Харапо в отель Гран Параджеро в Пуэрто Азуле. Когда он будет в безопасности, сообщишь ему номер этого телефона, пусть он позвонит. Как только он сюда дозвонится и его состояние меня устроит, мы обсудим вопрос о противоядии. Чем дольше вы будете тянуть...

— Сделай это!— заорал Запилот. Потом повернулся ко мне, а Оливейра лихорадочно набирал номер телефона.— Противоядие, где оно? Я весь горю.

— Вы не умрете в течение трех часов, по меньшей мере. Просто вам будет очень плохо. Противоядие поблизости. Его вам введут, как только прозвучит телефонный звонок. И вы меня целым и невредимым отпустите.

— Кто вы?

— Ваша судьба. Ваша Немезида. Сила, скидывающая вас с высот. Теперь пусть принесут мою одежду, чтобы

я не терял ваше драгоценное время. Поглядите, Оливейра уже поговорил. Прикажите ему заняться этим вопросом.

— Как я могу вам верить, что вы выполните обещание и пошлете сюда противоядие?

— Не можете. Но у вас нет выбора, разве не так? Теперь отдайте приказ.

Вся операция заняла около двух часов. За два часа Запилот почти впал в коматозное состояние из-за повышающейся температуры. Два доктора сбивали его температуру антипиретиками. Но не в их силах было остановить прогрессирующий паралич. Чувствительность его рук и ног почти исчезла. Он слабо стонал, и тут зазвонил телефон, и я взял трубку.

— Говорит ди Гриз.

— С тобой все в порядке?— спросила Ангелина.

— Я в форме. Как Боливар?

— Он тут рядом. Ест. Теперь немедленно убирайся оттуда!

— Уже.

Я бросил трубку и прошел через двери не оглянувшись. Они выполнили мои условия: внизу стояла машина с шофером, мотор работал, дверь была открыта. Как только я сел, машина рванула в сторону аэропорта. Там стоял мой реактивный коптер, заправленный и готовый. Я поднялся в воздух и сделал круг, и на севере я увидел военный коптер с Джеймсом. Он покачал крыльями в знак приветствия, в наушниках раздался его голос:

— Ты сделал это, пап! В небе никого — все чисто, если что-нибудь появится, разнесем на куски.

— Хорошо. Передай Запилоту имя и адрес доктора в Приморозо и давай поспешим домой. Это был очень длинный день.

Услуги доктора были оплачены большой суммой денег. Доктор должен был ждать, чтобы за ним пришли и привели к человеку, которому нужно было сделать укол. Я знал, что его тепло примут.

Мы без приключений долетели своим маленьким воздушным флотом до замка де ла Роза. Все наши покинули

Пуэрто Азул, как только вернулся Боливар. Никто не хотел лишних забот после того, как Запилоту сделают укол и он выздоровеет. Мы приземлились. Я выключил двигатель и с трудом выкарабкался из коптера, у меня все начинало болеть. Боливар стоял рядом, и я увидел его, как только выбрался. Лицо его было в синяках, и я заметил бинты под рубашкой. Он поймал мой взгляд и улыбнулся.

— Это не так страшно. Они слегка размяли мне кости, когда поймали. Ты выглядишь гораздо хуже.

— Я и чувствую себя гораздо хуже, мне срочно нужен обезболивающий укол. Достань аптечку.

— У меня все с собой. Мама рассказала мне о твоем плане, и что ты совершил.— Он прятал лицо, пока делал укол.— Я очень признателен тебе, пап,— я даже не знаю, как это высказать...

— Ну и не надо. Ты бы сделал то же самое для меня. Теперь отведи меня к креслу и дай выпить что-нибудь покрепче, тогда я смогу вам поведать свою историю путешествия в пасть льва. Ой, только не за ребра!— завопил я, когда подскочила Ангелина и сжала меня в жарких объятиях.— Давай чуть повременим с этим, пока доктор не соберет меня. Моим ребрам пришлось столько вынести.

Маркизу доложили о моем прибытии, и он был следующим, ринувшимся ко мне с распростертыми объятиями. Джеймс едва успел остановить его, чтобы он не проткнул мои легкие осколками костей.

— Давайте продолжим встречу во дворце,— попросил я.

— Шампанского!— закричал де Торрес. Казалось, он сам вот-вот побежит за ним.— Лучшего! О переломных часах этого дня будут рассказывать очень долго, веками!— И хотя он запутался в синтаксисе, эмоционально это было понятно. Мы сели в глубокие кресла и подняли бокалы. Это в самом деле было лучшее шампанское из его запасов, это я понял, когда счастье и тепло окутали меня. Я все-таки допил бокал, прежде чем приступил к рассказу о визите в Президио, но слуга был тут как тут и снова его наполнил. Оставив в стороне кровавые моменты и горечь неудач, я рассказал им восхитительную

историю, очень далекую от истины, собственно, истории всегда рассказывают так.

— ...после того, как телефон зазвонил, я сразу вышел оттуда и сел в машину. А дальше вам все известно.

— Невероятно!— задохнулся Торрес.— Какой немыслимой храбростью надо обладать, чтобы ринуться в пасть к убийцам!

— Вы бы сами сделали то же самое для своего сына, разве не так?— спросил я.

Он кивнул:

— Разумеется. Только я не сделал, а вы сделали. И какое же мужество нужно, чтобы носить смерть под ногтями. Это, наверное, очень опасно — путешествовать по галактикам, разнося смертельный вирус...

Он замолчал и огляделся вокруг, глядя на нас, как на безумцев, а мои близкие дружно расхохотались. Ангелина коснулась его руки:

— Не подумайте, что мы смеемся над вами, маркиз, это над Запилотом. Самое интересное в этой затее то, что Джим никогда и никого не собирался убивать. Он постарался бы обойтись и без такого эксперимента, если бы Запилот был человеком, а не скотиной, но даже его он не собирался убивать.

Маркиз смущенно улыбнулся.

— Я чего-то не понимаю.

— Не было никакого смертельно опасного вируса. Ноготь был покрыт смесью пиретогена и нейтрального анестетика. Один из препаратов дал высокую температуру Запилоту, другой вызвал онемение конечностей. Действие этих лекарств длится примерно четыре часа. Вот так-то.

— Но доктор и уколы?

— Просто вода, стерильная вода для инъекций. Как вам нравится красота этой операции? Мы блефовали. Мой муж не только широко известный герой, но он также и самый великий актер в галактике!

Я опустил голову в притворной скромности. Но то, что она говорила, было истинной правдой, и я признал

это. День был таким бесконечным, таким тяжелым, что мне очень нужна была похвала.

25

Я с трудом вытерпел это рассиживание, несмотря на то, что неокаин снял боль прежде, чем врач залечил мои синяки и контузию. И сломанные ребра. Три сломал полковник, и я проклинал его самыми страшными проклятьями, пока доктор собирал осколки костей, сшивал и бинтовал меня. Наконец он закончил, вкатил мне лошадиную дозу неокаина и позволил выпить большой стакан рона. Я мгновенно улетел в страну грез, чтобы отдохнуть от всего этого. На следующее утро я проснулся поздно. Ангелина вошла, когда я допивал вторую чашку кофе.

— Как мы чувствуем себя сегодня?

— Я не знаю, как мы чувствуем себя, но я чувствую себя так, будто меня только что вынули из мясорубки.

— Бедненький,— она взъерошила мои волосы и легонько поцеловала в лоб.— Мальчики приготовили тебе сюрприз, который, наверное, немного тебя отвлечет.

Открылась дверь, и вошел Джеймс, неся телевизор. За ним следовал Боливар. Я нахмурился с недоверием.

— Ненавижу этот ящик. Особенно этого слабоумного утреннего кретина, пичкающего нас новостями.

— Ты прав, ты прав, только не раздражайся. Это не утренние новости, потому что уже не утро, а полдень. Традиционное для этой планеты время принятия пищи. И, согласно традиции, в это время транслируются новости, которые смотрит каждый в расслабленном состоянии, сложив ручки на полном животике.

— А мои ручки сложены на пустом и страдающем животе. И я ненавижу все эти новости.

— Сейчас горничная принесет тебе завтрак, диета номер девять,— сказал Боливар.— А новости будут не совсем обычные. После того, как нас подстерегли возле Радиовещательного центра, мы думали, что они нашли наш

прерыватель. Но Джеймс проверил цепи прошлой ночью и установил, что прерыватель находится на месте. Ночью мы закончили запись передачи, и нам кажется, что тебя порадуют сегодняшние новости.

— Да, да, конечно,— завопил я, поспешно пытаясь прожевать бутерброд.— Я беру назад все свои сердитые слова. Я совершенно забылся. Ангелина, моя любовь, сядь рядом, и мы насладимся представлением.

Программа перед новостями подходила к концу, и я заканчивал еду. Это была романтическая опера, от которой без ума недоумки, в которой толстые люди поют со смертного одра друг другу хватающие за сердце песенки. К счастью, она кончилась, когда я уже собирался переключить. Последовала серия коммерческих реклам, особенно меня привлекла реклама рона, янтарно поблескивавшего в бокалах с аппетитно звенящими кубиками льда. Но вот фанфары возвестили начало новостей, и на экране появилось суровое лицо дикторши.

— Добрый день, дамы и господа. В эфире послеполуденные новости, которые выходят каждый день в это время. Мы получили сообщение из столицы о том, что Генерал-Президент Запилот чувствует себя значительно лучше после отравления пищей. Дорогой наш Генерал-Президент, мы с вами, я знаю, что телезрители присоединятся ко мне в пожеланиях вам доброго здоровья и скорейшего, наискорейшего из всех быстрых выздоровлений...

В этот момент Джеймс нажал кнопку... Экран замелькал, но это длилось всего секунду, и суровое лицо дикторши сменилось моим изображением: я со своей неотразимой бородой махал руками с восторгом и скалил жемчужные зубы. Маркиз стоял рядом со мной. Женский голос продолжал говорить текст. Я узнал голос Ангелины и пожал ее руку.

— Давайте на минутку отвлечемся от мифической болезни этого мелкого диктатора, лучше встретимся с благородным человеком, который будет вашим следующим президентом. Я представляю вам сэра Гектора Харапо, который стоит рядом с вице-президентом маркизом де ла Роза. Эти прекрасные, высокого происхождения люди сей-

час проводят свои первые выборы в Пуэрто Азуле, где добились невероятного успеха, несмотря на попытки Запилота и его коррумпированной полиции помешать. Первая попытка...

Это было интересно, живо, и мне нравилось абсолютно все. Потом был показан фильм — противники с самой плохой стороны, а потом фильм о нас, разумеется, с самой лучшей стороны. Я с восторгом захлопал в ладоши, когда все закончилось.

— Здорово! Мои поздравления вам всем. Я бы заплатил тысячу кредиток, чтобы увидеть выражение лица диктатора в этот момент! Но, ладно, хватит. Первая часть нашей кампании закончилась, теперь нам надо идти к финалу. У нас осталось три месяца до выборов, и нужно использовать каждый момент.

— Но так, чтобы нас не подстрелили или не взорвали,— твердо произнесла Ангелина.

— Я тоже больше не согласен быть мишенью. Но нам все равно нужно передать нашу программу, и я буду только приветствовать все предложения. Мы должны учесть, что наш прерыватель после этой передачи уже найден и обезврежен. Шансы поставить в эту же цепь новый равны нулю. Мы должны помнить, что без широкого оповещения масс мы попросту проиграем выборы. Есть предложения?

— Ответ совершенно очевиден,— сказала Ангелина.— Вы должны поставить прерыватель в самом неуязвимом и недоступном месте радиовещательной сети. Ты, надеюсь, понимаешь, что я имею в виду?

— Увы, не понимаю,— с горечью констатировал я.— Меня слишком много били вчера по голове.

— Мама права,— воскликнул Джеймс, его никто не бил по голове, поэтому он мыслил быстрей меня и Боливара, который точно так же, как и я, пребывал в недоумении.— Мы поставим прерыватель прямо на спутнике!

Да, ответ был жутко очевидным, я должен был догадаться; я надулся в уголке, а Джеймс заливался восторженным соловьем.

— Следующая стадия — узнать как можно больше о спутнике...

— Уже сделано,— заметила Ангелина.— Есть такая компания, именуемая Радио ди дундер СА, находится в районе космопорта возле Пуэрто Азула. Она обслуживает связь и спутники погоды для правительства. Это маленькая компания, такая маленькая, что всю работу выполняет буксирный корабль, очень старый, переделанный для работы на спутниках.

Теплая улыбка сопровождала эту информацию. Так как мы думали об одном, внезапно нас всех посетила одна и та же идея. Я высказал то, что было у всех на кончике языка.

— Это что, единственный корабль, который обслуживает спутники?

— Да, он один. И если этот корабль «Популачо» выйдет из строя, то пройдет несколько месяцев, пока они найдут другой, переоборудуют его и перевезут сюда.

Я с нетерпением потер ладони.

— Следующая стадия предельно ясна. Релейные переключатели нужно собрать и подогнать для установки на каждый спутник. Они должны иметь автономное питание и включаться, когда получат наш закодированный сигнал. Тогда мы сможем давать всем слушателям и зрителям беспристрастную оценку событий каждого дня. Мы используем корабль «Популачо» для установки устройств на спутники. Потом мы незадолго, скажем, до выборов, приведем его в «негодность». Кто-нибудь может оспорить этот план?

— Я не могу,— сказала Ангелина.— Но у меня есть дополнительное предложение. Мы начинаем предвыборную кампанию во имя демократии, так что нам нужно действовать согласно демократическим правилам, на которые претендуем и в которые верим. Мы не должны повторять того, что сделали ночью, заменив их программу своей. Демократия означает признание свободы слова. Мы должны позволить им вещать, потом пускать свои новости. Публике надо дать право выбора. Люди должны сами шевелить мозгами.

— Ты считаешь это мудрым?— спросил я.— Разве им можно верить?

— Да, считаю это мудрым, мой дорогой муженек, хотя ты так, скорей всего, не думаешь. Твои собственные убеждения находятся где-то между фашизмом и анархией. Из этих двух мне больше импонирует анархия. Но если у меня есть более широкий выбор, я ставлю на демократию. Все согласны?

Мальчики подняли руки, и я нахмурился.

— Большинство «за». Теперь будем планировать преступление во имя великой идеи демократии.

— Кто же теперь фашист-анархист?— поинтересовался я.

— Только не мы,— Ангелина улыбнулась.— Мы прагматики. Наши сердца чисты и помыслы самые добрые. А результаты нашей работы принесут пользу всем.

— Расскажи это владельцам «Популачо»,— заметил я иронически,— когда они найдут свой корабль на дне дымящегося вулкана.

Но она была неугомонной.

— Они получат компенсацию от страховой компании и купят новый, более совершенный корабль. Разве ты не так говоришь обычно?

У меня не было возможности отвечать, потому что я, улыбаясь, жевал в это время тост.

— Вы отличная команда, я не могу с вами спорить. Теперь, самые честные, демократичные республиканцы, ревнители и поборники закона и порядка, давайте займемся планированием нашего преступного налета на космический корабль.

26

— Как там дела?— спросил я, выглядывая из окна и обращаясь к Боливару, сидящему на крыше с сильным биноклем.

— Они опечатывают грузовой люк, значит, скоро улетят. Погоди, ага, один из экипажа разъединяет питатель-

ные шланги, значит, корабль имеет автономное питание. Наземный экипаж отъезжает.

— Отлично. Садись в машину и отправляемся на операцию.

Он спрыгнул на тротуар и скользнул на переднее сиденье. Боливар погнал машину, как только двери закрылись. Я сидел сзади и восхищался Ангелиной, восседавшей рядом со мной. Мне пришлось на мгновение зажмуриться, как только мы из темного ангара выехали на яркий солнечный свет.

— Ты восхитительна! Мне очень нравится твоя одежда медсестры. Если бы ты еще захватила свой белый кнут.

— Тебе правда нравится?— спросила она, игнорируя мою грубую шутку.— Юбка не очень короткая?

— Очень короткая и очень замечательная,— сказал я и погладил обнажившуюся коленку.— Это хорошая идея — смутить мужчин, пока мы будем делать свое дело. И ты самая смущающая женщина на этой планете.

— Ты тоже ничего в этой форме и лихих усах.

Я подкрутил кончики усов и выпятил грудь, на которой поблескивал ряд медалей:

— Каждый испытывает уважение к властям. Чем значительней ты выглядишь, тем больше тебя уважают. Ладно, команда, мы прибыли. Операция «Докторо» начинается.

Мы выбрались из машины и пошли к входу, свет исходил от моей высокой шапочки и белоснежной формы. За мной следовали сестра Ангелина и два мальчика, несущих белый кейс. Член экипажа, стоящий у входа, вначале задохнулся от изумления, затем принял решение и преградил нам путь.

— Внутрь нельзя. Мы через пару минут вылетаем.

Я медленно оглядел его холодным взглядом. Но это на него не подействовало, он по-прежнему преграждал нам путь, и мне пришлось достать свиток бумаги и развернуть перед ним. На бумаге были черные и красные яркие буквы и печать, настоящая золотая печать. Я вложил в голос всю суровость, на которую был способен.

— Вы видите это? Это карантинный документ, выданный департаментом Здоровья. Это медицинскос предписание, и вы немедленно доставите меня к капитану. Ведите.

Он повел. Все оказалось очень легко и просто. Мы повернули за угол, и я слышал, как Боливар с Джеймсом закрывают входной люк. Капитан был изумлен:

— Что вы здесь делаете? Немедленно уходите...

— Вы — капитан Киего де Авила. У меня карантинное предписание, выданное департаментом Здоровья. Нужно проверить ваш экипаж до вылета корабля.

— Что за слабоумные сидят там в Приморозо?— запротестовал он.— Мой график летит к черту, но что им до этого? У меня обеденный перерыв через тридцать минут.

— Вы сможете вовремя пообедать, я вам обещаю. Для нашей да и вашей безопасности мы должны предотвратить вспышку редкой болезни, привезенной с другой планеты. Перитонит...

— Никогда не слышал о такой.

— Это и доказывает, насколько она редка. Первый симптом — повышение температуры, повышенное слюнотечение и собачий лай. У нас есть причины думать, что один из вашей команды инфицирован.

— Который?

— Вот этот,— сказал я, показывая на человека, сопровождавшего нас. Он жалобно завыл и пугливо бросился в сторону.— Сестра, проверьте его гортань.

Он нехотя открыл рот, и Ангелина затолкала туда деревянный шпатель.

— Его гортань воспалена и очень сильно,— сказала она.

— Я не болен!— взвыл мужчина, слюна обильно потекла из уголков его рта, пока он говорил. Он вытер ее горячими потными ладонями.— Не болен...— он проревел, затем залаял два раза.

— Вот оно!— закричал я.— Скоро у него вырастет хвост! Подержите его, а я приготовлю лекарство.

Джеймс и Боливар держали его за руки, и я с трудом смог ввести ему укол, нейтрализующий и адсорбирующий вещество, которое ему шпателем ввела Ангелина.

— Мы успели вовремя,— констатировал я, укладывая шприц на место в кейс.— Он выздоровеет, как только придет в сознание. Теперь, капитан, прикажите остальным членам экипажа явиться сюда. Для проверки. И чем быстрей вы это сделаете, тем быстрее приступите к обеду.

Все было проделано очень быстро. Через пять минут у большинства экипажа были выявлены признаки болезни, и они лежали без сознания на палубе. По счастливой случайности здоровыми остались только обслуживающие машинное отделение и каютные стюарды. Я с одобрением кивнул, потом достал большой пистолет и навел на капитана.

— Я беру ваш корабль. Да здравствует революция!

— Вы не можете это делать, вы сумасшедший!

— Нет, мы не сумасшедшие, просто невероятно дефективные. Мы представляем Революционную партию Полуденной Черной Пятницы, и мы убьем вас, чтобы сделать свободными. Мы ничего не боимся. Или вы будете командовать кораблем, как обычно, или мы перебьем вашу команду, одного за другим, пока вы не согласитесь сотрудничать с нами.

— Вы безумцы! Я вызову полицию...

Он подошел к рации, но я был быстрее. Схватил его за руки и развернул.

— Убейте первого,— сказал я.

— Свобода и независимость!— закричал Боливар и достал огромный нож из-под пиджака. Он склонился над лежащей фигурой в начале ряда. Размахнулся и чиркнул по горлу с характерным звуком. Заглушенный вопль и потоком хлынувшая кровь. Это было очень правдоподобно.

— Унесите тело,— закричал я и повернулся к капитану. Если даже я был потрясен, хотя точно знал, что на шее человека был заранее прикреплен пакет с кровью, приглушенный вопль исходил из приспособления на ноже,

то можете себе представить, каково было капитану. Он остолбенел, кровь отлила от его щек. Я выиграл. После этого не было никаких проблем. И капитан и весь экипаж старались изо всех сил, прямо из кожи лезли вон, чтобы сотрудничать с нами. Мы вышли на орбиту, и когда приблизились к первому спутнику, мальчики достали прерыватель с автономным питанием. Я изучал схему электропроводки спутника и отмечал места, где необходимо соединить. Провода были окрашены в разные цвета, так что разобраться было нетрудно.

— Я, наконец, удовлетворен,— сказал я.

— Ты лучше не ходи с ними,— посоветовала Ангелина.— Твои ребра еще недостаточно зажили.

— Достаточно для такой работы. Нам всем хватит работы на всех спутниках. Первый прерыватель я хочу поставить лично, чтобы быть уверенным, что не возникает проблем.

— Тебе просто нужны слава и прогулка в космосе.

— Не могу не согласиться. Без маленьких приключений жизнь была бы очень скучной.

Это было действительно весело. Голубой шар Параизо-Акви, чистый и ясный, плыл-парил подо мной. Я немножко повосхищался им и отвернулся к коммуникациям спутника, вытянувшегося под солнечными батареями. Было очень легко добраться к нужному месту, следовало только снять толстый изоляционный слой. Тщательно собранный прерыватель хорошо сел в отверстие, осталось только запаять разрезанные провода и восстановить связь.

— Готово для тестирования,— сказал я в микрофон рации.

— Понял, тестирую.— Я ничего особенного не увидел, панели были неподвижны, да и, кроме того, не совсем легко видеть поток бегущих электронов по цепи.

— Работает четко, как часы.

Дело у нас пошло. Сама установка прерывателей была несложной, время отнимал выход на орбиту. Компьютер корабля быстро выдавал цифры на орбитальную позицию,

а потом к реактивным двигателям. Короче, вся работа у нас заняла четыре дня, в конце мы все немного подустали.

— У тебя темные круги и мешочки под глазами,— сказала Ангелина, подталкивая ко мне бутылочку с ро-ном.— Это должно помочь восстановить равновесие в твоей кровеносной системе.

— Хорошо, ведь мы уже закончили. Отдохнем на обратном пути.

Мы выпили немного, ведь все могло произойти. Вдобавок к нашей работе нам почти все время приходилось следить за членами экипажа. Мальчики выглядели такими же усталыми, как и я. Только Ангелина, работавшая наравне с нами, не выказывала никаких признаков усталости или раздражения. Вечная юность! Рон оказался кстати.

— Я все думаю, как идет избирательная кампания?

— Медленно, я просто уверен. Маркиз следит за прессой. Но ситуация резко изменится, когда мы вернемся и введем эту систему в действие.

— Знаешь, мне как-то не по себе в этой обстановке,— она налила себе капельку рона и сидела, потягивая его.

— У нас нет другого выбора. Если бы наши противники знали, чем мы тут занимаемся; они бы разнесли этот корабль вдребезги. Но они даже не подозревают об этом. О чем нам беспокоиться? До выборов еще есть время. К их началу девяносто девять процентов избирателей будут нашими!

— Конечно, ты прав. Это усталость, наверное, вызвала у меня беспричинный страх. Нам нужно немножко отдохнуть, и я уверена, что сразу приду в норму. Но все-таки,— она нахмурилась,— только не смейся, Джим ди Гриз, или я сломаю тебе обе руки. Но все-таки меня гложут предчувствия, что все будет очень плохо.

Она пристально посмотрела на меня, пока я боролся с искушением громко рассмеяться, мне оставалось либо хихикать либо присоединиться к ней и страдать вместе. Я покачал головой и решил выпить, чтобы на дне стакана найти ответ.

— Ты тоже не смейся,— сказал я.— Меня тоже что-то беспокоит. Наверное, отсутствие связи. Не могу только себе представить, что может там случиться.

Так я и знал! Ангелина терпеть не могла, когда я падал духом. С ее плохими предчувствиями было покончено.

— Мы все узнаем через несколько часов,— ответила она.— Теперь сходи вниз и попроси Джеймса принести нам еды.

Как только она это сказала, появился одетый в скафандр Бальзар, держа шлем в руках.

— Закончено!— объявил он.— Последний поставлен. Теперь господин Харапо может говорить со всем миром. Позовите этого вечно жующего типа. Пап, мы тебя будем снимать.

— Самые лучшие новости!— сказал я.— Мы наконец возвращаемся домой!

Капитан, который продолжал думать о нас, как о шайке убийц, был несколько удивлен, когда мы предложили ему рассчитать орбиту для приземления. Потом на его лице отразился страх, потому что я раздавил у него под носом усыпляющую капсулу, наверное, он решил, что это конец. Это было не так. Просто усыпляющий газ, пока мы не посадим корабль. Чтобы он нам не мешал. Потом я отправил на планету шифрованное послание. Теперь предстояло посадить корабль. Это было очень трудно.

— Я всегда смеюсь при трудных посадках,— буркнул я себе под нос и ввел новые координаты в компьютер.

Мы выскочили из ночи в золотистый рассвет, пробивающийся сквозь толстый слой облаков. Нигде не было видно признаков космопорта.

— Я надеюсь, они получили твое послание,— Ангелина хмуро глядела в обзорный экран.

— Должны бы. На де Торреса можно рассчитывать.

Я был прав. Черный зев раскрыл свою пасть в поле неподалеку от замка. По рации нам указали координаты, но я выключил ее, когда мы были на высоте 200 метров, решив взять самую трудную часть приземления на себя.

Включив на полную мощность реактивные двигатели, я все внимание направил на радары и экраны нижнего обзора. И посадил корабль прямо в дыру, как и было задумано. Мы мягко сели на подушки, и я выключил двигатели.

— Все,— объявил я.— Корабль исчезнет, когда над ним построят амбар. Он побудет здесь до проведения выборов. Я думаю, экипажу понравится такая жизнь.

Подали трап, и мы появились во всем блеске и великолепии. Мы рвались приветствовать маркиза. Но он совсем не радовался.

— Это ужасно,— встретил он нас у трапа.— Жуткая трагедия. Все рухнуло!

Мы с Ангелиной переглянулись. Неужели сбылись наши мрачные предчувствия?

— Что случилось?— спросил я.

— У нас не было с вами связи, мы не могли сообщить. Вся работа пошла прахом, все рухнуло.

— Может, вы мне расскажите, почему?— выдавил я сквозь стиснутые зубы.

— Выборы! Запилот объявил чрезвычайное положение и изменил дату. Они пройдут завтра утром. Мы ничего не сможем сделать, у нас осталось слишком мало времени. Он уверен, что будет избран вновь.

27

Если вам нечего делать, день тянется утомительно долго. Но если вы связались с выборами, то время мчится как сумасшедшее. Вот такой безумный день предстоял нам.

Очень тяжело смириться с поражением, особенно такому человеку, как я, который, с вашего позволения, привык побеждать. И я не собирался сдаваться!

— У него ничего не выйдет!— я потряс кулаком.— Этот гнусный политик получит кукиш вместо кресла президента!

После некоторого колебания Боливар задал интересующий всех вопрос:

— А как ты собираешься его остановить?

А как, действительно? У меня не было ни малейшего намека на идею.

— Это выяснится утром. Нужно быть более великим человеком, чем Запилот, чтоб вставлять палки в колеса Джиму ди Гризу.

Я четко промаршировал прочь, прежде чем они могли задать мне более каверзные вопросы. Что я мог сделать? С каждым шагом вопрос звучал во мне все громче, но ответа не было. Я вернулся в наши апартаменты, где принял благоухающую ванну, скребя себя до тех пор, пока не стал, как новенький грош. Потом я побрился и почистил зубы, глянул на потолок, но и там не нашел ответа. Я надеялся, что во время ужина меня осенит, но этого не произошло. Я добавил чашку крепчайшего черного кофе — безрезультатно, потом вторую, опять никакого результата.

— Посмотри в лицо правде, Джим,— сказал я, восседая на балконе и уныло разглядывая пейзаж,— ты проиграл выборы.

Я сказал себе все это, и мне стало легко. Все прояснилось. Тот, кто сам толкает свои грузы, должен делать это всегда. Надо уметь подсчитать потери и выйти из игры. Потому что невозможно уладить дело с выборами за один день. При таком развитии событий было абсолютно неважно, сколько людей проголосуют за Харапо. Их голоса все равно попадут в мошенническую машину и получится так, что они выбирали Запилота. Как только я осознал этот неоспоримый факт, передо мной замаячила идея. Только зачем? Зачем новые горькие разочарования? Я походил, закурил сигару, почесал в голове, выпил рону, поскреб подбородок, короче, сделал все, чтобы соображать побыстрее. Наверное, что-то сработало, потому что я почувствовал себя как бы наэлектризованным, вдруг подпрыгнул и щелкнул каблуками. Или хлопнул пятками, потому что я был босой. Я подскочил к телефону и вызвал

личный номер де Торреса. Минуту шел вызов, и наконец его лицо появилось на экране, подпрыгивая вверх и вниз на фоне голубого неба.

— Что случилось?— спросил он. Его голос прерывался переодическим постукиванием. Тогда я понял, что он, скорее всего, катается верхом, и телефон прикреплен к седлу.

— Только один вопрос, если не возражаете. Эта планета теоретически считается демократической?

Он подпрыгнул и кивнул:

— Теоретически, это верное слово. У нас есть конституция, которая обещает все, хотя на самом деле мы ничего не получаем. Любой может быть подкуплен, перекуплен. На бумаге, разумеется, все выглядит очень демократичным...

— Я заинтересован в этой бумаге. Где я могу посмотреть копию конституции?

— В моей библиотеке. В банке памяти, но есть также и том на полке между окнами. Почему вы спрашиваете?

— Скоро вам все будет известно. Спасибо.

Я надел на себя какую-то одежду и поспешил вниз, в библиотеку. Проходя по галерее, постучал по оконному стеклу, увидев Ангелину и ребят, пьющих кофе. Однако время для объяснений еще не наступило. Том конституции находился имено там, где сказал маркиз. Я открыл его и застонал. Там было около девятисот страниц. Ну и работенку я себе выбрал! Не было смысла листать этот массивный том страница за страницей. Никогда не держи собаку, а лай сам, вот один из моих девизов. Я вернулся к библиотечному компьютеру, внес конституцию в его память. Задал простую поисковую программу и пошел выпить, пока компьютер рылся в массивном томе в поисках крупиц золота. Это было не так-то легко. В этой конституции царил хаос. Бесчисленные повторения, многословные до предела. Немного подумав, я понял, в чем дело. Стало очевидным, что Запилот просто скомпоновал конституции, выпущенные раньше. Это была и хорошая и, одновременно, плохая новость. Плохая, потому что мне

нужно было перелистывать каждую страницу, хорошая — так как такое разнообразие материала! Я выискивал нужное мне среди всей этой чепухи. Тени удлинились на полу, и мне повезло найти. В придаточном предложении в приложении в добавочном дополнении. Я быстро прочел его и ощутил, как тепло растекается по моему телу. Потом прочел еще раз, помедленней, станцевал маленькую джигу, пока по экрану бежали буквы.

— Эврика!— закричал я, не в силах сдерживаться долее. Потом еще раз «Эврика!», пока работал ключом компьютерного голоса, заставляя его говорить «Эврика!». Потом повторять в разных тональностях, сопровождая мелодиями. Через минуту целый хор «Эврик!» наполнил комнату. Появилась Ангелина с поднятыми бровями.

— Я подумала — что ты стараешься расслышать в этом безумном хоре? Уверена, что догадалась. Есть какой-то просвет в нашей маленькой проблеме?

— Большой проблеме, моя единственная!— сказал я, схватил ее за руки и потащил танцевать.— Огромной проблеме, которая казалась мне неразрешимой до этой минуты, только никому не говори. Мне не хочется портить свою репутацию непогрешимого человека. Я нашел такой простой ответ, что даже боюсь произносить его вслух, чтобы мои слова не достигли ушей наших противников. Сегодняшние вечерние новости разъярят Запилота так, что вылезет наружу его злая воля. Пойдем в студию звукозаписи.

Я в глубине души совсем не жесток, поэтому не радовался тому, что испорчу многим телезрителям вечер. Но мне нужно было время для объявления. Программу, которую я собирался прервать, было легко повторить, только я не знал зачем. Отвратительный сериал о семье извращенных садистов, которые содержали пансионат, куда люди могли сдавать своих безумных родственников, когда им нужно было уезжать в отпуск. Фильм назывался «Великая любовь», и предполагалось, что его будет смотреть 108 процентов всей аудитории. Некоторые смотрели эту муру дважды. Мы закончили запись как раз к началу

фильма. Мальчики проверили спутниковые прерыватели, которые работали отлично. Наш сигнал должен был пойти с тарелок на крыше, потом на геостационарную орбиту спутника. Тогда все обычные программы прерывались и шла наша от одного спутника к другому, и возвращалась к уважаемой аудитории. Ну что ж, зрителям придется пережить небольшой шок сегодня вечером.

— Еще три минуты,— сказал Джеймс, вставляя кассету.— Ты не боишься потерять аудиторию, пап? Вдруг они выключат телевизоры, как только увидят политическую передачу?

— Не думаю, по крайней мере мы постарались их заинтриговать. Они прирастут к своим стульям. Садись и смотри.

Наша маленькая семейная сцена повторяла точно такие же сценки на всей планете. Отец вертелся на стуле, потом застывал, держа в руках чашку или стакан. Мать, хлопотавшая по дому, подсаживалась к телевизору. Дети смотрели стоя, весь мир, затаив дыхание, впитывал свою любимую программу. И вдруг все прервалось, как только должна была начаться самая садистская сцена. Кадр мелькнул, и пропало изображение, потом появилась Ангелина, держа в руках микрофон, как обычный диктор. Фон повторял декорации новой студии.

— У меня для вас ужасные новости,— сказала она трагическим голосом.— Произошло убийство. Нет, нет, не мерзкого Запилота. Кандидат в президенты сэр Гектор Харапо расскажет вам, что случилось. После короткого выступления мы продолжим нашу обычную программу. Сэр Харапо!

Появилось мое бородатое лицо, я стукнул кулаком по столу, медали на моей груди звякнули.

— Убийство!— рявкнул я.— Вы знаете, что произошло убийство? Я вам расскажу. Свободный выбор, гарантированный нашей святой конституцией выбирать того человека президентом, который, по-вашему, является самым достойным. Ваш выбор был убит. Кем, спросите вы? Этим червем Запилотом, который выгрыз ядро нашей бла-

городной республики, вот кем. Я всегда говорил только хорошее о противниках в своей предвыборной кампании. Но я не буду больше так делать. Я назову его зловонной крысой. Гнусным грызуном, не достойным поддержки нашей героической республики. Он попирает наши законы. Он пытался не допустить меня к регистрации, но я все-таки прорвался. Этому заторможенному таракану не удалось мне помешать. Но, хотя его первая попытка провалилась, он попробовал еще раз. Он передвинул дату выборов, чтобы воспрепятствовать моей встрече с вами, чтобы не позволить мне поведать вам о его грехах и моих способностях. Но ему это не удастся!

Я остановился перевести дух, и громко зазвучали предварительно записанные приветственные крики. Они стихли, как только я поднял руку.

— Завтра у вас, благородные избиратели, будет шанс. Пойдите и проголосуйте! Голосуйте за Гектора Харапо и де Торреса, потому что каждый голос за нас — это голос за свободу и пусть тонущий диктатор пускает пузыри лживыми губами. Он не может победить. Победит Харапо! Давайте сотрем в порошок эту мерзкую личинку! Спасибо.

Заявление кончилось бравурной музыкой и колышущимися флагами.

— У меня такое чувство, что тебе очень не нравится этот парень,— сказал Боливар.

— И ты очень его рассердил. Он постарается, чтобы ты не получил ни одного голоса,— добавил Джеймс.

Я встал и, сняв с себя медаль, надел ее на широкую грудь Джеймса, и мы все зааплодировали.

— Это тебе за четкое изображение, сынок. Ты, как говорится, свел счеты.

— Ладно, спасибо. Я буду носить ее всегда. Но, может, ты все-таки объяснишь, как ты собираешься выиграть?

— Боюсь, что это останется секретом моим и маминым, ну и еще некоторых людей. Ни одного слова вслух о моих планах, даже в этих стенах. Вы узнаете все завтра после голосования. Но если вы догадаетесь до тех пор, то будет вам еще одна медаль.

28

День выборов начался со взрыва. Взрыв распахнул окна в замке, выдернул меня из сладкого сна и поставил в защитную каратистскую стойку.

— Тебе не холодно так стоять?— спросила Ангелина из теплых глубин одеял.

— Да, сейчас я думаю, что да,— дрожащим голосом ответил я и юркнул обратно. Только я придвинулся к ней поближе, зазвонил телефон.

— Похоже, взрыв был сильный,— сказал Боливар,— потому что защитный экран сел. Воздушная бомба. Большая, как дом. Компьютер проследил ее траекторию и вычислил, откуда ее послали. Второй взрыв произошел так далеко, что его и слышно не было.

— Спасибо за информацию,— ответил я, кусая губы и ощущая внезапный нехороший привкус во рту. Я встал и натянул свою робу.

— Надеюсь, ты не ждал, что он пошлет тебе цветы, особенно после того, как ты называл его всякими словами?— спросила Ангелина.

— Нет. Но мне не хочется, чтобы гибли люди,— я посмотрел в окно на серый рассвет и почувствовал себя таким же серым.

— Новый президент покончит с убийствами навсегда, так тебе нужно смотреть на все происходящее. Прикажи подать еду. Нам предстоит хлопотный день.

Он действительно был хлопотным. После сытного, но быстрого завтрака и последовавшего за ним спешного ремонта моей бороды, я вышел на ровный луг, расстилавшийся позади замка.

Всех коров изгнали, чтобы освободить место для палаток. Маркиз самолично руководил операцией.

— Доброе утро, Гектор. По вашему приказу доставлены палатки и сейчас их натягивают. Среди рабочих царит изумление, удивлен и я, зачем нам карнавал в такое время. Мы будем праздновать день выборов? Вы полагаете, мы победим?

— Я вам все объясню через несколько часов, мой дорогой маркиз. Мне больше вам нечего сказать. Передайте рабочим, чтоб они не напрягались и не ставили трибуны.

— Просто пустые палатки?

— Да.

Он смотрел мне вслед с ошеломленным выражением. День только занимался, и мне еще не раз пришлось встретиться с таким выражением на лицах. Окружающие были, разумеется, очень вежливы, но я чувствовал, что многие в замке считают меня чокнутым. Безумным, как крыса, вот так! Я посмеивался себе в бороду и занимался приготовлениями. Первым делом необходимо было зарегистрировать мой собственный голос. Для этого нужно было добраться в маленький городишко Тортоза в нескольких километрах от поместья маркиза. Мы отправились туда в шикарных машинах, украшенных развевающимися флагами. К девяти утра должны были открыться кабинки для голосования. Мы въехали на центральную площадь одновременно со звоном часов — на башне пробило девять. На площади уже ждали уважаемые избиратели.

— Недурное собрание,— отметил де Торрес.

— Недурное собрание прихлебателей,— дополнил я.

Тут же толпились сторонники Запилота. Они размахивали тускло-коричневыми флагами с официальными цветами: гнусноземеным и грязно-коричневым цветами партии Запилота Счастливого Канюка. Они вовсю работали, раздавая значки со Счастливым Канюком направо и налево ожидающим избирателям.

— Итак, занавес поднят,— сказал я, мои сопровождающие теснились позади. Мой чудный охранник Родригес стоял совсем близко от меня. Боливар и Джеймс не отставали от него. Все трое были безоружны, но тем не менее, очень опасны. Я кивнул Ангелине, которая несла камеру и записывающее устройство:

— Можно начинать. Снимай. Действуй.

Четким шагом мы прошли через площадь к входу, встретили мэра, прихвостня Запилота, разумеется, и ше-

фа полиции. Они выглядели очень нервными, беспрерывно хватались за оружие, висящее на ремне.

— Здесь нарушается закон,— строго сказал я, направляя указующий перст на них, повернувшись к камере своим прекрасным профилем.— Это запрещено нашей конституцией — собирать голоса перед выборами в двухстах метрах от избирательных кабин. Уберите этих людей отсюда немедленно!

Шеф полиции был настолько немудрым, что вновь схватился за оружие. Родригес сделал шаг в его направлении. Раздался свист, ладонь Родригеса мелькнула в воздухе. Шеф полиции внезапно повалился без сознания на землю. Счастливые Канюки сгруппировались, тревожно переглядываясь. Я направился к ним, Родригес и близнецы не отставали. Канюки не выдержали и побежали.

— Снимите эти мерзкие значки,— посоветовал я избирателям.— Мэр, открывайте кабины для голосования, я хочу проголосовать за себя.

Как только мэр вошел в башню, толпа заликовала и принялась сдирать и выбрасывать значки. Стоял такой шелест, будто начался листопад, и скоро вся площадь была усеяна значками. Моя охрана отошла за двести метров от двери и стала раздавать наши значки, с гордым символом Мстительного Терьера. На значке было изображение бело-коричневой собаки с огромными зубами, держащей в пасти дохлую крысу. Черты крысы удивительным образом напоминали лицо Запилота. Всем хотелось носить такие значки, поэтому избиратели отходили подальше от входа и, получив значок, возвращались на свои места у дверей.

— А теперь,— объявил я ожидающим избирателям и в камеру, — начинаем голосование!

Раздались громкие восклицания и одобрительные крики:

— Харапо — президент! Мстительный Терьер победит!— и все в таком же духе, а мы с де Торресом гордо прошествовали внутрь башни, сопровождаемые нашими телохранителями.

Я нашел свое имя в избирательном регистре, расписался роскошной подписью с завитушками в указанном месте, глаза всех были прикованы ко мне. Я вошел в избирательную кабину, закрылся, потом включил машину. На ней было всего два рычага. Один для каждой партии. Я нажал рычаг, принадлежащий партии Харапо. Зажужжал механизм, на панели зажглось «ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ГОЛОС ЗАПИСАН», и занавеси позади меня разошлись. Я вышел и уступил дорогу маркизу.

— Как работает этот аппарат?— спросил я чиновника, занимающегося регистрационным журналом. Он посмотрел наверх, видно было, что он не хочет говорить со мной, но не придумал, как избежать ответа.

— На электронике,— в конце концов ответил он.— Ваш голос внесен в банк машины. По окончании голосования центральный компьютер автоматически связывается с такими машинами, считывает их память и вносит данные в центральный банк памяти. Потом подсчитывается количество голосов, и цифра появляется на дисплее.

— А можно узнать, если центральный компьютер жульничает? Может ли быть таким образом заложена программа, чтобы победила одна сторона?

— Это невозможно!— сказал он с убежденностью.— Это же незаконно. Человек, набравший большее количество голосов, выиграет.

— Посмотрите на него,— сказал я и поднял его сопротивляющуюся руку.— Настанет день, и новая метла начнет чисто мести в логове диктатора. Победа!

Произнеся эти шедевры, я сорвал гром аплодисментов и вышел с де Торресом, а вслед неслись крики счастливых избирателей.

— Вот и все,— объявил я, когда мы вернулись в замок.—Нам нечего делать до шести часов, пока не закроют избирательные участки. Надеюсь, что повар приготовил нам хороший обед.

— Больше не будет дебатов?— спросил Боливар.

— Больше не будем привлекать на свою сторону избирателей?— недоумевал Джеймс.— Если мы не сделаем, то сделает Запилот.

— Как интересно,— буркнул я, тайная улыбка скользнула по моим губам.— Я надеюсь, что на обед подадут рыбу. Она так хороша с белым вином.

Обед был в самом деле замечательный. И я должен отметить, что слегка перебрал с ликерами. Политика может быть такой утомительной штукой. Солнце садилось за горизонт, когда я открыл глаза и увидел Ангелину, как всегда очень привлекательную.

— Ты мне снишься?— спросил я.— Который час?

— Тебе надо вставать. Я все рассказала ребятам. Они приняли твой план с восторгом и отправились тотчас куда нужно. Избирательные участки как раз закрываются.

— Отлично,— ответил я, вставая и потягиваясь.— Пойдем послушаем результаты.

Силы тьмы не теряли времени зря. Предварительные результаты как раз появились на экране, а перед телевизором бегал взад-вперед маркиз, периодически потрясая кулаками.

— Они забрали все голоса, как мы и предвидели. Этот преступник попросту терроризировал избирательные участки. Люди боятся голосовать против него.

— Я думаю, что ответ гораздо проще, чем вы думаете. Все избиратели сейчас сидят по домам. Запилот может повернуть дело так, как ему выгодно. А посему я решил, что это будет бесполезная трата времени — продолжать кампанию.

— Тогда мы проиграли.

— А мне кажется, что мы победим. Вот посмотрите новости, которых мы так ждем.

Диктор — маслянистый тип с кошачьими усами — размахивал принтерами компьютеров перед камерой. Он был полон псевдоэнтузиазма.

— Все прекрасно, все просто замечательно. Полная и безоговорочная победа нашего любимого Генерал-Президента. Спонтанный взрыв лояльности радует. Такого

взрыва мы не видели примерно сто лет. Погодите минутку, да, окончательные результаты уже получены, результаты, которых мы все с нетерпением ждем.

— Ты можешь это повторить,— сказал я, и он повторил. Мило улыбнулся, поднял торжествующе лист бумаги, потом опустил и стал читать.

— Прибыли результаты из Тортозы, центральный регион. Город находится неподалеку от поместья так называемого маркиза де ла Роза. Этот маркиз выставил свою кандидатуру на пост вице-президента, а президентом собирался стать сумасшедший, именующий себя Гектором Харапо. Да, мы живем в демократическом обществе, дамы и господа, поэтому даже сумасшедший может претендовать на пост президента. Но цифры не лгут!

Он помахал листком бумаги, и я пробурчал:

— Заканчивай с этим, кретин.— Он, должно быть, услышал меня.

— Но давайте перейдем к делу, потому что ожидание невыносимо. Итак, в городе Тортоза, где эти два мошенника голосовали и применяли грязные угрозы и шантаж, чтобы заставить голосовать за себя счастливых жителей деревни, даже там результаты ошеломляющие. Они... Генерал-Президент Запилот — 5320. За предателей проголосовало... Двое! Они голосовали сами за себя, и больше никто, ни единый человек не проголосовал за них. Вот это настоящая преданность! Победа нашего президента марширует повсюду, и нет никакого сомнения в том, что наш дорогой президент будет повторно избран...

— Свинья!— заорал де Торрес и разбил телевизор на кусочки.— Мы видели, как и за кого они голосовали! Ложь, гнусное вранье!

— Естественно,— ответил я.— Это и должно было так быть. — Я нажал большим пальцем на кнопку рации, и услышал голос Боливара.

— Все готово.

— Проверните это дело. Результаты еще лучше, чем мы ждали.

Маркиз с наслаждением раздавил осколки телевизора под ногами и посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Мы собираемся поскорее поговорить со всем миром. Как только вернутся наши...

— Наши?

— Позвольте мне объяснить. Вы достойны того, чтобы услышать это раньше кого бы то ни было. Поскольку Запилот жаждет реванша, то, можно сказать, он у нас в руках...

29

Это было сплошным удовольствием — оставить маркиза раздумывать над судьбами мира.

Он задумчиво собирал осколки телевизора, когда я, вернувшись, протянул ему компьютерный оттиск.

— Ответ на все наши вопросы лежит в конституции,— сказал я.— Прочитайте это.

Он прочитал терпеливо и внимательно, слово за словом. По мере того, как он читал, хмурое выражение его лица сменялось улыбкой, которая все ширилась и ширилась, и в конце он разразился бурным хохотом, отложил оттиск и горячо обнял меня.

— Вы гений, настоящий гений, я вам говорю!— Я не собирался спорить, только пытался вырваться из его объятий, мне это удалось только после того, как он расцеловал меня в обе щеки. Есть такие обычаи, которые я никак не смогу понять. Я был настолько увлечен этой маленькой драмой, что голос Ангелины, прозвучавший по радио, явился долгожданным перерывом.

— Наши уже в пределах защитного периметра,— сказала она.— Скоро они будут здесь.

— Замечательно.— Мы с маркизом наденем наши лучшие одежды, так что сможем произвести финальный залп после того, как прокрутят наши записи.

Мы собрались в библиотеке перед большим экраном ТВ. Оставалось только нажать кнопку, и я это сделал.

Камера была направлена на меня, фоном мне служил огромный том конституции, в руках у меня был такой же, только поменьше, я постукивал пальцами по открытой странице. Экран телевизора был заполнен ликующими последователями и сторонниками Запилота, которые были заняты тем, что поздравляли друг друга с большим энтузиазмом. Звук был приглушен до неясного бормотания, потому что уже надоело слушать эту чепуху.

— Ты в любое время можешь прекратить эту глупость,— сказала Ангелина.

— Конечно, я могу и, разумеется, сделаю это, потому что больше не в состоянии выносить эту муру. Вот, кажется, собирается говорить сам Счастливый Канюк, доставлю себе удовольствие и прерву его. Погодите, вот оно. Кто-нибудь, будьте добры, сделайте громче.

Диктор буквально корчился в судорогах оргазма:

— ...да, я верю, что это случилось. Зал наполнился ликующими людьми. Слабые женщины падают в обморок, а сильные мужчины, не стыдясь, утирают скупую мужскую слезу. Он поднял свою руку, взывая к тишине, которая сразу же наступила, слышно только тяжелое дыхание его сторонников и легкие стоны упавших в обморок женщин. Леди и джентльмены, жители Параизо-Акви, я с небывалым удовольствием представляю вам вашего Генерал-Президента Джулио Запилота!

Экран заполнили мерзкие черты Счастливого Канюка, ставшие еще более мерзкими на таком огромном экране. Он чуть пожевал гнусной пастью и изволил высказаться.

— Я ничего другого и не ожидал от вас, мои дорогие избиратели. Выборы закончены, вы выполнили свой долг и сделали все верно. Что-то больше не слышно об этом преступнике Гекторе Харапо...

Я нажал кнопку, и его рожу мгновенно сменило мое лицо:

— Больше не слышал? Ты, вероломная, лживая вошь, борьба еще не закончена. Ты думаешь обмануть замеча-

тельных избирателей этого прекрасного мира, подтасовывая голоса, используя мошенничество, подставляя свои незаконные результаты? Не выйдет. Ты сам себе вынес приговор. Справедливость восторжествует! Из-за своей алчности ты совершил ряд преступлений, и это тебя погубит. Сейчас весь мир будет наблюдать за маленьким городком Тортозой. Часы покажут время,— буквально за несколько минут до закрытия избирательных участков, которые закончили работу сегодня немного раньше...

Я махнул рукой, и меня сменила городская ратушная площадь. За кадром говорил Джеймс:

— Участки закрыты, и горожане Тортозы собрались, чтобы узнать результаты. По некоторым причинам, возможно, потому, что они являются сторонниками Запилота, мэр города и шеф полиции попытались улизнуть из города несколько минут назад, но они, бедняги, и не подозревали, что за ними следят. Шеф полиции все еще без сознания, но мэр города умирает от желания поговорить с вами.

Мэр выглядел очень несчастным перед камерой, но присутствие Родритеса обещало его полное и безоговорочное сотрудничество.

— Пожалуйста, скажите нам, мистер мэр, голосование было проведено по всем правилам и четко зарегистрировано машиной?

— Да, разумеется, все было по правилам.— Он посмотрел наверх, потому что площадь стала заполняться народом.

— Поскольку вы мэр Тортозы, то скажите нам, эти люди, что собираются на площади, они являются жителями города Тортозы?

— Да, большинство из них, я полагаю, да. Я не могу быть уверен...

— Вы не можете быть уверены? И вы были мэром, сколько лет?

— Двадцать два года.

— Тогда вы должны знать всех этих людей.

— Я не могу отвечать за всех.

— Вы не можете? Но вы можете указать на чужаков?

— Здесь нет чужих людей, я уверен.

— Замечательно. Мы тоже уверены. Ах, вот и шеф полиции. Я думаю, он сможет нам помочь. Пожалуйста, расскажите зрителям, шеф, сколько вы живете в Тортозе?

— Ну... всю жизнь,— поколебался он.

— Отлично. Вы видите здесь чужаков?

Он огляделся и, поколебавшись еще больше, ответил отрицательно.

— Очень хорошо,— отметил Джеймс.— Мы на пороге больших событий — выборы должны повториться. Потому что сейчас вы услышите результаты. Громкоговорители установлены на площади, так что любой желающий услышит результаты.

Мэр и шеф, казалось, усохли в своих одеждах, съежившись, как только услышали результаты выборов. Когда огласили распределение голосов, они в панике задрожали и собрались бежать, но Родригес заступил им дорогу, и им пришлось вернуться на место. Добропорядочные избиратели Тортозы гневно завопили в знак протеста.

— Вы слышите это?— спросил голос Джеймса.— Разве что-то не так? Всего два голоса за сэра Гектора Харапо и все остальные — за Запилота. Давайте все-таки определимся. —Выключатель был повернут, и его голос загремел по всем громкоговорителям.— Дорогие жители Тортозы, это представитель сэра Гектора Харапо говорит с вами. Он уверен, что Генерал-Президент, свинья, просто выбросил ваши бюллетени, что избирательная машина мошенничает, исключив ваше участие. Могут поднять руки те, кто голосовал за сэра Гектора Харапо? Спасибо.

В полной тишине на площади взметнулся лес рук. Медленно, уверенно и с достоинством. Море рук. Непередаваемая демонстрация правды.

— Очень хорошо. Спасибо вам. Опустите, пожалуйста, руки. Теперь я прошу поднять тех, кто голосовал за Запилота.

Все руки опустились. Ни одна рука не поднялась. Нет, одна, две — это мэр и шеф полиции в большой неуве-

ренности подняли руки. Голос Джеймса стал торжествующим.

— Вот вам, люди, результат голосования. Доказательства того, что вас лишили права голоса. Все люди этого города за двумя незначительными исключениями, отдали свои голоса за сэра Харапо. У нас есть доказательства того, что результаты голосования подтасовываются. И победил не тот человек.

Я подал сигнал, и камера вернулась ко мне. Я указал на толстый том, лежащий передо мной.

— Совершено преступление. Вы можете найти ссылку на странице 903 священной конституции этой планеты. Формулировка статьи №79 на этой странице, четкая, до боли четкая. Я вам зачитаю ее.— Я поднял копию статьи и прочитал вслух самым своим проникновенным и выразительным голосом:

— «Согласно природе электронного голосования и согласно необходимости уверенности в том, что запись проведена со всей тщательностью и согласно неразличимости голосов, занесенных в машину голосования, настоящим предписывается строжайший контроль и регулирование, предусмотренные параграфом 19 подраздела номер 40 акта голосования и последующей гарантией того, что голоса будут актированы и объявлены. Если возникнут сомнения в том, что запись голосов в машине для голосования во время баллотировки президента верна и будет доказана подмена, то результаты должны быть объявлены недействительными, и все бюллетени также признаны недействительными. Через две недели должно быть назначено проведение новых выборов с использованием обычных бумажных бюллетеней и избирательных урн. Победитель таких выборов будет объявлен президентом. Должна быть проведена проверка машины голосования до ее применения в последующих голосованиях».

Я сложил копию в книгу, медленно повернулся к камере.

— Посему я объявляю результаты этих выборов недействительными. Через две недели назначаю проведение

новых выборов. На которых, возможно, победит достойный.

30

— Закончили,— сказала Ангелина, и все присутствующие издали крики радости.

— Ты сделал это,— она поцеловала меня в щеку где-то возле губ.— И ты сумел позаботиться о жителях Тортозы.

— Естественно. Это было необходимо для нашего и их спасения. Я думаю, им сейчас неплохо в палатках и в гамаках. Надо было спасти их от убийц Запилота. Они останутся тут на две недели, до следующих выборов. Мы постараемся им неплохо заплатить за вынужденное безделье. Им, похоже, понравилась такая идея.

— Он не обратит на нас никакого внимания,— мрачно произнес де Торрес.— Он и не подумает организовать еще одни выборы. У него достаточно власти, чтобы покончить с этим.

— Он не рискнет,— ответил я.— Это разрушит экономику планеты. А без импорта из внешних миров его коррумпированные и некомпетентные администраторы разорятся в течение недели. Я отослал сообщение о предстоящих выборах на все планеты, откуда приезжают сюда туристы. Они внимательно будут наблюдать за результатами.

— Тогда мы выиграли!— воскликнул де Торрес, принимая победоносную позу.

— Еще нет,— охладил я его радость.— Нам еще предстоит борьба за избирательные урны. Но к тому времени мы будем готовы. На каждый их грязный трюк у меня готово три. Это будет трудно, но зато у нас теперь появился шанс.

Следующие две недели были очень хлопотными. Под строжайшим контролем изготовили и опечатали избирательные урны. Возникли некоторые проблемы с местным

публичным домом, но как-то все утряслось. Сначала не хватало бюллетеней, но потом каждый нуждающийся напечатал себе сам. Я не знал, какие подвохи готовит шайка президента, но нам приходилось быть готовыми ко всему. И организаторы не подвели. Джордж, некогда гид, теперь активный участник нашей кампании, каждый день совершал облет избирательных участков. Местные добровольцы создали тайные комитеты и связывались с нами по рации, так что мы были в курсе всех дел. По радио и телевидению передавали каждую ночь новости. Сначала шли лживые правительственные, потом наши. Мы придерживались фактов и четкости, без всякой политической окраски. Этого было достаточно — как глоток свежего воздуха после бессмысленной болтовни. Мы точно знали, что их техники стараются обнаружить следы наших сигналов. Но у них ничего не получалось. На планету пришла свобода информации. Если это продлится до выборов, то режим Запилота, можно сказать, рухнул.

Мы получили самые реальные доказательства этому, когда к нашему защитному периметру подъехала правительственная машина. Примерно за три дня до выборов. Ее остановила охрана, которая связалась со мной.

— Простите, сэр Гектор,— сказал стражник,— но тут прибыла группа, они не хотят ни с кем говорить, кроме вас.

— Что показывают детекторы безопасности?

— Выявлено только личное оружие. Никаких бомб, излучателей. Один пассажир в черном, водитель и телохранитель впереди.

— Звучит не так уж плохо. Кто этот пассажир?

— Мы не можем сказать. Окна непрозрачные.

— Пропустите. Я не думаю, что для нас будет большой проблемой проследить за ними.

У нас их и не было. Машина остановилась среди деревьев далеко от замка. Гостями занялись Родригес и Боливар. Двоих на переднем сиденье обезоружили и быстро унесли. Я подошел и посмотрел в темное окно. Я был очень спокоен, почти расслаблен, конечно, во-первых, по-

тому что был очень ловким, а если честно, то потому, что меня защищал полевой генератор.

— Вы можете выйти,— сказал я.

Дверь медленно открылась, и Запилот высунул свою голову, осмотрелся и весь вылез наружу.

— Вы доставили мне несказанное удовольствие,— сказал я.

— Не говорите ерунды, Харапо. Я приехал к вам по делу.

Он перегнулся на переднее сиденье и достал металлическую коробочку. Когда он повернулся, его встретил мой пистолет, нацеленный ему в живот.

— Уберите это, ублюдок и кретин,— хрюкнул он.— Я здесь не за тем, чтоб убить вас.— Он повернул выключатель на коробке, и она начала громко гудеть.— Это глушитель. Он перекрывает все записывающие устройства и приспособления, делает невозможным съемку кинокамерой и фотографирование. Я не хочу, чтобы оставалась запись нашей встречи.

— Пардон,— ответил я, пряча пистолет.— Чего вы хотите?

— Сделки. Вы единственный человек за последние 170 лет, кто решился на борьбу со мной. Мне очень нравится это. А то я уже начал скучать.

— Чего нельзя сказать о людях, которых ты забивал до смерти.

— Давай без этих передовых статей. Нас тут двое. Не думаю, что тебя волнуют микроцефальные солдаты больше, чем меня...

— Зачем ты это мне говоришь?— разговор принимал интересный оборот.

— Потому что ты политик. Вот почему. Единственное, о чем беспокоятся политики,— это быть избранными, потом повторно избранными. Ты возвысился надо мной. И этим сделал свой выбор. Пришло нам время потрудиться рядом. Я не собираюсь жить вечно, сам знаешь...

— Это самая лучшая новость, которую я от тебя услышал!

Он проигнорировал мое замечание и продолжил:

— Мои гериатрические уколы уже не приносят того эффекта, что раньше. Я, наверное, на днях уйду. Поэтому я раздумывал о том, кто может занять мое место. И решил, что это можешь быть только ты. Как тебе мое предложение?

Он начал кашлять и вынужден был полезть в карман за носовым платком. С его точки зрения это было великое предложение. Просто невероятно. Он построил политическую машину и полностью подчинил себе планету. И предлагал мне долю — с последующим контрольным пакетом акций. Значительное предложение.

— А что я должен буду продать за такую работу?

— Не будь кретином. Ты проиграешь выборы. Берешь самоотвод. Потом возглавляешь оппозицию. Все будут думать, что ты — самое великое явление, после изобретения секса, так что либералы с кровоточащими сердцами примкнут к тебе в любом случае. Ты организуешь их и будешь следить, чтоб они не напортили. Разумеется, ты будешь сообщать нам, кто настоящий революционер, а мы будем от них избавляться. Такая система будет жить тысячи лет... Как тебе сделка, а? Ты согласен?

— Нет! Ты понимаешь, я верю в избирательную систему...

— Ха, ха!

— Равенство перед законом...

— Да ладно тебе!

— Свободу слова, презумпцию невиновности...

— У тебя что, высокая температура, Харапо? Какого черта ты об этом говоришь?

— Я знал, что ты не поймешь. Ладно, буду говорить на твоем языке. Я хочу все сразу. Хочу всё деньги, всю власть, всех жёнщин. Я готов убить каждого, кто встанет у меня на пути. Ты понял?

Запилот вздохнул и кивнул, потом засопел:

— Я старый человек и начинаю волноваться, когда слышу такие речи. Это мне напоминает меня юного. Ты

должен быть в моей команде, Харапо. Скажи, что ты будешь со мной работать!

— Я сначала убью тебя.

— В самом деле замечательно. Точно так же поступил бы и я. — Он отвернулся и медленно забрался в машину. Прежде чем закрыть дверь, он снова посмотрел на меня и покачал головой: — Я не могу пожелать тебе удачи. Но могу сказать, что наша встреча много мне дала в эмоциональном плане. Теперь я знаю, что оставляю свое дело в надежных руках человека, который меня понимает, который думает так же, как я.

Дверь глухо чмокнула, и я подал сигнал, чтобы принесли тех, двоих. Я наблюдал, как вваливают их в машину, и она отъезжает.

— Что это было? Чего он хотел?

— Он предлагал мне мир. Партнерство сейчас, и все остальное после его смерти.

— Ты согласился?

— Мой дорогой сын! Я, наверное, плут и мошенник, но я не преступник. Этим должны заниматься Запилоты. Маленький человечек, презирающий все человечество. Я могу ограбить человека, такого же богатого, как он, но я никогда не лишу его жизни и свободы. В самом деле, я никогда не грабил людей. Я грабил корпорации, компании, которые сводят с ума и лишают нас нашего богатства...

— Пап,— заныл Боливар,— не надо лекций.

— Верно. Давай вернемся в замок. Мне нужно помыть руки и выпить. Мне что-то не нравятся такие компании, которую я только что был вынужден терпеть.

31

В день выборов я был на ногах с самого рассвета. Вышел на балкон, дышал свежим утренним воздухом, наблюдая, как солнце встает из-за горизонта.

— Неужели это мы такие энергичные с самого утра?— сказала Ангелина, в изумлении глядя на часы.

— Сейчас не время для лежебок! История делается сегодня, и я один из тех, кто ее делает.

— Я не могу так рано встречаться с такими личностями,— она натянула одеяло на голову.— Убирайся,— пробурчала она.

Я насвистывал бодрую мелодию, спускаясь по ступенькам. И ничуть не удивился, увидев, что маркиз уже расхаживает по двору.

— История должна быть сделана сегодня,— сказал он мне.

— Я только что то же самое говорил самому себе.— Мы подняли чашки с кофе и выпили за победу. Скоро Боливар и Джеймс присоединились к нам. И к девяти, к тому времени, когда открываются избирательные участки, мы успели связаться с нашей командой. Через три минуты мы услышали дюжину воплей о помощи. Нашего наблюдателя избили, двоих застрелили, четыре урны были вскрыты. Мы ничего не могли поделать. Наши силы были малы и слишком разбросаны. Пришлось сконцентрироваться в больших городах. Нашим самым мощным оружием были журналисты с других планет. Как только там получили мое сообщение о предстоящих выборах, к нам проснулся интерес, и большие планетные системы послали сюда своих репортеров.

— Работает,— сказал Боливар, заканчивая вызовы по радио. — В Приморозо десять округов. Мы поймали и распечатывающих избирательные урны. Один журналист поймал их на подтасовке, так что будет пересчет. Нам действительно повезло, что приехало так много репортеров.

— Удача, мой сын, никогда не бывает случайной,— я скромно опустил глаза.— У нее сорок три независимых журналиста, больше я не смог обеспечить за такой короткий промежуток времени. Их поездки оплачены, они наслаждаются отпуском, и им нужно зарабатывать деньги, поэтому они усиленно ищут материал.

— Я должен был знать,— сказал он.— Если есть какой-нибудь удачный способ делать дела, мой папа не замедлит им воспользоваться!

Я хлопнул его по плечу и отвернулся, слишком переполненный эмоциями, чтобы говорить. Похвала всегда дороже, чем жемчуг.

К полудню все закипело. Нам пришлось сражаться с арьергардом и поддерживать наш собственный. Как мы знали, в некоторых маленьких городках сторонники Запилота просто закрыли избирательные участки и открыли свои собственные со своими урнами. Нам пришлось им уступить. Нам приходилось надеяться только на удачу и на то, что справедливость восторжествует и людям удастся высказать свою волю. Как только начали поступать такие донесения, маркиз все больше и больше впадал в панику. Он хрустел суставами и печально качал головой.

— Мы должны что-то предпринять! Нельзя же так сидеть и смотреть на стены, может быть совсем поздно! Мы никогда не выиграем, пока не ударим первыми и ударим очень сильно. Отчего бы просто не расстрелять сторонников Запилота?

— Мой дорогой маркиз, мы должны победить честным путем, иначе это будут совсем не демократические выборы.

— Я начинаю ненавидеть эту вашу демократию. Слишком много работы. Крестьянам проще объяснять, что делать. Им так нравится. Мы знаем, что вы будете лучшим президентом, чем этот кусок дерьма Запилот. Поэтому позвольте нам сделать вас президентом, и все.

Я тяжко вздохнул. Гонзалес де Торрес, маркиз де ла Роза неотделим от мира, в котором вырос. Он никогда не поймет преимуществ демократии.

— Я постараюсь вам объяснить как-нибудь в другой раз. А сейчас нам нужно установить автоматические избирательные урны с пломбами.

— Что?

— Машины вернут голос, который нам понравится.

— Вы можете это делать? Но если вы можете это, почему бы не проделать это во всех районах и сберечь время и силы?

— Потому что наши выборы должны все-таки походить на честные. Если наш новый мир начнется с коррупции, то он и дальше будет коррумпированным. И если нам приходится оказывать некоторую, так сказать, коррумпированную помощь, то лучше это держать в тайне от избирателей. Мы хотим, чтоб они думали, что демократия в действии — и она будет в действии, после выборов. Все, что мы делаем — это следим за каждой избирательной урной, которая была заполнена, подделана или сфальсифицирована.

— Тогда мы проиграем.

— Нет, мы выиграем. Это гарантировано в каждом из районов. Потому что все дело не в урнах, а в информации об этих урнах.

— Вы меня совсем запутали,— сказал он и налил себе в стакан рону.— Говорят, что это помогает мыслительным процессам.

— Ладно, давайте поможем и моим, спасибо. На самом деле все очень просто. Мы прикрепляем эти устройства к телефонным линиям и каждому счетчику голосов в каждом из выбранных районов.

Я достал металлическую коробку с проводами. Он посмотрел на нее с недоверием:

— Чудо микроэлектросхемы. С его помощью мы мониторим все звонки к нужному номеру. К примеру, урна заполнена, голоса подсчитаны, и раздается телефонный звонок. Чиновник читает результат. В это время его прерывают и связывают с вашим главным компьютером голос и образ спикера, и сообщает спикеру те результаты, которые выгодны нам. Это не займет много времени.

— А вдруг все обнаружится?

— Это невозможно, процесс занимает четыре тысячных секунды. Очень хороший компьютер.

— Нам придется это делать со всеми избирательными урнами?

— Нет. Это будет против морали. То, что мы делаем, это морально, но незаконно. На этом принципе основана вся моя жизнь, о чем я поподробнее как-нибудь вам разъясню, когда мы закончим работу. Налейте еще каплю рона, прекрасно, спасибо, и вернемся к работе.

Результаты голосования должны были быть объявлены в Оперном доме в Приморозо, в огромном зале, выбранном специально для такого случая. Каждые четыре года его заполняли сторонники Запилота, которые встречали подтасованные результаты шквалом аплодисментов. В этом году было два кандидата, и результаты должны были отличаться. Мы продолжали работу до тех пор, пока Ангелина и маркиз не вытащили нас к ожидающему коптеру.

— Не слишком декоративно?— спросила Ангелина, позвенев медалями и орденами на моей форме.

— Нет, разве что чуть-чуть, людям нравится хороший внешний вид. Им импонирует, когда президент выглядит как президент. Поехали!

Мы полетели к городу в сопровождении вооруженной охраны, и там нас встретила такая же кавалькада машин. Запилоту очень нравилось убивать, и мы должны были принять все меры предосторожности, чтобы не дать ему шанса. Мы вошли в зал Оперного дома, и все было в порядке, несмотря на то, что, по обоюдному соглашению, в зал не разрешалось входить с оружием. Запилот очень беспокоился о своей шкуре, впрочем, как и я. Он стоял на платформе впереди нас, и хмуро засопел, когда мое появление вызвало бурю восторга.

— Что-то он не в лучшем настроении. Надеюсь, у него есть для этого причина.

Это было великое общественное событие, и публика гудела от возбуждения. Большими количествами глоталось шампанское, но глаза всех неотрывно смотрели на большой экран над нашими головами, на котором вот-вот должны были появиться результаты. Сейчас там был открыт счет «Ноль:Ноль», очень похоже на начало игры в бейсбол.

По толпе пронесся взволнованный вздох, когда председатель счетной комиссии подошел к микрофону:

— Участки закрыты, и подсчет начался,— сказал он, и все зааплодировали.— Вызываем первый округ, город Кукарача. Кукарача, вы здесь?

На экране появилась внушительная физиономия.

— Подсчет голосов из города Кукарача,— сказал мужчина и опустил глаза, чтобы посмотреть в бумажку: — За президента Запилота проголосовало 60 голосов. Далее, за сэра Харапо... 985. Да здравствует Харапо!— как только он выкрикнул эти слова, он обеспокоенно оглянулся и пропал с экрана. Маркиз наклонился ко мне и шепнул, прикрываясь ладонью:

— Очень здорово. Никто бы не догадался, что это говорит компьютер, а не живой человек.

— Это даже лучше, потому что это был настоящий человек. Честные выборы. Будем надеяться, что все пойдет так и дальше.

Но, конечно, так не пошло. Прихвостни Запилота тоже поработали на славу, так что в следующем округе у нас было меньше голосов. Напряжение росло, потому что мы шли ноздря в ноздрю. Хотя частенько и противник наш получал много голосов. Иногда мы опережали, иногда противная сторона. Но все-таки мы шли ноздря в ноздрю. Как бы там ни было, Мстительный Терьер сожрал Счастливого Канюка.

— Это восхитительно,— сказал де Торрес.— Выборы — это более увлекательное занятие, чем бой быков. Но сушит во рту. Я случайно захватил с собой бутылочку девяностолетнего рона. Не желаете оценить его качество?

Без лишних споров я пожелал. Оставалось еще четыре города.

— Наши там есть?— спросил шепотом де Торрес.

— Я не знаю!— взревел я.— Я совершенно запутался.

Сначала вел Запилот, потом отдал первенство мне, потом он снова опережал меня на 75 голосов.

— Лучше бы ты писал книги, вернее, стряпал их,— с досадой произнесла Ангелина.— Или просто убил бы старого Канюка.

— Демократия, моя любовь. Один человек — один голос. Результаты неизвестны до самого конца, пока не будет подсчитан самый последний голос...

— Леди и джентльмены, пришел последний подсчет, самый последний!

Экран заполнило лицо, и мы все чуть не свернули себе шеи, поворачиваясь к нему. Очень манерный мужчина с огромными усами.

— Мне выпала большая честь сообщить вам финальные голоса из Солисомбры, с южного побережья, украшенного садами... — Публика взревела, а я стиснул зубы.— ...Финальный счет... сейчас, минутку, я куда-то положил бумажку.

— Я хочу, чтоб этого человека немедленно убили!— выкрикнул Запилот, и маркиз согласно кивнул диктатору первый и последний раз в своей жизни.

— Ах да, вот он. Значит, мне выпала большая честь доложить, что прекрасная Солисомбра отдала 890 голосов нашему любимому Генерал-Президенту Запилоту...

— Мы позади на 894 голоса,— подсчитала Ангелина.— Уже поздно отравлять его.

— ...И за другого кандидата, как его имя, ах, да, Харапо, я с прискорбием должен сообщить, что он, о мой бог!— Его глаза вылезли из орбит, он огляделся вокруг и начал потеть: — Я должен сказать, что он... набрал 896 голосов.

Толпа обезумела, как только на табло появились цифры. Запилот потрясал кулаком в моем направлении, и в мое ухо кричала Ангелина:

— Ты выиграл большинством в два голоса! Твоим и де Торреса!

— Правду все равно не скроешь!

Я встал и приветствовал публику, поднятыми сжатыми кулаками, наклонился и поцеловал Ангелину, потряс руку маркизу, показл нос Запилоту, который позеленел от яро-

сти, потом вышел к микрофону. Я должен был постоять там около минуты, с поднятыми руками, пока в зале не наступила тишина. Все камеры были повернуты ко мне, все уши галактики с нетерпением ждали моих слов. В конце концов я заговорил:

— Спасибо вам, друзья. Спасибо. Я очень скромный человек.— При этих словах Ангелина громко захлопала, за ней и публика. Я кивнул и улыбнулся, и терпеливо ждал, пока не утихнет гром аплодисментов.

— Как я уже говорил, я очень скромный человек и никогда не лезу вперед. Но если вы будете задавать мне вопросы, то я с удовольствием отвечу. Даю вам слово...

Я не был уверен, что расслышал выстрел, но пуля ударила меня в спину. Мой подбородок стукнулся о грудную клетку, и я увидел красную кровь, хлынувшую сплошным потоком.

Я падал. Падал в забвение...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Может еще остался кто-нибудь на этой планете, в какой-нибудь глуши, кто не знает меня. Меня зовут Рикард Гонзалес де Торрес и Альварес, маркиз де ла Роза. Меня попросили историки Параизо-Акви сделать эти записи событий минувших дней. И, хотя я не писатель по природе, я вдруг ощутил прилив вдохновения, несмотря на свою занятость, и согласился. Члены семьи де Торрес никогда не отказывались от своих обязанностей, и им всем присуще чувство ответственности. Поэтому я начал с самого начала, откуда, как я думаю, начинаются все истории.

Я сидел как раз напротив этого замечательного человека, благородного сэра Гектора Харапо, рыцаря Пчелы, джентльмена, ученого, и любящего отца. Нет, я не должен чересчур его восхвалять. Но я отвлекся. Итак, я сидел напротив него, когда он говорил с публикой, со всей галактикой, в самый великий исторический момент нашей

радости. Этот отвратительный пресмыкающийся Запилот проиграл выборы, самые честные и демократические выборы. Гектор стал президентом, а я вице-президентом. Наш мир должен был стать еще лучшим.

И тут прозвучал выстрел. Он был направлен с крыши высокого здания, то есть из маленького окошка, с тылу. Я увидел тело моего дорогого человека, содрогнувшееся от удара. Потом он упал. Через несколько секунд я был возле него, в его глазах еще горел огонь жизни. Но туман смерти гасил его. Я наклонился над ним и взял его руку и едва почувствовал, что он пришел в себя.

— Мой друг...— сказал он, потом кашлянул и его губы окрасились алым.— Мой дорогой друг... Я умираю... Все ложится на тебя... придется делать... нашу работу. Будь сильным. Обещай мне... что ты построишь мир, которого мы оба добивались и хотели...

— Я обещаю, обещаю,— сказал я, мой голос охрип от наплыва чувств. Его святые глаза закрылись, и он в последний раз пожал мою руку. Спустя мгновение он умер!

Потом его верная жена оттолкнула меня, подняла его с силой, которую я и не подозревал в столь хрупкой женщине, остальные бросились к ней на помощь.

— Это невозможно!— застонала и заплакала она, и мое сердце покинуло меня в тот же момент.— Это невозможно, он не может умереть, доктора, скорую помощь! Его нужно спасти!

Они понесли его прочь, и я не препятствовал им... Она должна была вскорости смириться... Я сел на свой стул и посмотрел вниз в глубокой печали, потом вдруг увидел его благородную кровь у себя на руках. Бездумно я достал носовой платок из нагрудного кармашка и приложил его к красным каплям, промокнул их, и потом свернул платок, чтобы сохранить это навсегда. И я это сделал. Платок сейчас передо мной, под стеклом, заполненным нейтральным газом, так что материал сохранится навечно. Платок находится позади кейса с короной, най-

денной в личных покоях Запилота, где этот тип прятал ее по непонятным причинам.

Все, что было дальше, вы знаете. Тысячи из вас были на церемонии похорон. Это незабываемо. Его скромная могила посещается по многу раз в день. Вы знаете о его врагах. Потому эта история будет описываться еще не один раз. Как толпа вскричала «Смерть деспоту!», как пала ниц, как хотела кинуться на монстра Запилота и разорвать его на мелкие кусочки. Как он боялся их гнева, как трепетал от страха, и как не хотел смерти.

Потом вернулась жена благородного Харапо и встала грудью на защиту этого ничтожества, и подняла свою руку, и толпа стихла, и она обратилась к ним:

— Послушайте меня, люди Параизо-Акви. Послушайте меня. Мой дорогой муж мертв. Все кончено. Но не забывайте, что он умер для того, чтобы дать вам новый мир. Мир правды и закона. Проклинайте Запилота за совершенные им преступления, но не убивайте его. Мой муж не любил убийства, так что не совершайте их в его честь. Я благодарю вас.

Я не так горд, чтобы скрывать — на моих глазах были слезы, пока она говорила. В потрясенном зале не было сухих глаз. Даже Запилот плакал от облегчения.

Его вдова покинула Параизо-Акви на следующий день, но его память осталась тут, с нами. Я видел, как она входила в космический корабль, обернулась только однажды, махнула рукой и ушла. За ней ушли двое храбрых юношей, Джеймс и Боливар. Она оставила все свое имущество здесь, на планете. С ней было только несколько сумок, которые внес стюард. Люк захлопнулся, и я больше никогда не видел ее.

Остальное — это уже история. Несмотря на то, что я не желал служить на посту Президента, я не мог отказать воле умирающего человека. Я работал для вас, я делал все, что в моих силах. И большинство признало, что я служил вам хорошо. Я доволен. Мерзавцы, терроризирующие планету, уже не с нами. Их приговорил общественный суд, он же признал их виновными. Мы отправили

апелляцию в Межзвездную Лигу Справедливости и получили от них ответ. Вы все знаете, что преступники отправлены на планету-тюрьму Калабозо. Там же и все продажные судьи и полицейские. Все ультимадос там же. Все там. Мы, наконец, очистились. И все они живы, если дожили. На Калабозо нет тюрем, там всего несколько роботов. Планета дикая и неосвоенная, у нее суровый климат. Все заключенные должны сами выращивать себе еду и заботиться о себе сами до конца дней своих. Это их судьба. Они не могут бежать. Это закономерное наказание для таких непристойных людей.

Мою историю можно на этом закончить. Как ваш президент могу сказать, что мы сейчас живем в гораздо лучшем мире, чем раньше, но я знаю, что его можно сделать еще прекраснее. Мы должны благодарить Его за это. Он будет жить в нашей памяти вечно. Спасибо тебе, наш дорогой друг, и прощай.

ЕЩЕ ОДНО ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как говорит молва, действительно очень трудно убить Крысу из нержавеющей стали. Но очень легко уморить. Я не знаю, какие сувениры натолкала Ангелина в эти сумки, но они положительно отрывали мне руки. Я согнулся на трапе позади нее и мальчиков, чтобы не показывать лицо агентам службы безопасности. Это длилось до тех пор, пока воздушные шлюзы не закрылись, и только тогда я смог освободиться и выпрямиться.

— Джеймс,— позвал я.— Или Боливар. Может, вы поможете вашему пожилому папе нести эти сумки остаток пути?

Я стукнул кулаком по ноющей спине, и позвоночник хрустнул. Какое облегчение! Потом я увидел двух пассажиров, поворачивающихся в мою сторону и схватил ручки сумок, опередив подошедшего Боливара.

— Нет, молодой господин, это не ваша работа таскать сумки, только не на этом корабле. Старый Джим сам

дотащит их. Сюда, мадам, сюда, добрые юные господа. Я покажу вам ваши места в каюте,— бормотал я, сопровождаемый своей семьей. Только когда дверь каюты закрылась, я смог бросить ужасные сумки и застонать от облегчения.

— Мой бедненький,— сказала Ангелина, беря меня за руку и ведя к стулу.— Теперь посиди здесь чуток, а я посмотрю, может найду что-нибудь, что может тебя взбодрить.

Я сдернул седые усы и брови и отбросил их подальше, пока она наклонялась и открывала сумку. Замок щелкнул и обнажил ровный ряд темных бутылок, помещенных в отдельные гнезда. Ангелина достала одну и поднесла ее к свету.

— Рон столетней выдержки. Маленький сувенир с Параизо-Акви, я думаю, он тебя порадует. Давай я налью тебе капельку, чтоб узнать, не повредили ли мы его в пути.

— Свет моей жизни!— возопил я в искреннем восхищении.— Ты слишком добра.— Мне в горло пролился настоящий райский нектар. Она улыбнулась и кивнула, соглашаясь.

— Это последнее, что я успела сделать для тебя, после того, как тебя убили.

— Получилось очень удачно, правда? Это был великолепный выстрел, Джеймс. Попасть как раз в центр пакета с кровью. В другой раз бери патрон более мелкого калибра. Это был чертовски сильный удар.

— Прости меня. Но я же измерял расстояние, 209 метров. Мне нужна была ровная траектория. Твои медали были отличной мишенью.

— Все закончилось хорошо, так что не будем мелочиться.— Я потянул рон и почмокал.— У вас не было проблем при выезде? — Мы же не разговаривали с того момента, как меня убили.

— Все прошло гладко. Боливар помчался наверх, как только прозвучал выстрел. Я оставил ружье там, где оно было, и встретил его. И мы пошли разыскивать убийцу.

Даже твой друг Оливейра участвовал в охоте. Мы провели его по следам в пустую аллею.

— Дорогой полковник!— заплакал я.— Вы передали ему мои наилучшие пожелания?

.— Разумеется. Роботы на планете-тюрьме запрограммированы спускать собак в течение месяца.

— Все лучше и лучше. Я видел новости, когда был туристом, и входил в прибрежный отель. Все, кажется, прошло гладко. Только похороны. Чересчур реалистично. Можно было подумать, что в гробу настоящее тело.

— Так оно и было,— спокойно сказала Ангелина, внезапно став серьезной.— У нас есть и хорошие и плохие новости. Плохие заключаются в том, что один из работников нашей партии по имени Адольфо был убит. Он был лучшим нашим помощником в Приморозо. Он много помог в подтасовке голосов. Он карточный шулер. Его убили ультимадос. Когда его доставили в госпиталь, ты уже был там. Он умер спустя несколько минут. У него не было никого, так что мы сделали для него все возможное.

— Бедняга Адольфо. Он в самом деле был плохим карточным шулером. Пусть покоится в мире.— Я вздохнул и сделал глоток в его память.— А хорошие новости?

Близнецы выглядели очень мрачными, пока она говорила мне:

— Джордж и Флавия поженились. Они встречались много лет, но не могли пожениться, пока их мир был в рабстве.

— Как романтично! Ничего, мальчики. В галактике еще много девушек. Теперь расскажите мне о настоящем сэре Гекторе.

— Мы последовали твоим инструкциям,— ответил Боливар. — Вкатили ему полную дозу дорогих гериатрических лекарств Запилота, сбрили ему бороду и чуть подтянули лицо. Он выглядит лет на тридцать моложе и может запросто сойти за собственного сына. Как раз сейчас он вернулся к своим изысканиям, взялся за «работы отца», которые остались незаконченными. Он так ничего и не понял, что с ним произошло, но внимательная семья очень заботится о нем.

— Ну что же, можно сказать, что это была великолепная операция. Все концы связаны, плохие мальчики наказаны, хороший маркиз провел все шоу, теперь правит в мире и благоденствии на Параизо-Акви. Маленький эпизод в борьбе против несправедливости и скуки, но мы все можем гордиться им.

— Я выпью за это,— сказала Ангелина, вытаскивая пробку из бутылки.— Последний глоток шампанского, прежде чем мы выйдем в космос.

— Это испортит вкус рона,— сказал я, принимая стакан с благодарностью.

Мы подняли стаканы и осушили их. Было приятно остаться в живых и жить в такой приятной вселенной, особенно с такой семьей, как моя. Потом шампанское смешалось с роном, и я ощутил мягкое урчание в желудке, и затем последовал как бы мгновенный взрыв чувств. Ангелина была права, настало самое время взлетать.

Разумеется, только после того, как мы прикончили бутылку.

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ СПАСАЕТ МИР
3

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ ИЩЕТ ТЕБЯ
153

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА
323

Зарубежная фантастика
ВЫПУСК 14/2

Гарри Гаррисон

КРЫСА
ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Книги пятая, шестая, седьмая

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Дата в печать 18.10.93 Уч.-изд. л. 26,60.
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 52000. Заказ 1225
Издательство «ЭЯ», г. Кишинев.
Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»
277068, г. Кишинев, ул. Флорилор, 1.
Государственный департамент Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли